

У сердца свои собственные желания...
И иногда они не такие уж и хорошие...

ПЛОХОЙ РОМЕО

ЛИСА РЭЙВЕН

Когда Кэсси Тейлор встретила в театральной школе Итана Холта, между ними пробежала искра. Она была прилежной актрисой. Он был плохишом в кампусе. Но один судьбоносный выбор на кастинге «Ромео и Джульетты» изменил все. Как и персонажи, которых они играли, роман Кэсси и Итана казался предначертанным. До тех пор, пока он не разбил ей сердце и не предал ее доверие. Теперь первосортный сердцеед вернулся в ее жизнь, и переворачивает ее с ног на голову. Одним прикосновением. Вновь им достаются романические персонажи, и они вынуждены противостоять неудержимым воспоминаниям о душераздирающих падениях, и ускоряющих пульс взлетах их тайной интрижки в колледже. Но они также обнаружат, что между людьми, соприкасающимися друг с другом неверным образом, часто вспыхивают искры.

Название: Лиса Рэйвен, «Плохой Ромео», серия «Под несчастливой звездой», книга 1.

Переводчик: Винни Пух

Редактор: Mistress

Вычитка: Винни Пух и Mistress

Обложка и оформление: Mistress

Эпиграф

Чем занята природа в преисподней,
Когда она вселяет сатану
В такую покоряющую внешность?
Зачем негодный текст переплетен
Так хорошо? Откуда самозванец
В таком дворце?

— Джульетта, описывая Ромео.
Ромео и Джульетта (Уильям Шекспир)

1

СНОВА ВМЕСТЕ, СЛИШКОМ РАНО

Наши дни

Нью-Йорк

Театр Граумана

Первый день репетиций

Я стремительно несусь по переполненному тротуару, и нервный пот прошибает меня в

самых малопривлекательных местах.

В моей голове звучит голос матери: «Леди не потеет, Кэсси. Она блистает».

В таком случае, мама, я блистаю как свинья.

Как бы то ни было, я никогда не утверждала, что я леди.

Я говорю себе, что «блистаю», потому что опаздываю. А не из-за него.

Тристан, мой сосед по комнате и жизненный наставник, убежден, что я никогда не забуду его, но это бред.

Я забыла его.

Я уже давно забыла его.

Я поспешно перебегаю дорогу, уворачиваясь от непрерывного движения Нью-Йорка. Несколько водителей такси осыпают меня проклятьями на разных языках. Я весело машу им средним пальцем, потому что уверена, что этот жест означает «пошел ты» во всех странах мира.

Я кидаю взгляд на свои часы, заходя в театр, и направляюсь в репетиционный зал.

Проклятье!

Опоздала на пять минут.

Я почти вижу насмешливое выражение лица этого ублюдка, и в ужасе оттого, что даже не успев сделать и шага в помещение, у меня уже возникает непреодолимое желание ударить его.

Я останавливаюсь перед дверью.

Я справлюсь. Я могу увидеть его и не потерять голову.

Я справлюсь.

Вздыхаю и прислоняюсь лбом к стене.

Кого, черт побери, я обманываю?

Ну да, разумеется, я смогу сыграть в страстной пьесе с бывшим любовником, который разбил мне сердце не один раз, а дважды. Без проблем.

Я бьюсь головой об стену.

Если бы существовало «Общество Глупых Людей», я бы стала их королевой.

Делаю глубокий вдох, и медленно выдыхаю.

Когда мой агент позвонила мне и сообщила об уникальной возможности сыграть на Бродвее, мне стоило бы догадаться, что без подставы не обойдется. Она восторженно отзывалась об актере, которого выбрали на главную мужскую роль. Итан Холт, известный сейчас как «Тусовщик» в театральном мире. Весь из себя талантливый. Лауреат премий. Любимец визжащих фанаток. Чертовски красив.

Конечно же, она не знала о нашей истории. Откуда бы ей знать? Я никогда не говорю о нем. Вообще-то, я уйду, когда другие люди упоминают его имя. С этим было легче справиться, когда он был на другом конце мира, но сейчас он вернулся и отравляет работу моей мечты своим присутствием.

Типичный.

Ублюдок.

Войти в образ будет непросто, но я обязана.

Достаю пудреницу и всматриваюсь в свое отражение.

Проклятье, я блистаю ярче, чем Крайслер-билдинг¹.

Я слегка припудриваюсь и обновляю блеск на губах, гадая, покажется ли ему, что я изменилась после всех этих лет. В колледже мои каштановые волосы доходили до середины

спины, сейчас же они чуть ниже ключицы, уложены в стильный беспорядок с неровными краями. Мое лицо стало более вытянутым, но в остальном, мне кажется, я не изменилась. Неплохие губы. Приятные черты лица. Глаза не карие и не зеленые, а какое-то странное сочетание двух цветов. Скорее они цвета оливок, чем орешника.

Я закрываю пудреницу и кидаю ее обратно в сумку, взбешенная тем, что, несмотря на все, продолжаю хотеть выглядеть для него хорошо. Я что, так ничему и не научилась?

Закрываю глаза и думаю о том, как он делал мне больно. Его глупые причины. Бредовые отговорки.

Горечь затопляет меня, и я вздыхаю с облегчением. Это барьер, в котором я нуждаюсь. Он позволяет моей злости всплыть на поверхность. Я обволакиваюсь им, словно железом и нахожу утешение в бурлящей агрессии.

Я справлюсь.

Открываю дверь и захожу внутрь. Я не успеваю еще даже заметить его, когда уже чувствую на себе его взгляд. Я сопротивляюсь желанию посмотреть в его сторону, потому что именно этого я и хочу, а если Итан Холт меня чему-то и научил, так это тому, что нужно подавлять свои естественные инстинкты. Между нами все пошло наперекосяк, потому что я шла на поводу своих чувств. Интуиция подсказывала мне, что у меня с ним что-то получится, когда в действительности он ничего и не предлагал.

Я направляюсь к пульта режиссера, рядом с которым наш режиссер, Марко Фиори, ведет обсуждение с нашими продюсерами, Авой и Сол Вайнштейн. Сбоку от них стоит девушка со знакомым лицом, наш ассистент режиссера и сестра Итана, Элисса.

Между Итаном и Элиссой заключено комплексное соглашение. Он прописал в своем контракте, что она обязуется работать над каждым его шоу, что сбивает меня с толку, учитывая, что они грызутся как кошка с собакой.

Я бы сказала, Элисса служит для него источником чувства защищенности, но с чего бы ему это? Он же не нуждается ни в ком и ни в чем, так ведь? Он неприкасаем. Он чертов тефлон.

Обсуждая сценическое оборудование, Элисса указывает на масштабную модель декораций, которую мы будем использовать.

Продюсеры слушают и кивают.

У меня нет проблем с Элиссой. Она потрясающий ассистент режиссера, и прежде мы уже работали вместе. На самом деле, миллион лет назад мы были хорошими друзьями. Во времена, когда я думала, что ее брат рожден от человеческой матери, а не явился на свет прямиком из задницы сатаны.

Они поднимают на меня взгляд, когда я подхожу к ним.

— Знаю, знаю, — говорю я, кидая свою сумку на стул. — Прошу прощения.

— Все в порядке, сага, (прим. с ит. милая, дорогая) — говорит Марко. — Мы еще обсуждаем производственные детали. Отдышись, выпей кофе. Мы скоро начнем.

— Отлично. — Я лезу в сумку за своими припасами для репетиций.

— Привет, — говорит Элисса, и тепло улыбается.

— Привет, Лисса.

На мгновение моя ярость отступает под нахлынувшим потоком ностальгии, и я осознаю, как сильно по ней соскучилась. Она так отличается от своего брата. У нее низкий рост, тогда как он высокий. Она круглолицая, а его лицо угловатое. У них даже цвет волос разный. Она блондинка, а его волосы темные и взлохмаченные. Но тем не менее, при виде нее в памяти

всплывают все причины, почему мы не разговаривали столько лет. Она всегда будет ассоциироваться с ним. Слишком много плохих воспоминаний.

Только я достаю бутылку воды, как моя сумка соскальзывает со стула и с грохотом приземляется на пол. Все останавливаются, чтобы посмотреть. Я скрежещу зубами, когда до меня доносится низкий смешок.

Пошел ты, Итан. Даже не удостою тебя взглядом.

Поднимаю сумку и швыряю ее обратно на стул.

Хихиканье доносится снова, и я клянусь Всемогущему Богу Непреднамеренных Убийств, что расправлюсь с ним голыми руками.

Пусть он и находится на другом конце зала, он мог бы с таким же успехом находиться и рядом со мной, учитывая то, как его голос вибрацией проходит сквозь мои кости.

Мне нужно закурить.

Я бросаю взгляд на Марко, который блистает в великолепии своего галстука, и волнительно описывает пьесу. Это все его вина. Именно он захотел, чтобы мы с Холтом работали в этом проекте. Я убедила себя, что это будет огромным шагом для моей карьеры, но в действительности, это шоу будет последним на моем счету, потому что, если хихикающий идиот в углу не заткнется, я в любую секунду могу устроить тут кровавую бойню и загреметь на пожизненный срок.

К счастью, смешки прекращаются, но я все также чувствую его взгляд, прожигающий мою кожу.

Я игнорирую это и роюсь в своей сумке. Сигареты-то я нашла, а вот моя зажигалка пропала бесследно. Мне действительно пора бы уже привести в порядок содержимое сумки. Господи, чего только у меня здесь нет. Жвачка, бумажные салфетки, косметика, обезболивающие, старые билеты в кино, маленький флакон духов, тампоны, ключи, одноногая WWF-фигурка – какого черта?²

— Простите, Мисс Тейлор?

Я поднимаю взгляд и вижу милого парнишку-афроамериканца, который держит в руках что-то подозрительно напоминающее по запаху мой любимый макиато из зеленых бобов.

— Ого, да вы напряжена! — говорит он с достаточной долей беспокойства, что я решаю не отрывать ему уши. — Я Коди. Производственный стажер. Кофе?

— Привет, Коди, — говорю я, пристально разглядывая картонный стаканчик. — Что там у тебя, приятель?

— Двойной макиато из зеленых бобов и мокко, приправленный сливками.

Я впечатлено киваю.

— Так я и подумала. Это мое любимое.

— Знаю. Я заранее ознакомился о ваших с мистером Холтом предпочтениях, чтобы предугадать ваши потребности и способствовать приятной рабочей атмосфере.

Приятная рабочая атмосфера? Со мной и Холтом? Ох, бедный, наивный парнишка.

Я принимаю от него кофе и вдыхаю аромат, продолжая копаться в своей мусорной корзине.

— Неужто?

Где, черт побери, моя зажигалка?

— Да, мэ. — Он достает из кармана зажигалку и протягивает мне с безумно милой улыбкой.

Я вздыхаю и откидываю голову назад.

Святой Иисус, да этот парень послан мне самим Богом.

Я беру зажигалку и сопротивляюсь желанию обнять его. Тристан говорит, что я бываю чересчур раскрепощенной. Вообще-то, он использует термин «развязная», но я слегка его видоизменила, чтобы чувствовать себя лучше.³

Вместо этого, я улыбаюсь парнишке.

— Коди, не пойми меня неправильно, так как, знаю, мы только что встретились, но... думаю, я люблю тебя.

Он смеется и опускает голову.

— Если вы хотите закурить снаружи, я позову вас, когда все будет готово к началу.

Не выгляди он на шестнадцать, я бы скорее всего поцеловала его. С языком.

— Ты офигенный, Коди.

Своим боковым зрением я вижу темную фигуру, которая сгорбившись сидит на стуле на противоположной стороне зала, поэтому я расправляю плечи и прохожу мимо с наплевательским видом.

Жар его взгляда преследует меня до самой лестницы, затем я просто застываю на месте.

Я уверяю себя, что не скучаю по этому чувству.

Лестничный пролет крутой и темный, и ведет на аллею позади театра. Дверь еще даже не успевает за мной закрыться, когда я уже поджигаю сигарету и закуриваю. Я прислоняюсь к холодной кирпичной стене и поднимаю взгляд на клочок неба, который проглядывается между зданиями. Никотин немного успокаивает мои нервы. А я более, чем уверена, что ничего из успокоительных мне сегодня не поможет.

Я докуриваю сигарету и направляюсь обратно к служебному входу, но не успеваю я взяться за ручку двери, как она открывается, и появляется виновник всей моей ярости. Его темные джинсы сидят на нем так, как мне не следовало бы замечать.

Его глаза такие же, какими я их помню. Светло-голубые, завораживающие. Темные, густые ресницы. Взгляд, пронизывающий настолько, что можно воспламениться.

В остальном же...

О, боже, я забыла. Я заставила себя забыть.

Даже сейчас, он остается для меня самым красивым мужчиной, которого мне доводилось видеть. Нет, не так. Слово «красивый» не описывает его должным образом. Актеры мыльных опер красивые, но в совершенно предсказуемом, банальном смысле. Холт же, он... пленительный. Словно редкая, экзотическая пантера; красив и силен в равной степени. Загадочен, без всяких на то усилий.

Ненавижу его красоту.

Тяжелые, хмурые брови. Четко очерченная линия челюсти. Губы достаточно пухлые, чтобы можно было их назвать красивыми, но в соотношении с другими чертами лица, выглядят очень мужественно.

Его темные волосы сейчас короче, чем были тогда, когда я видела его в последний раз, и это придает ему больше зрелости. И стал он еще выше, если такое вообще возможно.

Он всегда был намного выше меня. Его рост – шесть футов и три дюйма, тогда как у меня только пять с половиной. И судя по ширине плеч, он стал качаться после колледжа. Не слишком сильно, но достаточно, чтобы я могла разглядеть четкие очертания мышц под его темной футболкой.

Кровь приливает к моим щекам, и мне хочется ударить себя за такую реакцию.

Постоянно пытается выглядеть все более привлекательно. Кретин.

— Привет, — говорит он так, словно я не провела последние три года, мечтая врезать этому подонку по его прекрасному лицу.

— Привет, Итан.

Он пристально смотрит на меня, и как обычно, исходящая от него вибрация пробирает до мозга костей.

— Хорошо выглядишь, Кэсси.

— Ты тоже.

— Твои волосы короче.

— Твои тоже.

Он делает шаг вперед, и мне просто ненавистен взгляд, которым он на меня смотрит. Оценивающе и одобрительно. С желанием. Меня тянет к нему против воли, словно он магнит и все внутри меня гудит, пытаюсь вырваться на свободу.

— Прошло много времени.

— Правда? А я и не заметила. — Я изо всех сил пытаюсь казаться равнодушной. Не хочу, чтобы он знал, как действует на меня. Он не заслуживает этой реакции. И что еще важнее, не заслуживаю и я.

— Как дела? — спрашивает он.

— Хорошо. — Автоматический ответ, который ничего не значит. Со мной происходило многое, но только не хорошее.

Он не сводит с меня взгляда, и мне очень хочется оказаться где-нибудь в другом месте, потому что именно таким взглядом он смотрел на меня раньше, а воспоминания эти болезненны.

— А ты? — спрашиваю я с натянутой вежливостью. — Как у тебя дела?

— У меня... хорошо.

Что-то есть в его тоне. Нечто тайное. Он выдал достаточно, чтобы вызвать во мне любопытство, но я не стану больше в этом копаться, поскольку знаю, что именно этого он и хочет.

— Ух ты! Здорово, Итан! — говорю я как можно задорнее, чтобы взбесить его. — Рада слышать.

Он опускает взгляд в землю и проводит рукой по волосам. Его фигура напрягается, и он становится в такую знакомую мне позу придурка.

— Да уж, — говорит он. — Прошло три года, и это все, что ты можешь мне сказать. Ну, конечно.

У меня сводит внутренности.

Нет, придурок, это не все, что я могу сказать, но какая разница? Все уже было сказано, а пустословие не является хорошим времяпрепровождением в моем понимании.

— Ну, уж как есть, — говорю я весело и протискиваюсь мимо него. Распахиваю дверь и устремляюсь вниз по лестнице, игнорируя покалывание на коже в том месте, где мы соприкоснулись.

Я слышу, как он приглушенно произносит: «Твою ж мать», прежде чем успеваешь ринуться за мной. Я стараюсь не дать ему догнать меня, но он хватается за руку еще до того, как мы успеваем дойти до последней ступеньки.

— Кэсси, подожди.

Он разворачивает меня к себе, и мне кажется, что он вот-вот прижмется ко мне. Сломит меня своим прикосновением и запахом, как делал уже много раз. Но он не делает этого.

Он просто стоит на месте, и весь воздух на этой узкой, темной лестничной клетке становится плотным как хлопок. У меня возникает чувство клаустрофобии, но я не собираюсь выдавать себя.

Никакой слабости.

Он научил меня этому.

— Послушай, Кэсси, — говорит он, и мне ненавистно, что я так сильно скучала по тому, как он произносит мое имя. — Как ты думаешь, могли бы мы оставить весь наш багаж позади и начать все сначала? Я очень этого хочу. И подумал, может и ты тоже.

Выражение его лица наполнено искренностью, но я уже видела это прежде. Каждый раз, стоило мне только довериться ему, как все заканчивалось тем, что мое сердце разбивалось на кусочки.

— Ты хочешь начать все сначала? — говорю я. — Ох, ну конечно. Без проблем. И почему я об этом не подумала?

— Все не должно быть так.

Намек на то, что я веду себя неразумно? Не будь я такой злой, меня бы пробрал смех.

— Тогда как все должно быть? — спрашиваю я, мои слова пропитаны желчью. — Скажи мне, пожалуйста. В конце концов, именно ты всегда принимал решения касательно наших отношений. Кого ты хочешь сыграть в этот раз? Друзей? Приятелей по сексу? Врагов? О, подожди, я знаю. Почему бы тебе не сыграть кусок дерьма, который разбил мне сердце, а я буду женщиной, которая не хочет иметь с ним ничего общего за пределами репетиционного зала? Как насчет этого?

Его челюсть сжимается. Он в гневе.

Отлично.

Я могу справиться с гневом.

Он потирает глаза и выдыхает. Мне кажется, что он сейчас начнет кричать, но он остается спокойным. Вместо этого он говорит тихим голосом:

— Все, что я писал в e-мейлах ничего не значит для тебя, да? Я думал, что мы хотя бы сможем поговорить о произошедшем. Ты вообще читала их?

— Конечно, читала, — говорю я. — Просто не поверила. Да я так много раз покупалась на эту чушь, прежде чем мне все осточертело. Как там говорится? Обманешь меня раз — позор тебе, обманешь дважды...

— В этот раз я не обманываю тебя. Или себя. В прошлом, я поступил так, как было лучше для нас обоих.

— Ты издеваешься? Ты серьезно ждешь от меня благодарностей за то, что сделал?

— Нет, — говорит он, его голос полон раздражения. — Конечно, нет. Я просто хочу...

— Ты хочешь *еще один* шанс сломить меня? Насколько, ты думаешь, я глупа?

Он качает головой.

— Я хочу, чтобы все было по-другому. Если ты хочешь, чтобы я извинился, я буду извиняться до тех пор, пока не сорву свой чертов голос. Я просто хочу, чтобы все между нами встало на свои места. Поговори со мной. Помоги мне все исправить.

— Ты не сможешь.

— Кэсси...

— Нет, Итан! Не в этот раз. Никогда больше.

Он наклоняется вперед. Близко. Слишком близко. Он пахнет точно так же, как и раньше и способность мыслить покидает меня. Я хочу оттолкнуть его, чтобы привести мысли в

порядок. Или поколотить кулаками, пока до него не дойдет, насколько я была несчастна все эти годы, и это все его вина. Мне хочется столько всего сделать, но я продолжаю просто стоять на месте и ненавидеть себя за чувство слабости, которое он все также способен во мне вызывать.

Его дыхание такое же неровное, как и мое. Тело также напряжено. Даже после всего через что мы прошли, наше влечение по-прежнему мучительно для нас. Прямо как в старые времена.

Слава богу, дверь внизу лестницы открывается. Я перевожу взгляд и вижу Коди, который в замешательстве смотрит на нас.

— Мистер Холт? Мисс Тейлор? Все в порядке?

Холт отходит от меня и взлохмачивает волосы рукой.

Я шумно и прерывисто выдыхаю.

— Все в порядке, Коди. Все хорошо.

— Понятно, — радостно говорит он. — Просто хотел дать знать, что мы вот-вот начнем.

Он исчезает, и мы с Итаном снова остаемся одни. О, и багаж дерьма, который мы за собой волочим.

— Мы пришли сюда работать, — говорю я твердым голосом. — Давай просто делать это.

Он сдвигает брови и сжимает челюсть, и на секунду мне кажется, что он все так просто не оставит, но в ответ он говорит:

— Если ты этого действительно хочешь.

Я подавляю едва уловимое чувство разочарования.

— Хочу.

Он кивает и, не говоря больше ни слова, спускается вниз и скрывается за дверью.

Я пользуюсь моментом, чтобы прийти в себя. Мое лицо горит, сердце колотится, и меня чуть ли не разбирает на смех при мысли о том, как он уже умудрился все запутать, а мы еще даже не начали репетировать.

Следующие четыре недели будут казаться такими же бесконечными, как и глубина черной дыры.

Я привожу себя в порядок и иду обратно в репетиционный зал.

К тому времени, когда я беру своей сценарий и бутылку воды, у режиссерского стола остается только один свободный стул, и естественно, он рядом с Холтом. Я передвигаю его как можно дальше и устраиваюсь на неудобном пластике.

— Все хорошо? — Марко вздергивает брови.

— Да. Прекрасно, — с улыбкой говорю я, и меня охватывает такое чувство, словно я снова на первом курсе театральной школы и говорю людям то, что они хотят услышать, только бы они были счастливы, даже если я — нет.

Играю свою роль.

— Тогда начнем с самого начала? — предлагает Марко. Слышится шуршание бумаги, когда все открывают свои копии сценариев.

Какая прекрасная идея. Все хорошие истории должны с чего-то начинаться.

Почему же в этот раз все должно быть иначе?

В НАЧАЛЕ

Наши дни

Нью-Йорк

Дневник Кассандры Тейлор

Дорогой дневник,

Тристан посоветовал мне вести тебя, чтобы изложить в хронологическом порядке события моей жизни, которые способствовали моему сегодняшнему саморазрушению личности. Он хочет, чтобы я посмотрела со стороны на нездоровые отношения, сделавшие меня угрюмой и эмоционально недоступной. Поэтому, я решила начать с джек-пота всех моих сожалений.

Итан Холт.

Когда я впервые увидела его, я имитировала занятие анальным сексом с человеком, которого только что встретила.

Ого. Звучит не очень хорошо.

Позволь мне объяснить.

Я проходила прослушивание на место в Институт Творческих Искусств «Гроув» – частный колледж, предлагающий курсы танцев, музыки, изобразительного искусства, а также проживание в одном из самых престижных театральных школ в стране.

Построенный на останках старого фруктового сада, он располагается в Нью-Йорке, округе Вестчестер, и по сведениям недавней истории, там обучались несколько талантливейших звезд американского театра и кино.

Я всегда мечтала учиться там, поэтому в выпускном классе, когда все мои друзья подавали заявки в колледжи на докторов, юристов, инженеров и журналистов, я подала заявку на участие в прослушивании на актрису.

Гроув был самым оптимальным вариантом по многим причинам, и не последнее место занимало то, что он находился на другом конце страны, подальше от моих родителей.

Не то чтобы я не любила своих родителей, я любила. Но у Джуди и Лео было очень специфическое представление о том, как я должна прожить свою жизнь. В следствие того, что я была единственным ребенком в семье, абсолютно все мои действия были запрограммированы на их одобрение. Я, в сущности, жила, чтобы удовлетворить все их нелепые прихоти.

К тому времени, когда я достигла выпускного класса, я никогда не пила алкоголь, не курила сигареты, ела только здоровое и безвкусное вегетарианское дерьмо от Джуди, и никогда не спала с парнем. Я всегда была дома в положенное время, даже, если родители абсолютно игнорировали меня, гавкали друга на друга, или вообще отсутствовали.

Моя мать обожала всё исправлять. Ей всегда казалось, что ей необходимо совершенствовать себя, или же меня. Я была неуклюжей, она записала меня на уроки балета. Я набрала вес, она следила за каждым куском, который я ела. Я была застенчивой, она заставила меня посещать уроки актерского мастерства.

Я ненавидела всё, что она заставляла меня делать, помимо уроков актерского мастерства. Это зацепило меня. Оказалось, что я еще и хороша в этом. Притворяться кем-то другим несколько часов? О, да, это перевернуло мой мир.

Основной вклад Лео в мое воспитание состоял в установлении строгих норм о том,

куда я могу пойти, с кем могу видаться, и что мне разрешено делать. Помимо этого, он игнорировал меня до тех пор, пока я не совершала что-то выдающееся или что-то из ряда вон выходящее. Я быстро усвоила, что, когда я делаю все правильно, за этим следует меньше криков и оскорблений. Хорошие отметки делали его счастливым. Как и завоеванные награды за участие в спектаклях и публичных выступлениях.

Поэтому я упорно работала. Упорнее, чем должна работать дочь, чтобы привлечь внимание отца. Можно с уверенностью сказать, что мое стремление угождать людям у меня от него.

Конечно, мои родители не были довольны моим решением поступить в театральную школу. Точные слова Лео были: «Черта с два». Они с мамой не возражали насчет актерства в качестве хобби, но ведь с моими оценками я могла позволить себе выбрать и более высокооплачиваемую профессию. Они не понимали, почему я отбросила варианты профессий, выбрав которые девяносто процентов выпускников колледжей остаются навсегда без работы.

Я убедила их позволить мне пойти на прослушивание на условиях того, что я также подам заявку на факультет права в университете штата Вашингтон. Так я смогла купить себе билет на самолет до Нью-Йорка туда и обратно, и слабую надежду на то, что оставляю позади себя стремление заслужить чье-либо одобрение.

Когда я подавала заявку, я знала, что мои шансы невелики, но мне нужно было попытаться. Были и другие школы, в которых я была бы рада учиться. Но я хотела лучшую, и Гроув был именно такой.

Шесть лет назад Вестчестер, Нью-Йорк Прослушивание в Гроув

Мои ноги трясутся.

Не дрожат.

Не содрогаются.

Трясутся.

Неудержимо.

Мой желудок завязался в узел и меня тошнит. Снова.

Я сижу на полу, прислонившись спиной к стене. Невидимая.

Мне здесь не место. Я не такая, как они.

Они наглые и жестокие, и совершенно беззаботно употребляют слово на «Б». Закуривают одну сигарету за другой и трогают интимные места друг друга, хотя большинство из них только что познакомились. Они хвастаются спектаклями и фильмами, в которых им довелось поучаствовать; знаменитостями, которых они видели, а я сижу здесь со все нарастающим чувством никчемности, зная, что, если я сегодня чего-то и добьюсь, так это докажу насколько я неадекватна.

— И режиссер говорит: «Зои, зрители должны увидеть твою грудь. Ты говоришь, что предана своему делу, и все же ложное чувство скромности контролирует тебя».

Дерзкая блондинка, собрав вокруг себя толпу поклонников, травит театральные байки. Все вокруг заморожено слушают.

Я не горю желанием ее слушать, но она ведет себя так шумно, что я не могу ничего с

этим поделаться.

— Боже мой, Зои, и что ты сделала? — спрашивает симпатичная девушка с рыжими волосами, ее лицо искажается от преувеличенных эмоций.

— А что мне оставалось? — спрашивает со вздохом Зои. — Я отсосала ему и сказала, что не сниму свою блузку. Это был единственный способ сохранить мое достоинство.

Раздается смех и редкие аплодисменты. Мы даже и шага еще не сделали внутрь, а представление уже началось.

Я откидываю назад голову и закрываю глаза, стараясь успокоить нервы.

Я прокручиваю монологи у себя в голове. Я знаю их. Каждое слово. Я разобрала каждый слог, проанализировала персонажей, выявила подтекст, и уровень тонкости эмоциональных переживаний, и все равно чувствую себя неподготовленной.

— Так, откуда ты?

Зои опять говорит. Я стараюсь отгородиться от нее.

— Эй. Ты. Настенная Девушка.

Я открываю глаза. Она смотрит на меня. Как и все остальные.

— Хм-м... что?

Я прочищаю горло и стараюсь не выглядеть испуганной.

— Откуда ты? — повторяет она так, будто я умственно отсталая. — По тебе видно, что ты не из Нью-Йорка.

Я знаю, что ее ехидная улыбка направлена на мои джинсы из универмага и простой серый свитер, а еще на мои совсем непримечательные каштановые волосы и отсутствие макияжа. Я не такая, как большинство присутствующих здесь девушек, в одежде кричащих цветов, крупных украшениях и с тонной косметики на лицах. Они похожи на экзотических, тропических птиц, а я выгляжу как белая ворона.

— Э-э... я из Абердина.

Ее лицо неприязненно морщится.

— Где это, черт побери?

— В Вашингтоне. Маленький городок.

— Не слышала о таком, — говорит она, пренебрежительно взмахивая своими покрашенными ногтями. — У вас там хотя бы театр есть?

— Нет.

— Так у тебя нет никакого актерского опыта?

— Я принимала участие в нескольких любительских спектаклях в Сиэтле.

Ее глаза загораются. Слово она чувствует запах легкой добычи.

— Любительских? О... понятно. — Она подавляет смех.

Срабатывает мой инстинкт самосохранения.

— Конечно же, я не участвовала в таких классных проектах, в каких участвовала ты. В смысле, фильмы. Ух ты! Должно быть, это было очень круто.

Глаза Зои слегка тускнеют. Запах крови разбавляется моими навыками подлизывания.

— Это *было* очень круто, — говорит она, улыбаясь, словно барракуда, покрашенная помадой. — И я наверно понапрасну потрачу время на эти курсы, так как все равно не собираюсь заканчивать их, но это займет меня до тех пор, пока я не получу какое-нибудь крупное предложение.

Я улыбаюсь и соглашаюсь с ней. Тешу ее эго.

Это легко. Я хороша в этом.

Разговоры не умолкают вокруг меня, я вставляю комментарии то тут, то там. Каждая полуправда, срывающаяся с моего языка, делает меня более похожей на них. Или скорее, больше соответствующей им.

Спустя некоторое время, я гогочу и кричу, как и все остальные ослы. Один парень-гей ставит меня на ноги, и мы изображаем оргию.

Он стоит позади меня, брыкаясь напротив моей задницы. Я подыгрываю ему, несмотря на свой ужас, и издаю вульгарные звуки, дергая головой. Все считают меня веселой, поэтому я игнорирую чувство стыда и продолжаю. Здесь я могу быть раскованной и популярной. Их одобрение подобно наркотику, и мне надо больше.

Я все еще делаю вид, что меня оприходуют сзади, когда вдруг поднимаю взгляд и вижу *его*. Он в нескольких ярдах от меня, высокий и широкоплечий. Его темные волосы волнистые и непослушные, и пусть выражение его лица бесстрастно, в глазах отражается явное презрение. Пронзительное и неумолимое.

Мой фальшивый смех обрывается.

Он словно ангел мести с его пронизывающим взглядом и утонченными чертами лица. Гладкой кожей и темной одеждой.

Его внешность из тех, что заставляет тебя остановиться, когда ты листаешь журнал. Красивый не в классическом понимании, а гипнотическом. Словно обложка книги, которая манит тебя открыть ее и затеряться в истории.

Моя новаявленная ложная бравада тяжелеет под его пристальным взглядом. Она сходит с меня, как грязный и толстый налет, и я перестаю смеяться.

Парень-гей отталкивает меня в сторону и принимается за кого-то другого. Я теряю свое вульгарное «толкнись в задницу» очарование.

Высокий парень тоже отворачивается и садится спиной к стене. Он достает потрепанную книгу из своего кармана. Я мельком вижу название: «Изгой»⁴. Одна из моих любимых книг.

Я поворачиваюсь обратно к шумной компании, но они уже отошли дальше.

Я разрываюсь между желанием вернуть себе расположение и стремлением узнать больше о Парне с книгой.

Мне не приходится делать выбор, потому что дверь рядом со мной открывается и выходит статная женщина, с короткими черными волосами и ярко-красными губами. Она оценивает нас таким взглядом, словно нацелилась лазерным лучом, отчего напоминает мне Бетти Буп⁵, но более пугающую версию, у которой в руках папка бумаг, отделанная лакированной кожей.

— Итак, всем внимание.

Курятник замолкает.

— Если я называю ваше имя, проходите внутрь.

Она начинает выкрикивать имена, ее голос четкий и уверенный.

Когда она выкрикивает «Итан Холт», высокий парень отходит от стены. Он бросает на меня поверхностный взгляд, когда проходит мимо, и у меня возникает желание последовать за ним. Без него я чувствую притворство и стеснение.

Имена продолжают называть. По моим подсчетам, уже более шестидесяти человек прошли внутрь, включая Зою Стивенс, которая визжит, прежде чем пройти с важным видом. Я вздрагиваю, когда слышу свое имя, «Кассандра Тейлор».

Пока я наклоняюсь за своим рюкзаком, наводящая ужас женщина говорит:

— Этого достаточно для одной группы. Остальные ждите здесь. Вас заберут другие инструкторы.

Она следует за мной внутрь и закрывает за нами дверь.

Мы оказываемся в просторном, черном помещении. Многоцелевой театральной площадке.

У дальней стены находится длинный ряд раскладных скамеек. Большая часть группы сидит на них, тихо переговариваясь.

Окончательный подсчет – восемьдесят восемь человек. Шестьдесят девочек и двадцать восемь мальчиков. Никто из них не выглядит так нервно, как я.

Я сажусь, чувствуя себя бестолковой клячей в море более опытных городских детей. Мои ноги опять начинают трястись.

Инструктор встает перед нами.

— Меня зовут Эрика Иден, и я глава факультета актерского мастерства. Сегодня вы примерите на себя несколько образов и займетесь импровизацией. По итогам каждой сцены, я буду называть тех, кто остается. Я знаю, что ищете, если в вас этого нет, вы выбываете. Я не пытаюсь быть жесткой, но тут уж ничего не поделаешь. Мне нет нужды говорить вам, что в Гроув пройдут только тридцать лучших кандидатов из двух тысяч заявленных на прослушивания в ближайшие несколько недель, так что сделайте все возможное. Я не заинтересована в избитой театральщине и фальшивых эмоциях. Дайте мне нечто стоящее или идите домой.

Моя боязнь неудачи шепчет, что мне лучше уйти, но я не могу. Мне нужно это.

Мы проводим следующие полчаса, делая упражнения на внимание. Все отчаянно стараются не выглядеть доведенными до отчаяния. Некоторые преуспевают в этом больше других.

Зои ведет себя шумно и уверенно, как будто уведомление о зачислении уже лежит у нее в сумке. Возможно, так и есть. Итан Холт притягателен. Чрезвычайно. То, как огонь в нем взаимодействует со сдерживаемой энергией сравнимо с ядерной силовой установкой, которую используют для зажигания только одной лампочки.

Я стараюсь держаться открыто и естественно, и по большей части, мне это удается.

После каждого акта, люди выбывают. Кто-то воспринимает это нормально, а кто-то рвет и мечет. Здесь как в зоне военных действий.

Численность группы стремительно сокращается. Эрика шустрая и квалифицированная, и каждый раз, когда она подходит ко мне, мне кажется, что я в числе выбывших. Но каким-то образом, я умудряюсь остаться.

На обеденном перерыве мы все ведем себя тихо. Даже Зои. Мы сидим в кругу и прокручиваем про себя монологи, пытаюсь игнорировать тот факт, что большинство из нас не пройдут на следующий этап. Несколько раз я чувствую, как мое лицо пылает и когда я поднимаю взгляд, вижу, что Итан Холт пристально смотрит на меня. Он тут же отворачивается и хмурится. Я гадаю, с чего бы он выглядит таким сердитым.

Мы возвращаемся в зал и нас делят на пары. Я в паре с прыщавым парнем по имени Джордан, который еще и шепелявит.

Каждая пара получает сценарий, а остальная часть группы наблюдает. Это как кровавый спорт. Мы все надеемся, что другие накосячат, дабы у нас было больше шансов.

Зои и Итан Холт работают в паре. Предполагается, что они незнакомцы на железнодорожной станции. Они болтают и заигрывают друг с другом, пока Зои то и дело

отбрасывает назад волосы. Я не могу понять, кого она стремится больше впечатлить: Эрику или Итана.

Мы с Джорданом играем брата и сестру. Так как я единственный ребенок в семье, это кажется даже милым. Мы шутим и смеемся, и должна признать, мы чертовски хороши в своих ролях. Эрика хвалит нас, а остальная часть группы неохотно аплодирует.

В конце этапа, люди выбывают и проливаются слезы. Я вздыхаю с облегчением, когда осознаю, что нас уже покинуло примерно тридцать человек. Шансов все больше.

Партнеры по парам сменяются. Мне достается Итан Холт. Кажется, он не особо рад этому. Он садится рядом со мной, и его челюсть сжимается и разжимается. Не думаю, что когда-нибудь обращала внимание на мужскую челюсть, но у него она впечатляющая.

Он поворачивается и ловит мой, прикованный к нему, взгляд. Выражение его лица представляет собой идеальное сочетание хмурости и взгляда, который выражает, что он собирается убить меня, содрав с меня шкуру.

Ого! Мы будем отстойными партнерами.

Эрика вышагивает перед группой.

— Этот этап будет последним, и всем будет дана одна задача. Упражнение называется «Зеркальное отражение».

Звучит просто.

— Это будет непросто.

Вот блин!

— Это упражнение на доверие, искренность и установлении связи с другим человеком. Никакого смущения. Никаких уловок. Только сырая, чистая энергия. Никто из вас не должен вести или следовать. Вы должны чувствовать движения друг друга. Понятно?

Мы все киваем, но у меня нет ни малейшего представления, о чем она говорит. Холт потирает глаза и стонет. Я так понимаю, он тоже.

— Отлично, поехали.

Первая пара занимает позицию. Это Зои и Джордан. Несколько минут они прорабатывают план, потом начинают двигаться. Это очевидно, что Зои ведет, а Джордан следует. Они двигают только руками. В какой-то момент, Джордан издает смешок. Эрика отмечает что-то у себя в папке. Полагаю, он только что облажался. Я улыбаюсь. Как и Холт.

Еще один повержен в пух и прах.

Наступает очередь других участников, и Эрика крутится вокруг них словно ястреб, внимательно изучая каждое их движение. Она решает, кто пройдет в окончательный список второго этапа. Большинство претендентов ломаются под давлением. Я так взволнована, что не описать словами.

В конце концов, очередь доходит и до нас, и мы встаем перед группой. Холт подергивает ногой. Его руки в карманах, плечи сгорблены. Я бы не отказалась сходить пописать или вызвать у себя рвоту. Но поскольку я не могу ничего из этого сделать, я просто переступаю с одной ноги на другую и молю свой мочевого пузырь не взорваться.

Эрика изучает нас несколько мгновений.

Я замечаю, что мы с Холтом оба не дышим.

— Ладно, вы двое, — говорит она. — Последний шанс меня впечатлить.

Холт косится на меня, и я вижу, как мое отчаяние отражается в нем. Он хочет этого. Возможно так же сильно, как и я.

Эрика наклоняется ко мне и понижает голос.

— Он двигается, двигаетесь и вы, мисс Тейлор. Понимаете? Дышите его воздухом. Найдите связь. — Она смотрит на Холта. — Ты должен впустить ее, Итан. Не думай об этом, просто делай. Три осечки, и ты вылетаешь, помнишь?

Он кивает и сглатывает.

— У вас три минуты на подготовку.

Она уходит, и мы с Холтом направляемся в заднюю часть зала. Он становится рядом со мной, от него исходит приятный запах. Не то чтобы мне следовало замечать что-то подобное, но мой мозг пытается абстрагироваться от нервов, а его запах как раз то, что надо.

— Слушай, — говорит он, наклоняясь. — Мне это нужно, понятно? Не испортить мне все. Меня затапливает ярость.

— Извини? У тебя столько же шансов облажаться, сколько и у меня. И что имела в виду Эрика под «три осечки, и ты вылетаешь»?

Он наклоняется ближе, но не смотрит на меня.

— Это третий год, когда я прослушиваюсь. Если я и в этот раз не пройду, то для меня все кончено. Они не станут больше рассматривать меня, и потом мой отец скажет свое самодовольное: «Я же тебе говорил», и будет ждать, что я пойду в мединститут. Я упорно работал ради этого. Мне это нужно, понятно?

Я сбита с толку. Я наблюдала за ним весь день. Эти люди что, слепые?

— Почему ты не прошел раньше? Ты же так хорошо играешь. — *В волнующе-притягательном смысле.*

Выражение его лица смягчается на мгновение.

— Мне дается сложно... найти связь... с другими исполнителями. Видимо, Эрика считает, что это важное качество обязательно для ее актеров.

— Не похоже, чтоб у тебя были проблемы с Зои.

Он издает смешок.

— Не было никакой связи. Я как всегда ничего не чувствовал. Спроси у Эрики.

Я смотрю на темноволосую леди, которая изучает нас.

— Ты у нее проходил прослушивание?

Он кивает.

— Каждый год. Она хочет, чтобы я поступил, но не делает мне поблажек. Если я не докажу, что могу выполнить конкретно это упражнение, которое я с крахом проваливаю каждый раз, то для меня все кончено.

— Одна минута! — кричит Эрика.

Мое сердцебиение разгоняется до предела.

— Слушай, просто делай все необходимое, чтобы «связаться» со мной, ладно? Потому что, если я не пройду, то мне придется вернуться к своим чрезмерно заботливым родителям, а я, флаффинг⁶ тебя подери, не смогу это пережить. Знаю, это может показаться сюрпризом, но ты не единственный, кому есть что терять.

Он хмурится.

— Ты... ты только что сказала «флаффинг»?

Я чувствую, как жаркий румянец подступает к моему лицу. Он смеется надо мной только потому, что я отказываюсь ругаться матом, как все остальные флафферы здесь.

— Заткнись.

Его ухмылка становится шире.

— Серьезно? Флаффинг?

— Прекрати! Мы теряем время.

Он перестает смеяться и вздыхает. Кажется, его волнение немного ослабло, но, думаю, это только потому что его тревога передалась мне.

— Смотри, Тейлор...

— Меня зовут Кэсси.

— Пофиг. Просто расслабься, хорошо? Мы справимся. Смотри мне в глаза... Господи, я не знаю... заставь меня чувствовать что-то. Не теряй концентрацию. Именно из-за этого и провалились все остальные. Просто сосредоточься на мне, а я сосредоточусь на тебе. Хорошо?

— Ладно.

— И больше не говори слово «флаффинг», а то меня на смех прорывает. Ты же знаешь, что это порно-термин?

Нет, прямо-таки не знаю. Разве я похожа на извращенку, которая смотрит порно?

Я выдыхаю и пытаюсь сосредоточиться. Мои мысли хаотичны. Мне нужно успокоиться.

Я смотрю ему в глаза. Его ресницы восхитительны.

Он неотрывно смотрит на меня и неожиданно меня словно ударяют под дых.

Должно быть, он чувствует это тоже, потому что его рот приоткрывается, и он резко вдыхает.

— Вот дерьмо.

Он моргает, но взгляда не отводит.

Электрический заряд, который искрится между нами, слишком высок. Я закрываю глаза и делаю выдох.

— Тейлор?

— Кэсси.

— Кэсси, — шепчет он, его голос мягкий и полон отчаяния. — Останься со мной. Пожалуйста. Без тебя я не справлюсь.

Я сглатываю и киваю. Потом Эрика зовет нас, и мы направляемся в центр зала.

Мы поворачиваемся лицом друг к другу, между нами расстояние только в один шаг.

Он гораздо выше меня, поэтому мой взгляд останавливается на его груди, и я наблюдаю за тем, как она вздымается и опускается, пока он пытается успокоиться.

— Готова? — шепчет он.

Мне хочется закричать: «Нет. Боже, пожалуйста. Я, флаффинг тебя подери, не готова!».

— Да. Конечно, — говорю я вместо этого, как будто для меня это не является вопросом жизни и смерти, ну или вообще чем-нибудь важным.

Я делаю глубокий вдох и поднимаю на него взгляд. Его лицо выражает сейчас меньше отчаяния, и создается ощущение, что я вижу его — настоящего его — первый раз. Я чувствую его энергию. Его словно окружает раскаленная волна. Мы стоим так несколько секунд, просто дышим, и пока мы пристально смотрим друг другу в глаза, воздух между нами сгущается, соединяя нас как две части единого целого.

Он поднимает руку, и я следую за ним, словно между нашими руками тысячи крошечных струн, которые регулируют наши движения. Я с точностью сравниваюсь с его скоростью, двигаясь с ним унисон, дыша в унисон.

Мы продолжаем двигаться, и движения наших тел идеально совпадают. Ощущения так естественны. Ничего более естественного я не ощущала уже долгое время. Может, даже и никогда.

Мы делаем шаг навстречу друг другу. Он наклоняется вперед, а я назад. Я наклоняюсь в сторону, и он за мной. Невидимые струны натягиваются между нами. Движения становятся быстрее, но каждое из них идеальное и точное. Сложная хореография, которой мы никогда не обучались, но наши мышцы работают рефлекторно.

Это волнующе.

Мы находимся в *состоянии благодати*. Это волшебное состояние, которое иногда достигают актеры, когда все идет плавно и открыто. Сердце, разум, тело. Я уже чувствовала это прежде, но никогда с другим человеком.

Это удивительно.

Наши лица расплываются в улыбке. Я замечаю, что Холт красив, когда улыбается.

Мы поднимаем руки вверх, и по мере того, как мы их опускаем, наши ладони смыкаются вместе. Его руки большие и теплые. Моя кожа покалывает в местах, где мы соприкасаемся. Затем я смотрю в его глаза, и мы оба перестаем дышать, но почему, я не знаю.

Через секунду выражение лица Холта наполняется паникой, и он напрягается. Он моргает и опускает взгляд, и неожиданно поддерживающая нас сила будто растворяется в воздухе. Наша энергия приземляется на пол и исчезает.

Холт отходит от меня и выдыхает, прежде чем посмотреть на Эрику.

— Мы закончили? Остальные не протягивали так долго. С нас же достаточно?

Эрика наклоняет голову и изучает его. Его поза напряженная и вызывающая.

Я опускаю руки. Сейчас они уже холодные, и я сжимаю их в кулак, держа по швам, пока мое сердце бьется быстро и неровно.

— Так с нас хватит или нет? — говорит Холт, и все хорошее, что я чувствовала к нему, исчезает в тени его грубости.

— Да, мистер Холт, — спокойно говорит Эрика, поглядывая на меня. — Вы с мисс Тейлор закончили выполнять упражнение. Хорошая работа. Между вами интересная химия, не так ли?

Он смеряет ее свирепым взглядом.

Она одаривает его теплой улыбкой.

— Можете вернуться на свои места. Давайте поаплодируем им все.

Вся группа взрывается аплодисментами. Я слышу удивленный шепот о том, как мы были хороши.

Но никто не удивлен сильнее меня.

Холт подходит к трибуне и садится на скамейку. Зои начинает красоваться рядом с ним, трогая его за бицепсы. Ей было бы проще просто разорвать на себе блузку и начать умолять потискать ее. Он игнорирует ее и упирается локтями о колени.

Я беру себя в руки и перестаю таращиться на него.

Остальная часть дня проходит, как в тумане. Претендентов становится все меньше, пары сменяются по мере завершения сценок.

В конце дня Эрика отпускает нас, и мы один за другим выходим наружу, чтобы подождать там, пока она вывесит проходной лист.

Мы все на грани. Никто из нас не знает, сделали ли мы достаточно, чтобы пройти в следующий этап. Даже Зои не уверена. Она покусывает щеку изнутри и мерит шагами помещение.

Я же грызу кутикулу и приговариваю: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста», словно

мольбой ко Вселенной смогу как-то себе помочь.

В конце коридора сидит Холт, прислонившись спиной к стене и прижав ноги к груди. Он словно испытывает боль.

Несмотря на его сегодняшнее поведение, я испытываю жалость к нему. Мы все сейчас на нервах, но только у него такой болезненный вид.

Я подхожу к нему. Его голова откинута назад к стене, глаза закрыты. Когда я дотрагиваюсь до его плеча, он дергается как от удара электрошокером.

— Какого хрена? — Он сердито смотрит на меня, но его взгляд сложно найти пугающим, когда он такой зеленый, что мог бы получить роль у Маппетов⁷.

— Ты в порядке?

Он опускает голову на колени и вздыхает.

— В порядке. Уходи.

Не знаю, почему я вообще беспокоилась.

— А знаешь, ты придурок?

— Я в курсе.

— Просто хотела убедиться.

Я собираюсь было уйти, но он поднимает руку, чтобы остановить меня.

— Тейлор, слушай... я...

— Меня зовут *Кэсси*.

— Кэсси...

То, как он говорит мое имя... Ну, это вызывает во мне странные чувства. Наверно, будет лучше, если он так и продолжит называть меня «Тейлор».

Он жестом предлагает мне сесть, и я сажусь.

— Дело в том, что... мы не будем друзьями, поэтому, думаю, нет никакой надобности тратить друг на друга энергию, согласна?

Я несколько раз моргаю.

— Э-э... Хорошо.

— И это все? Хорошо? — Он кажется огорченным, но я не понимаю почему.

— Ну, у меня, на самом деле, никогда не было разговора на тему «мы с тобой не будем друзьями», поэтому я не знаю, что тут уместно, а что — нет. Мне нужно поблагодарить тебя за то, что ты указал на очевидное, или... ?

Он потирает руками лицо и стонет.

— Что? — спрашиваю я. — Не знаю, каких слов ты от меня ждешь. Я не планировала становиться твоим другом.

— Отлично, — говорит он, все также потирая лицо.

Я вздыхаю и стараюсь не терять самообладания.

— В чем твоя проблема? Я, можно сказать, спасла твою задницу там сегодня, а ты обращаешься со мной, как с дерьмом!

— Да, — говорит он, его плечи напряжены. — Потому что ты такая...

— Какая? — перебиваю я. — Надоедливая? Раздражительная?

— Биполярная.

Это сбивает меня с толку.

— Ох. Я... чего?

Он вздыхает и качает головой.

— Чуть ранее я видел, как ты играла в «популярность». Давала крутым деткам то, чего

они хотели, что нелепо, потому что большинство из них отвратительные создания, такие же настоящие, как и трехдолларовая купюра. Со мной же от тебя исходит колючее нетерпение и агрессивная прямота. Что, я недостаточно хорош, чтобы притворяться и передо мной?

Я не осознавала этого, но он прав. Я никогда – вообще никогда, не разговаривала ни с кем таким тоном, каким разговариваю с ним. Обычно я не позволяю людям знать, раздражена ли я или бесит ли кто меня. Я нахожу общий язык с людьми. Я занимаюсь этим всю жизнь. Если я кому-то не нравлюсь, то я добиваюсь их расположения.

Но с ним все по-другому.

— Ну, а что насчет тебя? — говорю я. — Каков ты?

Он пожимает плечами.

— Все просто. Я мудака.

— Это я уже знаю.

— Нет, не знаешь.

— О, еще как знаю. Ты провел весь день, глаза на меня так, будто я собираюсь заразить тебя проказой. Так что я поняла, кто ты такой.

Он кивает.

— Отлично. Тогда ты будешь держаться от меня подальше.

— Да у меня особого выбора-то и нет, потому что после того, как Эрика вывесит проходной лист, мы больше никогда не увидимся.

— С чего ты взяла?

— С того, что ты, скорее всего, попадешь в список, а я нет, так что... м-да.

Он опускает взгляд и начинает тереть шнурки.

— Не будь так уверена. Ты проделала хорошую работу сегодня. Более, чем хорошую.

Мне требуется пара секунд, чтобы понять, что он только что сделал мне комплимент.

— Хм, ну спасибо. Ты тоже был хорош.

Он смотрит на меня с полуулыбкой.

— Правда?

Я закатываю глаза.

— О, ладно тебе. Ты знаешь, что был на высоте.

— Это да, — говорит он и кивает.

— Какой скромняга.

— А еще красивый. Мне должны все завидовать.

Я качаю головой.

— Значит, ты пытаешься поступить сюда уже три года, чем же ты занимался между прослушиваниями?

Он смотрит вдоль коридора.

— В основном работал на строительное предприятие в Хобокене. Они строят декорации для бродвейских шоу. Подумал, если не могу быть на сцене, почему бы не поработать за кулисами?

— Поэтому у тебя такие грубые руки? — Он хмурится. — Когда мы делали упражнение на синхронность, — говорю я, — мы соприкоснулись и твои руки показались мне мозолистыми.

Он смотрит на свои руки.

— Я предпочитаю слово «сильные». Таскать тяжелые детали от декораций, работенка не из легких. Это походит на адскую тренировку.

— Значит вот откуда у тебя все эти... — говорю я, указывая на его руки и плечи, — мускулы?

Он улыбается и качает головой.

— Ага. Оттуда. А еще есть достаточно денег, чтобы заплатить, по крайней мере, за первые два года учебы, если я поступлю сюда.

— *Когда* поступишь сюда, — поправляю я.

Он смотрит на меня секунду, словно это нечто непостижимое, что кто-то в него верит.

— Как скажешь, Тейлор.

Я больше не пытаюсь поправить его и просить использовать мое имя. Может это и к лучшему, если мы так и продолжим называть друг друга по фамилии, учитывая, что мы не будем друзьями или кем-либо еще.

Хотя такое чувство, что мы уже друзья.

Мы сидим в тишине какое-то время. Потом открывается дверь, и все вскакивают на ноги, когда Эрика выходит с листком бумаги.

Мы все тихо подходим к ней, чувство ожидания гудит вокруг нас.

— Мои поздравления тем, кто в этом списке. Вы вернетесь сюда завтра, чтобы пройти второй этап прослушиваний. А те, кто в список не попал, боюсь ваше прослушивание было неудачным. Вы сможете подать повторную заявку в следующем году. Спасибо за уделенное время.

Она прикрепляет лист к оборотной стороне двери, а потом снова скрывается внутри.

Начинается столпотворение, когда каждый старается увидеть список. Я проталкиваюсь вперед, мое сердце колотится, готовое к разочарованию.

В списке только три имени.

Итан Холт.

Зои Стивенс.

И... Кассандра Тейлор.

Остальная часть группы отсеяна.

Я в шоке.

Я сделала это.

Флаффинг всех подери, да!

Холт читает список поверх моего плеча и вздыхает с облегчением.

— Спасибо, черт побери.

Я поворачиваюсь в тот момент, когда он опускает голову и выдыхает. Он похож на заключенного камеры смертников, которому дали отсрочку.

— Как мило, что ты так радуешься за меня, — говорю я. — У тебя правда были сомнения?

— Насчет тебя? Совсем нет. Поздравляю.

— Взаимно. Полагаю, медицинский мир спасен от твоего безупречного врачебного такта, как минимум еще на один день.

— Похоже на то. — Когда он смотрит на меня, у меня все сжимается внизу живота.

Мне наверно, стоит что-то ответить, но мой мозг затуманен и в голове роятся неясные мысли, потому я просто стою на месте.

Он тоже ничего не говорит. Просто смотрит. Его лицо завораживает в раздражительно-приятной манере.

— Ну, — говорю я, после затянувшейся неловкой паузы. — Думаю, увидимся завтра.

Он кивает.

— Да. Конечно. До завтра, Тейлор.

Он хватает свой рюкзак и уходит. Я знаю, что мы встретимся утром и жду этой встречи с нетерпением, но одновременно и со страхом.

Прежде я никогда не реагировала так на парней.

И убеждена, что в этом нет ничего хорошего.

3

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ПРОШЛОМУ

Наши дни

Нью-Йорк

Дневник Кассандры Тейлор

Дорогой дневник,

Последний этап прослушиваний в Гроув был изнурительным.

Опрос был худшей частью. Состав преподавателей Гроув сидел за длинным столом и закидывал всех вопросами о жизни, семье, симпатиях и антипатиях.

Комиссия требовала от меня честности. Это было сложно.

В конце Эрика повернулась ко мне и сказала:

— Кассандра, ты умная девочка. Перед тобой открыты все двери. Почему ты хочешь стать актрисой?

Я понимала, что должна сказать что-то о своей любви к театру или о важности динамично развивающейся культуры в мире сомнительных стандартов и реалити-шоу. Но при таком ее пристальном взгляде, я была не способна придумать что-то достаточно умное, чтобы провести ее, поэтому я выдала первое, что пришло на ум.

— Я хочу стать актрисой, потому что не знаю, кто я сама на самом деле. Мне становится легче, когда я играю других людей.

Мгновение она удерживала мой взгляд, затем кивнула и записала что-то в своих заметках. Наверное, что-то в стиле: неустойчивый, эмоционально неблагополучный подросток с проблемами самооценки. Не делайте резких движений.

Я вышла оттуда, чувствуя себя подобно разбитому стеклу, чьи осколки валялись по всему полу.

Но видимо, я не прогадала, потому что спустя два месяца, получила письмо с уведомлением о зачислении.

В тот день я визжала так громко, что спугнула соседскую собаку.

Я знала, что мама и папа были не в восторге от перспективы моего переезда на другой конец страны, но они также понимали, что актерство было моей страстью, и быть зачисленным в Гроув – большая честь. Помимо всего прочего, делу поспособствовало и то, что мне дали частичную стипендию, которая покрывала половину моей платы за обучение и проживание в кампусе. Поскольку мы не являлись семьей Вандербильтов⁸, это было огромным бонусом.

Где-то в моем подсознании мелькнула смутная надежда на то, что Холт тоже поступил.

Я подумала, что если это так, то я, по крайней мере, уже знакома с одним человеком. С одним раздражительным, таинственным образом интригующим, человеком.

Шесть лет назад

Вестчестер, Нью-Йорк

Гроув

Первая неделя занятий

Я осматриваюсь в новой квартире с широкой улыбкой на лице.

В ней есть две спальни, разделенные тесной ванной комнатой; гостиная, совмещенная со столовой, и небольшая кухня. Мебель изодранная и устаревшая; ковер уродлив и запачкан какой-то дрянью, но лучше не вдаваться какой именно, и я подозреваю, что сосед сверху танцует гольшом при свете луны, потому что, серьезно, этот чувак какой-то *странный*. Но несмотря на все, это место идеальное, красивое и мое.

Точнее, я делю его со студенткой с факультета театральной техники, которую зовут Руби, и все же...

Я могу делать, что хочу. Есть, что хочу. Ложиться спать, когда хочу. Никаких тебе родителей, контролирующих каждый шаг.

У меня чуть ли голова не идет кругом при мысли обо всех этих возможностях.

— Ты должна мне тридцать баксов за продукты, — говорит Руби, внимательно разглядывая чек. — Ой, подожди, тридцать четыре. Тампоны тоже твои.

Это кажется странным, въезжать в квартиру с незнакомым человеком, но мы с Руби отлично поладили, учитывая, что она моя полная противоположность. Мои волосы тусклого каштанового цвета, а ее — огненно-рыжие. Я на вид обычная, она — эффектная. Я подхалимка, она — предельно честная.

Она плюхается на наш уродливый, виниловый диван и поджигает сигарету. Затем протягивает мне пачку, и я вытягиваю себе одну.

Ах, да, я теперь курю.

Ну, раньше я не делала этого, но, когда Руби сказала, что курит, я решила не отставать. Это-то нас и сплотило. Кроме того, большинство людей на прослушиваниях курили, потому что это стало казаться даже чем-то обязательным. А еще, моя мама не одобрила бы это.

Вот тебе и веские причины.

Она поджигает мне сигарету, я неглубоко затягиваюсь и потом начинаю кашлять. Руби качает головой.

Я худший начинающий курильщик на свете.

— Итак, — говорит она, выдувая струю дыма. — Как ни печально, настала твоя очередь готовить.

— Эй. Думаю, на днях я неплохо справилась, учитывая, что никогда до этого не готовила.

— Женщина, — говорит она со вздохом. — Ты испортила макароны с сыром. Серьезно, если ты не справляешься с приготовлением такой фигни, мы не переживем суровую студенческую жизнь.

— В таком случае, слава богу, есть ты, чтобы всему научить меня. — Я заставляю ее встать с дивана, потом тащу на кухню и достаю из холодильника немного стейков с овощами.

Дело в том, что Руби не совсем профессиональный повар, поэтому наш эксперимент заканчивается твердыми, как камень, стейками и комковатой массой картофельного пюре, а зеленая фасоль получается настолько вязкой, что из нее легко можно связать шарф.

— Я напишу жалобу на кулинарный канал, — говорит Руби, ковыряясь в еде. — Смотришь на этих сучек, и все кажется таким легким. Я подам на них в суд за ложную рекламу.

Вечером мы приходим к соглашению, что будем готовить только замороженные блюда. Это самый верный способ не умереть от голода.

На следующий день у нас начинаются занятия. Наша с Руби квартира находится в нескольких минутах ходьбы от главного кампуса.

В первые три дня после приезда, мы посвятили время изучению нашей новой школы. Кампус небольшой, но хорошо распланированный, и стиль зданий выдержан между традиционным и современным.

Прямо посередине находится Центральный корпус – огромное четырехэтажное здание, внутри которого располагаются библиотека, кафетерий, зал для отдыха учащихся, и несколько больших актовых залов.

Вокруг Центрального корпуса, подобно цветочным лепесткам, раскинулось множество изящных зданий, в каждом из которых преподаются отдельные дисциплины: танцы, актерское мастерство, музыка, и изобразительное искусство.

Этим утром мы с Руби направляемся в Центральный корпус, чтобы послушать приветственную речь декана.

Мы входим в огромный актовый зал, по которому слоняются около двухсот первокурсников. Все знакомятся и оценивают друг друга.

Ненавижу это.

Столько новых лиц. Предвкушение новых знакомств.

Это утомляет.

По одной их одежде, я могу понять кто с какого факультета. Танцоры одеты в многослойную, лайкровую одежду; музыкантов окружает едва уловимая ретро атмосфера; а у художников такой вид, словно они совершили набег на комиссионный магазин в тот момент, когда там взорвалась бомба, заряженная цветной краской.

Шумнее всех ведут себя избалованные дети с факультета актерского мастерства.

У меня сжимается сердце, когда я вдруг задаюсь вопросом, смогу ли вписаться в это окружение лучше, чем в то, которое было в школе.

Не то чтобы у меня в школе не было друзей, они были. Но я всегда старалась быть той Кэсси, которую, как мне казалось, они хотели видеть. Счастливой, беззаботной, и безобидной. Умной, но не чересчур. Красивой, но не желанной. Я была связующим звеном между девушкой и парнем, которому эта девушка понравилась, но никогда той, кто понравилась парню.

Я делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю. Это новая школа, новые люди, новые правила. Может здесь кто-нибудь разглядит настоящую меня сквозь множество фальшивых масок.

— Пошевеливайся, — говорит Руби. — Давай зайдем места, чтобы не разговаривать ни с кем из этих болванов.

В такие моменты, я обожаю ее.

Мы проходим в середину зала и занимаем места. Несколько минут спустя, я замечаю,

как к нам приближается знакомый парень.

— Привет, Кэсси.

— Коннор! Привет.

Я познакомилась с Коннором на втором этапе. Мы отработали вместе несколько сценок, и несмотря на то, что у нас с ним нет той невероятной энергии, какую я поделила с Холтом, между нами все равно нешуточная химия. Еще он очень милый, и насколько я могу судить, порядочный, что редкость для студентов театрального факультета.

Он указывает на место рядом со мной.

— Можно?

— Конечно.

Я представляю его Руби, которая уже сидит со скучающим видом.

Коннор устраивается на стуле рядом со мной, и я улыбаюсь ему. Волосы песочного цвета, карие глаза, добродушное лицо, на котором я еще не замечала хмурости. Определенно милашка.

— Я так рад, что ты поступила, — говорит он. — Хоть кого-то знаю из всей группы.

— Да уж, кроме тебя из знакомых, я еще никого не видела.

— Я видел парочку. — Он оглядывается по сторонам. — Но у меня плохо с именами. Видел ту блондинку, которая болтает без умолку...

— Зои?

— Ага. И того высокого парня с клево́й прической.

— Холта?

— Да. Он прямо вон там.

Он указывает на противоположную сторону зала, где я вижу долговязую фигуру Холта, сгорбившуюся на стуле. Его ноги лежат на стоящем перед ним стуле, а голова уткнута в ту же книгу, что он читал на прослушиваниях. Должно быть, он очень любит «Изгоев».

У меня возникает странное покалывание в животе, когда я смотрю на него. Я рада, что он поступил. Поступление в это место — много значит для него и, несмотря на явные расстройства личности, он очень талантлив.

— Похоже, он одиночка, — говорит Коннор. От моего внимания не прячется, что его рука лежит на спинке моего стула. — Но, блин, его игра впечатляет. Я видел, как он играл Меркуцио на последнем Шекспировском фестивале Трайбека. Он был превосходен.

— Не сомневаюсь. — В моем разуме возникает кристально чистый образ Холта в роли современного Меркуцио. На нем одежда из кожи и денима, взгляд наполнен негодованием.

В то время, как я пристально смотрю на него, он поднимает голову и перехватывает мой взгляд. Уголок его рта приподнимается, одна рука отрывается от книги, словно он собирается улыбнуться и помахать. Но потом он замечает Коннора, и через секунду снова утыкается в книгу, как будто и не видел меня.

Коннор вскидывает брови.

— Э-э, я как-то вывел его из себя? У него был такой вид, будто он хотел убить меня.

— Не парься, — говорю я со вздохом. — Он такой со всеми.

Вскоре к трибуне подходит декан и приветствует нас. Он произносит речь о том, как гордится тем, что мы получили возможность обучаться в одном из престижнейших колледжей искусств страны, и даже несмотря на то, что он, скорее всего, выступает с этой же речью каждый год, его слова заставляют меня надуться как павлин. Впервые в жизни, мне кажется, что я иду к чему-то, чего хочу я, а не мои родители. И это так приятно.

Когда выступление декана заканчивается, актовый зал начинает стремительно пустеть, и мы все устремляемся на наши первые занятия.

Руби машет на прощанье рукой мне с Коннором, и направляется на занятие по режиссуре. Когда она исчезает, Коннор обнимает меня за плечи и ведет на наше первое занятие по актерскому мастерству. Хотя мне и кажется странным, что он таким непринужденным образом вторгается в мое личное пространство, когда мы едва знаем друг друга, это одновременно и очень приятно. Раньше парни не обнимали меня за плечи своими красиво накаченными руками, но так я *могла бы* привыкнуть к этому.

Мы входим в большое, пустое помещение с голыми кирпичными стенами и грубым ковром. Следуя примеру остальных, мы бросаем наши рюкзаки сбоку от стены и садимся на пол.

Я смотрю на остальную часть группы. Со столькими еще предстоит познакомиться, стольким угодить. Моя ничтожная потребность понравиться людям пробуждается к жизни, и от волнения испарина покрывает мой лоб.

— Ты в порядке? — спрашивает Коннор, придерживая мою спину рукой.

— Да. Просто немного нервничаю.

— Давай, — говорит он, садясь позади меня. — Я помогу тебе расслабиться.

Он начинает массировать мои напряженные плечные мышцы, и я едва не издаю стон.

Несмотря на его умелые ручки, я прекрасно понимаю замысел Коннора. Он хочет показаться заботливым и отзывчивым парнем. Меня это устраивает. Я хочу, чтобы обо мне заботились. Беспроегрывная ситуация.

Вся остальная часть группы болтает и смеется, но я вижу только несколько знакомых лиц. В нескольких шагах от нас стоит Зои и рыжеватая блондинка, которую я видела в первый день прослушиваний. Кажется, ее зовут Фиби. Верные себе, они разговаривают громко и добавляют часто выражения типа «О, боже». В углу стоят Трой и Маришка, они брат и сестра, с виду чудаковатые и тихие.

В зале также присутствуют девушка по имени Миранда с темными, торчащими во все стороны волосами, с которой я точно сталкивалась на втором этапе, и Лукас, темноволосый парень в кожаной куртке. Он сидит рядом с курчавым шутником Джеком, который смешил всех до коликов на второй день. Он доводит Лукаса до неудержимого смеха, исполняя битбокс⁹ голосами диснеевских героев.

Пока я сканирую комнату, заходит Холт. Когда он замечает, что Коннор массирует мне спину, он закатывает глаза и садится как можно дальше.

Пофиг.

Я не понимаю Холта. Обычно, мне требуется пара секунд после знакомства с человеком, чтобы понять, чего он от меня ждет.

Хочешь, чтобы я смеялась над твоими шутками. Хорошо.

О, пожалуйста, расскажи мне о своих надеждах и мечтах! Было бы здорово!

Хочешь поплакаться на мое плечо? Без проблем.

Но Холт... он словно хочет, чтобы меня не существовало. И это из разряда того, что я не знаю, как осуществить.

По идее его поведение должно меня ранить, но ничего подобного. Это просто делает его огромной, угрюмой, источающей приятный аромат головоломкой, которую я намерена разгадать.

Немного погодя, в аудиторию заходит Эрика, и все замолкают.

— Итак, этот курс называется «Продвинутый уровень актерского мастерства», известный по-другому, как «Оставьте свои проблемы за дверью или я дам вам пинка под зад». Здесь, меня не волнует, устали вы или напуганы, с похмелья или под кайфом. Я требую, чтобы вы выкладывались на все сто. Если вы не способны на это, не приходите. Я не хочу иметь с этим дело.

Несколько человек начинают нервно переглядываться, я в том числе.

— Вы все здесь, потому что мы увидели в вас что-то, что заслуживает развития, а не ласк и нежности. Если вы полагаете, что обучение будет простым и легким только потому, что вы можете произнести пару строк, вложив в них капельку эмоций – подумайте еще раз. Это именно то место, где вы поймете, какие ваши слабые места. Я собираюсь обнажить вас до костей, а потом слепить заново, слой за слоем. Если это и звучит болезненно, то только, потому что так и есть. Но в конце, вы будете знать каждого человека, присутствующего в этой комнате лучше, чем свою собственную семью. И ко всему прочему, узнаете, кто вы есть на самом деле.

На последних словах она смотрит на меня, и внезапно у меня возникает глупое желание выбежать из комнаты и никогда не возвращаться.

— Так. Все встаем. Пришло время узнать друг друга.

Она говорит нам встать в два ряда.

— Правила просты. Тот, кто стоит у окна задает вопрос своему партнеру, и тот должен честно на него ответить. Потом вы меняетесь. Вопросы можно задавать, пока не закончится время, и далее вы переходите к следующему. Задача состоит в том, чтобы узнать о другом человеке как можно больше за отведенное время, и я не говорю об имени, возрасте, и любимом цвете. После выполнения этого задания, вы должны будете суметь сказать мне какой-нибудь один интересный факт обо всех в этом зале. Время пошло.

Я поворачиваюсь к человеку напротив меня. Это Маришка. Ей на лицо спадают идеально прямые, черные как смоль волосы. Глаза у нее такие же темные. Она выжидающе смотрит на меня.

Ох, точно. Я же должна задать вопрос. Затруднительно о чем-либо думать. Ее вид слегка обескураживает.

— Хм... как ты развлекаешься?

— Я наношу себе порезы, а ты?

Я потрясенно смотрю на нее целых пять секунд, пытаюсь переварить услышанное.

— Э-э... я читаю. Почему ты себя режешь?

— Я получаю удовольствие от боли. Почему ты читаешь?

— Я... ну... получаю удовольствие от слов.

Следующие две с половиной минуты мы говорим о книгах и фильмах, но я по-прежнему потрясена информацией о порезах. Когда время истекает, я с удовольствием перехожу к следующему.

Таким образом, я узнаю много интересного о моих одноклассниках. Миранда поняла, что она лесбиянка в восемь лет, и, по ее мнению, у меня красивая грудь. Лукас был арестован за вооруженное ограбление в шестнадцать, потому что был зависим от крэка, но сейчас он уже завязал с тяжелыми наркотиками и лишь слегка балуется травкой. Высокая афроамериканка по имени Айя, эмигрировала в Соединенные Штаты, когда ей было двенадцать, после того как ее бабушка с дедушкой и еще двое родных были убиты в их деревне в Алжире. Зои встретила Роберта Де Ниро в магазине два года назад, и уверена, что

он запал на нее. А у Коннора есть два старших брата, которые служат в армии и считают его педиком из-за выбора профессии. Они колотят его на каждой семейной сходке.

Я чувствую себя идиоткой. Абсолютно бесполезной, изнеженной пустышкой.

До этого дня, я никогда не встречала лесбиянку. Или наркомана. Или кого-то, кто потерял половину своей семьи. Я только и делала, что находилась в безопасности и комфорте в своем крошечном городке, и ныла из-за того, что родители слишком много ждали от меня.

Боже, какая же я жалкая!

К тому времени, когда я становлюсь перед Холтом, у меня уже трещит голова от моего нового и еще более усовершенствованного комплекса неполноценности. Я поднимаю на него взгляд. Он хмурится. Возможно, и у него болит голова.

— У тебя болит голова? — спрашиваю я со вздохом.

— Нет, а у тебя?

— Да. Почему рядом с тобой мой фильтр слов работает на нулевом уровне?

— Понятия не имею, но не стесняйся исправить это. Ты испугана, потому что в сравнении со всеми этими людьми, ты просто избалованная нюня?

— Э-э... да. Именно это я и чувствую, спасибо, что так красноречиво подметил это. Сильно заметно?

На его лице мелькает улыбка.

— Нет. Но так чувствую себя я. Просто понадеялся, что не один здесь такой.

На мгновение нас объединяет это неуместное наличие нормальной жизни. Чувство необыкновенной обыкновенности.

— Ну, не хочешь поделиться со мной своими самыми страшными тайнами? — спрашивает он.

— Нет. Не считая случая, когда я в пять лет нечаянно украла точилку в форме Винни-Пуха, я абсолютно обычный человек. Ты не заметил?

— Да вроде бы, нет. — Его глаза снова проделывают этот невероятно раздражительный маневр. — Но зато я заметил в тебе одну очень необычную вещь.

Я приподнимаю бровь.

— Неужели? И какую же?

Он берет меня за руку, потом смыкает наши ладони вместе так, чтобы пальцы находились на одном уровне.

Вспыхивает то же ощущение тепла, что было между нами на прослушиваниях, и всего на миг, мне кажется, что он собирается сказать о том, насколько удивительно наше взаимодействие.

Но вместо этого он выдает:

— У тебя до жути огромные, мужеподобные руки.

Прости?!

— У меня *не* мужеподобные руки!

— Еще как. Я заметил это, когда мы делали упражнение на синхронность. Только взгляни на них.

Я внимательно изучаю наши руки, прижатые друг к другу. Его пальцы лишь слегка длиннее моих, и это о чем-то да говорит, потому что, если он засунет одну из этих штуковин себе в нос, то спокойно сможет сделать лоботомию.

— Может, это просто у тебя девчачьи руки, — говорю я.

— Тейлор, мой рост – шесть футов три дюйма, и у меня двенадцатый размер обуви, а твои руки почти такие же большие, как мои. Ты не можешь отрицать, что это неестественно. (прим. 6 футов 3 дюйма – 1.92; 12 размер обуви США – 44 размер в России)

Я вырываю руку и смеряю его гневным взглядом.

— Ну, спасибо за прямоту. Теперь я буду стыдиться своих чудовищных рук.

— Не стоит. Некоторые парни находят это сексуальным. Конечно, в основном геи, потому что они такие муж...

— Заткнись!

— Ладно. Я больше не буду их упоминать. И постараюсь не пялиться. Хотя ничего не обещаю. Они же как огромные спутники, привлекающие внимание.

Он считает себя остроумным. Он *так* ошибается.

— Почему ты так сильно меня ненавидишь? — спрашиваю я.

Мгновенье он смотрит на меня, моргая своими умопомрачительными глазами.

— Я не ненавижу тебя, Тейлор. С чего ты взяла?

— О, даже не знаю. Может, потому что, когда тебе наскучивает доставать меня, ты либо игнорируешь меня, либо хмуро косишься? А на прослушиваниях ты сказал, что мы не будем друзьями. С чего бы такое говорить?

Он вздыхает и потирает глаза.

— Потому что не будем. Почему ты хочешь со мной подружиться?

— Не горю желанием, что очень странно, так как обычно я отчаянно хочу со всеми подружиться.

— Я заметил.

— И как это понимать?

Он пренебрежительно взмахивает рукой, и мне кажется это идеальным моментом, чтобы ударить его в живот.

— Ничего. Забудь. Чья очередь задавать вопрос?

— Нет уж, не забуду. Что ты имеешь в виду?

— Думаю, моя очередь, — говорит он, игнорируя меня. — Так ты встречаешься с тем парнем Коннором?

Вопрос застаёт меня врасплох.

— Что?

— Я разве заикался? Ты *встречаешься* с ним?

— Встречаюсь в смысле как... ?

— О, боже, Тейлор... в том смысле, что ты ходишь с ним на свидания. Видишь его голым. Трахаешь его.

— Что?! — Я настолько возмущена, что едва дышу.

— Цель задания – отвечать на вопрос, — говорит он спокойно. — Честно, пожалуйста.

— Это не твое дело!

Он наклоняется и понижает свой голос до шепота.

— Мне что, надо позвать сюда Эрику и рассказать, что ты не выполняешь ее задание? Она хочет, чтобы мы были откровенны, помнишь?

При мысли о том, что Эрика может плохо обо мне подумать, меня начинает мутить, и мне хочется извергнуться рвотой. На него.

— Ты такой балбес.

— А ты увливаешь. Отвечай на вопрос.

— Какое тебе дело... — Я хочу шокировать его, сказав слово на «Т», но у меня просто не получается выдавить его из себя. — встречаюсь ли я с ним?

— Никакого. Просто любопытно. Вы двое неплохо поладили. Вообще-то, создалось впечатление, что он вот-вот отымеет тебя перед всей группой.

— Боже, ты отвратителен.

— Просто ответь на вопрос.

— Нет!

— «Нет» ты не встречаешься с ним, или «нет» ты не ответишь на вопрос.

— И то и другое.

— Ну, такое невозможно. Если это «нет» на первое, то ты автоматически отвечаешь «да» на второе.

— Перестань. Говорить. — Мое лицо пылает от гнева.

— Так, твой ответ на мой первоначальный вопрос – «нет»?

— Нет, мой ответ не «нет».

— Нет?

— Нет! — Черт побери, теперь я сама запуталась, на что именно отвечаю «нет».

Я уже чувствую, как краска подступает к моей шее, и едва сдерживаюсь от смеха из-за предположения о том, что я могу «встречаться» с парнем, не говоря уже о том, что им может быть такой обаятельный и красивый парень, как Коннор.

Я целовалась с несколькими парнями на школьных вечеринках, но на этом мой опыт и закончился. Их небрежные рты и изворотливые языки никогда не вызывали во мне желание заходить дальше. Если сравнить секс с бейсболом, то я все еще на скамейке запасных. Единственное, что мне известно о подобных ощущениях, я узнала благодаря своим любопытным ручкам, да и, несмотря на это, я так и не достигла хоум-рана¹⁰.

Но, конечно же, Холт не знает об этом.

Я уже собираюсь было сообщить ему, что скачу на Конноре, словно дикая ковбойская лошадь, как выражение его глаз останавливает меня. Несмотря на бесцеремонность и ледяные взгляды, в нем есть некая хрупкость, и я просто не могу сделать этого.

Я опускаю взгляд на свои ноги и вздыхаю.

— Нет, я не встречаюсь с ним.

Хмурость на его лице уменьшается.

— Вот и хорошо. Просто держись от него подальше. Мне не нравится, как он на тебя смотрит.

Воспоминания о том, как мой отец говорит так каждый раз, когда какой-нибудь парень потрудится посмотреть в мою сторону, проносятся в моей голове, и внезапно, моя новообетенная свобода больше не кажется такой уж свободной.

— Может мне нравится, как он на меня смотрит, — говорю я, вздергивая подбородок. — И, если я когда-нибудь решу встречаться с ним, мне уж точно не понадобится твое разрешение. Ты не мой старший брат, не мой отец, и ты уже совершенно ясно дал понять, что не мой друг, так что прости, если я буду выбирать с кем мне встречаться без спросу у тебя. Коннор хороший парень. Я бы с удовольствием с ним встречалась.

Гнев вспыхивает на его лице, но быстро сменяется невозмутимым выражением.

— Прекрасно. Встречайся хоть со всей школой, мне-то что.

— Может и стану.

Прежде чем он успевает сказать что-либо еще, Эрика объявляет о переходе, и он

удаляется.

Я остаюсь на том же месте, меня так и подмывает устроить ему разнос, но передо мной появляется Фиби, и единственная тема, на которую она хочет говорить, это Холт. О том, какой он красивый. Какой высокий. Какой сексуальный. Как сильно она хочет «встретаться» с ним.

Я начинаю ненавидеть ее в ту же самую секунду.

После выполнения задания, все вокруг стоят и болтают, и хоть Холт и находится на противоположном конце аудитории, я чувствую, как он смотрит на меня.

Не думаю, что знала истинное значение слова «противодействовать» до встречи с ним, но теперь мне известно о нем не понаслышке. Мне никто никогда не действовал так сильно на нервы. И если быть полностью честной, то мне даже как-то нравятся эти искры.

Я смотрю в его сторону, чтобы убедиться, что он смотрит на меня в ответ, и потом беру Коннора за руку, включаю «кокетку Зои» и прошу его проводить меня на следующее занятие.

Холт не разговаривает со мной всю оставшуюся неделю.

4

ПЕРВЫЙ ШАГ

Наши дни

Нью-Йорк

Дневник Кассандры Тейлор

Дорогой дневник,

Чем больше я провожу с ним времени, тем чаще он вторгается в мои сны. Я не хочу вспоминать, но он буквально внедряется.

Он здесь со мной, в моих объятиях. Его губы прикасаются к моей коже. Все так идеально и тепло, и я говорю себе, что он не сбежит в этот раз.

Я прижимаю его к себе, отгоняя страх, заставляя потеряться во мне. Остаться. И хоть он уже написал трагичный конец, я хочу изменить его мнение.

Потом он входит в меня, и это верх совершенства.

Я дарю ему частичку себя, которую не способна подарить никому другому. Он говорит мне, как сильно ценит это. Что не заслуживает.

После, он обнимает меня так, словно никогда не отпустит.

Я верю, что он останется. Что не передумает.

Но кого я обманываю?

Он снова в себе закрывается, маскируется слой за слоем так, что я больше не могу разглядеть его на фоне той боли, что он после себя оставляет.

Я виню его, но это только моя вина. Глупая, романтическая, наивная я.

Я видела то, что хотела видеть. Чувствовала то, что хотела чувствовать. Он просто играл свою роль.

Иногда он предстает в моих глазах раскаявшимся и уязвимым, в такие моменты он для меня самое прекрасное создание на свете.

Но это лишь игра.

Он актер.

И очень, очень хороший.

Шесть лет назад

Вестчестер, Нью-Йорк

Гроув

Вторая неделя занятий

Я выхожу с лекции по истории театра, с гудящим от переизбытка информации о римских амфитеатрах мозгом, как вдруг налетаю на кого-то высокого и неподвижного.

И конечно же, все мои конспекты взлетают в воздух.

— Вот блин!

Этот кто-то высокий смеется, и я начинаю кипеть от гнева.

Я поднимаю взгляд и вижу ухмыляющееся лицо Холта. Должно быть, выражение моего лица кричит об угрозе насилия, потому что улыбка с его лица исчезает быстрее, чем трусики Зои Стивенс в субботнюю ночь.

Когда я наклоняюсь, чтобы собрать свои конспекты, он бросается мне на помощь. Мне так и хочется надавать ему по рукам, потому что с тех пор как мы проделали упражнение на «знакомство» в первый учебный день, он не обмолвился со мной и словом. Не то чтобы я жаловалась.

— Просто оставь все, как есть, — говорю я, когда он начинает собирать мои записи.

Он протягивает мне конспекты, и я, не глядя, вырываю их из его рук.

Я подавляю в себе желание сказать «спасибо», потому что после такого отношения, он не заслуживает благодарностей.

— Спасибо, — всё же вырывается у меня.

Черт бы побрал эту автоматическую вежливость!

— Всегда пожалуйста, — говорит он своим дурацким, монотонным голосом.

Я обхожу его и направляюсь к лестнице, которая ведет к Центральному корпусу. Пару секунд спустя, он уже идет рядом со мной, как будто это самое обычное явление в мире.

— Тяжелая неделя, да? — говорит он. — Я думал, Эрика выгонит Лукаса, когда он нарисовался здесь обкуренный, но, думаю, она поняла, что он играет лучше, когда слегка под кайфом.

Я останавливаюсь и поворачиваюсь к нему лицом.

— Холт, нельзя игнорировать человека целую неделю, а потом чесать языком, как ни в чем не бывало.

— Я не игнорировал тебя.

— Еще как игнорировал.

— Нет, если бы я игнорировал тебя, то не замечал бы твоего присутствия. А я замечал. Просто не разговаривал с тобой.

— Это хуже или лучше, чем полное игнорирование?

— Чуть лучше.

Я скидываю руки.

— Ну, слава богу, тогда не буду обижаться.

— Вот и правильно.

— Это был сарказм, дубина.

— Тейлор, ты всегда такая раздражительная, или у тебя ПМС?

— Что?! У меня... Что?! ПМС?! Ты такой... *Боже! Заткнись!*

Я уйду от него, но он не отстаёт ни на шаг, да ещё и это ПМС делает меня такой невероятно вспыльчивой, и в то же время чувствительной.

— Почему ты идёшь за мной?!

— Я не иду за тобой. Я иду рядом с тобой.

Господи, дай мне сил!

— Чего тебе? — спрашиваю я, ощущая себя крошечной, твякающей собакой рядом с ним.

Он вздыхает и смотрит на свои нелепые, гигантские ноги.

— Ничего. Ты пойдёшь сегодня на вечеринку к Джеку?

— Почему ты спрашиваешь?

Он потирает глаза.

— А хрен его знает.

— Ты сам пойдёшь?

— Скорее всего, нет.

— Тогда я точно буду там.

Он смотрит на меня несколько секунд, потом хмурится, словно пытается сосчитать сколько арбузов вместится в домик на колесах. Затем, не говоря больше ни слова, разворачивается и уходит.

— Да ну, и это всё? — кидаю ему в спину. — Ну, спасибо за старания. Твои разговорные навыки впечатляют!

Слава богу, предстоят выходные. Мне не придётся видеть его целых два дня.

К тому времени, когда я возвращаюсь в свою квартиру, желание пойти на вечеринку напрочь отпадает. Мне не хочется ничего, кроме того, чтобы поотмокать несколько часов в ванной, съесть свою ежедневную дозу мороженого «Бен энд Джерриз», и завалиться спать.

Но у Руби другие планы на вечер.

— Вставай.

— Не хочу, — вредничаю я как двухлетний ребёнок.

— Ты пойдёшь.

— Руби...

— Не выводите меня, Кэсси. Это наша первая студенческая вечеринка, и ты пойдёшь, даже если мне придётся потащить тебя туда за волосы. Судя по выражению лица, с которым ты вернулась, тебе срочно нужно перепихнуться.

Я закатываю глаза. Хотелось бы мне быть одной из тех девушек, которые решают свои проблемы диким и страстным сексом. Но, судя по тому, что я девственница и флирт — не совсем мой конек, мне остаётся только надеяться, что моя жизнь не станет ещё более отстойной.

— Думаю, единственный человек, у кого сегодня будет секс, это ты Руби.

Она вскидывает руки.

— Кэсси, ты красавица. Немного уверенности в себе, и любой парень, которого ты захочешь, будет твоим.

— Ага, в точку.

— Пообещай мне, что продвинёшься сегодня в этом.

Я смеюсь.

— До тебя не доходит. Я не могу двигаться. Я неподвижна. Я существую вне движений.

Она поджимает губы таким образом, что мне становится ясно, что в ближайшее время мне ее не переспорить.

— Неужели мне нужно напоминать тебе, что ты актриса? Играй так, будто ты контролируешь все свои гребаные действия. А теперь, укомплектуй свою задницу во что-нибудь сексуальное и побежали.

У меня не очень-то много сексуальной одежды, поэтому мой выбор падает на зауженные джинсы и свитер с глубоким вырезом, в котором моя грудь смотрится великолепно. Руби жестом выражает одобрение.

Через полчаса мы подъезжаем к огромному дому на широкой улице.

— Ух ты, и кто здесь живет? — спрашивает Руби, захлопывая дверь машины.

— Джек Эйвери, и еще два парня с моей группы, Лукас и Коннор.

— Коннор? — спрашивает она, вскидывая брови. — Тот парень, которого я видела в первый учебный день?

— Ага.

— Он был милым. Искры проскакивают?

Я улыбаюсь при мысли о том, каким внимательным бывал Коннор.

— Он часто меня обнимает.

— Ну, тогда действуй, — говорит она, будто все мои проблемы решены. — Подкати к нему.

Я пожимаю плечами, потому что хоть Коннор мне и нравится, я не знаю, *нравится* ли мне Коннор.

— Слушай, — говорит она. — Я не прошу тебя идти с ним к алтарю и плодить крикливых, пухлых младенцев. Просто повеселись. Развейся. Это тебя не убьет.

— Разве не парни должны делать первый шаг?

— Проклятье, Кэсс, престань быть такой трусихой. Смотри, я даже дам тебе стимул. Если ты подцепишь сегодня парня и поцелуешься с ним, я буду месяц заниматься стиркой.

Это привлекает мое внимание. В нашем здании есть только одна стиральная машина, которой требуется больше часа на завершение одного цикла, поэтому стирка порой отнимает значительную часть времени.

— Ну, хорошо. Не обещаю, что это не будет неловким или не постыдным зрелищем, но я постараюсь, ладно?

Она улыбается и подталкивает меня в направлении шумного дома.

— Сойдет.

На лужайке перед домом, люди болтают и смеются. Похоже, большинство первокурсников решили отметить здесь.

Я мысленно готовлюсь сотворить себе личность.

— Выше голову, — говорит Руби, уводя меня в толпу людей. — Тебе нужно выпить.

— Я не пью.

— Теперь пьешь. — Она хватается с подноса две ярко-зеленых стопки. — Две-три таких стопки, и ты будешь виснуть на парнях, срывая с них рубашки.

Несмотря на ее сомнительный прогноз, сорок пять минут и три стопки спустя, я стою у стены с уже игривым настроением. Я качаю головой в такт музыке, пока Руби танцует в компании парней, которые отчаянно хотят ее впечатлить. Она заигрывает с несколькими из них, но один высокий, хорошо сложенный парень, который также учится на факультете

театральной техники – удостоивается особого внимания. Он наклоняется и шепчет ей что-то на ухо. Она мельком смотрит на меня и вздергивает брови, потом берет его за руку, и они уходят на террасу.

У нее это получается так просто.

Ладно. Я справлюсь. Найду милого парнишку. Поболтаю с милым парнишкой. Очарую его. Поцелуюсь.

Паника дрожью проходит сквозь меня.

Черт побери!

Я устремляюсь вдоль по коридору в поисках ванной комнаты, единственного безопасного места на вечеринках, где приемлемо находиться в одиночестве.

Не успеваю я найти ее, как замечаю Холта, который стоит в дверях кухни.

Какого черта он здесь забыл?

Наклонившись, он разговаривает с миниатюрной, красивой девушкой.

У него есть девушка?

Ну, разумеется, есть. Наверняка у такого привлекательного парня есть десятки девиц, которые падают к его дурацким, длинным, клоунским ногам.

Я чувствую, как меня бросает в жар, и мне это не нравится.

Алкоголь затормаживает мои мысли, и не успеваю я притвориться, что не заметила его, как он уже направляется ко мне, придерживая одной рукой девушку. Она улыбается мне так, словно мы знакомы.

— Привет, Кэсси, — говорит она. Ее внешность мне действительно знакома, но мой мозг сейчас затуманен. — Я Элисса. Учусь на факультете театральной техники вместе с Руби.

— Ох, точно. Привет, Элисса. — На днях она разговаривала с Руби на нашем совместном занятии по семиотике. Милое личико. Выразительные глаза.

Я перевожу взгляд на Холта, и мое лицо вспыхивает, когда я замечаю, что он пялится на мою грудь. Он поспешно поднимает взгляд на мое лицо и откашливается.

— Тейлор, — говорит он и кивает.

— Холт. — Я стараюсь не позволить своему мозгу признать, как же до тошноты красиво он смотрится в своих темных джинсах и синей чуть расстегнутой рубашке с закатанными рукавами.

Бицепсы. Неплохо.

— Я думала, ты не придешь, — говорю я.

— Ну, я слышал, что вся школьная тусовка будет здесь, поэтому не смог остаться в стороне.

Взгляд Элиссы метается между нами, и тут я задаюсь вопросом, известно ли ей, как сильно ее парень действует мне на нервы?

— Кэсси, так значит, вы с Итаном учитесь вместе на факультете актерского мастерства?

— Да, но мы еще не особо много практиковались.

— Ну, прошла всего неделя, — улыбается она. — Скоро пройдут пробы на постановку первого семестра. Ходят слухи, что собираются ставить «Ромео и Джульетту». Кто знает? Может вы двое, в итоге сыграете несчастных влюбленных.

Мы с Холтом взрываемся оглушительным смехом, словно это самое забавное, что мы когда-либо слышали.

Элисса смотрит на нас, как на умалишенных.

— Ну, ладно, — говорит она, хлопая в ладоши. — Мне нужно напиться, как можно скорее. Увидимся позже, ребята.

Она проскальзывает мимо меня, и идет дальше по коридору.

— Я уйду через два часа, — кричит ей в след Холт. — Если хочешь поехать домой на машине, найди меня к этому времени, либо тащись на своих двоих.

Ого. Мне бы такого любезного парня.

Я презрительно качаю головой.

— Что? — спрашивает он.

— Ты.

— А что я?

— Ты всегда с ней так разговариваешь?

— Да.

— Почему?

— А почему нет?

— Потому что это *грубо*.

Он кидает мне кривую усмешку и качает головой.

— Это еще вежливо. Дома я ей говорю вещи намного хуже.

— Дома?

— Ага.

— Ты живешь с ней?

— Ну, предпочел бы не жить, но я никак не могу избавиться от нее. Один раз я оставил ее в подъезде и запер входную дверь, но она такая находчивая, что открыла замок с помощью шпильки и скрепки.

— Боже, Холт, ты просто... такой... ар-р! Почему она живет с тобой? Ты официально самый отстойный парень в мире.

Его глаза округляются. Потом он смеется.

— Элисса не моя девушка. Господи, это отвратительно. Она моя сестра.

Теперь пришел черед мне удивляться.

— Твоя сестра?

— Да.

Чувство облегчения никогда не было столь ненавистным.

— Не волнуйся, Тейлор, — шепчет он. — Я одинок. Нет причин для ревности.

Я смеюсь.

— Я не ревную. Просто радуюсь, что ты не отравляешь своим ядовитым поведением какого-нибудь несчастного представителя противоположного пола.

Нечто темное вспыхивает в его глазах, когда он опускает взгляд, и у меня создается впечатление, словно я сказала что-то по-настоящему плохое. Я уже было собираюсь расспросить его, как вдруг появляется Коннор и кладет мне руку на плечи.

— Привет, Кэсси. Я искал тебя. Рад, что ты пришла.

Он обнимает меня, и я чувствую, как Холт наблюдает за нами.

— Ни за что бы не пропустила, — говорю я, обнимая его в ответ.

— Привет, Итан, — говорит он и похлопывает Холта по плечу. — Спасибо, что пришел, приятель.

Холт улыбается, но улыбка получается натянутой и вымученной.

— Ни за что бы не пропустил.

— Ну, — начинает Коннор. — Многие из нашей группы играют в алкогольные игры внизу. Присоединитесь?

Я улыбаюсь.

— Конечно.

Холт пожимает плечами. Коннор показывает нам путь.

Внизу мы находим около двадцати наших одноклассников, которые сидят кругом среди множества бутылок, банок пива, и стаканчиков от шотов, разбросанных по всему полу.

— Я привел вам еще двоих, — говорит Коннор, вводя нас в круг. Бурную реакцию группы можно описать только как пьяный гогот.

Зои тотчас усаживает Холта рядом с собой и протягивает ему выпивку. Коннор садится сбоку от меня. Джек дает всем нам стопки с коричневатой жидкостью. Холт тут же опустошает свою и отказывается от добавки, бормоча что-то о том, что он за рулем. Это довольно иронично, потому что он один из немногих в нашей группе, кому уже есть двадцать один и при этом он единственный, кто не пьет.

Я опустошаю свою стопку, и начинаю кашлять словно проглотила кислоту.

Все смеются, и игра начинается.

Я пытаюсь сконцентрироваться, но правила мне совершенно не знакомы. Все заканчивается тем, что я выпиваю много.

Чересчур много.

Спустя некоторое время, все вокруг принимает забавный вид. Все такие милашки. Я хочу обнимать и целовать всех просто, потому что они такие милые, красивые и забавные.

И еще эта музыка. Громкая и непрекращающаяся.

Кто-то ставит меня на ноги. Коннор.

Он обнимает меня, и я, обнимая его в ответ, стараюсь танцевать, но единственное, что у меня получается делать, это просто шаркать ногами. Коннору все равно. От него исходит тепло, пока он нежно водит своим носом вдоль моей шеи.

— Ты так хорошо пахнешь, Кэсси.

Я улыбаюсь, потому что мне щекотно. Потому что он такой милый. Потому что мне нравится то, как он обнимает меня. Я висну на нем и улыбаюсь, но внезапно мое тело наливается тяжестью.

Потом он губами касается того места, где водил носом, и я чувствую легкое покалывание. Но что-то не так.

Комната наклоняется. Я отступаю. Говорю себе, что вовсе не ищу глазами Холта, но не могу ничего с собой поделать.

Все вокруг танцуют и смеются. Целуются.

Я обнаруживаю Холта в другом конце комнаты, сидящим на диване с колой в руках. Зои разговаривает с ним и щупает его, выражая всем своим видом: «Я позволю тебе сделать со мной все, что угодно». Но он не слушает ее. Он смотрит на меня, и покалывание в моем теле увеличивается в разы.

Я не хочу, чтобы он вызывал во мне подобные чувства, поэтому поворачиваюсь обратно к Коннору. Он поглаживает меня по спине. Так приятно.

Его лицо близко, в его глазах читается тот самый взгляд. Взгляд, выражающий, что он хочет меня.

Я всегда мечтала, чтобы парни так смотрели на меня. И вот один наконец-то смотрит, но думать я могу только о хмурой mine на противоположном конце комнаты.

— Кэсси, я хочу поцеловать тебя.

Он вглядывается в мое лицо, в поисках ответа. Я хочу, чтобы он поцеловал меня, но думаю дело в алкоголе.

В моей голове раздается голос Руби, призывающий прекратить быть трусихой и просто сделать это.

Коннор пристально смотрит на мои губы, в то время как его лицо становится все ближе и ближе, а меня охватывает жар и опьянение.

Потом Коннор целует меня, и часть меня хочет поцеловать его в ответ, но я просто не могу.

Я отстраняюсь.

— Коннор...

Он улыбается и опускает голову.

— Прости, — говорю я. Думаю, у меня есть серьезные отклонения, раз я не хочу целовать такого красивого и милого парня.

Он качает головой.

— Не бери в голову.

— Я хочу, действительно хочу... — говорю я невнятно, но искренне.

— Да, но у меня ощущение, что кое-кого другого ты хочешь поцеловать больше.

Он прикасается к моей щеке, и затем исчезает в лестничном пролете, не оставляя мне шанса сказать ему, что он не прав.

Музыка сменяется, и заставляет пол вибрировать так, что он грозит уйти у меня из-под ног.

Неуверенными шагами я направляюсь в сторону диванов. Они кажутся так далеко.

Кто-то берет меня за руку и помогает. Я, не глядя, знаю, что это Холт.

Джек появляется с другой стороны и смеется.

— Тейлор, ты таааак набралась!

Все вокруг смеются, как гиены.

Теплые руки пытаются усадить меня на диван, но Джек снова протягивает мне бутылку. С моей стороны было бы грубо отказать. Я ударяю по рукам помощи и беру бутылку.

Все смеются, и я следую их примеру. Слишком громко. Слишком пронзительно. Пьяная я смеюсь как идиотка.

— Все, хорош, она выпила достаточно.

Голос Холта. Грубый. Похож на голос моего отца.

— Чувак, никто насильно не вливает ей это в глотку. Она уже большая девочка.

— Дай бутылку кому-то другому, Эйвери. *Сейчас же.*

Я спотыкаюсь, и все хихикают.

Очевидно, пьяная Кэсси – забавное зрелище.

Все лица размытые. Я моргаю несколько раз. Ноги подкашиваются, и теплые руки вновь меня подхватывают.

— Господи, Тейлор, может, ты уже сядешь, пока не шмякнулась на пол.

Недовольный голос. Не одобряет поведение Пьяной Кэсси.

Пьяной Кэсси всё по барабану.

Смешки.

Просто пошли всех на «Х». Говорю мысленно.

Непослушная Пьяная Кэсси.

Я плюхаюсь на софу. Так мягко. Я устала. Сильно устала.

Прижимаюсь к его телу. Упругому и теплему. Пахнет приятно. Я поворачиваюсь к нему лицом, чтобы лучше ощутить аромат. Хлопковая рубашка. Плечи. Хватаю и вдыхаю. Приятно.

— Да, чтоб меня! — Мужской голос. Сексуальный.

Я трогаю его смелее. Дергаю за воротник, притягивая ближе. Под воротником — кожа. Теплая. Горит под прикосновением моих пальцев.

— Господи, Тейлор... — Его голос больше не сердитый. Другой. Умоляющий. — Остановись.

— Нет. Такхоршо. Приятнопахнешь.

Мне хочется еще больше его тепла, поэтому я залезаю ему на колени. Ноги по сторонам от его бедер. Нос прижат к шее. Руки в волосах. Так хорошо.

— Да сколько можно?! — Он отталкивает меня, и я надуваю губки.

Смотрю ему в лицо. Он такой красивый, когда хмурится.

— Тейлор, остановись. Ты пьяна.

Я подаюсь вперед.

— Пожалуйста, — говорю я, прижимаясь к его телу. — Простхчу поспать минутку.

Припадаю к его шее. Вдыхаю аромат теплой мужской кожи.

Он напрягается подо мной, но мне удобно. Его запах потрясающий.

— Эй, зацените! — *Ш-ш-ш, Джек. Слишком громко.* — Тейлор наконец-то нашла способ смутить невозмутимого Холта. Кажется, он краснеет!

Больше смеха.

— Ш-ш-ш, — шепчу я, касаясь губами его шеи. Он стонет, и мне хочется проделать это снова.

— Эйвери, ну ты и придурок, — говорит он тихо, но для меня это все также громко. Я пытаюсь прикрыть ладонью его рот, но отводит мою руку в сторону. — Она перебрала, и ее скоро вырвет.

— Она в порядке, приятель. Взгляни на ее улыбку. Она не может насытиться тобой. Я бы не жаловался на твоём месте.

Я хочу, чтобы все заткнулись. Просто хочу поспать.

Со стоном, я зарываюсь с головой в шею Холта. Он ерзает подо мной.

— Принеси ей немного воды, пока я не надрал тебе зад. — Его грудь вибрирует подо мной, когда он говорит. Ощущения приятные. Так по-мужски.

— Ладно, ладно. Господи, прими уже эту долбанную таблетку.

Я обнимаю его крепче.

— Перстанговрить. Ш-ш-ш. Дай поспать.

— Тейлор. — Его голос становится мягче, менее грубым. — Ты должна слезть с меня. Пожалуйста.

— Нехчу. Так хорошо. — Я запускаю руку ему под рубашку. Какие у него мускулы! Так приятно.

— Черт, Тейлор. Бога ради, прекрати, пока я не наделал глупостей.

Его руки ложатся на мои бедра, пытаюсь меня сдвинуть. Я двигаюсь, но не слезаю с него. Прижимаюсь сильнее.

Я чувствую его. Он твердый. Боже. Такой твердый.

Он снова стонет, утыкаясь лицом мне в шею.

— Господи....

Все мое тело горит. Изнывает. Жаждет.

Я двигаю бедрами.

Он чертыхается, и меня это заводит. Его губы у моего уха.

— Кэсси, только не так. — Он хватает меня за бедра и умиряет. — Не тогда, когда ты пьяна и завтра ничего не вспомнишь. Остановись.

Я вся горю, но он не позволяет мне двигаться.

Опускаю плечи. Принимаю поражение.

— Кэсси, посмотри на меня.

Открываю глаза.

Ох, не лучшее решение.

Все вокруг плывет.

Меня словно качивает.

— Кэсси?

Мир кренился. Он смотрит на меня. Обеспокоенно.

— Кэсси?

— Мннеоченхоршо.

Поднимаюсь. Чуть ли не падаю. Руки придерживают меня. Сильные. Обжигающие.

— Блин, женщина. Полегче.

— Явпрядке.

Отстраняюсь. Осторожно иду вдоль коридора.

Ванная комната. Около двери. Туалет слишком далеко. Доползти до него.

Желудок сжимается, и рот приоткрывается.

Коричневатая жидкость и кукурузные чипсы так и норовят вырваться из меня. Жжение в теле нарастает, и меня выворачивает наизнанку. Живот сводит до тех пор, пока он окончательно не опустошается. Я чувствую усталость. Такую сильную усталость.

Закрываю глаза. Передо мной мелькают вихри в черно-серых тонах, и я плыву на лодке посреди шторма, качаясь из стороны в сторону.

Когда я вновь открываю глаза, он берет меня на руки, вытаскивая из машины. У него мои ключи и только он открывает дверь, как я издаю стон. В следующее мгновение, меня уже выворачивает перед унитазом, пока он придерживает мои волосы и поглаживает по спине. Я плачу и чувствую себя отвратительно, тогда как он утешает меня и вытирает лицо мокрым полотенцем.

Затем он укладывает меня в кровать. Темнота вихрями окутывает меня, и я отключаюсь.

Когда я просыпаюсь, мое тело ломится от боли. Солнце светит слишком ярко. Острая пронизывающая боль проникает в глаза и отдается прямо в мозгах. Желудок сводит судороги, а брюшные мышцы болят так, как после изнурительного качания пресса.

Я издаю стон и накрываю голову подушкой, но внезапно чьи-то руки сдергивают ее с меня. Я приоткрываю один глаз и вижу Холта, который стоит сбоку от меня, протягивая стакан воды и тайленол.

— Прими это, — голос у него тихий, но даже это громко для моей раскалывающейся головы.

Я пытаюсь сесть, но боль невыносима. Поворачиваюсь набок, потом беру таблетки и запиваю водой. Это никак не притупляет ужасный привкус у меня во рту. Я откидываюсь

обратно на подушку.

Должно быть, сон вновь одолевает меня, потому что, когда я снова открываю глаза, до меня уже доносится запах бекона и слышны звуки чьей-то возни на кухне.

Я кое-как ковыляю в ванную комнату и справляю нужду так, словно никогда раньше не ходила в туалет. Соблазн принять теплый душ слишком велик, чтобы воспротивиться ему, поэтому я сбрасываю с себя одежду и остаюсь под струями воды до тех пор, пока не начинаю чувствовать себя более или менее человеком. Я мою волосы и тело, потом оборачиваюсь в полотенце и чищу зубы и язык. Дважды.

По завершении, я чувствую себя немного лучше. Моя голова все также трещит и желудок расстроен, но я способна функционировать.

Я открываю дверь ванной и сталкиваюсь с Холтом. Его взгляд задерживается на моих мокрых волосах и теле, прикрытом полотенцем, прежде чем он устремляет его на мое лицо.

Он откашливается.

— Э-э... привет.

— Привет, — говорю я. Это так странно видеть его в моей квартире, что создается ощущение, что я все еще невероятно пьяна.

— Я...э-э... приготовил тебе поесть, — говорит он и засовывает руки в карманы.

Я хмурюсь.

— У нас же нет еды.

— Я сходил и купил кое-что. Тебе надо поесть. Это улучшит твое самочувствие.

— Хорошо.

Он стоит на месте, заслоня собой проход, и глазеет на меня, покусывая изнутри щеку.

— Э-э, Холт?

— Хм-м?

— Тебе надо подвинуться, чтобы я смогла пойти в свою комнату и что-нибудь напялить.

— О... точно.

Он поворачивается и уходит обратно на кухню.

Я напяливаю на себя спортивный костюм и пробегаюсь расческой по волосам. Потом сажусь за наш крошечный обеденный стол вместе с Холтом. Он приготовил яйца, бекон и картофельные оладьи. Передо мной стоит чашка кофе и стакан апельсинового сока. Ситуация поистине нестандартная.

— Э-э... ого, — говорю я. — Это... Ух ты! Ты... ты приготовил картофельные оладьи? Сам?

— Ага, — говорит он, кидая кусочек яичницы в рот. — Это несложно.

— Ну, может для тебя. Без рецепта, я не могу даже вскипятить воду.

Он наблюдает за мной и, несмотря на то, что мой желудок не очень рад еде, я все равно ем.

— Хм-м-м, — бормочу я, набитым оладьями и беконом, ртом. — Очень вкусно.

— Моя мама частный шеф-повар. Она кое-чему меня научила. — Он пожимает плечами и продолжает есть. Время от времени он поглядывает на меня, его взгляд темный и непроницаемый.

Когда мы заканчиваем, он убирает со стола, а я принимаюсь за кофе. Ненамеренно я тарашусь на его задницу, пока он моет посуду.

Я не должна смотреть на его задницу. Ничего хорошего из этого не выйдет. И все же, он так добр ко мне, что я решаю отплатить его заднице и позволяю себе заметить, насколько

сексуально она выглядит в этих джинсах.

Он поворачивается и прислоняется к раковине, так что поневоле в поле моего зрения оказывается его пах.

Он ловит мой пристальный взгляд. Я хватаю свой кофе и делаю внушительный глоток, но жидкость попадает не в то горло, и я начинаю задыхаться и кашлять.

— Ты в порядке?

— Ага.

Спокойно.

Неудивительно, что у меня никогда не было парня.

— Ну... — говорит он, указывая на телефон на кухонной скамье. — Звонила твоя соседка узнать, как ты, и просила передать, что будет дома чуть позже.

— Ох, да?

— Она интересовалась, нужно ли ей заниматься стиркой до конца месяца?

Я улыбаюсь.

Ну, я сексуально домогалась Холта. При этом мы даже не целовались, и мне интересно засчитает ли это Руби.

Я краснею при мысли об этом.

— Слушай, Холт, насчет прошлой ночи...

— Да, кстати об этом, — говорит он, потирая глаза. — О чем, черт возьми, ты думала, когда столько пила? У тебя же могло случиться алкогольное отравление.

— Я... — *пыталась быть той, кем не являюсь.* — Просто хотела оторваться.

— Ну и как? Хорошо оторвалась, вырабатывая рвоту?

Я качаю головой.

— Вначале мне было хорошо. Люди смеялись.

— Это потому что ты нажралась и приставала ко всем парням в комнате.

— Не ко всем, — защищаясь, говорю я. — Только к Коннору. И... к тебе.

— Ну, этого вполне достаточно, — бормочет он. — А что вообще произошло между тобой и Коннором? В одно мгновение — ты целуешься с ним, а в следующее — лапаешь меня.

— Я не целовала Коннора. Это он поцеловал меня.

— Без разницы.

— И, вообще, это едва ли можно назвать поцелуем.

— Тогда, видимо, ты была в хлам возбуждена.

— Я не была возбуждена, — говорю я с негодованием.

О боже, я была так возбуждена.

— Ну, мне лучше знать, учитывая, что ты на мне сидела.

— Я была... ну... там был ты и я... э-э...

— Возбудилась?

— *Напилась*, потому-то все и произошло. Никак иначе. Будь я в трезвом уме, я бы не стала делать такого ни с тобой, ни с кем-либо еще.

— Потому что ты ненавидишь меня.

— Именно.

— Но все же хочешь.

— Что?! Нет!

— Да.

— Ты несешь бред.

— Эй, это ты обнюхивала меня, целовала в шею, и терлась об мой... ну... об меня. Не будь я таким джентльменом, мы бы, скорее всего, потрахались перед всеми нашими однокурсниками.

Его слова просто нелепы, но так как моему телу неизвестно это, ощущение покалывания, что я чувствовала прошлым вечером, возвращается словно в отместку.

— Холт, два человека, которые ненавидят друг друга, не могут...

— Трахаться?

— Заниматься сексом.

— Конечно, могут. Такое случается сплошь и рядом.

— Не в моем случае.

— Очень жаль.

Между нами повисает тишина.

Я улыбаюсь и качаю головой.

Он хмурится.

— Что?

— Я не могу тебя понять, вот и все. В одно мгновение – ты прикидываешься плохим парнем, словно наступит конец света, если ты будешь вежлив со мной, а в следующее – ты весь из себя хороший, подвозишь меня домой, покупаешь еду и готовишь мне завтрак. Что тебя подтолкнуло на это?

Он начинает тереть ногти.

— Я всю ночь задавался тем же вопросом.

— И к чему пришел?

— Понятия не имею.

— Момент слабости?

— Очевидно.

— Может, ты тогда больше хороший парень, чем плохой.

Он издает короткий смешок.

— Тейлор, я много какой, но могу уверить в одном тебя точно – я не из хороших парней.

Хочешь спроси у моих бывших.

Выражение его лица резко меняется, будто он сказал совсем не то, что имел в виду.

Прежде чем я успеваю что-либо ответить, он выпрямляется, отряхивается и делает шаг к двери.

— Ну, я пошел. У тебя, наверно, много дел.

— Я ничего не планировала, — говорю я. Он останавливается и смотрит на меня. — Ты можешь... э-э... остаться, если хочешь.

Никогда не думала, что настанет момент, когда я захочу побыть в компании Холта, но часть меня хочет этого. Сильно.

— Я... э-э... — Он опускает взгляд на ноги. — Нет. Мне надо идти.

Мне не нравится, охватившее меня чувство разочарования.

— О. Ну ладно. Спасибо за то, что подержал мне волосы, за завтрак и все остальное.

— Ага, нет проблем.

Я провожаю его до двери. Он выходит на площадку и поворачивается ко мне.

— Ну, думаю, увидимся в понедельник.

— Да. Увидимся.

Когда он уже собирается отвернуться и уйти, я говорю:

— Так ты будешь разговаривать со мной на следующей неделе, или это было лишь кратковременным отклонением от твоего плана не быть друзьями?

Он поворачивается обратно, почти улыбаясь.

— Тейлор, наша дружба только все... усложнит.

— Еще сильнее, чем сейчас?

— Да.

— Почему? Наступит конец света, если мы начнем тусоваться вместе?

Его напряженное выражение лица фокусируется на мне.

— Да. Моря выйдут из берегов, небо потемнеет, и каждый вулкан в мире начнет извергаться, что положит конец цивилизации в том виде, в каком мы ее знаем. Так что ради блага человечества... точнее, ради всех, кто тебе дорог... держись от меня подальше. — Его вид такой серьезный, что мне все это вовсе не кажется шуткой.

— Итан Холт, ты самый странный человек из всех, кого я встречала.

Он кивает.

— Приму это за комплимент.

— Кто бы сомневался.

Он смотрит на меня еще несколько мгновений, потом качает головой и направляется к своей машине.

Я смотрю ему вслед, пока фары его машины не скрываются за углом.

После, я закрываю дверь, возвращаюсь к себе в комнату и забираюсь в постель. Устраиваясь поудобней на подушке, я гадаю, каким Холт предстанет передо мной на следующей неделе: напыщенным придурком, от которого у меня вскипает кровь, или милым парнем, который приготовил мне картофельные оладьи.

Часть меня надеется на оба варианта.

5

ПОЖЕЛАНИЯ С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ

Вестчестер, Нью-Йорк

Дневник Кассандры Тейлор

Четвертая неделя занятий

Дорогой дневник,

Сегодня мой день рождения.

Ага. Девятнадцать лет стараний быть идеальной для всех, сведенных к тому, что я потеряла саму себя.

Как, черт возьми, такое могло случиться?

Не знаю, с чем именно связано мое депрессивное состояние: с тем, что к этому времени мне следовало добиться в жизни большего, или с тем, что я девятнадцатилетняя девственница, которая отчаянно жаждет секса.

Без сомнений, дело во втором.

У меня никогда не было парня. Проникновенных поцелуев. Ни один парень никогда не трогал мою грудь, задницу, или хоть какую-то часть моего обнаженного тела, и боже, я отчаянно в этом нуждаюсь.

Часто по ночам я трогаю себя и представляю вместо своих рук – чужие, пытаюсь достичь сокрушительного удовольствия, о котором читала в серии любовных романов и в «Космо». Но каждую ночь я попросту сдаюсь, потому что хоть я и чувствую, что в моем теле нарастает неизведанное мне чувство – нечто яркое и взрывное, до которого рукой подать – я никак не могу ухватиться за это. Словно я нахожусь на грани чиха, все вдыхаю и вдыхаю, но облегчения в виде оргазма так и не происходит. В буквальном смысле.

Конечно, не помогает и мое недавнее открытие – интернет-порно, которым я стала просто одержима.

В начале, мне было неловко наблюдать за тем, как крупным планом мужские и женские гениталии толкаются друг напротив друга, но на смену смущению быстро пришло восхищение. Чувственное, обжигающее восхищение.

В основном пенисами.

Ох, эти красивые пенисы. Конечно, когда они в спокойном состоянии, они такие дряблые, морщинистые и противные. Но в возбужденном? Просто отпад! Они прекрасны. Великолепны. Невероятно сексуальны.

Я в восторге от них.

Не сомневаюсь, ощущения от них удивительные. Поэтому мужчины так сильно озабочены своим размером?

В ночь, когда я в нетрезвом виде набросилась на Холта, был единственный раз, когда пенис оказался в зоне моей досягаемости, и хоть ощущения были приятными, мне бы хотелось подержать один в руке.

Может Холт позволит мне дотронуться до своего? Держу пари у него очень хороший пенис. Не сомневаюсь, что он такой же прекрасный, как и его глупое безупречное лицо, красивые глаза и мускулистое тело. Не сомневаюсь, если он выдвинет свой пенис на конкурс, то получит звание лучшего и будет щеголять с гигантским голубым бантом в области паха.

Интересно, если я вежливо попрошу его, согласится ли он с помощью своего красивого пениса удалить мою назойливую девственность?

Готова поспорить, я единственная девственница в группе. Я питала большие надежды, что Мишель Тай все еще состоит в нашем женском клубе девственниц, но на днях она пришла на занятия, хвастаясь тем, что наконец-то встретила с парнем, с которым занималась виртуальным сексом, и на прошлых выходных они затрахаили друг друга до бесчувственного состояния. Она шепнула мне, что кончила четыре раза. Четыре!

Боже мой, я бы рада кончить один раз, а она целых четыре? Это просто невыносимо.

Я не разговаривала с ней несколько дней. Моя ревнивая вагина не позволяла мне.

Клянусь, иногда я в таком отчаянии, что готова схватить первого парня, который подойдет ко мне, накинуться на него и не успеет он даже опомниться, сорвать с него одежду. А потом я...

— Привет, Тейлор. Пишешь роман?

Я в панике закрываю свой дневник и смыкаю вместе ноги. Поднимаю взгляд и вижу Холта, который смотрит на меня с одной из его фирменных усмешек на лице.

— Чего тебе надо? — спрашиваю я, засовывая свой дневник глубоко в сумку. Ценой больших усилий, мне удается сдержать себя и не вцепиться ему в пах.

Я обмахиваюсь, Господи Иисусе, мое лицо пылает огнем.

— Да что с тобой такое, женщина? Ты больна?

Он дотрагивается тыльной стороной пальцев до моего лба. Я могу думать лишь о том, как хочу, чтобы его пальцы ласкали меня в интимных местах.

Да, я больна. В чрезвычайно сексуально-извращенной форме.

— Я в порядке, — говорю я и встаю, чтобы уйти подальше от него. Все заканчивается тем, что я теряю равновесие и клонюсь к земле. Потом его руки подхватывают меня, и мое возбужденное, изголодавшееся тело оказывается напротив него. Я изо всех сил борюсь с желанием не прижаться к его бедру.

— Вот дерьмо, ты сегодня даже на ногах не держишься, — ворчит он. — Что за черт?

У меня есть лишь мгновение, чтобы насладиться ощущением его рук под моими, прежде чем он отстраняется, и проделывает свой уникальный трюк – выдыхает, проводя пальцами сквозь волосы.

Мне надо убраться от него подальше, иначе, клянусь крошечным, приятно пахнущим младенцем Иисусом, я повалю его на землю и оседлаю.

Я поворачиваюсь и ухожу.

— Куда ты, черт побери, собралась? — кричит он мне в след.

— Куда-нибудь.

— Тейлор, спектакль с участием Бензо Ра скоро начнется. В театре. Который находится в направлении противоположном тому, куда ты сейчас направляешься.

Я замираю на месте. Из-за своей одержимости сексом я чуть не забыла о постановке всемирно известной труппы, которая посетила нашу школу и выступит с эксклюзивным спектаклем.

Я разворачиваюсь на каблуках и проношусь мимо него.

— Я это знала.

Он идет нога в ногу рядом со мной. Я начинаю идти быстрее, чтобы отвязаться от него, но куда мне до его дурацких, длинных ног.

— Ты будешь прослушиваться на роль Джульетты на следующей неделе? — интересуется он.

Я усмехаюсь и качаю головой.

— Нет.

— Почему нет?

— Потому что мне и подавно не светит главная роль. Мне скорее достанется роль «третьей гостыи слева», и во время репетиций я буду сидеть в гримерной, решая кроссворды.

Он останавливается и смотрит на меня.

— Почему, черт побери, ты не хочешь попробовать?

— Потому что я могу облажаться.

— С чего бы это?

— Потому что, — говорю я, — я смотрю на наших одноклассников и вижу, что все — абсолютно все — имеют больше представления о том, чем мы вообще здесь занимаемся. Практически у всех есть какой-нибудь профессиональный опыт и некая подготовка, в то время как я в этом полный ноль. Такое ощущение, будто вы, ребята, уже водите спортивные машины, а я все еще катаюсь на детском четырехколесном велосипеде.

Он хмурится.

— Какие глупости.

— Правда? Холт, в моей школе даже не было курсов актерского мастерства. Я взяла

пару частных уроков у парня, чьим звездным часом стала роль приглашенной звезды в шоу «Дерзкие и красивые»¹¹, а на днях я услышала разговор Зои и Фиби о Станиславском¹², и ей-богу, выпалила: «Ух ты, я обожаю его. Кажется, я видела его на финальной игре Открытого чемпионата США по теннису».

Несколько секунд он смотрит на меня своими раздражающими голубым глазами, не моргая.

— Ну, эй, каждый может так ошибиться. Отца современной актерской системы легко спутать с игроком в теннис.

Он сохраняет спокойствие ровно три секунды, потом его лицо расплывается в широкой улыбке, и он сгибается пополам от смеха.

— Ненавижу тебя, — говорю я, уходя от него.

— О, да брось, Тейлор, — призывает он, следуя за мной.

— Я говорю тебе, о том, какой неуверенной и ущербной чувствую себя, и это твоя реакция? Видишь? *Вот почему* мы не друзья.

— Ничего не могу поделать.

— Знаю. По всей видимости, мое невежество вызывает у всех смех.

Он хватает меня за руку и останавливает. Его смех стихает.

— Кэсси, ты не невежественная. Неужели ты и правда думаешь, что на прослушивании кастинг-директора будет волновать, знаешь ты кто такой Станиславский или нет?

— Без понятия. Я никогда не проходила прослушивание у кастинг-директора, ведь у меня нулевой опыт.

— Но ты играла в пьесах...

— Я была в составе хора двух мюзиклов, где единственным требованием было лишь показаться на прослушивании. Вряд ли это можно назвать звездной техникой.

— Да я тебя умоляю, ты же все-таки поступила сюда, — говорит он, разводя руки в стороны. — Они выбрали тебя из тысяч претендентов, и на это не повлияло то, на скольких кастингах ты была или во скольких бездарных пьесах или фильмах принимала участие. Они приняли тебя, потому что ты чертовски талантлива, понятно? Перестань быть настолько неуверенной в себе и признай это.

Я поднимаю него взгляд.

— Ты думаешь... я талантлива?

Он вздыхает.

— Господи, Тейлор, да. Очень талантлива. У тебя столько же шансов получить главную роль, как и у любого другого. Может даже больше, потому что во время игры в тебе появляется... такая глубокая уязвимость. Есть в этом... нечто необычное.

На долю секунды взгляд, которым он смотрит на меня, становится практически нежным. Потом он откашливается и продолжает:

— Ты будешь полной дурой, если не станешь прослушиваться. Из тебя получится идеальная Джульетта.

Фраза «идеальная Джульетта» отдается в моей голове сладостными, сексуальными отголосками.

— Ну, может, я и попытаюсь, — говорю я, водя ногой по земле. — Даже в свой самый отстойный день, я все же лучше, чем Зои.

Он смеется.

— Так и есть.

— Ну, а что насчет тебя? — спрашиваю я, стараясь идти медленно, чтобы попадать с ним нога в ногу. — Ты будешь прослушиваться на роль Ромео?

Он качает головой.

— Ни за что. Мне придется удалить свои яйца, чтобы сыграть этого размазну.

— Эй, нельзя так говорить о величайшем романтическом герое всех времен.

— Он не герой, Тейлор, он мягкотелый и непостоянный придурок, который путает страсть с любовью, а потом убивает себя из-за цыпочки, с которой только что познакомился.

— Как грубо! — смеюсь я. — Ты не веришь, что он любил Джульетту?

— Черт, нет. Его бросила Горячая Цыпочка Номер Один – Розалин. Он тоскует по ней как ребенок, который потерял щенка, в его случае — киску. В результате цепочки сомнительных событий, он встречает Горячую Цыпочку Номер Два – Джульетту. Он мгновенно забывает о Горячей Цыпочке Номер Один и так отчаянно жаждет трахнуть Горячую Цыпочку Номер Два, что делает ей предложение спустя всего несколько часов, после знакомства. В смысле, да ладно. Даже если ее вагина способна делать массаж шиацу и высвистывать гимн, необязательно на ней жениться, чтобы ее заполучить.

Я качаю головой над циничностью, которая идет рядом со мной в человеческом обличье.

— Значит, по-твоему, нет ни малейшей вероятности, что он просто влюбился в нее с первого взгляда?

— Любовь с первого взгляда – это миф, выдуманный авторами любовных романов и Голливудом. Чушь собачья.

— Боже, как ты умудряешься быть таким циником?

— Я не циник. Я реалист.

— Заметно.

Он останавливается и поворачивается ко мне с серьезным выражением лица.

— Взгляни на это с другой стороны. Представь, что ты увидела сексуального парня. В тебе происходит незамедлительная сильнейшая реакция на него. По-твоему, это любовь?

Сомневаюсь в уместности подобных вопросов.

— Ну... я... хм...

— Ладно, я перефразирую. Передо мной девушка. По какой-то причине, я смотрю на нее, как на... боже, не знаю. Словно нашел нечто драгоценное, что я даже не подозревал, что терял. Я чувствую что-то к ней. Что-то первобытное. Скажешь, я чувствую любовь? Не страсть?

— Я не знаю. Чисто гипотетически эта девушка сексуальна?

— Зашибись как. Настолько сексуальна, что я вообразить себе такого не мог. Только посмотри, как она меня заводит. Это раздражает до чертиков.

Да уж. Этот разговор принял серьезный, возбуждающий оборот. Как раз то, что мне сегодня нужно.

— Я... ну...

— Да ладно, Тейлор. Я влюблен?

Смотрю на его пах.

— Ну... э-э, не знаю... Не могу дать твердый, — Боже я сказала «твердый», уставившись на его пах, — ответ. В смысле... э-э... Ух ты.

— Разумеется, я не влюблен! Это странная химическая реакция, которая пройдет. Я не стану делать ей предложение, потому что могу просто трахнуть.

Мой разум уносится в самые извращенные уголки сознания.

— Тейлор! — Он щелкает пальцами перед моим лицом. — Сосредоточься.

— Так... э-э... по-твоему, сильная реакция на представителя противоположного пола — всегда чисто физическая?

— Да. Если бы история Ромео и Джульетты произошла в реальной жизни, минус нелепая смерть, вполне возможно, что в итоге Джульетта сломала бы Ромео, трахнув Меркуцио.

Его вид такой серьезный. Это забавно и в то же время трагично.

— Подумай об этом, Тейлор, — говорит он, наклоняясь вперед. — Ромео думал, что любил Розалин, и она разбила ему сердце. Думаешь, он не пришел бы в ужас от подобного поступка Джульетты, учитывая, что его связь с ней в сто раз сильнее?

Я поднимаю брови.

— Может, он достаточно смел и считает, что риск стоит того.

— Ага, или он просто возбужденный и тупой.

— Романтический аргумент был бы уместен, если бы они отрицали свою любовь... связь... называй как хочешь. Им просто не за что было бы бороться. Не в этом ли смысл жизни? Найти в целом мире человека, который идеально тебе подходит?

— Вообще-то, Тейлор, суть жизни в том, что человек не должен лишать себя ее. Ромео и Джульетта просчитались в этом.

Я качаю головой, не веря своим ушам.

— Хочешь сказать, что будь ты на месте Ромео, то ушел бы от Джульетты?

— Да, — говорит он, и глазом не моргнув.

— Хм-м-м-м.

— И что это значит?

— Ничего. Просто задумчивый звук.

— И о чем ты задумалась?

— О том насколько сильно ты обманываешь себя. — Я прищуриваю глаза, прикладывая пальцы к подбородку. — Хм-м-м.

Он выдыхает, буравя меня взглядом.

— Не «хымкай» мне тут, Тейлор. Я не нуждаюсь в твоих тихих, снисходительных звуках.

— Хм-м-м-м.

— Вот же черт! — Он смотрит на свое запястье. — Ого, посмотри на время. Нам надс идти. Шоу скоро начнется.

Точно. Бензо Ра.

Он уходит и следуя за ним, я говорю:

— Э-э... Холт? Ты же знаешь, что на тебе нет часов?

— Знаю.

— Я так, на всякий случай.

Когда через час мы с Холтом покидаем театр, стоит нам только выйти за дверь, как мы даем волю презрению, которое подавляли на протяжении всего спектакля.

— Жесть, — говорит Холт, спускаясь вниз. — Это самое забавное, что я видел с тех пор, как посмотрел «Много шума из ничего» с Киану Ривзом¹³.

Я смахиваю с лица слезы смеха, пока мы направляемся на наше следующее занятие.

— Серьезно, — вздыхаю я. — Это же *профессиональная* театральная труппа. Это может стать нашим будущим.

Он одновременно смеется и тяжело вздыхает.

— Если такое случится, то это будет адской пыткой. Да, они вообще, не имеют права причислять себя к актерам, разве не так? Наверняка в их резюме есть строфа, где указано: «Профессиональный Пафосный Болван».

Продолжая посмеиваться, мы заходим в аудиторию по актерскому мастерству. Эрика уже на месте, за своим столом.

Как только вся группа рассаживается, она говорит:

— Итак, это была одна из самых уважаемых авангардных трупп мира, дамы и господа. Что вы думаете?

Вся группа начинает взволнованно переговариваться. Одна за другой, со всех сторон доносятся фразы вроде: «О БОЖЕ, это было УДИВИТЕЛЬНО!», «ОНИ ТАК УНИКАЛЬН Это было сильно!» и «Самый потрясающий спектакль, который мне приходилось видеть!».

У меня отвисает челюсть.

Им понравился спектакль. Он им *всем* понравился.

Они видели тот же набор нелепых сцен, что и я, и пришли к совершенно другому выводу.

Боже, какая же я идиотка с низким уровнем культуры!

— Их стилизованные движения были продуманны до мельчайших деталей, — взволнованно говорит Зои. — Это было невероятно!

Рядом со мной усмехается Холт, и Эрика поворачивается к нему.

— Мистер Холт? У вас есть что сказать?

— Ничего хорошего, — говорит он, вызываяюще, поднимая подбородок. — По мне, так это было полным дерьмом.

Эрика наклоняет голову.

— В самом деле? И почему вы так думаете?

— Потому что, — начинает он раздраженно, — подразумевается, что на сцене должна быть разница между беспорядочным шумом, движениями и театральной игрой. Даже экспериментальные театры должны представлять перед зрителями свои мысли и эмоции. Предполагается, что по сцене не должно носиться сборище идиотов, как будто у них в заднице застряло шило.

— Вы не считаете, что спектакль смог достичь связи на эмоциональном уровне?

Он смеется.

— Нет, если только их целью не было донести до нас, что они полные болваны.

Зои закатывает глаза, все одnogруппники гудят в знак несогласия.

Холт смотрит на них с презрением.

— Не могу поверить, что вы, ребята, не считаете это дерьмом. Разве мы смотрели совершенно разные шоу? Или вас ослепила их «репутация», и вы просто стадо гребаных овец?

Раздается недовольное бормотание, я успеваю услышать несколько возгласов: «Пошел ты, Холт», пока Эрика не приказывает всем успокоиться и поворачивается ко мне.

Мой желудок сжимается в конвульсиях.

Нет, нет, нет, нет, пожалуйста, не спрашивай меня.

— Мисс Тейлор? Вашего мнения я еще не слышала. Что вы думаете?

О, боже.

Холт смотрит на меня.

Я не хочу показаться невежественной. Я хочу влиться в окружение и всегда говорить правильные вещи.

— Ну...

— Ну же, Тейлор, — говорит Холт. — Скажи им, что думаешь.

— Это было...

Все смотрят на меня. Он. Они. Эрика.

— Думаю, это было...

От меня столько всего ждут. Голова начинает болеть.

— Да, мисс Тейлор?

Взгляд Холта пронзает.

— Это не сложный вопрос. Просто выскажи свое мнение.

Что бы я ни сказала, я облажаюсь.

— Думаю, это было удивительно, — наконец бормочу я. — Невероятно. Мне очень понравилось.

Воцарившуюся тишину нарушает согласное бормотание всех одноклассников.

Всех, кроме него.

Я буквально различаю, как гнев Холта мерцает в воздухе подобно электрическому току.

— Ну, это весьма любопытно, — говорит Эрика. — По всей видимости, вы все придерживаетесь единого мнения, помимо мистера Холта, и должна сказать, — она неожиданно ему улыбается. — Я согласна с ним.

Все охают от изумления.

Я чувствую себя дрянью.

Очередная ошибка. Ну, конечно.

— Только потому что у кого-то есть высокая репутация, не значит, что каждую его работу вы должны молча признавать хорошей. Даже у успешнейших мировых актеров случались провалы. Чего только стоит Роберт Де Ниро в фильме «Анализируй это»¹⁴.

Все смеются.

Эрика скрещивает руки на груди.

— За последние годы я побывала на многих спектаклях с участием Бензо Ра, и должна сказать, что этот спектакль был полнейшим разочарованием. Над ним работали лишенные воображения театралы, что, на мой взгляд, только отвратило публику, а не вовлекло в картину происходящего.

Она продолжает говорить, но я выпадаю из реальности. К горлу подступает тошнота.

После того, как Холт и я неделями рвали друг другу глотки, мы наконец-то начали ладить. И теперь я бросила его под автобус из-за своего желания нравиться людям.

Идиотка.

— Итак, дамы и господа, — говорит Эрика. — Ваше сегодняшнее домашнее задание — написать тысячу слов о том, что вам понравилось и не понравилось в спектакле Бензо Ра. Ссылайтесь на других деятелей экспериментальных театров, таких как Брехт, Брок и Арто¹⁵. Буду с нетерпением ждать ваших отзывов.

Она отпускает нас, и не успеваю я промямлить извинения, как Холт вылетает из аудитории. Я вскакиваю на ноги и следую за ним, но он идет так чертовски быстро, что мне приходится перейти на бег, чтобы догнать его.

— Холт.

Он игнорирует меня.

— Холт, подожди.

Он продолжает идти. Я встаю перед ним и прикладываю руку к его груди, чтобы остановить.

Его лицо подобно шторму.

— Что?

— Ты знаешь, что.

— О, так ты о своем ничтожном поступке по отношению ко мне? Да, я тебя прекрасно понял. Убери с меня свою чертову руку.

Он обходит меня и уходит, а я спотыкаясь кидаюсь вдогонку.

— Прости! Я не знаю, что сказать. Я думала, что буду выглядеть отсталой, потому что не понимаю всего. Они все считали, что шоу было великолепным. Я не хотела показаться слишком невежественной, сказав то, что действительно думаю.

Он останавливается и поворачивается ко мне.

— Значит, ты думаешь, что я слишком невежественный, потому что высказываю свое мнение?

Он настолько напряжен, что практически нагоняет страх.

— Нет! Боже, ты сказал именно то, что чувствовал, и мне стоило бы. Я просто...

— Ради всего святого, Тейлор, — говорит он, вскидывая руки. — Мнение не бывает правильным или ошибочным. Это твое видение предмета или ситуации. Ты, черт побери, не можешь быть не права!

— Получается, если я посмотрю на небо и скажу, что облака розовые, я буду права?

— Да! Потому что это твое *мнение*, не *факт*, может облака розовые, потому что ты свихнулась. Мнение не должно быть правильным для кого-то в этом мире, кроме тебя. Перестань пытаться всем угодить, и просто говори, что думаешь.

Его слова сравнимы с пощечиной.

— Знаешь, что больше всего сводит меня с ума? — Он тыкает в меня пальцем. — Всякий раз, когда ты со мной, ты становишься самым упрямым человеком на этой гребаной планете, *постоянно* наезжаешь на меня, доказывая свое мнение, хочу я его слышать или нет. Но стоит тебе оказаться в обществе придурков из нашей группы, как ты сразу становишься абсолютно бесхребетной. Ты так повернута на мысли влиться в это окружение, что превращаешься в овцу, и просто блеешь вместе с остальным стадом. В такие моменты мне хочется ударить тебя, потому что ты забываешь обо всем, что делает тебя клевой и забавной... Кэсси, ты превращаешься в какой-то вид людей-автоботов, которые пытаются угодить каждому вместо того, чтобы просто быть собой.

Он настолько взвинчен, что у него отдышка. Мне нечего сказать, потому что он сказал уже все.

Никто раньше не знал меня достаточно хорошо, чтобы так накинуться из-за моего поведения, и думаю, его негодование вызвано тем, что ему... не всё равно.

— Ты прав, — шепчу я.

— Еще бы, — говорит он. — Так что, черт побери, завязывай с этим.

Я начинаю шаркать ногами, помещение уже на четверть опустело.

— Ну, чем планируешь заняться?

Он перекидывает рюкзак через плечо и вздыхает.

— Пойду домой и напишу тысячу слов об экспериментальном театре, наверно.

— Ну, ты мог бы пойти ко мне и написать отзыв там. Может, если я тебя поэксплуатирую, то перестану выставлять себя такой идиоткой.

Он задумывается на пару секунд. Судя по выражению его лица, он решает стоит ему продавать свою почку или нет.

— Господи, Холт, я не прошу тебя жениться на мне. Я просто подумала, что ты мог бы мне помочь.

— Ладно, — говорит он неохотно. — Но с тебя закуски.

— Нет проблем. — Помимо блюд быстрого приготовления, что хранятся у нас в холодильнике, единственное что у нас еще есть – это закуски. Моей матери было бы стыдно за меня.

По пути, мы заглядываем в библиотеку, где я беру несколько книг, которые могут оказаться полезными. Потом мы идем ко мне в квартиру.

Я захожу в свою спальню и бросаю сумку на кровать, затем оборачиваюсь и вижу, как Холт нерешительно топчется в дверях.

— Какого черта? — говорю я и смеюсь. — Ты как те вампиры из сериала? Тебя надо пригласить, чтобы ты смог войти?

Он качает головой и заходит в комнату.

— Нет, просто странно находиться здесь, когда тебя не тошнит или ты не в отключке.

— Если и бывает, что меня «тошнит» или я нахожусь в «отключке», то только в девять вечера. Располагайся. Будет весело.

Только я собираюсь вытащить свои книги, как звонит мой телефон. Я достаю его из кармана и вижу номер мамы.

— Я на секунду.

Я выхожу в гостиную, потому что знаю причину ее звонка.

— Привет, мам.

— Милая! С днем рождения!

Я прикрываю рукой микрофон, и оглядываюсь через плечо.

— Спасибо, мам.

— Ох, дорогая, нам бы так хотелось быть с тобой. Тебе там весело? Какие планы на вечер?

— Хм, особо никаких. Буду делать уроки.

Холт высовывает голову из спальни и говорит:

— Тейлор, где книги из библиотеки? Я начну с исследования.

Мама продолжает говорить, но я снова прикрываю ладонью телефон и шепчу:

— В моей сумке, на кровати.

Он кивает и исчезает.

Мама перестает говорить.

— Кто это был?

— Просто парень из моей группы. Мы делаем вместе уроки.

Следует секундное молчание, потом она говорит:

— Ты одна в квартире, наедине с парнем?

О, боже. Начинается.

— Мам, это не то, что ты думаешь. Мы работаем.

В этот самый момент Холт кричит:

— Господи, Тейлор, твоя кровать такая неудобная! Как ты, черт возьми, спишь на ней? Или в этом вся фишка? Ты не хочешь, чтобы парни к тебе прижимались, после того, как ты с ними закончишь?

Меня передергивает, а мама охает.

— Мам...

— Кэсси! Я не так тебя воспитывала, чтобы ты прыгала в кровать с первым встречным.

— Мы просто друзья. — *Вроде.* — Ничего подобного. Серьезно.

— И почему я тебе не верю?

— Быстрее, Тейлор! Кажется, из-за твоей кровати я потянул спину. Я не могу встать!

Я *убью* его.

Моя мать раздражается сокрушительной тирадой по поводу неоднократных случаев изнасилования в кампусах, и о том какая я безответственная. Она уверена, что именно этим все и закончится, поскольку ее нет рядом, чтобы наставлять меня. Обычно я даю ей выговориться, стараясь поддержать мир, но теперь на моем плече сидит крошечная копия Холта, призывающая постоять за себя.

— Мам, хватит. Одна я с парнем или нет – это не твое дело. Я теперь взрослая, и не нуждаюсь в твоём одобрении касательно каждого моего решения. Я тебя, конечно, люблю, но сейчас меня в постели ждет очень привлекательный парень, и мне надо идти.

В этот раз тишина затягивается слишком надолго, и меня охватывает ужас при мысли, что у нее мог случиться сердечный приступ.

— Мам?

— Насколько он привлекателен? — наконец, спрашивает она.

Я вздыхаю.

— Ты себе даже не представляешь.

Она смеется. Смех фальшивый, но она хотя бы старается.

— Будь осторожна с этими, так называемыми, красавчиками, милая. — говорит она. — Они разобьют тебе сердце.

— Мам, папа же тоже красавчик.

Она выдерживает паузу.

— Да, кстати, твой отец передает привет. Он позвонит тебе вечером, когда вернется с работы.

— Спасибо, мам.

Тоска по дому заполняет меня. Несмотря на мои постоянные упрёки в адрес родителей, я все же очень скучаю по ним.

Я прощаюсь с мамой, и меня пробирает чувство гордости за то, что я смогла так откровенно высказаться. Прежде я никогда не перечила своей матери, и вот я прошла через это без слез и летального исхода. Похоже, от Холта все-таки есть толк.

С улыбкой на лице, я возвращаюсь в свою спальню и нахожу его сидящим на краю моей кровати. Склонившись над книгой, он проводит рукой по волосам.

— Ух ты, смотрю, книга тебя захватила, — говорю я.

Он вскакивает на ноги от неожиданности.

— Тейлор... я не хотел. Это было в твоей сумке. Одна из других книг приоткрыла его, и я увидел свое имя и...

Волна тошнотворного ужаса накатывает на меня, когда я понимаю, что именно он держит в руках.

Я с трудом преодолеваю чувство стыда и подавляю приступ тошноты. Моё лицо пылает пламенем.

— Как много ты прочел? — шепчу я, мой голос осип от стыда.

— Достаточно.

— Все, что я написала сегодня?

— Да. — Он замолкает. — Сегодня твой день рождения?

Меня начинает мутить. Он все прочел. Мои разглагольствования о девственности. О моей озабоченности. Как сильно я хочу его и его, заслуживающий награду, пенис.

Всё.

— Кэсси...

— Холт, если ты сейчас скажешь мне: «С Днем рождения», я тебя уничтожу.

Я накрываю лицо руками и борюсь со слезами, он больше не может здесь оставаться. Я не могу находиться рядом с ним. Больше никогда. Может, и дольше.

— Черт побери, Тейлор, — говорит он. — То, что ты написала обо мне? Откуда мне было знать? Я серьезно не могу...

— Убирайся.

Мне слышно, как он выдыхает, но я не могу заставить себя посмотреть на него.

— Кэсси...

— Убирайся. Отсюда. Ко всем. Чертям.

Я слышу глухой звук и когда перевожу взгляд, вижу, что он кинул мой дневник на кровать. Он подходит и поднимает свой рюкзак с пола позади меня.

Когда его тело слегка касается моего, он шумно выдыхает и отступает. Я открываю глаза и обнаруживаю его стоящим прямо передо мной, он внимательно изучает меня взглядом. У меня такое ощущение, что, если он не прекратит, то моя кожа буквально вспыхнет пламенем.

— Как такое возможно? — спрашивает тихо он.

— Что?

Я прислоняюсь спиной к двери шкафа по мере того, как он приближается ко мне и продолжает пристально смотреть.

— Как такое возможно, что у тебя никогда?.. Что ни один парень...

Я хочу, чтобы он закончил предложение, но он просто продолжает смотреть на меня с недоверчивым выражением на лице.

— Это же преступление, что тебя даже не целовали по-настоящему.

Я смотрю на его грудь. Она быстро вздымается и опускается. Как и моя.

Я закрываю глаза.

— Ну так сделай это. — Слова срываются с моих уст, прежде чем я успеваю подумать, но я не жалею о них. — Покажи мне, как правильно целоваться.

Я открываю глаза, и у меня перехватывает дух от его напряженного взгляда.

Мгновение он не двигается, и мне хочется взобраться на стену, чтобы выбраться из этой унижительной ситуации. Но в следующий миг он наклоняется вперед так медленно, что его движения едва уловимы. Мне кажется, я не дышу, потому что у меня щемит в сердце. До этого момента, я не осознавала, как сильно хочу, чтобы он меня поцеловал, но теперь каждая клеточка моего тела жаждет этого. Все тело покалывает от предвкушения чего-то порочного.

Выражение лица Холта серьезное. Взгляд темный и пронизывающий. Его руки опускаются на мои бедра, и я прислоняюсь спиной к двери, пока его пальцы сжимаются и

разжимаются в грубом ритме.

Я наконец вдыхаю, и чувствую его тепло-сладкий аромат, так близко он стоит ко мне.

Это случится. О, боже, позволь этому случиться.

Я закрываю глаза и размыкаю губы, чуть ли не плача оттого, что так сильно хочу почувствовать на себе его губы.

Но потом, все останавливается. Его дыхание больше не обдувает мое лицо, и его теплые руки не прикасаются к моему телу.

— Ты правда думаешь, что после того, как я прочел все это, я поцелую тебя? — говорит он грубым голосом. — Господи, Тейлор, я даже не могу находиться в одной комнате с тобой.

Когда я открываю глаза, он уже перекидывает рюкзак через плечо и выходит за дверь.

Унижение и чувство стыда заполняют мои легкие до предела, и я сползаю вниз по стене и закрываю лицо руками, желая стать невидимкой.

Я все еще жду, что земля разверзнется и поглотит меня, когда входная дверь с грохотом закрывается.

6

БЕЗОГОВОРОЧНЫЙ ВЫБОР

Наши дни

Нью-Йорк

Четвертый день репетиций

Сегодня в кофейне царит суматоха, но здесь есть бесплатный Wi-Fi. Идеальное место, чтобы вытащить свой айпэд и забыться на время обеденного перерыва. Большинство дней я делала записи в своем дневнике. В основном, потому что Тристан продолжает настаивать, что это удержит меня в здравом уме в связи с безрассудностью возникшей ситуации. И как обычно, он прав.

Разумеется, теперь я веду онлайн-дневник, где у меня стоит зашифрованный пароль и мне обеспечена система безопасности надежнее, чем у самого президентского кортежа, но все же это не сравнится с ощущениями, которые возникают, когда ты излагаешь свои мысли на бумаге.

Каждый день Элисса с Итаном предлагают мне присоединиться к ним за ланчем, но об этом не может быть и речи.

Я прихожу на работу, выполняю свои обязанности, и за кулисами держусь от Итана настолько далеко, насколько это возможно. Он продолжает подстергать меня, чтобы вывести на разговор, но я научилась сторониться и отмахиваться лучше, чем чемпионы мира по боксу.

Разговоры не приведут ни к чему, разве что мы ударимся в мучительные и болезненные воспоминания. Никто из нас не нуждается в этом.

Я допечатываю последнюю запись в дневнике, когда рядом со мной приземляется огромная порция салата «Цезарь». Я уже было собираюсь сказать, что не заказывала его, как поднимаю взгляд и вижу Элиссу.

— Ты становишься худой, как щепка, — говорит она, устраиваясь рядом со мной со

своим обедом. — Женщине не выжить только на кофеине и никотине, знаешь ли.

— Неправда, — говорю я, улыбаясь ей. — Я — яркий тому пример.

— Ну, по мнению вашего ассистента режиссера, ты становишься похожа на китайский болванчик¹⁶, так что давай ешь. Я угощаю.

Только когда я смотрю на салат, осознаю, насколько голодна.

— Да, мэм.

Убирая планшет в сторону, я замечаю на противоположном конце кафе одиноко сидящего Холта.

Проклятье. Из всех закусовых этого огромного города, ему приспичило прийти именно сюда. Предполагалось, что это зона свободна от Холта.

Словно предугадав мой следующий вопрос, Элисса говорит:

— Я решила пообедать с тобой, потому что устала от его компании. Всякий раз, когда я спрашиваю его, как обстоят между вами дела, он замыкается в себе.

Я пожимаю плечами и продолжаю есть. Я уже давно смирилась и бросила попытки понять мотивы Холта.

— Вы едва ли обмениваетесь парой слов на репетициях. Ты даже не смотришь на него, тогда как он только и делает, что пялится на тебя. Не хочешь сказать мне в чем дело?

Я украдкой смотрю на Холта, который что-то читает и рассеянно тыкает вилкой в тарелку с картофелем.

— Ни в чем, — говорю, делая глоток газировки. — Просто много работы.

Она склоняет голову в сторону, внимательно изучает меня несколько секунд, и затем говорит:

— Ты трахаешь моего брата?

Я одновременно начинаю смеяться и кашлять. Кола струйкой стекает по моему подбородку, и я хватаю стопку салфеток, чтобы привести себя в порядок.

Судя по его виду, Холту неведома тема нашего разговора. Слава богу.

— Конечно же, нет, — шепчу я. — Думаешь, у меня полностью отсутствует инстинкт самосохранения?

Она кидает беглый взгляд на Холта, потом шепчет в ответ:

— Думаю, когда дело касается моего брата, ты не можешь ясно мыслить, и, если ему вздумается затащить тебя в постель, тебе потребуется не более трех секунд, чтобы раздвинуть перед ним ноги.

— Неправда.

— Серьезно? — говорит она. — Энергия, которая вспыхивает между вами на репетициях, способна обеспечить теплом половину Нью-Йорка. У вас обоих виноватый вид. Если вы не трахаетесь, тогда что?

Определенно на этот разговор я не настроена сейчас, да и не буду ни потом, никогда.

Я вздыхаю и качаю головой.

— Слушай, я бы солгала, если бы сказала, что меня до сих пор не влечет к нему. Но, боже, Элисса, это все. Я не собираюсь связываться с ним снова. Никогда.

— Но, вероятно, у тебя еще остались к нему чувства. Я думала, ты умчишься за миллион миль, когда узнаешь, что у него главная мужская роль. Почему же ты этого не сделала?

Пожимаю плечами.

— Понятия не имею.

Это не совсем правда. Я должна была увидеть его. Мне необходимо было услышать

слова извинения о том, что он совершил ошибку, но сейчас я начинаю сомневаться, что это когда-нибудь случится. Полагаю, теперь я просто хочу пройти через это, дабы доказать себе, что смогу жить дальше без него.

— Ну, ты точно не из робкого десятка, — говорит Элисса. — В смысле, я люблю своего брата, но поступи со мной кто-нибудь так, как поступил с тобой он... — Она вытирает губы салфеткой. — Скажем так: я понимаю, почему ты перестала отвечать на мои звонки. Когда Итан сказал мне, что ты получила роль, я подумала, что это шанс наладить между нами отношения.

— Лисса, ты не портила наши отношения. Твой брат сделал это.

— Знаю. Но я рада, что мы снова общаемся. Я скучала по тебе.

Я беру ее за руку и сжимаю.

— Я тоже по тебе скучала. — До этого момента, даже не осознавала, как сильно.

— Ха, после обеда Марко собирается прогнать сцену с поцелуем? — говорит она, поливая кетчупом картошку. — Нервничаешь?

— Нет. Мне не впервой приходится играть с твоим братом, когда я его на дух не переношу.

— Верно. Но с тех пор много воды утекло.

— И я была слишком молода, чтобы отделить реальность от фантазии. — Я набиваю полный рот салата, хоть у меня уже и пропал аппетит.

Элисса доедает свой последний тост с сыром и говорит:

— Значит, ты без проблем поцелуешь его? Это не возродит прежние чувства?

Пожимаю плечами.

— Тут нечего возрождать. От прежних чувств ничего не осталось.

Она смотрит на меня несколько секунд, и потом качает головой.

— Ну, конечно. Не осталось.

Мы продолжаем вести легкую беседу, никто из нас больше не упоминает Итана. Наша дружба и так слишком часто вращалась вокруг него, тогда как нам стоило бы думать только о себе.

Пока мы болтаем, я замечаю, как три девочки окружают стол Итана. Его поклонницы. Около театра его всегда поджидает парочка таких. Они будто обладают шестым чувством насчет его местонахождения. Это так бесит.

Они визжат и просят у него селфи с автографом. Пожирают глазами, как будто он дар свыше. Выпячивают сиськи словно у них есть шанс.

Если бы они только знали правду. Несмотря на его ангельское личико, он — дьявол. Подонки, бросивший Кэсси.

Я доедаю остатки салата с преувеличенным усердием, пока шквал смешков заполняет кафе.

Черт бы побрал его глупое ангельское личико.

После того, как мы с Элиссой заканчиваем есть, она говорит:

— Увидимся на месте. Не забудь нанести бальзам для губ. Итан не брился. Не хочу, чтобы у тебя появилось раздражение. — Она отрывисто меня обнимает, и идет оплатить счет.

Когда она исчезает, я протяжно выдыхаю.

Я почти забыла о поцелуе. Ну, не столько забыла, сколько изолировала себя от этой мысли. Как бы подтвердил Тристан — мой талант отрицания впечатляет.

Я собираю свои вещи, когда чувствую чье-то присутствие за спиной. Меня совершенно не удивляет, что мое тело реагирует еще до того, как я вижу его.

— Значит, с моей сестрой ты разговариваешь, а со мной нет? — говорит он, когда я поворачиваюсь.

— Это потому что твоя сестра мне до сих пор нравится.

Он напускает на лицо свою фирменную хмурость.

— Мы должны иногда разговаривать, Кэсси.

— Ничего мы не должны. — Я беру свои вещи и протискиваюсь мимо него, направляясь к выходу.

Естественно, он следует за мной.

— Ты думаешь, что мы справимся со спектаклем, когда у нас такие напряженные отношения? И это не повлияет на нашу игру?

Я выхожу на улицу, и из-за уличного шума мне приходится повысить голос:

— Я не позволю этому повлиять на нашу игру. Это работа моей мечты. И, несмотря на то, что вселенная поиздевалась надо мной, выбрав тебя на главную роль, я собираюсь вкладываться по полной. — Поворачиваюсь к нему. — Если тебя что-то напрягает, сделай нам обоим одолжение, откажись от роли.

Он подается вперед, целенаправленно вторгается в мое личное пространство, чтобы сбить с толку.

— Кэсси, не обманывай себя, думая, что сможешь исполнить эту роль лучше с кем-то другим, нежели со мной, потому что мы оба знаем, что это бред.

— Я готова попробовать, — говорю я, одаривая его милой улыбкой.

Только он собирается возразить, как появляется еще больше его поклонниц.

Они отталкивают меня в сторону, чтобы добраться до него.

Он в их полном распоряжении. Я устала быть его фанаткой.

Удаляясь, я слышу, как он окликает меня.

Но я не останавливаюсь.

Шесть лет назад

Вестчестер, Нью-Йорк

Гроув

Шестая неделя занятий

Он пристально смотрит на меня.

Все мое внимание направлено на Эрику, и я пытаюсь сконцентрироваться. Это сложно. Его взгляд вызывает во мне электрическое покалывание, начиная с области затылка и распространяясь по всему телу.

Я бы сказала ему прекратить, но это означало бы признать его существование, а я ни за что не сделаю *это* в обозримом будущем.

С тех пор, как он прочел мой дневник две недели назад, я избегала его всеми возможными способами. Всякий раз когда я смотрю на него, огромная волна унижения прокатывается сквозь меня, сопровождаемая незамедлительным порочным гневом и безудержным желанием прижаться к нему всем телом. Я думала, что он собирался поцеловать меня. Все выглядело именно так. Потом он ушел, и теперь я понятия не имею, что творится у него в голове.

Лишь при одной мысли о нашем почти поцелуе, определенные части моего тела приходят в восторг. У меня не хватает духу сказать им, что мы умрем, так и не испытав оргазма. Это их очень расстроит, а я сейчас не могу позволить себе иметь еще и опечаленную вагину.

— Мисс Тейлор?

— Простите, что?

Эрика смотрит на меня. Как и все остальные. Кроме него. Ох, какая ирония.

— Я спросила, почему, по-вашему мнению, мы хотим стать актерами? — говорит Эрика. — Что нас подталкивает к такому выбору профессии?

Хорошо, главное сохранить самообладание. Ответить честно на вопрос. Не просто дать ответ, который, как мне кажется, она предпочла бы услышать.

— Мисс Тейлор, — говорит Эрика. — Уверю вас, это не вопрос с подвохом. Как вы думаете, почему человек хочет стать актером?

— Ну... — я делаю глубокий вдох, стараясь игнорировать обращенные на меня взгляды. — Думаю, это некий способ передачи идей и понятий. Полагаю, мы как медиумы. Вселяемся в разных людей и персонажей с целью воплотить на сцене жизнь других людей.

Эрика кивает.

— Вы не думаете, что можете выступать в роли соавтора в этой работе? Что могли бы привнести что-то свое в оригинальное видение персонажа?

— Ну, да. Но только в том случае, если это не обернется полным провалом.

Все смеются.

Холт фыркает.

— Мистер Холт? А что вы скажете?

Он откидывается на спинку стула.

— Мы стремимся стать актерами, потому что хотим внимания. Мы просто становимся перед всеми и повторяем чьи-то слова, стараясь не проколоться.

Эрика улыбается.

— По-вашему, нет ничего творческого в том, что вы делаете?

Он пожимает плечами.

— Не особо.

— А что насчет музыкантов, исполняющих чью-то музыку? Считаете ли вы их работу творческой деятельностью?

— Ну, да...

— А художники, которые передают образы посредством кисти? Это творчество?

— Само собой.

— Но к актерам это не относится.

— Не совсем. Мы — попугаи, разве нет? Мы заучиваем реплики и повторяем их.

— Что ж, — говорит она, — если вы не считаете актерское мастерство творческой деятельностью, тогда почему вы занимаетесь этим, мистер Холт? Почему актерство? Если вы просто марионетка без права голоса, зачем посвящать три года своей жизни этому делу? Вы без сомнения могли бы найти сферу деятельности, которая увлекла бы вас куда больше.

— Я не говорил, что не увлечен этим. Я просто думаю, что мы себя обманываем, если считаем это сложной работой.

— Может для вас это и не сложно. Но большинство считают невозможным появление на сцене перед сотнями или тысячами зрителей.

Он смеется.

— Мистер Холт, — говорит терпеливо Эрика, — вам известно, что согласно последним исследованиям, почти девяносто процентов респондентов ответили, что скорее предпочли бы вбежать в горящее здание, чем выйти на сцену и произнести речь перед многочисленной группой людей?

— Что? Это же просто нелепо.

— Более того «боязнь публичных выступлений» занимает второе место в десятке человеческих страхов. Также в списке присутствуют и другие пункты, имеющие отношение к актерству: страх неудачи, страх отказа, страх перед обязательствами, страх интимной близости.

— Какое совпадение, — говорит Джек. — Именно по этим причинам у Холта нет девушки.

Холт метает в его сторону грозный взгляд.

— Требуется гораздо больше смелости, чтобы вбежать в горящее здание, чем вступить с кем-то в близкие отношения или суметь принять факт отказа.

Эрика смотрит на него взглядом, которым паук изучает муху.

— Говорите, больше смелости?

Он кивает, не подозревая, что им собираются закусить.

— Думаю, правильней было бы назвать это разными видами смелости, и принимаемые нами решения зависят от глубины этой смелости.

Холт не выглядит убежденным. Эрика снова его изучает.

— Хм-м-м-м.

Он закатывает глаза. Он ненавидит этот снисходительный звук.

Эрика направляется в переднюю часть аудитории, и пишет слова на доске.

— Мистер Холт? — Она жестом указывает ему встать рядом с ней. Он лениво поднимается со стула и выполняет ее просьбу.

— Не будете ли вы так любезны прочесть слова на доске?

— «Прости меня».

— Хорошо, — говорит Эрика. — Я драматург. Это мои слова. Что они в себе несут?

Холт пожимает плечами.

— Вам виднее.

— Нет, мистер Холт, это не так. В мои обязанности, как драматурга входит дать вам эти слова. А вам, как актеру, надо их интерпретировать.

Она жестом указывает на него, требуя повторить реплику.

Он прикрывает ладонью уши, делая вид, что не слышит ее.

— «Прости меня?».

Она кивает.

— Видите? Вы сделали выбор. Очень осторожный, скучный и, тем не менее, это выбор.

— Но актеру не всегда предоставляют выбор, — настаивает он.

— Верно, — говорит Эрика. — Режиссеры часто подталкивают актеров на более смелые рискованные варианты, так что давайте испробуем и это. — Она становится по другую сторону от него и скрещивает руки. — В этот раз я хочу, чтобы вы произнесли эту реплику так, будто разговариваете с кем-то, кто вам важен. С членом семьи или любимой девушкой.

Темная тень проходит по лицу Холта.

— За что я должен извиняться?

— Вам виднее, — говорит Эрика с улыбкой.

Он выдыхает и потирает лицо рукой.

— Просто скажите мне что делать, и я сделаю.

— Нет, это так не работает. Ваша задача заключается в создании чего-то — идеи или эмоции — с материалом, который я вам предоставляю. В данном случае, это эти два слова, которые вы должны сказать дорогому вам человеку. Условия вам известны. Как вы их будете использовать?

Он окидывает взглядом комнату, выглядя беспокойно и смущенно.

— Мистер Холт?

— Я думаю, — рывкает он.

— О чем?

— О том, перед кем я буду извиняться.

— И кто это?

Он мельком смотрит на меня, и говорит:

— Друг.

— И за что вы будете извиняться?

Он перестает дергаться.

— Какая разница? Разве это имеет значение?

Она качает головой и жестом просит начать.

— Вовсе нет. Начинайте, когда будете готовы.

Он закрывает глаза и вдыхает полной грудью, затем медленно и равномерно выдыхает.

В аудитории возникает томительное чувство ожидания.

Когда он открывает глаза, его взгляд останавливается на определенной точке в задней части аудитории и сосредотачивается на ней. Выражение его лица меняется. Становится мягче. Раскаивающимся.

— Прости меня, — говорит он, но получается не так искренне.

— Так не годится, — говорит Эрика. — Попробуйте еще раз.

Он снова концентрируется на той же точке, черты его лица дергаются.

— Прости меня, — повторяет он, явно сопротивляясь эмоциям.

— Копните глубже, мистер Холт, — требует Эрика. — Вы способны на большее.

Продемонстрируйте мне это.

Он моргает и качает головой, и на секунду его взгляд становится остекленевшим.

— Прости меня!

Его голос становится громче, но его настрой по-прежнему оборонителен. Искра без пламени.

— Этого недостаточно, Итан! — голос Эрики повышается одновременно с его. — Прекрати бороться с эмоциями. Позволь нам увидеть их. Все. Неважно, насколько ты их стыдишься.

Он сглатывает и стискивает зубы. Сжимает руки в кулаки, переминаясь с одной ноги на другую.

Повисает тишина.

— Мистер Холт?

Он моргает еще несколько раз, потом опускает взгляд в пол.

— Нет, — шепчет он. — Я... не могу.

— Слишком личное?

Он кивает.

— Слишком... уязвимое?

Снова кивает.

— И это вас... пугает?

Он испепеляет ее взглядом. Ему нет необходимости отвечать.

— Садитесь, мистер Холт.

Он возвращается на свое место и плюхается на стул.

— Так, теперь вы согласны, что требуется немалая смелость, чтобы быть актером? — тихо спрашивает Эрика.

Он судорожно сглатывает.

— Очевидно, что да.

Эрика переводит взгляд на всех остальных.

— Актерство тесно связано с тонкими эмоциями человека. Необходимо отыскать их в себе и позволить другим увидеть. Но для этого актер должен быть готов показать свою неприглядную сторону. Он должен быть достаточно смелым, чтобы раскрыть перед всеми каждый свой страх и постыдный поступок. Ничего не должно быть скрыто. Вопреки распространенному мнению, вы не должны стремиться получить отклик у зрителя. Вы должны обнаружить что-то внутри *себя* и позволить зрителю стать свидетелем этого.

Она указывает на Холта, который смотрит на пол и грызет ногти.

— То, что случилось сегодня с мистером Холтом, в какой-то момент случится с каждым из вас. Будут моменты, когда вы не сможете исполнить какую-нибудь роль или передать определенные черты характера, поскольку для вас это может оказаться пугающим или слишком личным. Но это ваша *работа*, и вы обязаны найти в себе силы показать другим свою уязвимость. Это главное качество хорошего актера. Как гласят чудесные слова Кафки¹⁷: «В наших руках растопить лед внутри себя, пробудить дремлющие клетки, заставить чувствовать себя полностью живыми, полноценными людьми, и в то же время быть более индивидуальными и более связанными друг с другом». Вот почему мы делаем то, что делаем.

Ее слова находят отклик во мне. Я смотрю на Холта. Он пристально смотрит на пол, его плечи сгорблены. Он знает, что она права, и это пугает его до смерти.

— А теперь, — говорит Эрика, подходя к своему столу и беря лист бумаги. — вы все прослушивались на участие в малоизвестной пьесе под названием «Ромео и Джульетта», рассчитанной на студентов первого курса... — Все смеются. — И я рада вам сообщить, что кастинг завершен.

Все выпрямляются на своих местах. В комнате возрастает волнение.

Думаю, мое прослушивание прошло неплохо и, несмотря на недостаток опыта, я хочу получить эту роль. Очень сильно.

Эрика начинает с оглашения второстепенных ролей. Ее слова сопровождаются приглушенным шепотом, ругательствами и восторженным визгом, но по мере того, как мы приближаемся к главным ролям, вся группа постепенно умолкает.

— Роль Тибальта получает... Лукас.

Лукас громко выкрикивает «Ура» и победно вскидывает кулак в воздух.

— Бенволио будет играть... мистер Эйвери.

Джек кивает и самодовольно говорит:

— Так-то. Бенволио настоящий мужик.

Следует смех и одобрительные возгласы.

— Няню будет играть мисс Седики.

Раздаются аплодисменты, у Аи такой вид, что она того гляди зальется слезами.

Эрика объявляет, что Миранда, Трой, Маришка и Тайлер сыграют родителей Капулетти и Монтекки.

Настает время оглашения главных ролей.

У меня пересыхает во рту и внутренности сжимаются. С тихой мольбой, я закрываю глаза.

Эрика откашливается.

— Нашей Джульеттой становится... — *боже, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.*

— Мисс Тейлор.

Да!

Внутри меня все переворачивается, а сердце бешено колотится. Не думаю, что я когда-нибудь была настолько счастлива.

Все аплодируют и такое ощущение, что моя грудь вот-вот взорвется от гордости.

Я – Джульетта.

Я.

Никто из ниоткуда, без опыта.

Черт, да!

Я бросаю взгляд на Холта. Он не смотрит на меня, но улыбается. Наверное, думает «Я же говорил тебе» и хвалит себя за то, что убедил меня пойти на прослушивание.

— И, наконец, — говорит Эрика, оглядывая аудиторию. — Главные мужские роли вызвали бурную дискуссию среди членов комиссии, но, думаю, мы приняли верное решение. Это не самый очевидный выбор, но ведь из самых рискованных решений и получается что-то интересное.

Холт выпрямляется. Я знаю, он хочет роль Меркуцио. Он уже играл эту роль, и по слухам, успешно с ней справился.

Коннор идеально подошел бы на роль Ромео, и думаю, мы бы отлично сработались. Он смотрит на меня, держа пальцы крестиком.

— В постановке этого года, Меркуцио будет играть мистер Бейн. Роль Ромео достается мистеру Холту.

Вся группа взрывается аплодисментами, но я не следую их примеру.

Мой желудок словно свинцом наливается.

Судя по выражению их лиц, Холт и Коннор чувствуют то же самое.

Мы трое неуверенно переглядываемся между собой, не понимая, что за чертовщина только что произошла.

Эрика хлопает руками, давая знать, что занятие подошло к концу.

— На этом все. Если вам не досталась роль, значит, вы будете в составе хора. Не переживайте, у вас еще будет возможность проявить себя. Пожалуйста, перед уходом заберите свои копии сценариев и расписание репетиций.

На пути к выходу, одноклассники поздравляют меня, но я едва ли их слышу.

Подходит Коннор и обнимает меня.

— Поздравляю, — с теплотой говорит он. — Ты будешь потрясающей Джульеттой, у меня нет сомнений.

— Я хотела, чтобы ты был Ромео, — говорю я, зная, что Холт не сдвинулся со своего места.

— Было бы неплохо, — говорит он. — но не буду врать, Меркуцио – обалденная роль. Как насчет фразы: «Чума на оба ваших дома»¹⁸? Что может быть круче?

Когда он уходит, я словно в тумане иду к столу Эрики, чтобы забрать свой сценарий. На нем написано мое имя рядом с именем моего персонажа – Джульеттой. Я вижу еще один сценарий рядом. Ромео – Итан Холт.

Нет.

Нет.

Нет.

— Мисс Тейлор? Вы в порядке?

Я стараюсь скрыть свое ужасное состояние.

— Хм... да. Все нормально.

Она улыбается.

— Я думала, вы будете выглядеть счастливее, когда заполучите свою первую главную роль. Это же классика. Очень немногим актрисам выпадает возможность сыграть Джульетту.

— Ох, я знаю, — говорю я. — Боже, я в восторге. Честно. Просто...

Эрика выжидающе смотрит на меня.

— Она не хочет, чтобы я был ее Ромео, — говорит Холт, подходя и становясь около меня. — И честно говоря, нас таких двое. Ты *знала*, что я хотел получить роль Меркуцио. И *знала*, как сильно я ненавижу Ромео. К чему эта ерунда?

— Как гласят бессмертные слова Роллинг Стоунс, мистер Холт: «Ты не всегда можешь получить желаемое». Вы хотели получить роль Меркуцио, потому что играли эту роль прежде, и легко бы все повторили. В профессии актера все далеко нелегко. Вы должны бросать себе вызов. Я знаю, что вы ненавидите Ромео, и это одна из причин, почему вам досталась эта роль. Вы не типичный романтический герой. Вы бесцеремонный и циничный, а порой и отъявленный грубиян. В вас есть жесткость, в которой, по моему мнению, нуждается Ромео. То же самое касается и мистера Бейна. В его характере есть чувствительность, которая придаст образу Меркуцио чуткости. Поверьте, это решение далось мне нелегко. Я *знала*, что вы будете сопротивляться и, учитывая, что мне придется направлять вас, я только усложнила себе работу. Не знаю с чего я взяла, но мне кажется, что если вас слегка подтолкнуть, то вы справитесь, и мои усилия будут стоить того.

Холт пытливо смотрит на нее и скрещивает руки на груди.

— А что, если я откажусь? — спрашивает он. — Потому что, даже, если и предположить, что я смогу сыграть этого ссыкливого дебила, а я не смогу, очень сомневаюсь, что это обрадует Тейлор.

Эрика вопросительно смотрит на меня.

— Это правда, — говорю я. — Он придурок.

Эрика кладет руки на стол и опускает голову.

— И что вы предлагаете? Вы сыграете Меркуцио, а мистер Бейн – Ромео?

— Да! — говорит Холт. — Он отлично справится с этими телячьими нежностями. А я просто красиво умру, и мы покончим с этим. Все в выигрыше.

— Нет, не все, мистер Холт, потому что вы пока еще ничего не достигли на актерском поприще, и я не упущу возможность представить на сцене ту поразительную химию между

вами и мисс Тейлор, свидетелем которой я стала на прослушиваниях.

Холт застывает на месте.

— Так вот почему вы выбрали меня на эту роль? Из-за этого гребаного упражнения на синхронность? Господи, Эрика!

— Это не единственная причина, но одна из. Вы думаете, столь яркую химию можно встретить каждый день? Что ж, у меня для вас новость – это большая редкость.

— Но это... Это не то, что я... Я просто не могу...

— Итан, — говорит Эрика. — Я понимаю, что иметь дело со связью такого рода страшно, но именно это тебе необходимо в себе развить. Ты так талантлив в столь многих отношениях, но у тебя есть ахиллесова пята – ты не можешь быть открытым и уязвимым с другими, и поверь мне на слово, ты не добьешься успеха в этой области, или в *жизни*, если не решишь эту проблему.

Она переводит взгляд с Итана на меня.

— Вас двоих выбрали на главные роли в одну из величайших романтических трагедий в мировой истории, так что прекратите ныть и будьте благодарны. Либо вы играете отведенные вам роли, либо получаете «неудовлетворительно» за семестр. Меня не волнует как, но вы должны найти способ работать вместе. Приходите в понедельник с выученными репликами и хорошим настроением, потому что я заставлю вас выглядеть влюбленными, даже если это будет последним, что я сделаю в своей жизни. Бестолковое поведение недопустимо ни на каком уровне. Все ясно?

— Да, Эрика, — бормочем мы с Холтом, уставившись в пол.

Эрика вздыхает и собирает свои вещи.

— Не забудьте свои сценарии, — говорит она, прежде чем выйти.

Мы с Холтом просто стоим на месте, не разговаривая и не осмеливаясь взглянуть друг на друга.

Мне стоило бы радоваться этой роли, но я не могу.

Холт хватается свой сценарий с расписанием репетиций, и запикивает в свой рюкзак.

— Полная жопа, — бормочет он себе под нос. — Этот чертов год обещает быть дерьмовым, и в этом только ты виновата.

— Я виновата? Как я могу быть виновата в том, что тебя выбрали на роль Ромео? К твоему сведению, тебе не всегда будут доставаться роли брутальных, неприкасаемых бунтарей. Время от времени, тебе придется исполнять главные романтические роли.

— Какая чушь! Не каждый актер должен играть главные роли. Сэмюэл Л. Джексон, Стив Бушеми, Джон Туртурро, Джон Гудмен. У них *успешная* карьера, и они не играют романтическую ересь.

— Не пойми меня неправильно, Холт, потому что я не горю желанием делать тебе комплимент, *но ты не похож ни на кого из них*. Ты высокий и красивый, и у тебя клевая прическа. Тебя будут выбирать на главные роли, хочешь ты того или нет.

— Так что, ты хочешь, чтобы я был твоим Ромео? К этому ты клонишь? Помнится, когда мы в последний раз были вместе, ты не могла даже взглянуть на меня.

— Нет, — говорю я, — будь моя воля, я бы отказалась играть с тобой, в основном, потому что ты полный кретин, читающий чужие дневники!

— Пошло все на хрен. — Он хватается рюкзак и направляется к двери, но я успеваю схватить его за руку.

— Холт, что, черт побери, с тобой не так? Уже прошло две недели, а ты даже не

попытался улучшить отношения между нами. Хотя бы извинись, ты кретин, посягнувший на мой дневник!

Он разворачивается и смеряет меня горящим взглядом. Я отступаю назад, но он следует за мной. И только когда я прижимаюсь спиной к стене, мы оба останавливаемся.

— Читать твой дневник, было гребаной ошибкой, я признаю. Хотелось бы мне стереть себе память, потому что моя жизнь была бы гораздо проще, если бы я не знал обо всей той чуши, что ты ко мне чувствуешь. Но о чем, черт побери, ты думала, когда вообще писала об этом? Конечно же, человек, о котором ты написала, случайно наткнется и прочтет это, унизив при этом обоих и испортив все!

— О, нет, — говорю я, поток крови подобный вспышке огня, устремляется к моему лицу. — Не смей обвинять меня в том, что прочел мой дневник!

— Да, именно это я и смею делать.

— Ты невыносим! — Я ожесточенно вскидываю руки. — С меня хватит. Я устала с тобой спорить. Мне даже больше не нужны твои извинения. Просто держись от меня подальше.

Я протискиваюсь мимо него, но он следует за мной.

— И как ты предлагаешь мне держаться от тебя подальше, когда мы должны сыграть эти бесчисленные любовные сцены в этой дурацкой пьесе? Поверь мне, я бы рад избежать этой гребаной пытки, но у меня нет выбора.

Я прибавляю шаг.

— Я бы скорее воткнула себе иглы в глаза, чем изображала бы с тобой любовь, но я собираюсь сделать это, потому что итоговая оценка за семестр на *сорок процентов* зависит от этой постановки, и ты *не* испортишь мне средний бал!

— Я и не помышлял об этом, принцесса. После всего, ты наверно будешь ныть об этом в своем дневнике.

— Да! Еще как буду!

— А знаешь, — говорит он, шагая рядом со мной невесомой походкой, тогда как я едва плетусь на своих двоих, — миллионы людей проживают свою гребаную жизнь, не записывая свои сексуальные фантазии и сокровенные мысли в книгу, которую каждый может найти и прочесть. Тебе стоит попытаться!

— Как только ты увидел, что это, ты должен был перестать читать!

— О, да, конечно, как будто возможно перестать читать, когда ты рассуждаешь о моем члене!

Я резко останавливаюсь и ударяю его в руку.

— Ау! Черт!

— Это не *моя* вина! Отцепись от меня!

Он хватает меня за руку и притягивает к себе.

— Ну, согласно твоим записям, тебе от меня нужно совершенно противоположное. Вот откуда вся эта агрессия? Ты злишься, что я не поцеловал тебя тогда, потому что давно хочешь оседлать мой член?

— Боже, какой же ты придурок!

— Хочу заметить, что это *не* «нет»!

Я инстинктивно тянусь ударить его, но он перехватывает мою руку и крепко держит за запястье.

— Неконтролируемая часть моего тела нуждается в твоих ручках, милая. Не хочешь

ублажить ту часть моего тела, что чертовски тверда с тех пор, как я прочел твой тупой дневник? Не хочешь почувствовать через какой ад я прохожу по твоей милости? Ты так сильно хочешь дотронуться до члена? Вперед. Пусти же в ход ручки и положи конец моим мучениям.

Я вырываю свою руку из его хватки.

— Ты отвратителен, — говорю я, и иду прочь.

— Так, значит, ты не будешь ублажать меня ручками?! — кричит он мне вдогонку.

Я уношусь от него так быстро, как только могу, и когда я уже заворачиваю за угол, мне видно, что он все также стоит на месте, опустив голову и запустив руки в волосы.

Я иду домой нетвердой походкой, и только когда я оказываюсь в своей спальне и закрываю за собой дверь, осознаю, что у меня мокрые от слез глаза.

7

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Наши дни

Нью-Йорк

Театр Граумана, Репетиционный зал

Четвертый день репетиций

Я кусаю свои ногти. Я изгрызла их практически до самых корней и уже принялась за шершавую кожу заусениц. Это никак не успокаивает меня, но так я хотя бы не вышагиваю из угла в угол.

Марко беседует с Холтом. Наставляет как правильно отыграть сценку.

Мой желудок скручивается в трубочку со смесью чувства тошноты и неразумного предвкушения. От этого мне хочется срыгнуть весь свой обед.

Марко говорит негромко, но я слышу каждое его слово.

— Сара пришла сюда, чтобы выяснить с глазу на глаз, почему ты ее отталкиваешь. Ее мать рассказала тебе, что ее дочь не та провинциальная девочка, которой ты думал она является, и в процессе, у тебя появляется чувство, словно ты никогда не будешь достаточно хорош для нее. В глубине души ты всегда знал, что все было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой, и сейчас все твои сомнения подтвердились.

Итан кивает и сосредоточенно хмурится. Его руки скрещены поверх груди. Оборонительная поза.

Он косится на меня, потом смотрит обратно на Марко с каменным выражением лица.

Я перестаю кусать кутикулу. Мне надо закурить, но на это нет времени.

— Я хочу чувствовать, что ты думаешь, что ей будет лучше без тебя, но эта мысль тебя убивает. Понимаешь?

Он кивает и постукивает ногой по полу.

Нервничает.

Отлично.

— Кэсси?

Моя очередь.

Марко подходит ко мне и обнимает за плечи.

— Поведение Сэма ставит тебя в тупик. Ты любишь его, и тебе плевать, насколько разное у вас прошлое. Он готов все перечеркнуть, но ты хочешь, чтобы он боролся. Ясно?

Я киваю. Голова идет кругом. Мне нужно присесть.

— Именно в этот момент мы чувствуем твоё отчаяние. Вы не виделись несколько дней. Все чего ты хочешь, это, чтобы он остался, понимаешь?

— Да. Конечно.

Мой голос звучит увереннее, чем я себя чувствую. Он доверяет мне эту работу. Я не хочу потерять его доверие.

— У вас несколько минут на подготовку, а потом мы начнем сцену с появления Сары.

На подготовку? Как, черт побери, можно к такому подготовиться? Почувствовать эти невероятно личностные переживания? Поцеловать его?

Я принимаюсь расхаживать по залу. Мне нужно найти мою героиню, потому что она является моим барьером между фантазией и реальностью. Но я чувствую только себя. *Свою* боль. Замешательство.

Я закрываю глаза и дышу. Делаю длинные, размеренные вдохи через нос и выдыхаю через рот. Пытаюсь представить себе белую простыню на бельевой веревке, развевающуюся на ветру. Так я сосредотачиваюсь.

Но сегодня у меня ничего не получается. Изображение размытое и переменчивое, как телеканал, который не получается настроить.

Мои глаза закрыты, когда я слышу приближающиеся шаги. Потом меня опалает теплом, и я понимаю, что он смотрит на меня в упор.

— Что? — спрашиваю я, все также с закрытыми глазами. Я пытаюсь удержать в воображении фокус, но он мерцает как мираж.

— Хочешь что-нибудь обсудить?

— Вообще-то, да. У меня появляется странное ощущение жжения всякий раз, когда я писаю. Что это значит?

Я дышу ровно.

Он вздыхает.

— Я имел в виду сцену.

— Я знаю, что ты имел в виду.

— Конечно, знаешь.

— Давай просто разделаемся с этим и посмотрим, что произойдет.

Если я до сих пор не выбежала с визгом из зала, то я справлюсь и с этим.

— Ты в этом уверена?

Я еще никогда в жизни не была настолько в чем-то не уверена.

Открываю глаза.

— Ладно. О чем ты хочешь поговорить?

Он засовывает руки в карманы.

— И с чего мне, блин, начать?

Я жду. Я знаю, он раздумывает, потому что у него вид такой, будто его терзает боль. Некоторые вещи никогда не меняются.

— Кэсси, тебе не кажется полнейшим безумием, что мы так и не поговорили обо всем, что стряслось между нами, и всего через несколько минут я поцелую тебя?

— Нет, ты не поцелуешь меня, — говорю я.

— Поцелую. Это есть в сценарии.

— Я имею в виду, тупица, что это Сэм поцелует Сару. Мы будем где-то в другом месте, так ведь?

Он делает шаг вперед, и я сопротивляюсь рвению отступить назад. Я больше не буду этого делать.

Жар его тела прожигает меня сквозь одежду. Я не хочу смотреть ему в глаза, но он не оставляет мне выбора.

— Мы оба знаем, что это так не работает, — говорит он так тихо, что его слышу только я. — Как бы сильно мы не стремились полностью отдаться эмоциям наших героев, это не отменит того, что именно мои руки будут тебя обнимать, и мои губы будут к тебе прикасаться. И теперь, я чувствую себя довольно странно, принимая во внимание весь наш багаж, которым можно заполнить гребаный универмаг, но, если тебе все нипочем, и ты не хочешь ничего обсуждать, давай сделаем это и посмотрим, что из этого выйдет.

Его способность заставить меня вскипеть гневом за тридцать секунд поразительна. Он хочет поговорить сейчас, потому что ему видите ли удобно?

Единственное, что у него получается хуже, чем принимать решения касательно отношений, это умение выбирать время.

— У тебя было три года, чтобы поговорить, — говорю я. — Но единственный раз, когда ты связался со мной, был тогда, когда ты был пьян и не мог связать и двух слов.

— Неправда. Е-мейлы...

— Были полны манипуляций и жалких попыток заставить меня бегать за тобой... снова. В них была только неопределенность и жалость к себе, и ты даже ни разу не извинился, заносчивый ублюдок.

— Все в порядке? — кричит нам Марко. Мы приклеиваем фальшивые улыбки на лица и киваем.

— Все нормально, — говорит Холт натянутым голосом. — Просто прорабатываем несколько идей.

— Отлично. Тогда за работу.

Холт поворачивается ко мне, но я уже сыта по горло этим разговором.

— Давай просто покончим с этим, — говорю я. У меня нет настроения находиться с ним в одном помещении, не говоря уже о том, чтобы сыграть любовную сцену. — Бери свой сценарий и пошли.

Он смеется, но звук смеха отдает пустым гулом.

— Мне не нужен сценарий для этой сцены.

— Кто бы мог подумать.

Мы занимаем исходные позиции на противоположных концах площадки.

Марко хлопает руками, призывая всех к тишине.

— Хорошо. Начинай, когда будешь готова, Кэсси.

Я захожу на площадку разгневанная сильнее, чем того требует сценарий, но черт с ним. Я направлю гнев в нужное русло и все сработает.

Мы играем свои роли, отражая выпады друг друга резкими выражениями и обидными эмоциями. Я хожу вокруг него. Он держится на расстоянии. Задетый и отстраненный.

Сегодня он в ударе.

— Ты правда думаешь, что у нас еще есть шанс? — спрашивает он. Я чувствую его напряжение на противоположной стороне площадки. — У нас нет шансов. Ты знаешь это. Я знаю. Твоя мать, шлюшка из придорожного клуба, знает, и только у нее хватило духу сказать

это вслух. Прекрати бороться с неизбежностью. Неизбежность всегда побеждает.

Мой голос тих, но дрожит от ярости. Гнев захлестывает меня. Он неправ. Как обычно.

Я заползаю под кожу Сары, и делаю ее реакцию своей.

— Когда ты стал таким трусом?

— Примерно в тот самый момент, когда понял, что ничего о тебе не знаю.

— Ты знаешь меня! Ты знаешь обо мне все самое важное.

— Не морочь мне голову! Я знал лишь то, кем ты прикидывалась, и из тебя, милочка, получилась чертовски хорошая актриса. Ты с легкостью обвела меня вокруг пальца.

Комната гудит от напряжения. Он ищет выход. Я не собираюсь давать ему это.

— Сэм, я знаю, ты любишь меня. Мне известно это так же, как и то, что небо голубое, а земля круглая. Если ты уйдешь сейчас, то, проснувшись однажды утром, через пять лет, задашься вопросом, какого черта ты натворил, ведь люди всю свою жизнь проводят в поисках того, что у нас уже есть, а ты так просто от всего отказываешься. Неужели ты не видишь это?

Мой гнев заполняет воздух вокруг и сгущает его, отчего становится трудно дышать.

Он даже не может взглянуть на меня. словно раненный зверь, который намеревается удрать.

— Я не могу быть твоим проектом, Сара. Меня уже не изменить. — Он поворачивается, собираясь уйти.

— Постой! — Мучительная боль в моем голосе останавливает его. — Ты никогда не был для меня проектом. И ты не уйдешь, пока не скажешь, что не любишь меня.

Его плечи опускаются, и он бормочет бранные слова.

— Скажи это!

Он поворачивается. Выражение его лица наполнено противоречием. Преисполнено боли.

— Если ты хочешь положить конец нашим отношениям, — говорю я дрожащим голосом, — тогда хотя бы сделай это правильно.

Он сопротивляется, но я не собираюсь отступить.

— Скажи это.

Он делает вдох.

— Я не люблю тебя.

Мне практически слышно, как его сердце раскалывается сквозь боль в его голосе.

Я требую сказать это снова. Он повторяет, но уже тише. Я пытаюсь сломить его, чтобы он не смог уйти. Он должен остаться и пасть вместе со мной.

Я прошу повторить его еще один раз, и едва дыша, он выдавливает:

— Я... не... люблю тебя.

Его взгляд сосредоточен на полу. Он сломлен.

— И ты веришь в это? — спрашиваю я.

Когда он смотрит на меня глазами, полными агонии и слез, я словно начинаю тонуть.

— Нет, — отвечает он, и не успеваю я подумать, подготовиться или просто сорваться с места, как он возникает передо мной и заключает мое лицо в свои ладони. От его прикосновения мое дыхание сбивается. И только воздух устремляется в легкие, как он накрывает мой рот своим.

Все вокруг взрывается. Мое тело и разум цепенеют. Чувства переполняют, и три года разлуки исчезают в свете ослепительной миллисекунды.

Его губы такие же, какими я их помню. Теплые и мягкие. Восхитительные, что не описать словами. Он шумно вдыхает, и хватка его рук усиливается: одна на моей щеке, другая – на затылке. Он издает тихий, гортанный стон, и жар затопляет меня. Мое тело прижато к нему, руки путаются в волосах, и каждая причина, по которой мне нужно держаться подальше от него, тает, когда наши рты раскрываются навстречу друг другу.

Поцелуй груб и безрассуден, полный страсти, которую я не хочу чувствовать. Но это... именно в таких моментах и живут лучшие воспоминания о нем.

Это то, какими мы должны были быть. Всегда. Касаться друг друга губами и руками, вдыхая воздух друг друга. Упиваться нашей глубинной душевной связью, а не бежать от нее.

Его руки скользят по моему дрожащему телу, которое не испытывало этого огня уже слишком долго.

Вот почему у меня не было длительных отношений последние три года. Вот почему я сплю с мужчинами только один раз и никогда не перезваниваю. Потому что они не вызывали во мне подобных чувств.

Я отчаянно хочу, чтобы кто-нибудь другой сломил меня так, как сломил он, но никто даже близко не подобрался. Это впервые, когда я по-настоящему чувствую возбуждение с тех пор, как он меня оставил, и я ненавижу себя за это.

Я отстраняюсь и мне удается выдохнуть:

— Итан.

— Боже... Кэсси, — шепчет он, и целует меня снова.

Мое тело не может насытиться им, хоть разумом я и знаю, что это неправильно. Каждая частичка меня жаждет его.

Звуки, которые он издает, жалобны и полны отчаяния. Он притягивает меня ближе. Обнимает крепче.

Не могу поверить, что в этом неправильном мире, который мы создали вместе, это все еще ощущается так правильно.

— Хорошо, этого достаточно, — говорит Марком и откашливается. — Лучше закончим на этом, пока нам не пришлось снять вам двоим комнату. Хорошая работа. Идеальная химия.

Чары рассеиваются, и как только я отрываюсь от его губ, глаза Холта открываются.

— Кэсси...

Я отталкиваю его. Он не может целовать меня вот так и произносить мое имя таким тоном, овладев мною всецело без моего гребаного позволения. Он подается вперед, но я не могу больше с этим справляться. Прежде чем он успевает коснуться меня снова, я даю ему пощечину.

Он отступает назад, выражение его лица так сконфуженно, что меня затопляет чувством вины.

Я не должна этого чувствовать. Это его вина. Он знает, какой властью обладает надо мной. Он рассчитывал на это, и воспользовался этим. Теперь мое тело пробирает дрожь, и оно изнывает от желания. Нуждается в нем так, как я не могу себе позволить.

Мне ненавистно, что он до сих пор вызывает во мне подобные чувства. Что лишь одним поцелуем он способен разрушить каждый защитный механизм, что я воздвигла против него.

Я ненавижу его за это, но себя я ненавижу больше за то, что хочу, чтобы он все повторил.

Шесть лет назад

Вестчестер, Нью-Йорк
Дневник Кассандры Тейлор

Дорогой дневник,

После всего дерьма, через которое он заставил меня пройти за последние две недели, Холт признал, что его влечет ко мне.

Точнее он сказал, что после прочтения моего дневника, у него «встал», что полагаю одно и то же.

Да какое мне вообще дело? Он грубый эгоистичный осел, страдающий страхом перед извинениями, и, если мы двое и замутим, ничего хорошего из этого не выйдет. За исключением, может быть, крышесносного секса.

Ох, секс. Мне осталось о нем только мечтать.

Я больше не могу этого отрицать. Я хочу его, даже, несмотря на то, что он сводит меня с ума.

И сейчас, когда я наконец-то призналась в этом себе (и тебе, дорогой дневник), я в полном ужасе от того, что он может это прочесть, и если верить его словам, это непременно произойдет. Как только я запишу что-то крайне унижительное, вселенная найдет способ показать это ему.

Ну, на этот случай: Эй, Холт! Ага, ты кретин, читающий чужие дневники! Я хочу оттрахать тебя. Как насчет «гневно» секса, который взорвет мой похотливый, девственный мозг?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я бросаю ручку и вырываю страницу из дневника, потом сминаю ее и бросаю в мусорную корзину. Комок бумаги отскакивает от края и присоединяется к другим скомканным листкам, усеявшим пол.

— Трусливый придурок! — Я запускаю дневник через всю комнату, и он с громким стуком ударяется о дверь. Я плюхаюсь обратно на кровать и накрываю глаза руками.

Это бесполезно. Я больше не могу писать в своем дневнике. Он разрушил ритуал, и я не могу преодолеть страх того, что он снова может прочесть его. Единственная вещь, которая помогала мне разобраться в нелепых чувствах к нему, теперь недоступна, и это так отстойно, что не выразить словами.

— Кэсси? — Раздается стук, и Руби просовывает голову в дверь. — Ты в порядке?

— Нет, — говорю я, потирая лицо рукой и вздыхая.

— Холт?

— Да.

— Что стряслось?

— Он будет играть Ромео. Я – Джульетту. Мы поссорились.

— Из-за дневника?

— В том числе.

— Все также никаких извинений?

— Конечно же, нет. Плюс, он практически потребовал, чтобы я подрочила ему.

— Это не круто. Он должен был хотя бы сказать «пожалуйста». — Она подходит и садится на край кровати. — Ты же знаешь, что нравишься ему?

— Мне все равно.

— Неправда. Он тоже тебе нравится.

— Я не хочу этого.

— Иногда симпатия к кому-либо не имеет ничего общего с нашими желаниями, а напрямую связана с нашими нуждами.

— Руби, он мудака.

— Он тебе небезразличен.

— Мы будем невыносимы вместе.

— Или прекрасны.

Я вздыхаю и сажусь прямо.

— Так что ты предлагаешь?

— Я предлагаю тебе сделать первый шаг.

Я потираю глаза.

— Боже, Руби, нет. Мы попросту не подходим друг другу. Это как масло и уксус. Сколько ни взбалтывай друг с другом, никогда не смешаются.

— Кэсси, — говорит она, выражая всем своим взглядом «прислушайся к мудрым словам, которые я собираюсь сказать», — ты забываешь, что несмотря на то, что масло и уксус не смешиваются, из них получается восхитительная приправка к салату.

Я прищурено смотрю на нее.

— Ладно, это лишено всякого смысла.

Она вздыхает.

— Знаю. Извини. У меня нет никаких идей. Однако, приправка обалденная. Я веду вот к чему: ты должна трахнуть Холта. Будет вкусно.

Я шокировано смотрю на нее.

— Что?! Я должна... что? В смысле... я даже не могу понять...

— Только *не смей* говорить, что ты ни разу не допускала мысли о том, чтобы попрыгать на стояке этого парня, потому что я точно знаю, что допускала.

Я опускаю плечи и надуваю губы.

— Ладно, ладно. Я задумывалась об этом. Но это не значит, что я решусь на такое.

— Стоит ли мне напоминать тебе о том, что ты бесстыдно трахнула его в одежде, когда была пьяна? И, по всеобщему мнению, он не жаловался.

— Это не считается.

— Ты терлась своими женскими прелестями об его причиндал, Кэсс. Это считается.

Я со стоном накрываю лицо волосами и издаю стон.

— Руби...

Она убирает мои волосы и вперяет в меня недовольный взгляд

— Кэсси, ты определенно сохнешь по этому парню. Что бы между вами ни происходило, тебе нужно с этим разобраться, пока вы оба не слетели с катушек. Ты не сможешь спокойно жить, пока не решишь эту проблему с сексуальным напряжением. Это не здоровый подход. Я за то, чтобы ты трахала его, пока вы оба больше не сможете стоять, именно это сделала бы я.

Я снова стону от безысходности и откидываюсь на кровати.

Она встает и направляется к двери, потом говорит:

— Знаешь, один мудрый человек однажды сказал: «Истинную любовь невозможно найти там, где ее не существует, но ее нельзя скрыть там, где она расцветает». Подумай об этом.

— Как проникновенно, Рубс. Это из твоей философской книжки «Сто и одна цитата»?

— Не-а, — говорит она с улыбкой. — Дэвид Швиммер. «Поцелуй понарошку». Ужасный фильм.

Я смеюсь.

— Спокойной ночи, Кэсс.

Ночью мне снится Холт, и спасибо Руби, рейтинг определенно – Х.

На следующий день, по дороге на нашу первую репетицию, я все еще не понимаю, как вести себя с ним.

Когда я поворачиваю за угол по направлению к театральному корпусу, я вижу его во дворе. Он стоит, прислонившись к лестничным перилам у входа в театр, на нем очки и в каждой руке по картонному стаканчику. Когда я подхожу ближе, он замечает меня и выпрямляется. Я останавливаюсь перед ним.

— Привет, — говорю я.

— Привет. — Он смотрит на меня, покусывая изнутри щеку.

Мы стоим так несколько мгновений, потом он протягивает мне один из картонных стаканчиков и говорит:

— Ох, вот дерьмо. Это хм... тебе.

Я принимаю стаканчик и подношу к носу.

— Что это?

— Это «Мудачино», так же известный как «Членочино».

Я пытаюсь сдержать улыбку, которая трогает уголки моих губ.

— Ха, а по мне так, пахнет как обычный горячий шоколад.

— Да, оказывается, в кофейне закончился «Мудачино-Членочино». Я предложил им приготовить еще несколько, но они сказали, что я сам сверхопытный.

— Они были правы.

Мы потягиваем наши напитки в тишине, и я так понимаю, этот горячий шоколад равносителен извинениям с его стороны, которые я рано или поздно собираюсь получить. Но сейчас я довольна и этим.

— Ну, — говорю я, — выучил свои реплики?

Он кивает.

— К сожалению. Шекспир мог нанять редактора и получше. Чувак был не слаб на язык.

— Ромео еще не полюбился тебе?

Он опускает свой взгляд на стаканчик, который вертит в руке, держа за край.

— Нет. Чем дольше я работал над репликами, тем больше убеждался в том, как это охренительно тупо, что меня утвердили на эту роль. Я не смогу сыграть эту роль, Тейлор. Правда, не смогу.

— Эрика считает, что сможешь.

— Да, но Эрика заблуждается. Она видит во мне того, кем я не являюсь.

— Или может она верит в того, кем ты можешь стать.

Он качает головой.

— Пусть у нее будет хоть вся вера мира, все, на что я способен, это дать ей плохого Ромео.

— Может, именно это ей и нужно. Идеальный Ромео скучен. Гораздо интереснее наблюдать, как он борется с эмоциями, и в итоге одерживает верх над своими страхами.

Он изучает пристальным взглядом свой стаканчик, затем говорит:

— А что если он не одержит верх? Что произойдет потом?

Я напрягаю свой мозг в поисках обнадеживающего ответа, когда появляется Эрика. Один за другим, выбрасывая по пути пустые стаканчики в урну, мы следуем за ней в театр, в котором царит полумрак.

— Ну, ребята, как настрой? — спрашивает она.

Мы с Холтом неразборчиво мямлим в ответ что-то положительное, и на этом беседа заканчивается.

— Я не хочу вас пугать, — говорит Эрика, глядя на каждого из нас, — но успех всей этой постановки зависит от вас двоих и от правдоподобности ваших отношений.

Холт выдыхает.

— Господи, Эрика. Никакого давления и прочей фигни.

Эрика посылает ему сочувственную улыбку.

— Хорошая новость заключается в том, что я знаю, что вы оба более чем способны воплотить этих героев в жизнь. — Холт закатывает глаза. — Но вы должны довериться мне и друг другу, и в полной мере отдаться этому опыту. Понимаете?

Мы оба киваем. Холт выглядит, как перепуганная лошадь, которая переминается с ноги на ногу, готовая пуститься вскачь.

— Это сцена бала, где вы впервые видите друг друга, и как бы банально это ни звучало, вы должны убедить нас в том, что это любовь с первого взгляда.

— Холт не верит в любовь с первого взгляда, — говорю я.

— Ему и необязательно верить, — улыбается Эрика. — Он просто должен убедить в этом зрителей. Ведь так, мистер Холт?

Он смотрит на пол.

— Будь по-вашему.

Она смеется и ставит нас на сцене напротив друг друга.

— Хорошо, теперь представьте помещение полное гостей. Ромео, ты не находишь себе места от скуки. Твои друзья пообещали, что заставят тебя забыть о Розалин, представив другим красивым женщинам, но никто не вызывает у тебя ни малейшего интереса. Ты обеспокоен мыслью, что из-за Розалин для тебя перестали существовать другие женщины и просто считаешь минуты до ухода.

— Джульетта, ты отчаянно пытаешься избегать свою мать и Париса. Когда ты впервые видишь Ромео, внутри тебя словно что-то пробуждается. Окружающий мир блекнет, и ты видишь лишь его. Тебя пугает это чрезмерное влечение.

Я киваю, в то время как нервозность клоочет внутри меня. Смотрю на Холта. Он бледный как простыня.

— У кого-нибудь из вас есть вопросы?

Холт сглатывает и качает головой. Я делаю то же самое.

— Что ж, тогда начнем с момента, когда вы видите друг друга через весь зал. Я хочу увидеть страсть. Чувство, словно это судьба. Давайте попробуем и посмотрим, что получится.

Она садится в первом ряду зрительского зала, прихватив с собой копию сценария и записную книжку. Мы с Холтом остаемся на сцене одни. Он выглядит так же нервно, как и я.

— Хорошо, начинайте, когда будете готовы, — кричит нам Эрика.

Я делаю глубокий вдох, затем медленно выдыхаю. Смотрю на Холта. Его глаза закрыты,

а брови так напряжены, словно он настраивает себя на прыжок с самолета или на прогулку по раскаленным углям. Он делает несколько вдохов и разминает руки. Мне видно, как двигаются его губы, но я не слышу, что он говорит.

Наконец, он открывает глаза и смотрит в моем направлении, скользя взглядом сначала по моим ступням, затем он выражает одобрение и поднимает взгляд на колени. Сегодня я одела юбку. Джинсовую. Короткую. Его взор перемещается выше на мои бедра, затем к моему животу, груди и шее, и наконец, останавливается на моем лице.

На пару секунд взгляд задерживается на моих губах, и потом... о, боже... он смотрит мне прямо в глаза. Я резко втягиваю воздух, когда чувствую, что наша энергетика соединяется. Словно я поглощаю его и одновременно растворяюсь в нем.

Мне видно, как он пытается побороть страх, но ему это плохо дается. В какой-то момент, мне кажется, что он вот-вот сбежит. Его тело неподвижно застывает, пока в глазах мелькают вспышки паники. Потом он выдыхает, и передо мной появляется Ромео, впечатлительный и отчаянный. Он направляет свои эмоции в героя. Использует страх. Преобразовывает его.

Я смотрю на него глазами Джульетты, и для меня он самый красивый мужчина из всех, кого я когда-либо видела.

Только вчера днем мы кричали друг на друга. Но сейчас...

Сейчас, он для меня – все.

Мы идем навстречу друг другу. Моя кожа оживает трепещущим восторгом. Тело наполняется предвкушением. Его глаза прожигают мои, глубоко и интенсивно. Когда он останавливается передо мной, я уже едва ли могу дышать.

Он смотрит на меня, словно я прекрасна. Словно я – некое чудо природы, созданное специально для него.

Мне хочется прикоснуться к нему, почувствовать, что он настоящий; находится здесь и хочет меня, но я знаю, что Джульетта бы так не поступила. Поэтому я просто стою на месте и люблюсь им. Его волевым подбородком и высокими скулами. Красивыми глазами и непокорными волосами.

Каждая черта его лица по-своему необыкновенно красива, но в совокупности, он столь великолепен, что это не поддается описанию.

Страх все также есть в его глазах, таится, но ему удастся протолкнуться сквозь него. Его рука тянется к моему лицу. Он касается меня нежно, но моя реакция остра. Его веки подрагивают, пока он водит рукой по моей щеке. Под моей кожей образуется жар, и возрастает с каждым мягким прикосновением его пальцев. Его страх слегка проглядывается, мерцая позади его решимости.

Его внимание приковано к моим губам, потом он прочищает горло и шепчет:

— Я ваших рук рукой коснулся грубой. Чтоб смыть кощунство, я даю обет: к угоднице спаломничают губы и зацелуют святотатства след¹⁹.

Слова формальные и устаревшие, и все же мое тело реагирует на них так, словно они неподвластны времени.

Его пальцы все также прикасаются к моей щеке, когда он медленно наклоняется. Мне видны лишь его губы, приоткрытые и мягкие. Я знаю, что Джульетта отстранилась бы, но мне этого не хочется.

Я помню свое следующее действие и убираю его руку со своего лица. Я держу ее в своей руке и медленно поглаживаю его пальцы.

— Святой отец, пожатье рук законно. Пожатье рук – естественный привет. Паломники святыням бьют поклоны, прикладываются... надобности нет.

Я смыкаю наши ладони вместе, мой голос лёгок, но ритм сбивчив. Я не могу ясно мыслить. Он стоит так близко, что я ощущаю, исходящий от него запах мыла и одеколona. Его дыхание испускает сладкий аромат шоколада.

Я ощущаю его каждой частичкой своего тела, мои руки дрожат.

Он приподнимает свою другую руку, чтобы накрыть мою, и потом ласкает ее. Мягкий шелест касания кожи о кожу – это самое интимное, что я когда-либо испытывала. Напряженный ток, что струится в наших руках, мерцает в моей крови.

Должно быть, на него это тоже влияет, потому что голос его становится низким и тихим.

— Однако губы нам даны на что-то?

Я чувствую вибрацию его голоса напротив моего лица.

— Святой отец, — отвечаю я, пока ласкающими движениями он сплетает наши пальца вместе, поглаживая мягкую кожу между ними и вызывая во мне дрожь, — молитвы воссылать.

— Так вот молитва: — говорит он, снова сосредотачиваясь на моих губах, — дайте им работу. Склоните слух ко мне, святая мать.

Сила его энергии наполняет меня до отказа. Мне едва хватает воздуха, чтобы продолжать говорить.

— Я слух склоню, — шепчу я, — но двигаться не стану.

— Не надо наклоняться, — бормочет он, подаваясь ближе, — сам достану.

Я задерживаю дыхание, когда его губы опускаются ниже, замирая прямо над моими – так далеко от того, где я хочу, чтобы они были. Я уже было собираюсь закрыть глаза и насладиться моментом, как он останавливается. Моргает и качает головой. Его хватка на моих руках усиливается.

Итан, нет.

Он зажмуривает глаза и издает раздражённый, сдавленный стон.

— Мистер Холт? — зовет Эрика из зала. — Самое время поцеловать ее. Какие-то проблемы?

Он отпускает мои руки и отступает назад. Страх, который он так сильно старался подавить, вырывается на свободу. Отражается на его лице, и мышцы его напрягаются.

— Я же говорил, что не смогу, — говорит он, напряженным от паники голосом. — Я говорил вам обеим.

— Мистер Холт?

Он качает головой и засовывает руки в карманы. Сутулит плечи.

— Какого хрена меня никто никогда не слушает?

Он кидается за боковые декорации, и оклики Эрики не останавливают его.

Я собираюсь было пойти за ним, но Эрика жестом просит меня подождать.

— Кэсси, — говорит она, поднимаясь ко мне на сцену. — будь осторожна с ним. Он явно ассоциирует эмоциональную близость с болезненными последствиями, и это возможно основная причина его внутренних проблем. У меня нет сомнений, что он может сыграть эту роль, но его нужно убедить. На самом деле, ты единственная, кто может ему помочь.

— Не уверена в этом. Наша обычная форма общения – это постоянные крики друг на друга.

Она улыбается.

— А ты не заметила, что ты единственный человек из всей группы, с кем он хоть как-то контактирует? Он едва ли разговаривает с кем-либо еще.

Я чувствую вину за то, что не осознавала, насколько одинок Холт. Во время обеденного перерыва он исчезает, когда я сижу с Коннором и Мирандой. После занятий, когда все перед уходом болтают, он первый, кто выходит за дверь.

Один.

Я думала, что он просто избегает меня, но возможно он избегает всех.

— Я поговорю с ним, — говорю я.

Она улыбается.

— Порой человек воздвигает вокруг себя стены не только, чтобы отгородиться от людей, но, и чтобы понять, кому важно их разрушить. Понимаешь?

Я киваю и ухожу со сцены. По мере того как я углубляюсь в закулисную тьму, я различаю звук скрежета и устремляюсь на него.

— Холт?

Я нахожу его в одной из гримерных, сторбившимся на стуле с головой в руках. Огоньки, что отражаются в зеркале позади него, окружают его голову словно нимб.

Я переступаю через порог. Он выглядит таким несчастным, что мне хочется заверить его, что все будет в порядке, но я не знаю с чего начать.

— Просто дай мне уйти, — говорит он, не глядя на меня. — Тебе нужен кто-то другой. Не я.

— Я не хочу никого другого, — говорю я, подходя к нему. — Я просто думаю, что, если ты доверишься себе и мне, мы сможем создать нечто поистине потрясающее.

— Тейлор... — Он вскакивает со стула и подходит к окну. — Я знаю свои возможности, и это мой предел.

— Просто попробуй, — убеждаю я, вставая позади него. — Это все, о чем я прошу. Я знаю, подобные вещи даются тебе нелегко, но не отказывайся от роли, даже не попробовав.

— Какой смысл пытаться, когда я знаю, чем все обернется? Я провалюсь и потяну тебя за собой. Будет лучше, если мы закончим сейчас, пока еще есть время подобрать на эту роль кого-то другого.

— Уже слишком поздно, — говорю я, наблюдая, как его плечные мышцы напрягаются под футболкой, и у меня возникает желание погладить их. — Знаю, на днях я сказала, что не хочу, чтобы ты был моим Ромео, но я была неправа. Им должен быть ты. Я не представляю никого другого в этой роли.

Он кладет руки на подоконник, и его плечи никнут, когда он опускает голову.

— Тебе обязательно нести дерьмо вроде этого?

— Вроде чего?

— Мелочи, из-за которых ты начинаешь мне нравиться. Это чертовски бесит.

Не в силах больше сдерживать себя, я кладу руку между его лопаток и нежно глажу.

Его мышцы напрягаются под моими пальцами, и когда он вдыхает, получается тяжело и прерывисто.

— Просто пусть Коннор сыграет его, — говорит он, поворачиваясь ко мне. — Он, наверно, кончит себе в штаны, как только ты поцелуешь его, но работа будет сделана.

— Я не хочу целовать Коннора, — отвечаю я. — Я хочу поцеловать тебя.

Он застывает и, кажется, перестает дышать.

Мгновение он всматривается в меня, затем делает маленький шаг вперед. Мое внимание сосредоточено на нем, несмотря на то, что инстинкт кричит мне бежать. Ему ничего не стоит отвергнуть меня снова, но я уже зашла достаточно далеко и не собираюсь идти назад.

— Ты правда хочешь, чтобы я поцеловал тебя?

— Да. Пожалуйста, Итан.

— Ты не знаешь, о чем просишь. — Он хмурит брови.

— Знаю, — говорю я, и делаю шаг вперед. — Если это то, что нужно тебе, чтобы понять, сможешь ли ты сыграть эту роль, давай сделаем это. Это же просто поцелуй.

Он отходит назад, в нем нарастает паника, когда я подаюсь вперед.

— Что, если это будет не *просто* поцелуй? — спрашивает он, прислоняясь спиной к стене. — Что мы будем делать тогда?

Я кладу руки ему на грудь и чувствую, как неистово колотится его сердце. Шум отдается вибрациями в его горле, и когда я поднимаю взгляд, вижу, что он пристально смотрит на меня. Желание, исходящее от него, одурманивает мой мозг и у меня слабеют ноги.

— Прекрати драматизировать, — шепчу я, водя пальцами вдоль его шеи и подбородка. — Если мы поцелуемся, то, скорее всего, удостоверимся, что наши тела также абсолютно несовместимы, как и мы сами.

Боже, какая же я лгунья. Я уже возбуждалась сильнее, чем за всю свою жизнь. Каждая частичка меня кричит мне, чтобы я прикоснулась к нему. Он так приятно ощущается под моими руками.

— Тейлор, — говорит он, обхватывая мою талию рукой и притягивая ближе, — если мы как-то и совместимы, то только физически.

Он притягивает меня к себе, и у меня сбивается дыхание. Я чувствую, какой он большой и твердый напротив моего живота. Осознание того, что я способствовала этому, приносит мне дикое удовлетворение.

Я прижимаюсь к нему сильнее. Он закрывает глаза и стонет.

— Это плохая идея. Seriously.

Я запускаю руку в его волосы.

— Поцелуй меня.

Подушечками пальцев я касаюсь его губ, и они приоткрываются. Его дыхание обдает теплом мою руку. Я пробегаюсь пальцем по верхней губе, и потом перехожу на нижнюю.

Такие шелковистые. Мягкие.

Он смотрит на меня в недоумении.

— С первого дня нашей встречи я был только придурком по отношению к тебе.

— Знаю.

Он прижимается своим лбом к моему, пока его руки поглаживают меня по спине.

— Я отталкивал тебя снова и снова. И все равно ты хочешь, чтобы я поцеловал тебя?

— Да. Сильно.

Он водит своими руками вдоль моих ребер, его голос мягкий и запыхавшийся, когда он говорит:

— Разве ты не видишь, как все запутано? Как сильно я не подхожу тебе?

— Вижу, — говорю я, не в силах отвести глаз от его губ, — но ты ведь *хочешь* этого? Ты хочешь... меня?

Просто скажи это. Пожалуйста.

Он снова сглатывает и шепчет:

— Да, черт побери.

Я становлюсь на цыпочки и наклоняю его голову вниз. Когда его рот оказывается достаточно близко, я осторожно прижимаюсь своими губами к его.

О. Боже.

Мы оба шумно вдыхаем, когда при соприкосновении наши тела напрягаются словно от тока. Мои внутренности стягиваются в тугий узел, а он издает хриплый стон – идеальное сочетание удовольствия и боли.

Я отрываюсь от его губ и отстраняюсь. Его губы приоткрытые и мягкие, и я целую его снова, уже более настойчиво. Я чувствую его выдох напротив своего лица, и мною овладевает неведомое мне чувство, и я нежно присасываюсь к его губам. Жар сочится из-под моей кожи. В животе разгорается пожар. Он издает еще один вымученный стон, и потом с той же страстью впивается в мои губы. Каждая моя частичка пылает. Жар из его рта проникает в мои легкие, и я корю себя за то, что не поцеловала его в первый же день нашей встречи, потому что то, что он делает со мной – за пределами.

— Не могу поверить, что никто раньше не делал этого с тобой, — говорит он между все нарастающими и отчаянными поцелуями. Потом он проникает языком в мой рот, и ад словно распаивается настезь. Я теряюсь в его чувственных касаниях. Одурманивающие феромоны делают меня ненасытной. В комнате все исчезает, кроме него. Мое тело не чувствует ничего, кроме того, что он делает. Нет в мире других ощущений, кроме ощущения его кожи под моими руками.

В этот момент, *я именно та* девушка. Уверенная в себе, красивая и желанная. И все это я чувствую из-за него. Из-за того, что он раскрывает это во мне.

Я отстраняюсь, чтобы посмотреть на него, дыша прерывисто и утомленно. Его взгляд дик, грудь тяжело вздымается. Он выглядит так, как чувствую себя я. Пылко и ненасытно.

— О, боже, — говорю я, потому что понимаю, что теперь всегда буду хотеть его. Нет пути назад. — Это плохо. Плохо, плохо, плохо, плохо.

— Я предупреждал тебя, — говорит он, тяжело дыша и держа мое лицо в руках. — Какого черта ты не слушала?

Потом он целует меня снова, и мое представление о поцелуях стирается под натиском его губ. Его языка. Звуков его коротких стонов. Его руки повсюду и нигде. Я взлохмачиваю пальцами его волосы, постанывая у его губ, пытаюсь насытиться им и не потерпеть неудачу.

— О, боже. — У меня сбивается дыхание, когда он переходит на шею и присасывается, приоткрывая рот. Это сводит меня с ума.

Он заставляет меня пятиться назад, пока я не упруюсь в столик перед зеркалом. Он приподнимает и усаживает меня на него, становясь между моими ногами. Моя юбка задирается, и он прижимается ко мне своим набухшим пахом.

Мы целуемся и двигаемся друг напротив друга, сплетаясь в единое целое и отчаянно нуждаясь в большем. Между нами слишком много одежды и недостаточно воздуха. Его твердая эрекция прижата ко мне, и я представить себе не могла, что в этом мире есть что-то, что может ощущаться так чертовски хорошо.

— Господи, — он стонет, одна его рука запутана в моих волосах, пока другая пытается нащупать мою грудь. — Это просто... Черт побери, Тейлор. Я такой дурак, потому что знал, что у меня снесет крышу и все равно позволил этому случиться. Я так влип.

— Мы оба влипли. — Я беру его за голову и заставляю целовать себя дальше, потому что уже пристрастилась ко вкусу его губ и языка, но моим рукам нужно больше, поэтому я

запускаю их ему под футболку и прикасаюсь к его животу – плоскому и теплому, – который вздрагивает под моими прикосновениями.

Он стонет мне в рот и углубляет поцелуй. Затем его руки уже под моей блузкой – поверх лифчика, ласкают меня и поглаживают. Мое желание настолько сильно, что мне больно.

Он прижимается ко мне сильнее, но этого недостаточно. Я обнимаю его крепче и крепче, но что бы он ни делал, этого мало. Мне нужно больше. Весь он.

— Пожалуйста. — Я даже не знаю, о чем именно прошу. Чтобы он занялся со мной сексом? Здесь? Этого я хочу?

— Нам лучше не стоит. — Его дыхание тяжелое, когда он отрывается от моих губ и целует место прямо за ухом, его обжигающее и невесомое дыхание обдает мою кожу. — Это чертово безумие. Скажи мне остановиться.

— Не могу.

Он сильно присасывается к месту между шеей и плечом. Я знаю, что он оставляет след, но боль не имеет значения, если ему хочется заявить на меня права таким образом.

Он приподнимает меня, прислоняет к стене, и когда он прижимается ко мне между ног, я вскрикиваю от удовольствия.

Боже, он такой твердый. Я хочу, чтобы он оказался во мне и усмирил желание. Утолил голод.

— Господи. — Он двигает бедрами все быстрее, сжимая в руках мою задницу. — Кэсси, если ты не скажешь мне остановиться прямо сейчас, то клянусь Богом, я трахну тебя у этой стены. Ты чувствуешь так приятно. Я знал это. Я знал, что так будет.

Я извиваюсь напротив него. Я не смогу сказать ему остановиться, даже если к моей голове приставят пистолет. Он толкается напротив меня, я же способна лишь держаться за него и молиться о том, чтобы он продолжал двигаться. Все внутри меня натягивается и сжимается от невероятного удовольствия. Это несравнимо ни с чем, что я чувствовала прежде, и мне не хочется, чтобы это кончалось. Такое чувство, что я взбираюсь на вершину горы. Если он просто продолжит двигаться в том же ритме, то я достигну космоса.

— Кэсси, я не могу... я не должен. — Он дышит в унисон своим движениям. Он должен продолжать. Должен.

Я зарываюсь с головой ему в шею и присасываюсь к его сладкой коже, помечая так же, как он пометил меня. Горький привкус одеколona пощипывает на моем языке, пока мы оба стонем и чертыхаемся. Я задерживаю дыхание, готовясь к полету.

— Итан...

— Господи. Кэсси...

— *Мистер Холт? Мисс Тейлор?*

Мы застываем, когда слышим голос Эрики. Он перестает двигаться. Перестает дышать. Напряжение внутри меня раскручивается и растворяется.

Нет, нет, нет, нет, нет!

Я слышу шаги, потом ее голос.

— Вот вы где. А я-то гадала, куда подевались мои главные актеры, но смотрю, вы тут работаете над персонажами. Как преданно с вашей стороны.

Она прямо за нами.

В примерной.

Я отрываюсь от шеи Холта, и он смотрит на меня глазами, полными паники. Мы оба тяжело дышим. Наши губы распухшие и красные.

Эрика откашливается, и я убираю ноги с пояса Холта, чтобы он смог опустить меня на пол.

Я разглаживаю свою футболку с юбкой, и вижу, как Холт проводит рукой по волосам, после чего засовывает руки в карманы и выдыхает.

Перевожу взгляд на Эрику. Она спокойно рассматривает нас.

— Ну, выглядит все так, словно у вас двоих была интересная... дискуссия. Я так понимаю, вы решили проблему и теперь сможете поцеловать мисс Тейлор, мистер Холт?

Холт прочищает горло.

— Ну, я почти добрался до... сути этой самой проблемы, когда вы застали нас.

Эрика усмехается.

— Я заметила.

Из меня вырывается нервный смешок, и я прикрываю рот ладонью, потому что боюсь, что вот-вот расхожусь во все горло. Мое тело все еще колотит и пульсирует, сердце намеревается вырваться из груди, а ощущение того, что Холт стоит прямо за мной, никак не помогает.

— Ну, смею предположить, что вы не отказываетесь от своей роли, так мистер Холт? — спрашивает Эрика.

Холт переступает с ноги на ногу.

— Похоже, нет.

Эрика кивает и улыбается.

— Отлично. В таком случае, у нас еще много работы. Увидимся на сцене через пять минут.

Она поворачивается и выходит из гримерной. Мы с Холтом снова остаемся одни, охваченные слоями сексуального напряжения, по мощности способного обеспечить теплом целый дом.

Я искоса смотрю на него. Он выглядит как заключенный, разрабатывающий план побега.

— Слушай, Тейлор... — Он потирает глаза. — Этот поцелуй был...

Удивительным? Изумительным? Ошеломительным?

Я знаю, он не собирается использовать ни одно из этих прилагательных.

— Это было глупо, я знаю. Еще я знаю, что ты хочешь попытаться сделать вид, что ничего этого не было, потому так и сделаем. Обоюдный план.

Не могу поверить, что один поцелуй перевернул мой мир с ног на голову. Раньше я думала, что хочу его, но сейчас то, что я чувствую даже не уместается в понятия этой Вселенной. Это *необъяснимое влечение*. Мощное и неутолимое. Хотелось бы мне вернуться назад к привычной мне неопределенности.

Он знал, что это случится. Мне стоило бы его слушать.

Он нервно шаркает ногами.

— Я приму участие в постановке, что бы она в себя ни включала, но вне сцены мы просто...

— Друзья. Ага. Понятно. — Мы должны предотвратить катастрофу, причиной которой можем стать.

Держаться на расстоянии и пытаться не стать одержимой.

Вот только боюсь, я уже одержима.

Е-МЕЙЛЫ И ДЗЕН

Наши дни

Нью-Йорк

Конец четвертого дня репетиций

Когда я захожу в свою квартиру, меня встречает шум тропических лесов. Проклятый звук журчащей воды и птиц в сочетании с каким-то раздражительным мелодично-электронным дерьмом, от которого мне хочется рвать на себе волосы.

— Твою мать.

— Я все слышал, — доносится из гостиной расслабленный голос. — Пожалуйста, не загрязняй наше святилище своими агрессивными высказываниями. Ты тревожишь мой покой.

Мое эмоциональное истощение давит на меня как свинцовое одеяло. Я бросаю сумку в коридоре, затем плетусь зомби-походкой в гостиную и плюхаюсь на диван.

— Пожалуйста, выключи эту хрень. — Я вздыхаю, откидывая голову назад и вперяясь взглядом в потолок. — Это не расслабляет. От этого мне хочется пытаться щенков. И тебя.

Мой сожитель, Тристан, сидит передо мной на большом коврик: ноги скрещены, руки на коленях. Глаза закрыты, дыхание ритмичное и размеренное. На нем короткие шорты. Больше ничего. Я задумываюсь о том, как многолетнее занятие йогой сотворило из его шести с половиной футового тела – вершину мужского совершенства. Его длинные черные волосы убраны в конский хвост, лицо расслабленное и безмятежное. От матери-японки и малайзийца-отца он унаследовал своеобразную экзотическую внешность, которая должна быть увековечена художником. Из него бы вышла великолепная статуя.

Сексуальный Будда.

В отличие от меня, он воплощение проклятого Дзен.

— Неудачный день? — спрашивает он.

Я провела большую часть дня, целуясь со своим очень привлекательным бывшим, которого я и близко не забыла. «Неудачный» – не то слово.

— Ты представить себе не можешь насколько.

Тристан открывает глаза и оценивает меня взглядом.

— О, боже, Кэсс. Твои чакры переполняют комнату. Что, черт возьми, случилось?

— Мы с Холтом поцеловались. — Мой голос уставший и охрипший. Мозг словно в тумане. Я так утомлена, что едва могу говорить.

Тристан вздыхает и качает головой.

— Кэсси, после стольких разговоров. После того, как ты *поклелась* мне, что не свяжешься с ним снова. После того, как дала *Клятву Самосохранения*.

— Это был не случайный поцелуй, Трис. Это было частью сценария.

Он выключает стерео. Слава богу.

— Ох. И?

— И...

Он ждет ответа, но я не могу говорить. Стоит мне открыть рот, как вихрь горечи вырвется из меня и обнажит до костей.

— Кэсси?

Я качаю головой. Он понимает.

Он садится рядом и заключает меня в крепкие объятия.

— Девочка моя. — Он вздыхает, и я обнимаю его в ответ так, словно он единственное создание в мире, способное удержать меня в реальности.

— Трис, я так влипла.

— Ты знала, что будет сложно.

— Не до такой степени.

— Что насчет него? Как он себя ведет?

— Как придурок.

— Правда?

Я снова вздыхаю.

— Нет, не совсем. В основном он ведет себя любезно и обеспокоено, но это еще хуже. Я не знаю, как иметь с ним дело, когда он такой.

— Может он изменился.

— Сомневаюсь.

— Он извинился?

— Конечно, нет.

— А, что, если бы извинился?

Я думала об этом. Приняла бы я его извинения? Достаточно ли мне только одних извинений, чтобы простить его?

— Кэсси?

— Скажем так: вероятность того, что он извинится, так же ничтожно мала, как и возможность того, что из твоей задницы вылетят мохнатые, крылатые зверушки. Это бы ничего не изменило. Он — по-прежнему он, а я — это я. Мы как те гигантские магниты, которые ударяются снова и снова, притягиваются, затем снова отталкиваются и я просто... я...

Я выдыхаю и замираю на месте.

Я не могу сказать это. Не могу признать, что впервые за все эти годы почувствовала себя живой, когда он сегодня меня целовал. Осознание того, что он единственный, кто способен пробудить во мне подобные чувства, сводит меня с ума.

Я потираю лицо руками.

— Не знаю, что мне делать.

— Тебе нужно поговорить с ним.

— И что сказать? «Итан, тут такое дело, несмотря на то, что ты меня сломил, когда уехал, я все еще хочу тебя, потому что я еще та мазохистка»? Он не дождется от меня перемирия.

— Вы двое не на войне.

— Еще как на войне.

— А он знает об этом?

— Должен. Он ее начал.

Тристан многозначительно смотрит на меня. Я знаю, он собирается сказать что-то мудрое, просвещенное и чертовски раздражительное. Что бы он ни сказал, он будет прав. Он всегда прав. Ненавижу эту черту в нем.

Но и люблю.

С той самой ночи, когда он подстерег меня у выхода из театра, чтобы сказать, как

потрясающе я сыграла во внебродвейской²⁰ версии «Портрета», между нами возникла связь. Меня охватило чувство, что он должен стать частью моей жизни, как когда-то Руби, которая переехала за границу в наш выпускной год.

Он был в поисках жилья, и когда моя соседка, страдающая неконтролируемой kleptomанией, сбежала в середине ночи со всей моей коллекцией обуви, я, дважды не думая, попросила его переехать ко мне.

С тех пор, мы лучшие друзья, и в последние три года, он видел меня на каждом этапе эволюции под названием «Я ненавижу Холта». Он помог мне побороть много разрушительных наклонностей, но сегодня определенно наблюдается регресс.

— Кэсси, чего ты хочешь?

Вопрос кажется обманчиво простым, но я-то лучше знаю. Тристан не задает легких вопросов.

— Я не хочу, чтобы он вызывал во мне подобные чувства.

— Я не спрашивал, чего ты *не хочешь*, я спросил, чего ты *хочешь*. Если бы ты могла что-то изменить в своей жизни, независимо от настоящего, прошлого или будущего, что бы это было?

Я усердно думаю. Ответ прост. И невозможен.

— Я хочу снова быть счастливой.

— И что сделает тебя счастливой?

Итан.

Нет.

Да. Итан, который обнимает и целует меня.

Нет. Ты не можешь. Он не будет так делать.

Итан, чьи руки будут скользить по моему телу, раздевая меня.

Боже, нет.

Итан, который стонет моя имя и двигается внутри меня, заявляя о своей вечной любви.

О, господи.

Я встаю и направляюсь на кухню. Мои руки дрожат, когда я хватаю ближайшую бутылку вина, откупориваю ее и наливаю себе полный стакан. Тристан прислоняется к дверному косяку. Я чувствую его неодобрение, делая огромные и быстрые глотки.

— Кэсси...

— Не хочу ничего слышать.

— Я хочу потусить с тобой сегодня.

— Нет.

— Да. Тебе необходимо проветриться и перестать быть одержимой великолепным мистером Холтом.

— Пожалуйста, не называй его «великолепным». Или «мистером Холтом». Вообще не упоминай его. Будет просто здорово.

— Позволь мне отвести тебя в «Сафари». Это ночной клуб. Там ты сможешь строить всем глазки, сколько твоей душе угодно.

Я опустошаю свой стакан.

— Тристан, если я в чем-то сегодня и нуждаюсь, так это выпить в одиночестве до полубессознательного состояния. Ты же знаешь, стоит мне выйти из дома, и это закончится тем, что я трахнусь с незнакомцем, который на несколько часов заставит меня забыть о «Мудаке-которого-нельзя-называть». Затем утром ты прочтешь мне лекцию о том, как

бессмысленны случайные связи и как я использую их, чтобы уменьшить боль, вызванную прошлыми отказами со стороны Его Королевского Мудачества, и что, в конце концов, мне нужно избавиться не только от симптомов зияющей дыры в моем сердце, но и от причины ее возникновения.

Он выдыхает и моргает.

— Ну, ты только что уместила больше самосознания в эту напыщенную мини-речь, чем за все время нашего знакомства. Я уже начал было думать, что ты не слушаешь, когда я говорю с тобой.

— Я слушаю. И, может, даже усваиваю. — Снова наполняю стакан.

— Спасибо вселюбящему Богу Солнца, — говорит он и подходит ко мне, чтобы обнять. — А теперь, когда ты собираешься поговорить с ним?

Я вздыхаю и качаю головой.

— Не знаю. Когда сумею справиться с этим и не развалиться на части?

— Такого никогда не будет.

— Тристан...

— Кэсс, бросай медлить. Чем раньше ты сделаешь это, тем быстрее поймешь, как очистить всю эту плохую энергетику между вами.

— Я даже не знаю, этого ли он хочет.

Он закатывает глаза.

— Даже я знаю, чего он хочет, а ведь я никогда не видел этого парня. Я читал его e-мейлы, помнишь? Когда ты прекратишь прятаться и позволишь ему поговорить с тобой? Если ты найдешь способ простить его, возможно... лишь возможно... ты поймешь, как вновь стать счастливой. С ним в твоей жизни или без.

Он прав. Как всегда.

— Я ненавижу тебя. Ты ведь знаешь это?

— Нет, не ненавидишь.

Делаю огромный глоток вина.

— Просто дай мне еще несколько дней, потом... я поговорю с ним.

Он снова меня обнимает.

— Хорошо. Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю. Повеселись в клубе.

— Не сомневайся. Увидимся завтра.

Я целую его в щеку, потом беру бутылку вина с собой в спальню и закрываю дверь.

После, я включаю тихую музыку, открываю лэптоп и некоторое время проверяю почту. E-мейл от Руби вызывает во мне смех, как и несколько писем от услужливых компаний, в которых рассказывается как увеличить размер пениса. Я удаляю спам и переключаюсь на рабочий стол.

Вот и она.

Маленькая иконка, которая всегда поддразнивает меня. Называется «E-мейлы от Мудака». Я делаю глоток вина и пристально смотрю на иконку, в то время как мой палец нерешительно нависает над кнопкой мыши.

Я уже читала их. Десятки раз. Всегда с глазами, затуманенными обидой и болью.

Иногда я гадаю, что бы увидела, найди я в себе силы преодолеть все эти эмоции. Смогли бы эти e-мейлы раскрыть мне другого Холта, а не того, кого я проклинала столько часов.

— Пропади все пропадом!

Открываю файл.

Знакомые слова заполняют экран, и я делаю глубокий вдох.

Первое письмо пришло спустя три месяца, после его отъезда.

От: Итан Холт <ERHolt@gmail.com>

Кому: Кассандра Тейлор <CTaylor18@gmail.com>

Тема: <Без темы>

Дата: Пятница, 16 июля, 21:16

Кэсси,

Последние два часа я провел, глядя на экран своего компьютера и пытаюсь набраться смелости написать тебе e-мэйл, и сейчас, когда я печатаю, у меня нет ни малейшего дьявольского представления, что же тебе сказать.

Должен ли я извиниться перед тобой? Конечно.

Должен ли я молить тебя о прощении? Безусловно.

Простишь ли ты меня? Сомневаюсь.

Но даже несмотря на причиненную тебе боль, я все еще думаю, что принял верное решение уехав. Мне нужно было уйти, пока у одного из нас еще был шанс жить полноценной жизнью.

Сейчас я улыбаюсь, потому что представляю, как ты закатываешь глаза и называешь меня мудаком. И ты будешь права. Помнишь, я предупреждал тебя в день нашего знакомства? Ты так перепугала меня, что я сказал, что нам не стоит становиться друзьями, но мы все равно стали ими, благодаря тебе.

Ты оказалась самым лучшим другом, который у меня когда-либо был.

Я скучаю по нашей дружбе.

Я скучаю по тебе.

Думаю, это все, что я хотел сказать.

Итан.

Следующее пришло месяц спустя.

От: Итан Холт <ERHolt@gmail.com>

Кому: Кассандра Тейлор <CTaylor18@gmail.com>

Тема: <Без темы>

Дата: Пятница, 13 августа, 19:46

Кэсси,

Я решил продолжать писать тебе, даже если ты не будешь мне отвечать, потому что хочу притвориться, что, читая это, ты будешь думать обо мне. Ты знаешь, как я хорош в притворстве.

Спектакли проходят хорошо. Актерский состав сильный, и я рад снова играть Меркуцио, а не Ромео. Как тебе известно, романтические роли никогда не были моей сильной стороной.

Я часто чувствую боль в груди, когда думаю о тебе. Приятного мало. Я слишком

молод, чтобы иметь проблемы с сердцем, но, я боюсь, что если покажусь врачу, то он скажет мне, что я и так уже знаю: у меня порок, который не поддается лечению.

Иногда я задаюсь вопросом, чем ты занята и надеюсь, что ты двигаешься дальше. Именно этого ты и заслуживаешь, но другая часть меня надеется, что ты несчастна из-за моего ухода.

Я скучаю по тебе.

Итан.

И еще одно. То, которое я читала чаще остальных. То, которое я читала в моменты, когда тоска по нему была непереносима, и при чтении я практически могла ощущать его руки на своем теле.

От: Итан Холт <ERHolt@gmail.com>

Кому: Кассандра Тейлор <CTaylor18@gmail.com>

Тема: <Без темы>

Дата: Среда, 1 сентября, 02:09

Кэсси,

Сейчас два часа ночи, и я пьян. Таааааак в стелкью пьян. Я так сильно хочу тебя. Хочу тебя голой и запыхавшейся. Хочу видеть твое лицо, когда ты кончаешь, и... божже... я хочу тебя.

Конечно же, я так и не смог понять, как можно трахать тебя, разве нет? Нильзя просто взять и назвать сексом то, что было между нами. Потому что это никогда не было просто сексом. Никогда. Это значило намного больше.

Сегодня я привел к себе девушку. Хорошенькую. Красивую, даже.

Не настолько красивую, как ты, но никто с тобой и не сравнится.

Она хотела, чтобы я трахнул ее, но я не смог. Не смог даже нармально поцеловать, потому что вкус ее губ был не таким, как вкус твоих, и пахла она не так, ведь она же – не ты.

И вот теперь, я сижу здесь, чертовски возбужденный, и пишу тебе, думая лишь о том, что больше никогда не окажусь внутри тебя. Поэтому, когда я закончу писать это, я, наверно, буду дрочить, представляя тебя и в конце возненавижу себя только больше.

Я жалок.

Я не хочу больше быть заикленным на тебе. Это слишком больно.

Я слишком сильно скучаю по тебе.

Итан.

После, пришло это.

От: Итан Холт <ERHolt@gmail.com>

Кому: Кассандра Тейлор <CTaylor18@gmail.com>

Тема: <Нет оправдания>

Дата: Среда, 1 сентября, 10:16

Кэсси,

Мне так стыдно за е-мэйл, который я отправил тебе прошлой ночью. Мне нет никакого оправдания. Я слишком много выпил, и, ну, остальное тебе известно.

Пожалуйста, удали его и забудь, что я писал тебе такое.

Это я и попытаюсь сделать.

Итан.

После этого, я не слышала о нем в течение нескольких месяцев. Затем пришло это.

От: Итан Холт <ERHolt@gmail.com>

Кому: Кассандра Тейлор <CTaylor18@gmail.com>

Тема: <Без темы >

Дата: Четверг, 13 января, 12:52

Кэсси,

С Новым Годом.

Прошло много времени.

Как дела?

Конечно, я не жду, что ты мне ответишь. Ты никогда не отвечаешь. Это можно понять.

Я получаю помощь. Разговариваю кое с кем о том, почему я регулярно все втапываю в грязь. Я стараюсь стать лучше. Знаю, мне стоило сделать это уже давно, но лучше поздно, чем никогда, верно?

Мой психотерапевт говорит, что мне нужно отпустить все свои страхи, чтобы я смог подпускать к себе людей. В общем, я уже ни хрена не понимаю.

Думаю, возможно, мне просто не суждено быть счастливым. Если я не смог найти счастье с тобой, то мне больше не на что надеяться.

Я хочу наладить наши отношения. Может снова стать друзьями. Но у меня нет ни малейшего понятия, как сделать это. И даже, если я решусь, сомневаюсь, что ты этого захочешь. Ты хотела бы?

Я бы хотел снова стать твоим другом, Кэсси.

Я скучаю по тебе.

Итан.

В папке еще много писем, но я не могу больше читать. Вино закончилось, глаза щиплет.

Я набираю е-мэйл.

От: Кассандра Тейлор <CTaylor18@gmail.com>

Кому: Итан Холт <ERHolt@gmail.com>

Тема: <Конец недели>

Дата: Пятница, 4 сентября, 21:46

Итан,

Ради шоу, думаю, мы должны найти время и поговорить. Как насчет завтрашнего вечера, после репетиции?

Кэсси.

Я быстро нажимаю «отправить», пока не передумала.

Мои сны ненавидят меня. Они всегда возвращают меня в то время, когда я только и занималась тем, что старалась забыть. Или запомнить. Я так и не разобралась, что именно делала.

Мужчина целует меня в шею, начиная двигаться быстрее. Толчки сильные и глубокие. Я издаю все нужные звуки, но и близко этого не чувствую.

— Кэсси, посмотри на меня.

Я не могу. Это не так работает. Стоит мне взглянуть на него, как иллюзия рассеется, а какой бы хрупкой эта иллюзия ни была, это все, что у меня есть.

— Кэсси, пожалуйста.

Я переворачиваю его на спину и беру все в свои руки. Отчаянно двигаюсь на нем. Пытаюсь придать этому большее значение, чем оно имеет на самом деле.

Когда он стонет и хватает меня за бедра, я понимаю, что все скоро закончится. Он водит руками по моему телу, благоговейно и с любовью. Я не заслуживаю этого. Как он до сих пор это не понял?

— Кэсси, пожалуйста, посмотри на меня.

В его голосе все не так. Я начинаю двигаться быстрее, чтобы он не мог говорить. Когда он стонет и перестает двигаться, я не чувствую удовлетворения. Только облегчение.

Я притворяюсь, что кончаю и обессилено падаю ему на грудь, и хоть он и обнимает меня руками, пропасть между нами увеличивается.

Я слушаю биение его сердца. Такое сильное. Быстрое и ровное. Без страха к любви. Звук мне чужд.

Я слезаю с него и принимаюсь собирать одежду. Он следит за каждым моим движением.

— Ты не останешься?

— Нет.

Он выдыхает. Он устал от этого ответа. Как и я.

— Скажи мне кое-что, — говорит он и садится.

— Что?

— Ты когда-нибудь будешь думать только обо мне, когда мы занимаемся любовью?

Я замираю, и потом натягиваю на себя футболку. Ненавижу, что я так предсказуема.

— Кэсси, он бросил тебя.

— Я знаю.

— Отпусти его.

— Я пытаюсь.

— Он на другом конце мира, а я здесь. И люблю тебя. Уже давно люблю. Но это ничего не изменит, да? Как бы сильно я ни хотел этого.

Он встает и натягивает на себя боксеры. Его движения резки, и полны разочарования.

Я не виню его. Он заслуживает большего.

Я сажусь на край кровати, чувствуя опустошение. Эти отношения начались из злости, но сейчас я хочу, чтобы все получилось. Я бы отдала все, чтобы не быть такой безжизненной.

Но это так. Притворство иначе не работает. Чтобы не чувствовать боль, я причиняю ее другому, и ненавижу себя за чувство облегчения, которое за этим следует.

Он становится передо мной, и когда я обнимаю его, он крепко обнимает меня в ответ.

— Не могу поверить, что Итан Холт портит мне все, даже не находясь рядом.

От малейшего упоминания его имени у меня щемит в сердце.

Я отстраняюсь и провожу пальцами по хмурым линиям на его лице, пытаюсь их сгладить.

— Мне жаль, — говорю я. — Знаю, это прозвучит банально, но ты не при чём. Дело во мне.

Он смеется.

— О, я знаю. — Выражение его лица смягчается. — И все же надеюсь, наступит день, когда ты закроешь эту главу своей жизни, Кэсс. Очень надеюсь.

Я киваю и смотрю на его грудь.

— Я тоже.

Потом он целует меня, нежно и медленно, и в моих глазах чуть ли не выступают слезы оттого, что мне хочется, чтобы этот поцелуй чувствовался иначе.

Опираясь своим лбом о мой, он говорит:

— И надеюсь, этот подонок осознает, что, отпустив тебя, он совершил самую большую ошибку в своей жизни.

Он провожает меня до двери и напоследок целует еще раз.

— До встречи в театре?

Я киваю и прощаюсь с ним, и потом мы вновь становимся влюбленными лишь на сцене.

Так лучше.

Уходя, я даю себе слово, что больше не стану причинять боль невинным. Приведу домой, трахну, выставлю вон. Никаких обязательств.

Любовь — это слабость.

Это не единственное, чему научил меня Холт, но именно это запомнилось мне лучше всего.

Я едва ли не падаю со стула, когда прихожу в сознание.

Сердце бешено колотится, подпитываемое скрытым чувством вины.

Господи, который час?

Смотрю на часы. Двадцать два сорок пять. Я проспала около часа, сидя за столом.

Во рту сухо, и когда комната наклоняется, я вспоминаю, что выпила целую бутылку вина. Я со стоном отодвигаюсь от стола, и все мое тело протестует, когда я поднимаюсь на ноги и волочусь в ванную.

Я принимаю быстрый душ и чищу зубы, в то время как пропасть страха разверзается в моем животе.

Я написала ему.

Написала и сказала, что нам нужно поговорить

Я совершенно не готова к такому повороту событий. Если он попытается оправдать свое поведение, все закончится тем, что я пробью ему голову. Я точно знаю.

Я высушиваю полотенцем волосы и даже не попытавшись их расчесать, одеваю свою любимую пижаму и забираюсь в постель. Открываю книгу и пытаюсь читать, но перед глазами все плывет. Я потираю их и вздыхаю.

Я напряжена, возбуждена, и пьяна. Черт, мне надо перепихнуться.

Не могу вспомнить имя последнего парня, который смог доставить мне удовольствие.

По правде говоря, я без понятия как его звали. Мэтт? Ник? Блейк? Помню только, что его имя состояло из одного слога.

Как бы его ни звали, он был приличным любовником, но и он не смог довести меня до оргазма. Некоторые из них смогли. Они тешили мое эго и заставляли ненадолго забытья, но и с ними я никогда не чувствовала того, что делал Холт. Но опять же, никто из них не вырвал мое сердце из груди и не искромсал на тысячу кусочков.

Звонит мой телефон. Я знаю, это Тристан хочет мне рассказать о каком-нибудь аппетитном самце, которого он встретил в клубе.

Беру телефон и нажимаю «ответить».

— Послушай сюда, королева танцпола, я пьяна, возбуждена, и не в настроении слушать о красавчиках, которые не будут трахать меня. Так что ради моей бедной запущенной вагины, закажи себе еще одно «Космо» и, пожалуйста, отвали.

Следует пауза и нерешительный кашель.

— Я бы с огромным удовольствием отвалил, но, если это имеет значение, я не собирався говорить о членах. Мне намного интереснее послушать о твоей бедной, запущенной вагине. Как она? Давненько мы не виделись с ней лицом к лицу.

Жар затопляет мои щеки. Мне стоило бы давно перестать смущаться перед ним, но каждый раз я смущаюсь только сильнее.

— Чего тебе, Холт?

— Ну, учитывая, что ты пьяна и возбуждена, я бы не прочь оказаться рядом и потрогать тебя. Но такой возможности нет, поэтому я просто хочу поговорить. Я получил твой е-мейл. Потираю глаза. Он не возьмет меня своим обаянием, не сегодня.

— Ага. Понятно.

— В субботу было бы здорово. Спасибо.

— Не торопись с благодарностью. Существует большая вероятность того, что мы не доживем до конца вечера без того, чтобы я не запустила в тебя чем-нибудь, но куда уж хуже, ведь так?

Он смеется.

— Не знаю. Бывали времена, когда мы вели себя еще менее цивилизованно, чем сейчас. И все же, я ценю возможность расставить все на свои места.

Он замолкает, и я тоже. Раньше мы могли разговаривать по телефону часами. Сейчас же, мы и минуты не проговорили, а неловкость уже возникла.

— Так ты только поэтому позвонил? Потому что это ты мог сказать мне и завтра.

Секунду в трубке царит тишина. Затем он говорит:

— Я позвонил, чтобы сказать тебе то, что не может ждать до завтра.

По моей коже пробегает холодок

— И что же это?

— Мне просто нужно было сказать... Прости меня, Кэсс.

Я перестаю дышать и крепко зажмуриваю глаза, пока шквал эмоций кружит водоворотом внутри меня.

Эти слова. Эти простые, но в тоже время сильные слова.

— Кэсси? Ты слышала меня?

— Не думаю. Это прозвучало как извинение, только твоим голосом.

Он вздыхает.

— Знаю, я извинялся не так часто, пока мы были в отношениях, и прости за это тоже.

Но я должен был это сказать, прежде чем мы проведем еще день вместе. Это убивало меня.

Из-за шока, я чуть не упустила, насколько нечленораздельна его речь.

— Холт, ты что пил?

— Немного, — отвечает он.

— Немного?

— Ладно, много, но это никак не повлияло на мои извинения. Мне стоило сделать это в тот же момент, когда я увидел тебя в первый день репетиций, но... ты не хотела слушать. И, ну, ты пугала меня.

— Это ты еще не видел мои волосы после душа. Я и сейчас страшная.

— Чушь. Бьюсь об заклад, ты сейчас прекрасна.

Он и в самом деле пьян. Он делает мне комплименты только, когда перестает чувствовать конечности.

— Что ты пьешь?

— Виски.

— Почему?

— Из-за... из-за тебя. Ну, из-за нас. И поцелую. Определенно из-за поцелую.

Я не говорю ему, что сама опустошила бутылку вина по той же причине.

Он вздыхает.

— Господи, Кэсси. Этот поцелуй? — Он издает стон. — Я представлял себе это три года, но ни одна из моих фантазий не сравнится с тем, что было сегодня.

Его голос такой тихий, что мне даже непонятно, со мной ли он еще говорит.

— Я скучал по поцелуям с тобой. Очень сильно.

Черт побери. Я не могу это слышать.

— Холт, пожалуйста...

— Знаю, мне не стоит говорить ничего из этого, но я пьян и скучаю по тебе, и... я уже говорил, что пьян?

Я смеюсь, потому что, когда он такой, он снова мой друг. Но я знаю, что это все не настоящему и долго не продлится.

— Иди спать, Итан.

— Хорошо, красотка Кэсси. Спокойной ночи. И не забудь, как сильно я сожалею. Пожалуйста.

Я невольно улыбаюсь.

— Знаешь, утром тебя ждет сильное похмелье?

Он смеется.

— Что-нибудь из того, что я сказал, заставило тебя ненавидеть меня меньше?

— Возможно.

— Слегка или намного?

— Слегка.

— Тогда это будет стоить того.

9

СИМУЛЯЦИЯ

На следующий день, по дороге на репетицию извинения Холта отдаются эхом в моей голове. Я думала, его извинения принесут мне чувство завершенности, но этого не

случилось. Напротив, это вызвало странное, еле сдерживаемое чувство тревоги.

Я шумно выдыхаю и расправляю плечи.

Что может случиться в худшем случае? Он скажет, что не имел это в виду?

«Нет», — шепчет мое подсознание раздражительным голосом Тристана. — «В худшем случае, он скажет, что именно это он и имел в виду, ведь потом тебе в самом деле придется решать: принять его обратно или отпустить. И оба варианта пугают тебя до смерти».

Я скрежещу зубами.

Воображаемый Тристан такой же раздражительный, как и Настоящий Тристан. Кто бы мог подумать!

Приближаясь к театру, я обдумываю в голове предстоящую репетицию. Сегодня мы должны спланировать постельную сцену, и утро после проведенной ночи. Меня передергивает, когда в моей голове возникают образы Холта, ласкающего руками мое тело.

Боже.

Лишь одной мысли о сексе с ним, неважно настоящем или сценическом, достаточно, чтобы моя вагина затрепетала от предвкушения.

Я делаю глубокий вдох и открываю дверь. Когда я захожу в зал, Коди, наш прекрасный ангел кофеина, протягивает мне кофе. Когда я скидываю с себя сумку и принимаюсь за кофе, передо мной появляется Холт, выглядя слишком привлекательно для того, кто должен страдать чудовищным похмельем.

— Привет, — говорит он тихо.

— Привет.

Несколько секунд мы стоим в неловкой тишине.

— Ну... — начинает он, опуская взгляд на свои руки.

— Да уж... видок у тебя дерьмовый сегодня, — говорю я из злости.

— Спасибо. Кажется, мне больше не под силу выпить почти целую бутылку «Джека» одному.

— Какая жалость. Разве ты не указал это в своем резюме как особый навык?

— Ага. Ни разу не пригодилось для роли, но я часто пил в исследовательских целях.

— О, да. Исследования. Очень важные алкогольные исследования.

— Ага. — Он улыбается своей милой кривоватой улыбкой, которая всегда подкупает.

— Слушай, — говорит он, — насколько большим дураком я выставил себя прошлой ночью? Можешь соврать и сказать: «совсем не выставил», потому что у меня такое чувство, что все было плохо.

Я едва не роняю кофе.

— Ты не *помнишь*?

Он сглатывает и выдерживает паузу.

— Нет, помню, просто... не знаю, как сильно ты могла смеяться после нашего разговора. Я бы не стал винить тебя за это.

— Я не смеялась, — говорю я, стараясь быть предельно честной. — Я была слишком потрясена твоими извинениями, и мне оставалось лишь убеждать себя, что это был не сон.

Он кивает.

— Да, я осознаю, что у меня проблемы с этим. Это одно из моих качеств, над которыми я работал.

— Очень жаль, что ты не работал над этим, когда мы были вместе.

Я чувствую вину за боль, которая отражается на его лице, но, что я могу сделать? Не

так-то просто перестать быть стервой по отношению к нему всего за ночь.

Марко влетает в зал, и начинается суматоха, когда члены технического персонала перемещают декорации в нужное положение. В середине репетиционного зала стоит кровать, приподнятая под таким углом, чтобы зрители могли видеть нас, когда мы будем на ней лежать.

У меня пересыхает во рту от одного взгляда на нее.

Я украдкой смотрю на Холта. Он делает глубокие, размеренные вдохи в попытке разогреться, или же успокоиться. Я следую его примеру. Сердце начинает биться чрезмерно быстро.

А пять минут спустя, Марко ставит нас в самое неловкое положение, в каком только могут оказаться бывшие влюбленные – Итан лежит у меня между ног, мое лицо в его ладонях, его губы прямо над моими.

Он целует меня нежно и сладко, двигаясь бедрами назад-вперед, но потом издает тихий стон и закрывает глаза.

— Посмотри на меня, Сэм, — шепчу я.

Он открывает глаза.

Такие красивые. Бездонные и сложные для понимания. Всегда.

— Поцелуй ее снова, — требует Марко. — Поцелуй в губы, и затем медленно перейди на шею.

Мгновение Итан смотрит на меня в нерешительности, затем подчиняется. Его губы мягкие, но сомкнутые.

Я оцепенело лежу на кровати, понимая, что должна поцеловать его в ответ, но боясь этого.

Он отстраняется и смотрит на меня в замешательстве.

Проклятье, мне нужно начать думать как Сара.

Он – Сэм. Их с Сарой ждет счастливый конец. Я читала сценарий.

Он целует меня снова, и я неловко отвечаю.

— Ты должна издавать хоть какие-то звуки, Кэсси, — говорит досадно Марко. — Ничего из того, что ты делаешь, не видно отсюда. Больше движений.

Я высвобождаюсь из оцепенения и пытаюсь выполнить работу.

Начинаю с того, что обхватываю его руками и издаю громкие стоны, двигая бедрами и выгибая спину. Это выглядит фальшиво и пошло, но на данном этапе, я без понятия, что, черт побери, вообще делаю.

Я хватаю его за задницу и прижимаю к себе.

— Черт побери, Кэсси, — шепчет он, тяжело выдыхая мне на плечо.

— Уверена, в сценарии написано: «О, Сара, я люблю тебя», — говорю я, после чего начинаю стонать и целовать его в шею.

Инстинктивно, я тянусь ему за плечи и хватаюсь за край его футболки. Рывком стягиваю ее через голову и бросаю на пол.

— А это по сценарию снимать с меня одежду? — шепчет он. — Я думал, детали мы отработаем позже.

— Ну что сказать? Ничего же из того, что я делаю не доходит до зрителя. Что-то мне подсказывает, твое обнаженное тело их сразу оживит.

Так приятно испытывать агрессию. Это помогает мне не поддаваться чувствам.

Все чаще фальшивые стоны срываются с моих уст, но как только его мышцы

напрягаются под моими пальцами, все мысли о Сэме вылетают в чертово окно.

Полуобнаженный Итан.

Он чувствуется невероятно. Еще более невероятно, чем раньше, если такое вообще возможно.

Я настолько отвлечена его обнаженной грудью, что напрочь забываю, что должна сказать по сценарию. Сара ушла, пока-пока.

Медленно пробегаю руками вдоль его живота и спины, слегка поддевая пояс джинсов. Он бормочет что-то отдаленно похожее на «Господи, мать его, Иисусе».

Потом опускает голову мне на плечо и простынь по обеим сторонам от моей головы натягивается, когда он сжимает руки в кулаки. Все его мышцы напрягаются, и такое ощущение, что он не дышит.

— Назовите мне хоть одну причину, почему вы остановились? — спрашивает Марко в недоумении. Он поворачивается к Элиссе. — Почему они остановились?

Итан по-прежнему не дышит

— Итан? — шепчу я.

Он не шевелится, но, когда выдыхает, мою шею обдает теплым воздухом.

— Что?

— Ты в порядке?

Он замолкает и делает вдох.

— Ага. В порядке.

— Твоя реплика?

Он напрягается.

— *Что* моя реплика?

— Сейчас твоя очередь *говорить* реплику?

Он приподнимается на локти и смотрит на меня, челюсти плотно сжаты.

— Кэсси, сейчас я без понятия как меня зовут, не говоря уже о репликах, которые я должен сказать. Давай просто покончим с этим, а с диалогами разберемся позже, ладно?

Его голос звучит гневно, но я знаю, что он просто расстроен. Я расстроена не меньше.

— Хорошо. Не вопрос.

Когда я обвиваю ноги вокруг него и притягиваю ближе, то чувствую причину его огорчения – кое-что твердое напротив меня. Он издает сдавленный стон, потом принимает положение, при котором я прижимаюсь к его животу, а не паху.

— Господи, Кэсси, я очень стараюсь думать о мертвых щенках сейчас, но...

— Это сложнее, чем ты думал?

Он свирепо смотрит на меня.

— Ты пытаешься веселиться?

— Нет, потому что, если я начну сейчас смеяться, не думаю, что смогу остановиться.

Он опускает голову.

— Черт побери.

— Меньше болтовни, больше актерской игры, детки, — рывкает Марко. — Итан, ты перестал двигаться. Мне что нужно объяснить тебе, как заниматься любовью с женщиной? Потому что, хоть я никогда и не имел такого удовольствия, я знаю наверняка – это включает в себя толчки.

Итан вздыхает и снова начинает симулировать толкательные движения. И хоть я и знаю, что он пытается держать свою эрекцию подальше от меня, я чувствую, как она касается

внутренней стороны моего бедра.

— Дерьмо. Извини, — говорит он, снова меня положение. — Эта чертова штукавина сама себе на уме, когда ты рядом.

— Не волнуйся об этом, — бормочу я, потому что, серьезно, что мне еще сказать? *«Как ты посмел возбудиться, пока симулируешь секс со мной? Какая наглость!»*. И я молчу о том, что в трусиках у меня сейчас влажнее, чем на водных горках. Ему не нужно это знать.

Мы все равно ничего не можем с этим поделать.

Наше физическое влечение мы никогда не могли контролировать.

Уж слишком часто мы поддавались физическим желаниям, не разобравшись со всем, что между нами творилось, и в большинстве случаев, все заканчивалось тем, что мы сожалели об этом.

И сейчас все идет не так, потому что мы боремся с нашей изнурительной страстью и это отражается на наших героях.

Мы притворяемся, что не чувствуем этого.

После еще нескольких минут унылого занятия любовью, Марко досадно вздыхает.

— Ладно, закончим на этом, — говорит он, и машет рукой, подходя к нам. — Так дело не пойдет. Вы двое выглядите так же неуютно, как вегетарианцы на колбасном заводе. Что происходит?

Итан слезает с меня, и мы оба садимся. Никто из нас не отвечает.

— Это слишком интимно? — спрашивает Марко, переводя взгляд с одного на другого. — Вас это смущает? Потому что, если начистоту, я видел, как вы двое участвовали в еще более провокационных сценах, чем эта. Однако сейчас вы лежите здесь и щупаете друг друга, как парочка девственников. Где страсть? Огонь? Душераздирающая потребность друг в друге? Вчера вы это показали. Что случилось такого, что привело нас к этому провалу?

Случилось то, что Холт неожиданно извинился передо мной, и теперь мы находимся в каком-то странном, подвешенном состоянии, потому что мы и не друзья, и определенно не влюбленные. И как бы странно это ни звучало, мы даже не враги, так что... м-да.

Марко вздыхает и качает головой.

— Ладно. Давайте пропустим постельную сцену, и сразу перейдем на утро.

На наших лицах, должно быть, отчетливо отражается облегчение, потому что Марко начинает смеяться.

— У вас обоих такой вид, словно я пожертвовал свой костный мозг, чтобы спасти ваши жизни.

Не буду врать. Слегка смахивает на это.

Марко объясняет нам мизансцену и советует следовать своим инстинктам. Как и большинство режиссеров, он предпочитает сначала дать актерам возможность самостоятельно симпровизировать сцену, прежде чем вносить поправки. Так-то оно так, но только при условии, что ведущая актриса способна взять себя в руки, а не поддаться эмоциональному срыву.

Когда мы занимаем позиции на противоположных концах кровати, Холт говорит:

— Это же будет проще, да?

— Еще бы, — говорю я с притворной уверенностью. — Не я была той, кто начинал паниковать после того, как мы занимались любовью, помнишь?

Он выдыхает.

— Ага, ну, это было тогда. Теперь я могу справиться с приступами паники.

Мы ложимся рядом друг с другом. Он обнимает меня одной рукой и притягивает к своей обнаженной груди. Я чувствую его сердцебиение под своей рукой, гулкое и порывистое.

Вот это я попала!

Несмотря на свою самонадеянность, я тоже нахожусь на грани паники.

И только теперь, когда мы приняли это положение – моя рука лежит на его сердце, его губы касаются моих волос, наши тела прижаты друг к другу – я осознаю, что это интимнее любой постельной сцены, в которой я принимала участие.

Секс заключается в гормонах и частях тела.

А тут речь идет о близости. Любви. Доверии.

Обо всем, что пугает меня до смерти.

Когда мы с Итаном впервые занялись любовью, мы также обнимались после. Я была так счастлива. Так сильно влюблена в него.

А потом все полетело к чертям.

В таком положении, когда моя голова покоится на груди Итана, мне слышно его сердцебиение, быстрое и неустойчивое. Точно такое же, как и раньше.

Знакомая боль зарождается в моей груди и медленно подступает к горлу. Я стискиваю челюсти, пытаюсь подавить стон, но не думаю, что это срабатывает, потому что рука Холта, обвитая вокруг меня, напрягается и он шепчет:

— Эй... что с тобой?

Он касается рукой моей щеки.

Я закрываю глаза и пытаюсь унять приступ паники.

Это просто смешно.

— Кэсси? Эй... — Его голос сочится утешением и невысказанной нежностью.

Эмоции прошлой жизни беспорядочным потоком всплывают на поверхность и мощной волной адреналина заполняют мое тело.

Я сажусь, и моя голова начинает кружиться.

В следующий миг, Холт уже обнимает меня.

— У тебя такой вид, будто тебя сейчас вырвет. Прошло немало времени с тех пор, как я физически так воздействовал на тебя. Приятно знать, что я не утратил былую хватку.

Он ждет ответа, но я ни слова не произношу. Паническая атака в самом разгаре, и такое ощущение, словно мой желудок пытается подползти к трахее и задушить меня.

— Кэсси? — он хмурится. — Seriously, ты в порядке?

— Нет. — В моем дыхании слышится хрип, и на его лице появляется озабоченное выражение. — Прекрати так на меня смотреть. Ты не имеешь права.

— Извини, — говорит он так, будто это абсолютно нормально, что подобные слова слетают с его языка. Словно он говорит это каждый день, а я привыкла слышать.

— Мисс Тейлор? — окликает Марко, подходя к нам. — С вами все в порядке?

Я выдыхаю и пытаюсь засунуть свое волнение обратно в специально отведенное для этого место.

— Мне жаль, Марко. Неделя была тяжелая. Как думаете, не могли бы мы отложить эту сцену до понедельника?

Да, потому что к понедельнику мы со всем разберемся, и я без проблем смогу проделать все эти крайне интимные вещи с Итаном, не так ли?

Идиотка.

— Ладно, — говорит Марко. — Вы оба устали. Давайте закругляться.

Он направляется обратно к режиссерскому пульта, взгляд Элиссы на секунду задерживается на нас, прежде чем она сообщает остальной группе, что мы сворачиваемся.

Я чувствую движение сбоку от себя и когда поворачиваюсь, вижу, как Итан подбирает свою футболку с пола. Он натягивает ее на себя, потом свешивает ноги с кровати и опирается локтями о колени.

— Я помню, как мы в первый раз репетировали подобную сцену, — говорит он, поворачиваясь ко мне. — Ты была менее снисходительна по поводу моего... «восторга».

— Ты не очень-то и чувствовал вину. Напротив, если мне не изменяет память, ты воспользовался своей властью надо мной.

— Властью над тобой? — удивляется он, глядя на меня невинными глазами. — Ты и понятия не имеешь, что сделала со мной в тот день, да? Господи, я чувствовал настоящую физическую боль.

— Вполне заслуженно.

Он кивает и поддевая пальцами край простыни, начинает теревить ее.

— Слушай, — говорит он, и тянет за шов. — Я понимаю, что возможно, ты никогда меня не простишь, но я хочу хотя бы постараться упростить все для тебя. Скажи мне что сказать, и я скажу это. Скажи мне отвалить, и я постараюсь. Просто скажи мне, ладно? Что ты хочешь, чтобы я сделал?

Я делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю.

— Ну, для начала, давай притворимся, что я только что не запаниковала прямо перед всеми, только из-за того, что ты обнял меня. Это просто унижительно.

Он улыбается.

— Не буду врать, приятно, что в кои-то веки не я тот, кто запаниковал.

Я качаю головой.

— Ага, и я не буду врать, что эта смена ролей – полный отстой.

Он встает и протягивает мне руку.

— Планы на сегодня в силе?

Я почти забыла о запланированном ранее разговоре.

— Нам обязательно куда-то идти?

— Да, без этого никак.

— Можно я хотя бы не откажу себе в алкоголе?

— Конечно, — говорит он, помогая мне встать на ноги. — Я угощаю.

— Отлично. Тогда я закажу все самое дорогое.

Шесть лет назад

Вестчестер, Нью-Йорк

Гроув

Я прихожу на репетицию и делаю несколько разминочных упражнений, намереваясь расслабиться и хорошо провести день.

Я делаю упражнения на растяжку, когда заходит Холт. Он скидывает рюкзак на место во втором ряду и садится рядом, после чего забрасывает ноги на сиденье перед собой и закрывает глаза. Мне видно, как шевелятся его губы, он наверно повторяет реплики.

После поцелуя напряжение между нами достигло неловкого уровня. Мы появляемся на

репетициях, говорим наши реплики, играем в любовь и страстно целуемся. Потом же, когда репетиция заканчивается и, казалось бы, у нас появляется возможность поговорить, ничего подобного не происходит. Мы слишком взволнованны, чтобы вести разговор. Это сводит меня с ума.

Не помогает и то, что, когда он целует меня, я так чертовски сильно возбуждаюсь, что едва могу дышать. Я провела последние три дня в состоянии изнурительного возбуждения, а сегодня мы должны спланировать постельную сцену между Ромео и Джульеттой.

Блин.

Я отказываюсь быть одной из тех девушек, которые выставляют себя идиотками из-за парней. Если Холт намерен игнорировать, что бы там ни происходило между нами, то это буду делать и я. Он не нужен мне.

Ну ладно, нужен, но только в качестве того, кто может доставить мне оргазм, в остальном же, он просто обычный парень.

Парень, с которым я буду симулировать секс следующие семь часов.

Флаффинг подери эту жизнь.

Эрика появляется на сцене и жестом предлагает нам присоединиться к ней. Специально для нашей репетиции на сцене стоит «кровать» — простая черная трибуна, накрытая простыней.

Так романтично.

— Итак, — говорит Эрика, — исторически сложилось, что сцена брачной ночи всегда вызывала неоднозначную реакцию у публики ввиду откровенного содержания. Перед нами стоит задача создать что-то реалистичное, но со вкусом, понятно?

Мы с Холтом киваем, но я не совсем понимаю, что она имеет в виду. Я не очень хорошо знакома с настоящим сексом, не говоря уже о симулированном.

— И поскольку мы ставим этот спектакль в театральной школе, мы должна показать, что готовы идти на рискованные действия. По этой причине, я хотела бы создать иллюзию наготы.

Уверена выражение ужаса на лице Холта отражается и на моем.

— Не паникуйте, — смеется Эрика. — *Выне будете* голыми. Будет казаться, что вы голые. — Она берет сумку, лежащую у ее ног, и достает что-то похожее на нижнее белье.

— Мисс Тейлор, вы наденете это под свой костюм. — Она протягивает мне трико²¹ телесного цвета. — А вы мистер Холт, это. — Я ухмыляюсь, когда она достает боксеры телесного цвета. — Понимаю, у вас могут быть небольшие сомнения насчет них, но поверьте, на деле они довольно скромные. На пляже вы выставляете напоказ намного больше.

— Обычно я ношу пляжные шорты, — бормочет Холт.

— А я джинсы и толстовку.

Эрика и Холт поворачиваются ко мне.

— Я из штата Вашингтон. У нас на пляже прохладно.

Эрика достает белую футболку со штанами на завязке для Холта, и халат цвета слоновой кости для меня.

— Это ваши костюмы для этой сцены. Мне нужно, чтобы вы репетировали в них, так как раздевание является частью мизансценирования.

Ну и дела. Я буду практиковаться в раздевании Холта? В моем нынешнем состоянии, это добром не кончится.

Мы с Холтом забираем у Эрики костюмы с нижним бельем, и потом расходимся по разным гримерным. Когда мы снова появляемся на сцене, клянусь, наши лица покрываются идентичным оттенком румянца.

Он хорошо смотрится в своем костюме. Высокий и стройный. Белоснежный цвет придает его голубым глазам еще более насыщенный оттенок, чем обычно. Он собирается было засунуть руки в карманы, но на его штанах их нет. Он досадно вздыхает. Я становлюсь перед ним, и его взгляд падает на глубокое декольте моего халата. Он опускает голову.

— Вот дерьмо! — бормочет он себе под нос.

— Что ж, перейдем к делу, — говорит Эрика, хлопая в ладоши. — Начнем с обзора последовательности событий. Мисс Тейлор, вы начинаете сцену с момента, когда сидите на кровати. Вы ждете своего новоиспеченного супруга, полные предвкушения и страсти. Мистер Холт, с помощью няни вам удастся проскользнуть в спальню Джульетты. В вашем распоряжении всего несколько часов, чтобы проявить свою любовь, прежде чем вас изгонят из города. Вы оба хотите смаковать каждый дюйм тела друг друга, запомнить каждую частичку. Есть вопросы?

Я качаю головой и морщусь, когда эластичная ткань моего трико слегка смещается с моей левой ягодицы. Холт качает головой и хрустит костяшками пальцев.

— Начните медленно. Уделите время исследованию друг друга. Ромео, это впервые, когда ты занимаешься сексом с той, кого по-настоящему любишь. Это совершенно новый опыт для тебя. И Джульетта, твое желание к мужу пересиливает чувство тревоги, связанное с тем, что ты впервые отдаешься мужчине. По мере того, как страсть нарастает, ваши движения становятся более неистовыми. Но когда все заканчивается, это становится откровением для вас обоих. Мне не нужно порно. Просто обычное, искреннее занятие любовью. Все ясно?

— Ясно, — говорим мы в голос.

Мои ладони потеют, а Холт покусывает изнури щеку. Внезапно, театр уменьшается в размерах.

— Ладно. У вас есть минута, чтобы обсудить свои дальнейшие действия, потом займите исходные позиции.

Эрика спускается в зрительный зал, а мы с Холтом поворачиваемся друг к другу и нервно шаркаем ногами.

— Нуу... — протягиваю я, поднимая на него взгляд.

Он кивает и протяжно выдыхает.

— Да. Ну...

— Мы будем заниматься фальшивым сексом.

— Ага.

— Ты и я.

— Судя по всему.

— Я должна буду снять с тебя одежду, и... ну... потрогать тебя и все такое.

Он снова пытается засунуть руки в несуществующие карманы, но потом сдаётся и упирает их в бока.

— Черт бы побрал эту гребаную пьесу.

— Не забивай голову, — говорю я. — Уверена, не пройдет и пяти минут, как мы заскучаем.

Он одаривает меня самым скептическим взглядом в мире.

— Вы двое готовы? — кричит нам Эрика.

Еще секунду мы пристально смотрим друг на друга, и потом Холт уходит за боковые декорации.

Что ж, мы действительно собираемся сделать это. Постельная сцена между девственницей и парнем, который ненавидит себя за то, что хочет ее. Будет весело.

Я сажусь на край трибуны и начинаю болтать ногами.

— Начинайте, когда будете готовы, — говорит Эрика, открывая записную книжку.

Я делаю несколько глубоких вдохов, затем на сцене появляется Холт – босые ноги и красивое лицо, глаза полны страха, желания, и страсти.

Я встаю и поворачиваюсь к нему, и с каждым его шагом в моем животе зарождается легкий трепет. Ощущение распространяется ниже, когда он взглядом проходится по моему телу сверху вниз.

Ладно, Кэсси, сосредоточься. Погрузись в своего персонажа. Джульетту. Все это чувствует Джульетта.

Боже мой, как же хорошо Холт выглядит в этом костюме.

Ромео, как мне жаль, что ты Ромео!²²

Он останавливается передо мной, и такое чувство, словно он пробежал целую милю, а не сделал пару шагов по сцене. Его дыхание учащенное, грудь взволнованно вздымается, в то время как наши взгляды встречаются.

Боже!

Его глаза.

Он всецело отдан этой сцене. Нет ни страха, ни утаивания. Лишь искренняя, необузданная страсть.

Он сосредотачивается на мне. Этот взгляд станет моей погибелью.

Выражение его лица кричит о том, что он готов пройти по раскаленным углям, лишь бы только добраться до меня, и все мое тело ответно реагирует. Ноющая боль зарождается ниже и становится все сильнее с каждой секундой.

Он заключает мое лицо в свои ладони и нежно проводит большим пальцем по скуле. Каждая частичка кожи яростно покалывает под прикосновением его рук. Мое сердце пускается вскачь, отбивая громкий и быстрый ритм, заставляя мою голову идти кругом.

Я делаю шаг навстречу. Теперь наши тела соприкасаются. Я повторяю за ним и касаюсь его лица. Его щеки и подбородок покрыты легкой щетиной. Я нежно провожу пальцами по шершавой текстуре. Его губы приоткрываются, и я пробегаюсь по ним большим пальцем, замороженная их мягкостью.

Такие красивые губы.

Надо попробовать их.

Я встаю на цыпочки, обхватываю его затылок рукой и притягиваю вниз. Он собирается было выдохнуть, но, когда я прижимаюсь к нему губами, он резко вдыхает. Одной рукой он берет меня за затылок, другой – обвивает талию.

Все мое тело тает в его руках. То, как мы реагируем друг на друга – так естественно. Словно свечной воск и пламя. Где бы он ни дотронулся до меня, обжигающий жар вспыхивает под моей кожей.

Его губы двигаются медленно, пробуя меня на вкус, полные сдерживаемой страсти и взволнованного предвкушения.

— Очень хорошо, — комментирует Эрика.

Я открываю глаза и отступаю назад от неожиданности.

— Не надо, — шепчет он. — Игнорируй ее.

Он целует меня снова, притягивая мое тело вплотную к себе, и Эрика словно перестает существовать.

Когда я делаю вдох, создается ощущение, что частички его тела селятся внутри меня. Его вкус. Аромат. Так же пленительны, как и все остальное в нем.

Я провожу руками вниз вдоль его груди, и когда дохожу до живота, он отступает назад и смотрит на меня.

Я хватаю край его футболки. Надо избавиться от нее. Мне надо его увидеть. Он помогает мне, сдергивая ее через голову и бросая на пол.

Вот и он.

Полуобнаженный Холт.

Я делаю глубокий вздох и внимательно смотрю на него. Его плечи широки, гладкие и упругие. Его широкая грудь слегка покрыта волосами. Живот плоский, талия узкая. Мускулистый, но в меру.

Стройный.

Хорошо сложенный.

Сексуальный.

Он наблюдает, как я оцениваю его, и начинает дышать быстрее.

— Прикоснись ко мне, — тихо приказывает он.

Я пробегаюсь кончиками пальцев по тыльной стороне его рук и нежно провожу ладонями по его предплечьям, трицепсам, и затем плечам. Он делает судорожный вдох и закрывает глаза, пока я прохожусь по его ключице, ребрам и спускаюсь ниже к его твердому прессу.

Я дышу, охваченная бурей эмоций, и пытаюсь понять, почему он так сильно влияет на меня.

Я всегда находила его привлекательным, но в этом есть нечто большее. Глубокое чувство теплоты захлестывает меня. Шепчет «да», пусть разум и кричит «нет».

Он открывает глаза и переводит взгляд на мою грудь, потом ниже, пока не доходит до пояса на моей талии. Он хмурится, когда тянет за шелковистую ткань, чтобы ослабить узел. Халат распахивается, и я прекрасно понимаю, что единственная вещь, не позволяющая Холту увидеть меня обнаженной – это тонкое трико, которое никак не скрывает мои соски.

Он шумно вдыхает и смотрит мне прямо в глаза, прежде чем шагнуть вперед. Он наклоняется и покрывает теплыми поцелуями мою ключицу, грудь, потом спускается ниже и целует между грудями. Затем он скользит губами вверх, следуя уже проложенной дорожке поцелуев, пока не доходит до моего уха.

— Ну как, скучно? — шепчет он.

Я провожу руками вниз вдоль его груди и легкими касаниями ногтей провожу по его прессу, останавливаясь у пояса его штанов. Я запускаю палец под резинку, и хватка его рук усиливается, когда я целую его в грудь.

— Умираю от скуки, — тихо шепчу напротив его кожи.

Холт издает негромкий стон, и в мгновение ока перестает церемониться. Он берет мое лицо в ладони и чувственно целует. Все причины, по которым мы должны быть нежными и терпеливыми, вылетают в окно, в то время как наше учащенное дыхание и низкие стоны заполняют тихое пространство вокруг.

— Хорошо, — говорит Эрика. — Хорошее чувство настойчивости. Продолжайте.

— Как будто я собирался останавливаться, — выдыхает он мне в губы.

Он приподнимает меня, и я обхватываю его талию ногами. Он стонет и не прерывая поцелуя, несет меня к нашей импровизированной кровати. Кладет меня на нее и нависает надо мной. У меня сбивается дыхание, когда он располагается между моих ног.

Он там. Прямо там, где на протяжении последних нескольких дней нарастало напряжение. Я чувствую, какой он твердый и теплый, и ничего из того, что он делает недостаточно. Я хочу поглотить его целиком. Почувствовать так глубоко внутри себя, как только возможно.

Я хватаю его за задницу, чтобы плотнее прижать к себе. Он стонет и делает круговые движения бедрами, заставляя мои пальцы впиться в его кожу от нарастающего внутри меня напряжения. Я резко вдыхаю, когда чувствую его теплую руку на моей правой груди.

— Хорошо, сейчас вы балансируете на тонкой грани, — замечает Эрика. — Следите за тем, куда кладете руки.

— Вы не против, если я прикоснусь к своему мужу? — обращаюсь я к ней. — Я же никогда не трогала эту часть тела мужчины. — Ни на сцене, ни за ней.

— Ну, — говорит она. — Так-то оно так, но это может показаться неуместным. Прикоснись к его бедру, а я посмотрю, как это будет выглядеть отсюда.

Я просовываю руку в зазор между нашими телами, и в процессе тыльная сторона моего запястья задевает эрекцию Итана.

Он напрягается.

— Это не мое бедро.

— Прости. Я нечаянно.

Он сжимает челюсть.

— Я не сказал, что это плохо. Просто это не мое бедро.

— Хорошо, отсюда смотрится неплохо, — говорит Эрика. — Это указывает на то, что ты касаешься его, но в то же время, это не слишком очевидно. Хорошая реалистичная реакция, мистер Холт.

— Спасибо, — произносит он сдавленным голосом, когда я выворачиваю руку ладонью вверх и осторожно обхватываю его.

Боже, он ощущается удивительно. Если он ощущается так хорошо сквозь одежду, то насколько хорошо он будет ощущаться без неё?

Я провожу ладонью по всей длине.

— Черт, — говорит он тихо, — Лучше перестань.

— Почему?

— Господи, — он стонет. — Пожалуйста.

Он что-то ворчит и пытается вырваться.

Я целую его в грудь и сжимаю еще сильнее. Он с шипением выдыхает.

— Хорошо, мисс Тейлор, достаточно, — говорит Эрика. — Сейчас это уже выглядит однообразно.

— Слава богу, — говорит Холт, когда я убираю руку.

Я беру его за затылок и притягиваю к себе. Мы снова сливаемся в долгом, глубоком поцелуе, который только усиливает голод внутри меня.

Я так хочу почувствовать его внутри себя, что мне физически больно.

— В какой-то момент вы должны снять с него штаны, мисс Тейлор, — говорит Эрика.

— В противном случае, исполнить супружеский долг будет проблематично.

Холт смотрит на меня, паника застывает на его лицо.

— Ей не видно тебя, — говорю я, спуская его штаны вниз по бедрам и обнажая трико телесного цвета. Он приподнимается, и помогает мне спустить их до колен, после чего высвобождается из них и отбрасывает в сторону.

— Это, черт побери, самое неловкое, что я делал в своей жизни, — бурчит он, снова нависая надо мной.

— Та же история.

— Хорошо, — говорит Эрика. — Теперь нам нужно показать конкретный момент исполнения супружеского долга. Знаю, это наверняка представляется вам неким вызовом, и мне очень жаль. Этот момент не должен выходить за рамки, но он обязателен.

Холт опускается ниже, и выражение его лица смягчается.

— Готова потерять девственность? — спрашивает он, и, несмотря на то, что я знаю, что он шутит, в его интонации есть нечто, что вызывает покалывание у меня в животе.

— Несомненно.

— Будь это по-настоящему, было бы больно.

— Знаю.

Он немного отстраняется назад и просовывает между нами руку, словно соединяя себя со мной. Его пальцы слегка задевают меня, и я прерывисто вздыхаю.

— Поехали, — говорит он.

Он делает толчок напротив меня, и я ахаю, когда на его лице мелькает изумление.

Так бы он выглядел, если бы был внутри меня? Господи Иисусе.

Я играю свою роль и морщусь от боли, в то время как он начинает толкаться усерднее.

— Ты в порядке? — спрашивает он тихо, и мне непонятно, это интересуется он сам или же Ромео.

Я одариваю их обоих легкой улыбкой.

— Все хорошо.

Он улыбается в ответ.

— Отлично.

Он двигается медленно и осторожно. Мне нет нужды играть удовольствие и боль, ведь пока он так двигается, мое тело колеблется между желанием потребовать больше и мольбой о том, чтобы все прекратилось. Он наблюдает за моим лицом, и я уверена, чувствует мое отчаяние.

— У тебя так и не было еще оргазма? — спрашивает он, целуя слабый след на моей шее, который он оставил в начале недели. Он проходит по нему языком, потом накрывает ртом и жестко присасывается.

— Не надо, — говорю я, запуская пальцы ему в волосы и оттягивая голову назад.

Он отстраняется и смотрит на меня, его бедра двигаются... прижимаются...

— Не оставлять засос? Или не заставляя кончать? — он дышит так же тяжело, как и я.

Я не отвечаю.

Не могу.

Я чувствую это. Неуловимое ощущение. Оно нарастает внутри меня, и словно по спирали скручивается в тугую пружину. Мне ненавистно, что он заставляет меня чувствовать это, а я сама не в силах. Это дает ему слишком много власти, и он знает это.

— Если не хочешь этого, просто скажи, и я остановлюсь, — говорит он, голос его

становится низким и грубым.

Я ничего не говорю. Я не могу говорить. Я крепко держусь за него, пока он толкается; задерживаю дыхание, закрывая плотно глаза и сосредотачиваясь на интенсивной пульсации, которая грозит наступить на меня.

— Скажи, что хочешь этого, — говорит он, одновременно требуя и умоляя.

Он набирает темп, толчки становятся более продолжительными и резкими.

— Я хочу этого.

Ох...

— Скажи «пожалуйста».

— Пожалуйста. Боже.

Ох... Ох...

— Нет. «Пожалуйста, Итан».

О, боже, да. Не останавливайся. Только не останавливайся.

— Пожалуйста, Итан.

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, Итан.

Я так близко. Так очень, очень близко.

— Пожалуйста, — я издаю стон. — Пожалуйста, Итан.

Он прижимается сильнее, продолжая делать круговые движения и толкаться. Я не способна думать сейчас, меня переполняет стремление угнаться за тем, что вне моей досягаемости.

— Давай, Кэсси. Позволь себе почувствовать это.

Он целует меня, и когда он толкается еще раз, это происходит.

О, боже!

Мое дыхание сбивается и спина выгибается, когда оргазм накрывает меня; ни одно описание волн и импульсов, или же дрожи от удовольствия, не подготовило меня к таким приятным ощущениям, которые проходят сквозь меня. У меня перехватывает дыхание, мышцы напрягаются. Уверена, мои глаза сейчас широко раскрыты, пока я испытываю то, что ускользало от меня всю жизнь.

— Боже, Кэсси, — шепчет он благоговейно. — Посмотри какая ты.

Я все также держусь за него, когда он, тяжело дыша, опускает голову мне на плечо. Потом он стонет, все мышцы на его спине напрягаются, и он толкается в последний раз.

— Черт. — Он издает протяжный, еле слышный стон, который идеально аккомпанирует моим звукам.

Удовольствие плотно проходит через мои вены, в то время как он поверхностно дышит и стонет.

Ох.

Охххх.

Это было...

Ого.

Реальность возвращается, когда дрожь в моем теле стихает. Мы с Холтом тяжело дышим, потные и вымотанные.

— Хорошо, — говорит Эрика с резкими нотками в голосе. — Что ж, это было определено... увлекательное представление. Но, думаю, нам стоит поработать над оргазмами или сделать затемнение, прежде чем это произойдет. Это выглядело немного шаблонно.

Кровать под нами трещит, когда мы давимся сдерживаемым смехом.

Двумя часами позднее, мы с Холтом выходим из театра, и я смеюсь как идиотка над тем, как он произносит реплики Ромео на манер Марлон Брандо из «Крестного отца». На этот раз обходится без перебранок. Оргазмические репетиции, очевидно, хорошо сказываются на нас.

Ближе к концу коридора, стоит группа третьекурсников, сгрудившись вместе; они в масках разыгрывают комедия дель арте²³ и потешаются друг над другом. Мы почти было оставляем их позади, когда вдруг раздается голос:

— Так, так, так. Итан Холт.

Вся группа замолкает, и мы с Холтом останавливаемся. Когда симпатичная брюнетка снимает маску и отделяется от группы, от моего внимания не ускользает, какой напряженной становится поза Холта.

Она смотрит на него в упор агрессивным взглядом.

— Хорошо выглядишь, Итан.

Он стискивает плотно зубы.

— Ты тоже.

— Слышала, ты наконец-то поступил. Эрика провела психологическую оценку личности, перед тем как подписаться на это? Или она просто устала прослушивать тебя год за годом?

Он качает головой и одаривает ее кривой улыбкой.

— Тебе лучше спросить у нее самой.

— Может и спрошу. Слышала, она утвердила тебя на роль Ромео. Вот потеха. Похоже, она совсем тебя не знает.

Он засовывает руки в карманы.

— Поверь, это был не мой выбор.

— Не сомневаюсь. Это будет первый Ромео, которого сыграет бессердечный ублюдок.

Кто-то шепчет «Оох, жуть!», и я жду, что Холт вспылит и даст отпор, но он просто опускает голову и вздыхает.

— Рад был увидеться, Оливия, — говорит он, и поворачивается ко мне. — Мне пора, Тейлор. До завтра.

Он уходит, и внимание девушки обращается на меня.

— Так это ты его новая Джульетта? Он еще не сломил тебя?

— Я... хм...

Она наклоняется ближе.

— Беги, пока еще можешь. Поверь мне на слово. Тебе лучше не находиться рядом, когда этот парень самоуничтожится. Он просто потянет тебя за собой, а нанесенный им ущерб, исковеркает тебя навсегда. Хочешь, спроси у моего психолога. Или спонсора.

Ее тон так убедителен, что кожа на моих руках незамедлительно покрывается мурашками.

Она уходит с друзьями, а остаюсь, гадая, что, черт побери, сделал ей Итан такого, что она так озлобилась на него.

СВЯЗЬ

Наши дни

Нью-Йорк

Театр Граумана, Репетиционный зал

Я складываю вещи в сумку и краем глаза наблюдаю за Холтом.

Он нервничает и то и дело посматривает на меня, словно думает, что я вот-вот уйду без него.

Это было бы славно, но мой разум говорит мне, что нам нужно сходить куда-нибудь, где он смог бы объясниться, а я вдоволь накричаться. Потом мы может переломаем косточки друг другу и сможем проверить, складываются ли еще наши частички воедино. Мое сердце съезживается подобно собаке, которую били слишком много раз.

Происходящее между нами в последние дни, пугает меня до чертиков. Связь, которую я пыталась забыть в течение трех лет, вернулась и так же крепка, без всяких на это усилий.

Даже сейчас, когда я наблюдаю, как он накидывает на себя куртку и засовывает сценарий в сумку, сильнейшее магнитное притяжение, что всегда управляло мной, когда бы я ни оказалась рядом с ним, требует, чтобы я приблизилась к нему.

Ненавижу это *необъяснимое влечение*.

— Кассандра?

Я поворачиваюсь и вижу Марко, в его руке сценарий, а шляпа на голову нахлобучена таким образом, что это можно охарактеризовать только как «набекрень».

— Все в порядке? — спрашивает он, бросая взгляд на Холта, который сейчас нерешительно топчется на другом конце зала. — Вы с Итаном словно были не в своей тарелке во время постельной сцены. Мне стоит волноваться?

Он рассчитывал, что наша природная химия сгладит ямы и выбоины нашего прошлого. Но если мы с Холтом не разберем хоть что-то из нашего багажа, одной только химии будет недостаточно. Весь этот путь заведет нас в тупик, и наше невозможное желание друг к другу превратится лишь в пятнышко в зеркале заднего вида.

— Мы во всем разберемся, — говорю я как можно более искренне. — Все не так просто.

Он кивает и снова смотрит на Холта.

— Я заметил. Но не питай иллюзий, есть у вас проблемы или нет, моим приоритетом остается пьеса.

— Понимаю.

— Когда мистер Холт стал выклянчивать у меня эту роль, я знал, что иду на риск, принимая во внимание ваше бурное прошлое. Однако, я надеялся, что ради шоу вы сможете отбросить в сторону ваши разногласия. Если дело обстоит иначе, скажи мне об этом сейчас, и я заменю его.

В животе появляется тяжесть.

— Подождите-ка, что? Холт выпрашивал эту роль?

Марко вздыхает.

— Да. После того как я решил, что хочу тебя на главную роль, у меня уже был на примете другой актер. Очень талантливый и неизвестный. Но вдруг ни с того ни с сего мистер Холт позвонил мне и вызвался принять участие в шоу. Разумеется, я понимал, что

орда его бешеных фанаток обеспечит огромный кассовый успех и физически он сложен идеально, но до меня дошли слухи о том, как он поступил с тобой, поэтому я отнесся к этому скептически. Он звонил мне три раза в день в течение двух недель. Он напомнил мне о том, какое впечатление вы произвели на меня, когда сыграли в «Ромео и Джульетте» в Гроув. Он был ужасно надоедливым. Но именно его страсть в итоге и заставила меня смягчиться. То, как он говорил о тебе... я не смог закрыть на это глаза.

— Извини, Марко. Я даже не подозревала.

— Не извиняйся. Просто всё взвесь. Если ты не можешь с ним работать, скажи мне об этом. Еще не поздно. Я смогу заменить его к концу следующей недели, если это то, чего ты хочешь.

Он выжидающе смотрит на меня. Предложение заманчивое. Если Холт не будет участвовать в шоу, мне не придется противостоять призракам нашего прошлого. Мы вновь заживем каждый своей жизнью и никогда больше не увидимся.

При мысли об этом у меня возникает ком в горле.

— Его фанаты взбунтуются, если мы заменим его, — говорю я.

Марко пожимает плечами.

— Наверно. Но пусть лучше это, чем критики разгромят нас из-за неумелости и унылости ведущих актеров.

— Могу я подумать об этом? — спрашиваю я, и он берет меня за руку.

— Конечно. Лично я надеюсь, что вы всё утрясете. Очевидно же, что вы оба несчастны друг без друга, и за вами тяжело наблюдать. За ним, в особенности.

Он кивает в сторону Холта, который сейчас медленно ходит из угла в угол, посматривая то на свои ноги, то на нас.

— Поговаривали, что это он разбил *твое* сердце, — шепчет Марко. — Но по тому, что вижу я, все кажется совсем наоборот.

Я подавляю нервный смешок, который подступает к горлу.

— Уверяю вас, это он разбил мое сердце, а не я его. Я просто не знаю...

Он вздергивает брови.

— Не знаешь что?

Я вздыхаю.

— Вдруг повреждений уже слишком много. Вдруг они непоправимы.

Он улыбается, затем наклоняется и целует меня в щеку.

— Дорогая Кассандра, иногда лучше не пытаться восстановить то, что было разрушено. Иногда лучше начать заново и построить нечто новое. Нечто большее. — Он смотрит на Холта, который уже перестал вышагивать и теперь просто пялится на нас. — Похоже старый фундамент еще на месте. Используйте его.

Он уходит и, проходя мимо Холта, похлопывает его по плечу.

— Надеюсь, встретимся в понедельник, мистер Холт.

Итан хмурится, прежде чем снова взглянуть на меня.

— Готова?

Я киваю, и мы направляемся к выходу.

В тишине мы поднимаемся по лестнице, ведущей в фойе. Он придерживает для меня дверь, и мы выходим на улицу.

— Марко хочет заменить меня, да? — спрашивает он, прикасаясь теплыми пальцами к моей спине и притягивая ближе, когда мы переходим улицу.

— Нет, но, если мы не возьмем себя в руки, он сделает это.

Как только мы доходим до противоположного тротуара, он останавливает меня.

— А ты сама этого хочешь?

Я потираю глаза в попытке избежать его взгляда.

— Не знаю. Марко сказал мне, что ты вызвался участвовать в шоу. Я думала, что это судьба снова свела нас вместе, но оказывается – нет. Может участие в этой пьесе – плохая идея?

На мгновение самообладание покидает его, но в следующую секунду стальная решимость вновь появляется.

— Я не хочу испортить такую возможность для тебя, Кэсси. Если ты хочешь, чтобы я ушел, я уйду. Но если ты сделаешь это только, чтобы избежать необходимости иметь дело со мной, то ничего не выйдет, потому что я вернулся в Нью-Йорк из-за *тебя*. Шоу было просто бонусом.

— Итан...

— Я знаю, что был идиотом в прошлом, но это? Быть снова с тобой? Это всё, чего я хотел так долго, что даже не могу представить, что это не сработает.

— Но это и не работает. В этом-то и проблема.

— Все получится. Я докажу тебе, что изменился. Потом ты снова в меня влюбишься, и у нас будет счастливый конец, который предназначался нам еще в прошлом.

Весь воздух покидает мои легкие.

— Так вот каков твой план? Боже, Итан! Какого черта?

— Не делай этого, — говорит он на полном серьезе. — Не забегай вперед событий, пока мы еще даже не попытались.

— Я и не забегаю. Лишь говорю о том, что ты надеешься на *невозможное*. С какой стати ты питаешь такие нереалистичные ожидания насчет нас? Прошло столько времени.

Он вздыхает и когда снова заговаривает, его голос звучит мягче, но все также решительно.

— Не ожидай многого, если тебе так нужно, чтобы защитить себя, но не жди от меня того же. Этого не будет. Если мои ожидания слишком высоки, то единственный человек, кому будет больно – это я.

— Итан, нет...

Он берет меня за руку и легко проводит большим пальцем по моей коже. Такой милый, простой жест, но я чувствую его всем телом.

— Послушай, Кэсси, я понимаю, — говорит он. — Понимаю, как ты себя чувствуешь, потому что я тоже чувствовал это. Куда легче ничего не ждать, потому что потом будет нечего терять. Но это так не работает. Я пытался убедить себя в том, что мне ничего от тебя не нужно и закончил тем, что потерял все.

Он смотрит мне в глаза, и думаю, Марко прав. Как бы сильно он ни разбил моё сердце, я разбила и его тоже.

— Я не хочу *ничего* больше. Если ты вытуришь меня из пьесы, я пойму, но не допущу, чтобы ты вычеркнула меня из своей жизни без борьбы. Мы разобрались?

Теперь мне понятно, почему Марко уступил. Его страсть очень убедительна.

Он хочет бороться за нас? Это значительно всё меняет.

Шесть лет назад

Вестчестер, Нью-Йорк
Дневник Кассандры Тейлор

Дорогой дневник,

Сейчас утро после «Ох» дня – дня, который навсегда сохранится в моей памяти с приятным покалыванием между ног.

Я даже не могу выразить словами чувства, которые Холт вызвал во мне.

Это неестественно для одного мужчины быть таким невыносимо сексуальным. Быть может, он заключил сделку с дьяволом. Это бы я поняла.

Он продал душу Люциферу взамен на сексуальную мощь над отчаявшимися девственницами.

Это бы многое объяснило.

По-видимому, Оливия чувствует то же самое. Она была очень зла на него.

Мне остается только гадать об их истории. Или, возможно, когда дело будет касаться недоступных, плохих парней, мне лучше прибегать к старому доброму методу и прятать голову в песок. То, чего я не знаю, не навредит мне, верно?

Верно?

Когда я подхожу к театру, Холт уже стоит на месте в ожидании меня. Я съеживаюсь, когда осознаю, как рада его видеть.

Боже, Кэсси. Остынь. Не позволяй ему использовать свои дьявольские способности на тебе.

О, боже. Слишком поздно. Только взгляни на него.

Темные джинсы. Черная футболка с V-образным вырезом, небрежно заправленная в пояс. На ремне винтажная пряжка, которую меня так и подмывает расстегнуть зубами.

Он поднимает взгляд, когда я подхожу ближе. У него в руках два картонных стаканчика. Я так понимаю, один предназначается мне, хоть и уверена, что сегодня он не предложит мне «Членочино». Не после его искусного петтинга.

Может Старбакс готовит «Оргазмлатте».

Не сводя с меня взгляда, он немного выпрямляется. Его грудь вздымается и опускается от глубоких вдохов.

О, да. Он точно хочет довести меня до оргазма. Он хочет довести меня до чертовски сильного оргазма.

Может на этот раз он использует свои пальцы.

Боже, пожалуйста, пусть он использует свои сексуальные пальчики.

Я улыбаюсь ему. Он сглатывает, но не улыбается в ответ.

Сигнал тревоги раздается в моей голове.

— Привет, — говорю я, стараясь звучать непринужденно.

— Привет. — Непринужденность у него получается ничуть не лучше моего.

Он нервничает. Даже немного взмок от пота. Он протягивает мне стаканчик, и я его принимаю. Подозреваю, что это все-таки «Членочино».

Он ставит свой стаканчик на скамейку рядом с собой и выпрямляется. Его брови сходятся вместе, когда он говорит:

— Слушай, Тейлор, насчет вчерашнего...

Проклятье, Холт. Не говори это.

— Мне не следовало делать... ну знаешь... этого. С тобой.

Он смотрит куда угодно, только не на меня.

— Это было чертовски глупо и неправильно... и... я использовал тебя.

— Нет, — говорю я с негодованием. — Ты не использовал меня. Я хотела, чтобы ты...

— Тейлор, — перебивает он. — Я поймел тебя как гребаную собаку. Перед нашим преподавателем по актерскому мастерству. Что, черт побери, со мной не так?

— Холт...

— Оливия права. Надо мной нужно провести психологическую экспертизу. Всякий раз, когда я оказываюсь рядом с тобой, я теряю голову. Это какое-то безумие, не говоря уже о том, что абсолютно неправильно.

— Но мы можем просто...

— Нет, ничего мы не можем...

— Прекрати перебивать меня! Я пытаюсь...

— Я знаю, что ты пытаешься сделать, но это не подлежит обсуждению! То, что мы делаем, прекращается сейчас, пока одному из нас не стало больно.

Я хочу парировать остроумным ответом, но на ум ничего не приходит. Вместо этого, я рассматриваю возможность просто вмазать ему.

Выражение его лица смягчается, и он делает шаг ко мне.

— Слушай, путь, по которому мы идем, не закончится ничем хорошим ни для одного из нас. Поверь мне. Я уже чувствую, что ты хочешь от меня того, что я дать тебе не могу. А что если ты влюбишься в меня? Что ж, это будет самый тупой поступок в твоей жизни. Есть дохера девушек, которые могут подтвердить это.

Во мне разжигается гнев.

— Боже, а не слишком ли ты высокого мнения о себе? Может, мне ничего от тебя и не надо.

— Тогда скажи мне, что я не прав, — говорит он и вскидывает руки. — Скажи мне, что взгляд на твоём лице, когда ты увидела меня мгновением раньше, не был восторгом с оттенком «пожалуйста, трахни меня прямо сейчас». Скажи мне, что ты не думаешь обо мне. Не фантазируешь обо мне.

Я ничего не отвечаю, потому что не могу отрицать этого. Но мне не понятно, почему испытывать подобные чувства столь плохо. Он говорит об этом так, словно сближение между нами равносильно преступлению.

— Ты тоже хочешь меня, — говорю я.

— Я и не отрицаю, — говорит он, делая шаг ближе. — В этом-то и есть часть проблемы. Ты уже и так достаточно сильно меня отвлекаешь. Если мы начнем поддаваться искушению, то потом... господи, Тейлор, это всё, что будет нас волновать. Забудь о том, что мы должны быть сосредоточены на актерстве. Твоя девственность? К черту. Мое здравомыслие? К черту. Наше время здесь будет состоять только из траха и гормонов, а я не хочу вовлекаться в это ни с одной из девушек, и особенно с тобой.

— И что, черт побери, это значит?

Он наклоняется вперед, так близко, что я улавливаю запах его одеколona.

— Это, черт побери, значит, что тебе всегда будет мало. Тебе захочется эмоций, держаний за ручки и прочей романтической лабуды. И ты всего этого заслуживаешь, но не со мной. Теперь уже нет.

— Почему нет?

Он смотрит вниз и не отвечает.

— Боже, Холт, какая-то девушка всерьез задела тебя, да? Случайно не та, которую мы вчера встретили?

Следует молчание, но он кидает на меня предупреждающий взгляд — намек не вдаваться в это.

— Что она тебе сделала?

— Ничего. Произошедшее между нами — моя вина, и я не допущу ту же ошибку. Уверен, она сказала тебе держаться от меня подальше. Послушайся ее совета.

У меня возникает такое чувство, будто он бросает меня, хотя фактически мы никогда не были вместе.

Вдруг я чувствую сильную усталость. Такое ощущение, что я всегда борюсь за то, чтобы быть с ним, тогда как он отбивается, пытаюсь меня оттолкнуть.

— Ладно, — говорю я. — Ты прав. Я не должна испытывать к тебе чувств. Ты, очевидно, этого не стоишь.

Мне ненавистна боль, что пересекает его лицо.

— Очевидно.

Чувствуя себя слишком вымотанной, чтобы спорить, я направляюсь ко входу в театр. Перед тем как открыть дверь, я поворачиваюсь к нему.

— Холт, в мире полно людей, которые взаимодействуют так, как мы по тем или иным причинам, и разговоры о том, что мы не должны этого чувствовать, ничего не изменят. В один прекрасный день, ты, возможно, поймешь это, но к тому времени будет слишком поздно.

Я поворачиваюсь к нему спиной и закрываю за собой дверь.

— Хорошо, мисс Тейлор, давайте начнем с фразы: «Что он в руке сжимает?».

Мы репетируем сцену смерти. Холт лежит передо мной, неподвижный. Ромео отравил себя.

Идиот.

Как Джульетта, я безутешна, поскольку вижу безжизненное тело любимого на земле. Убит своей собственной рукой, потому что не мог больше жить без меня. Он не знал, что я просто спала. Хотя мог бы проверить пульс, верно?

Я пытаюсь приподнять его тело и приобнять его, но он слишком тяжел, поэтому я смиряюсь и ложусь поперек его груди. Слишком потрясенная, чтобы плакать; слишком переполнена эмоциями, чтобы выразить их. Я провожу по нему руками, словно сила моего желания вернет его к жизни. Спасет от себя самого.

Но его уже никак не спасти. Его опрометчивое решение убило нас обоих, ведь без него я мертва изнутри, хоть еще и подаю признаки иллюзии жизни.

После того как мое сердце принимает его смерть, я начинаю искать выход.

Провожу ладонями вдоль его рук и обнаруживаю в кулаке маленькую склянку.

— Что он в руке сжимает? — говорю я хриплым от волнения голосом. — Это склянка.

Я подношу её к носу и вдыхая, стону от горькой муки.

— Он, значит, отравился?

Я заглядываю внутрь, нуждаясь лишь в остатке, но там пусто. Разъяренная, я отбрасываю склянку в сторону.

Хватаю Ромео за голову и выговариваю ему, проливая слезы на его умиротворенное,

красивое лицо.

— Ах, злодей, все выпил сам, а мне и не оставил!

Его губы размыкаются, и я наклоняюсь, закрывая полные слез глаза, когда наши лбы соприкасаются.

— Но, верно, яд есть на его губах. Тогда его я в губы поцелую. И в этом подкрепление смерть найду.

Я осторожно прижимаюсь своими губами к его. Все еще такие мягкие. Как можно быть бездыханным, но ощущаться столь живым?

Я нежно посасываю его губы, отчаянно пытаюсь найти остатки яда. Холт напрягается подо мной.

— Какие теплые, — выдыхаю напротив его губ.

Он напрягается еще сильнее.

Я провожу языком по его нижней губе, он стонет и его тело дергается.

— Стоп! — кричит Эрика.

Холт садится и злобно смотрит на меня.

— Что ж, Джульетта, — говорит Эрика. — Кажется, твои губы обладают чудодейственными целебными свойствами. Если бы Шекспир написал для Ромео такое волнительное воскрешение, которое только что симпровизировал мистер Холт, у этой пьесы был бы намного менее трагичный конец и зрители могли бы разойтись по домам, насвистывая веселую мелодию.

— Она облизала мои губы, — возражает Холт.

— Именно это и сделала бы Джульетта, — говорю я. — Она пытается принять яд с его губ. Тебе повезло, что я не засунула язык в твой рот, и не закружила им как ершиком для унитаза.

— О, потому что это сделала бы Джульетта? Не ты.

— Да.

— Пустой треп.

— О, мой бог, может вы двое *уже потрахайтесь!* — кричит Джек Эйвери из зрительного зала.

Актерский состав взрывается оглушительным смехом, и мы с Холтом обмениваемся смущенными взглядами.

Если бы все было так просто, Джек.

Эрика призывает актерский состав к тишине.

— Мистер Холт, то, что сделала мисс Тейлор, показалось мне вполне приемлемым. Возможно, вам просто стоит умерить вашу реакцию. Вы мертвы. Не имеет значения, даже если она вылизет весь ваш рот вплоть до миндалин. Вы не двигайтесь. Понятно?

Холт качает головой и едко усмехается, после чего снова одаривает меня уничижительным взглядом.

Моя улыбка не могла бы стать более самодовольной, даже если бы я купила ее у Самодоволя Самодовольного в Лавке самодовольства в Самодовольграде.

Он закатывает глаза.

— Теперь, мисс Тейлор, — говорит Эрика, глядя на меня, — когда вы схватите кинжал, чтобы заколоть себя, я хочу, чтобы вы оседлали его.

— О, да чтоб меня! — причитает Холт.

Эрика смотрит на него.

— Мистер Холт, когда мисс Тейлор упадет на вас, я не хочу, чтобы вы выглядели так, словно были застрелены в бандитских разборках. Вы должны умереть так, как жили — как влюбленные.

Я прислушиваюсь ко всему, что она говорит, но мой разум сосредоточен на двух словах.
Оседлать его.

Ноги по бокам. Части тела прижимаются друг к другу.

Ну и ну!

Холт потирает лицо и стонет.

Эрика улыбается нам. Думаю, она наслаждается нашим взаимным дискомфортом.

— Давайте вернемся к поцелую, и посмотрим, сможем ли мы довести всё до конца. Члены остального состава, участвующие в этой сцене, не могли бы вы, пожалуйста, подняться сюда и занять свои места?

Начинается небольшая суматоха, когда актеры занимают свои позиции. Холт сверлит меня взглядом.

Я достаиваю его своей самой невинной улыбкой.

Его вид настолько ожесточен, что меня бы это испугало, не наслаждайся я так сильно его безвыходным положением.

— Ложись, любимый, — шепчу я сексуально. — Мне нужно кое-что проделать, оседлав тебя.

Он бормочет под нос ругательства и ложится.

По-моему, джентльмен, слишком много возражает ²⁴.

— Хорошо. Поехали. Благодарю вас, мисс Тейлор.

Я начинаю сцену заново. Когда я дохожу до поцелуя, то целенаправленно делаю это так эротично, как только возможно. Дыхание Холта становится тяжелым, и тихий стон вырывается из него.

Ну-ну. Играй мертвеца, сексуальный труп.

Он выдыхает, но не шевелится.

Хороший мальчик.

Из-за кулис доносятся голоса, и я смотрю в их направлении. У Джульетты заканчивается время.

— Чьи-то голоса! — паника окрашивает мой голос, пока я в отчаянии озираюсь по сторонам. — Пора кончать.

Я замечаю нож и после того как перебрасываю через Холта ногу, сажусь на его пах и хватаю бугафорский кинжал, который он прикрепил к своему бедру.

— Но вот кинжал, по счастью, — говорю я, вытаскивая его из ножен и поднося к своей груди. — Сиди в чехле.

Я вонзаю стальной клинок в свою грудь и вскрикиваю, лицо искажается от боли. Зрителям же кажется, что я только что насмерть ранила себя.

— Будь... здесь. — Я издаю стон и отбрасывая нож на пол, хватаюсь за грудь. Сжимаю в кулак рубашку Холта и нежно целую своего Ромео в последний раз, потом шепчу: — а... я... умру.

Я валюсь на Холта. Лицо утыкается ему в шею, одна рука на его груди, другая — в волосах. Если кто-то сфотографирует нас, мы будем выглядеть словно молодая пара, уснувшая в интимных объятьях.

Другие герои устремляются на площадку и продолжают сцену, оплакивая нашу смерть и

сетуя о разрушительной цепочке событий, которая привела нас к такому концу. Я чувствую, как подо мной напрягается Холт, пытаюсь контролировать свое дыхание. Его пах плотно прижимается ко мне, и я ощущаю, как постепенно становится тверже. Я стараюсь игнорировать это. Но у моей вагины другие намерения. Я пытаюсь объяснить ей, что она мертва, и, следовательно, больше не нуждается во впечатляющей эрекции Ромео, но ей трудно в это поверить.

Я замедляю дыхание и прислушиваюсь к сцене, разыгрывающей вокруг меня. Архаичный язык и его ритм оказывают успокаивающий эффект. Вскоре я концентрируюсь на сердцебиении Холта под своим ухом. Оно гипнотическое, такое сильное и ровное. По мере того, как мои мышцы расслабляются, а пульс замедляется, — мое тело плотно опускается на него, и на какой-то короткий миг у меня мелькает мысль, что я должно быть слишком тяжелая, но потом его запах и тепло ублаживают меня и погружают в полусонное состояние.

Не успеваю я понять, что происходит, как чья-то рука трясет меня за плечи. Открываю глаза и вижу, нависшего над нами Джека с несколькими другими членами каста позади него.

— Ух ты! Я прямо-таки польщен, ребята, что вы так взбудоражены нашим выступлением, — усмехается он. — Может, в следующий раз попробуете не храпеть?

Я резко сажусь и смотрю на Холта. Он выглядит заспанным и сбитым с толку. Его взгляд проясняется, когда в его поле зрения попадаю я, сидящая на нем верхом. Я понимаю намек и слезаю с него, но мои мышцы еще слишком слабые.

Боже, кто ж знал, что при этой позе нарушается кровообращение?

Джек подхватывает меня, обнимая рукой за талию и помогает встать прямо. Раздается смех, когда мои ноги снова подкашиваются, и я налетаю прямо на него.

— Ого! Полегче, Кэсси. Ты была мертва какое-то время. Тебе лучше не торопиться.

Я пытаюсь найти равновесие, пока Холт поднимается на ноги. Его взгляд падает на руки Эйвери, обвивающие мою талию, и потом он отворачивается.

— Мистер Холт, мисс Тейлор, — обращается к нам Эрика, поднимаясь на сцену, — могу ли я предположить, что ваши финальные позиции были удобными?

Я отхожу от Джека и приглаживаю свои волосы, стараясь отвлечься от проступающего к лицу румянца.

— Более или менее.

Все вокруг тихо хихикают. Мне ужасно неловко. Я целовала Холта перед всеми этими людьми. Черт, я симулировала с ним секс. Но то, что я сделала сейчас? *Прижалась* к нему? Разнежилась на нем и уснула? Это интимнее, чем всё, что я до этого делала.

Мы садимся на сцене и Эрика делает нам замечания, но в целом она вроде бы довольна прогрессом. Джек сидит рядом с Холтом, что-то шепча и давась от смеха. Холт хватается за грудки и шипит ему что-то в лицо. Джек бледнеет и тут же затыкается. Когда Холт отпускает его, Джек отодвигается подальше, что-то тихонько бормоча. Холт взъерошивает волосы, после чего смотрит на меня.

Он в ярости.

Когда Эрика объявляет о конце репетиции, зал заполняют оживленные разговоры и все принимаются собирать свои вещи и реквизиты. Миранда и Айя приглашают меня на обед, но я не в настроении. Я благодарю их за предложение и обнимаю на прощание. Театральное помещение постепенно пустеет. Я поднимаю кинжал с пола и протягиваю его Холту. Он все также выглядит сердито, когда забирает его у меня.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, пока он отстегивает ножны от пояса.

— В полном.

— Что ты не поделил с Эйвери?

— Он мудака. — Он засовывает кинжал в ножны.

— Почему?

— Он всё спрашивал, трахаю ли я тебя.

— И что ты ему сказал?

— Я не ответил.

— И?

— И он решил, что нет.

— И это правда.

— Да, но потом он подумал, что будет нормально сказать мне о том, как сильно *ему* хотелось бы трахнуть тебя.

— И что ты на это ответил? — спрашиваю я, делая шаг вперед.

Его взгляд скользит по длине моего тела, прежде чем он отвечает:

— Я сказал, что если он только близко к тебе подойдет, то я отрежу ему яйца и скормлю своему ротвейлеру.

— У тебя есть ротвейлер?

— Нет, но он об этом не знает.

Я дотрагиваюсь до пряжки его ремня. Это прямоугольник, чем-то напоминающий распятие. Странно, что он носит символ Бога, когда находится в лиге Дьявола.

— Давай-ка всё проясним, — говорю я, проводя пальцами по прохладному металлу. — Ты не хочешь быть со мной, но также не хочешь, чтобы и другие парни были со мной?

— Он — не другие парни. Он Эйвери. Если ты переспишь с ним, твой IQ автоматически понизится на сорок процентов.

— Ты пробовал проанализировать, почему ты так ревнуешь?

— Я не ревную. Просто не хочу, чтобы этот имбецил прикасался к тебе. Это просто здравый смысл.

— Как насчет Коннора? Мне можно спать с ним?

Выражение его лица становится убийственным.

— А *ты сама* хочешь переспать с ним?

Я сжимаю пальцами его футболку и противостою желанию сорвать ее с него.

— Если да, это бы тебя напрягло?

Он выглядит разъяренным.

— Черт, нет. Слишком пресно.

— А как тебе Лукас?

— Слишком обкуренный.

— Трой?

— Думаю, он гей.

— А что, если нет?

— Слишком неоднозначный.

— И ты говоришь, что не ревнуешь.

— Я не ревную.

— Тогда назови мне имя, — говорю я. — Скажи, с кем мне разрешено спать?

Он скидывает руки.

— Какого хрена ты так помешана на сексе?

— Потому что у меня его ни разу не было! И если дать тебе волю, то никогда и не будет!

Он сглатывает и опускает голову.

— Что, черт побери, тебе от меня надо, Тейлор? А? Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя?

Или ты просто ищешь первый попавшийся член, чтобы тот сорвал твою вишенку? Я куплю тебе чертов вибратор, если это все, что тебе нужно.

— Это не все, что мне нужно, и ты это знаешь.

— Тогда мы возвращаемся к тому, почему нам надо держаться подальше друг от друга.

Ты хочешь того, что я не способен тебе дать. Почему ты никак не поймешь это?

— Чего я действительно не понимаю, так это того, как ты чувствуешь *это*, — говорю я, подходя к нему ближе и прикасаясь рукой к его груди, — и просто притворяешься, что этого не существует.

Он даже глазом не моргает, когда я провожу рукой по его мышцам.

— А ты не заметила? Я очень хорош в притворстве.

Качаю головой и вздыхаю.

— Вот значит как. Только ты можешь решать быть нам вместе или нет, и по-другому быть не может.

— В общем-то, да.

— И думаешь, ты сможешь следовать своим собственным правилам?

— Ты имеешь в виду, смогу ли я держаться подальше от тебя?

Он наклоняется, его губы прямо над моими, так близко, что я ощущаю его дыхание, такое теплое и сладкое.

— Да, — шепчу я, желая только приподняться на цыпочки и поцеловать его.

Он выдыхает медленно и размеренно.

— Тейлор, думаю, ты недооцениваешь мой уровень самоконтроля. Помимо моего промаха во время постельной сцены, я продемонстрировал выдержку гребаного Далай-ламы рядом с тобой. Наш первый поцелуй? Инициатором была ты. Сегодня во время сцены смерти? Всё ты. Прямо сейчас? Ты.

— Так твоя теория заключается в том, — начинаю я, — что не запрыгни я на тебя, то ты бы и пальцем меня не тронул?

— В точку.

— Чушь.

— Пожалуйста, заметь, что твои руки на данный момент находятся на мне, а свои я держу при себе.

Я опускаю взгляд и вижу, как рассеянно поглаживаю его пресс. Я тут же отступаю назад.

Боже, он прав.

Это я.

Я была инициатором всего.

— Ну, хорошо, — говорю я, отступая назад. — Я не буду прикасаться к тебе вне сцены, пока ты сам не попросишь меня.

— Думаешь, ты способна контролировать себя? — спрашивает он, и клянусь, он вкладывает в свой голос нотки сексуального шарма, вызывающего во мне желание облизать его. — Или может, добавим интригу?

— Типа пари?

— Почему бы и нет?

На секунду я задумываюсь.

— Ну ладно. Тот, кто первым прикоснется к другому в интимном плане, проигрывает, и должен будет победителю оргазм.

Он смеется и проводит руками сквозь волосы, но от меня не ускользает, как его взгляд блуждает по моему телу.

— Если так, то пари лишается смысла.

— Не для меня. Мы оба выйдем победителями.

Он хватает рюкзак и перебрасывает его через плечо.

— Иди домой, Тейлор. Выпей. Постарайся перестать думать обо мне.

— Пари заключается в касаниях. Я могу представлять тебя в сотнях сексуальных позах, если мне вздумается, и ты не в силах меня остановить.

Он опускает голову и вздыхает, и я знаю, что этот раунд за мной.

— Увидимся на следующей неделе.

— Само собой.

И он уходит.

11

СТРАХ СЦЕНЫ

Наши дни

Нью-Йорк

Мы с Холтом направляемся в винный бар неподалеку от театра, чтобы «поговорить».

Идя рядом с ним, я чувствую одновременно отчужденность и близость с неким намеком на обреченность: это так похоже на большую часть времени, что мы провели вместе.

Осторожная часть меня шепчет, что быть с ним — это словно носить самую удобную в мире пару туфель, в которой время от времени наворачиваешься и влетаешь головой в стену. Или словно страдать аллергией на моллюсков, но не отказываться от употребления омаров. Это подобно знанию, что с секунды на секунду ты угодишь в заросли ядовитого плюща, но отказываешься останавливаться.

Его рука слегка задевает мою во время ходьбы.

Боже, какой же зуд он вызывает в моем теле.

Когда мы доходим до винного бара, он открывает мне дверь и заказывает столик в дальней части зала. Старшая официантка трахает его глазами чуть ли не до потери пульса, прежде чем провожает нас к столику.

Он не замечает. Как обычно.

Хотелось бы мне сказать то же самое. Я не вправе ревновать. Уверена, за годы разлуки, он потерял счет своим похождениям. Женщины всегда сами бросались на него, но его популярность резко возросла во время тура по Европе. По сценарию его герой проводил много времени на сцене без рубашки, и когда сексуальные промо-кадры попали в интернет, за ним стали увязываться женщины из города в город, чтобы посмотреть на его выступление.

Я не винила их.

Помню, как я почувствовала себя, когда увидела фотографии в сети. Я пыталась отвести взгляд, но это было невозможно.

При одной лишь мысли об этом мое лицо вспыхивает.

Я хватаю меню с закусками и начинаю обмахиваться. Холт смотрит на меня и хмурится.

— Ты в порядке?

— Ага.

— Ты покраснела.

— Менопауза. Приливы жара.

— А тебе не рановато?

— Думаешь? Быть девушкой отстойно.

— За исключением способности испытывать множественные оргазмы, — говорит он и приподнимает бровь. — Кое-кто мне как-то сказал, что это просто невероятно.

— Ну да. — *Если ты хочешь опуститься до уровня самых низкий провокаций.* — Что есть, то есть

«Множественный Итан». Это должно было стать его прозвищем. В ночь, когда он впервые заставил меня почувствовать это, клянусь, я видела лицо Бога.

Я снова принимаюсь обмахиваться.

Проклятье, ему запрещено говорить о таких вещах. И определенно не тогда, когда я стараюсь игнорировать его сексуальную привлекательность.

Все темы, связанные с сексом – под запретом.

И почему он не знает правила, которые я только что установила?

— Почему ты так злобно смотришь на меня? — спрашивает он, хмурясь.

— Почему мы еще не пьем? Мы пришли сюда выпить.

— И поговорить.

— И выпить.

— Менопауза сделала тебя еще и алкоголичкой?

— Да. И психопаткой. Так что смотри в оба.

— Стараюсь. Нелегко, когда рядом злобная психопатка с менопаузой.

Теперь я награждаю его по-настоящему яростным взглядом.

Он смеется.

Добавляю его смех в список того, что ему запрещено делать, когда я пытаюсь игнорировать его привлекательность.

Он замечает, что я не смеюсь, и обеспокоенно смотрит на меня.

Беспокойство? В списке.

— Кэсси?

Произношение моего имени туда же.

— Я в порядке. Мне нужно выпить.

— Хорошо. Конечно.

Он пристально смотрит на меня еще несколько секунд, и конечно же пристальный взгляд тоже попадает в список. Я мысленно сдаюсь и признаю, что список будет постоянно обновляться. Я стараюсь стереть его из памяти.

Наконец, подходит официантка. Она представляется как Шери, и принимается строить глазки Итану, когда он берет винную карту. Мне хочется надавать ей по ее намалеванным блеском губам.

Пока Шери торопливо трещит о винных рекомендациях, Итан поднимает на меня взгляд. Он не слушает ее. Он пытается понять, что бы я предпочла выпить.

Раньше это было нашей игрой, и он никогда не проигрывал. Он знал, что я хочу, даже,

когда я сама не знала. Знал, когда заказать сладкое вино, сухое или же пряное.

Когда официантка заканчивает, он снова переводит взгляд на карту.

— Вопрос в том, Шери... какое вино хочет моя спутница: красное или белое?

Официантка хмурится.

— Э-э... разве это не вам следует спросить ее об этом?

— И упустить все веселье? Мне нужно определить. Как сомелье Шерлок. Если я ошибусь, моя превосходная репутация будет запятнана.

— А если вы угадаете? — спрашивает Шери, вздергивая бровь.

Я качаю головой. Когда он раньше угадывал, я вознаграждала его поцелуями. Не судьба сегодня такому случиться.

— Если я угадаю, — отвечает Итан, — возможно, она увидит, что, несмотря на все мои промахи, я все еще знаю ее лучше, чем любой другой.

Он пристально смотрит на меня и когда жар простирается через стол, мне приходится отвести взгляд.

Шери переступает с ноги на ногу, а я хватаюсь за край скатерти.

Если посмотреть в словаре слово «неловко», там будет изображение этого момента.

Прежде чем это успеет зайти слишком далеко, Итан откашливается и заказывает Дакхорн Виньярдс Мерло²⁵ с абсолютной уверенностью.

Это отличный выбор. Не знаю, почему я так удивлена.

Когда официантка уходит, он откидывается на спинку стула и сплетает пальцы на столе перед собой.

— В точку, да?

Пожимаю плечами.

— Возможно.

Вид у него довольный.

— Я не был уверен, что могу еще делать это. Много времени прошло.

— Да уж.

Он смотрит на меня несколько секунд, и потом говорит:

— Слишком много, Кэсси.

Гробовая тишина повисает между нами.

Мы оба знаем, что это последний шанс для нас. Наша последняя возможность спасти то небольшое, что было хорошего в наших катастрофических отношениях.

Напряжение удушает. Я откашливаюсь. У меня во рту суше, чем в Сахаре.

Сколько требуется времени, чтобы схватить бутылку вина и два бокала? Шери что, топчет этот чертов виноград сама?

Живот сводит от волнения. Я бы сейчас не отказалась от сигареты, но здесь запрещено курить.

Холт хрустит пальцами, и мне буквально видно, как слова крутятся у него в голове.

Я смотрю на его пальцы. Его большие пальцы медленно трутся друг о друга, руки напряжены и словно не знают покоя. Мне хочется потянуться и усмирить их, заверить его... в чем? Что я не буду вести себя как стерва? Что я спокойно и внимательно выслушаю его, и рассудительно отнесусь ко всем оправданиям?

Я не могу ему этого сказать. Это было бы неправдой.

Велика вероятность того, что этот вечер кончится плохо. Что после разговора, мои благие намерения быть друзьями, исчезнут.

Он знает это не хуже меня.

Через несколько минут, которые кажутся вечностью, Шери приносит нам вино. Мы с Холтом смотрим на нее с отчаянной благодарностью, пока она наполняет наши бокалы. Когда она уходит, мы залпом опустошаем их, и ставим на стол.

Он досадно вздыхает и проводит по лицу рукой.

— Это не должно быть так трудно.

— Ты правда удивлен? — говорю я. — Мы же не из тех, кто ищет легких путей.

— Это точно.

В моем животе все сжимается, и я отпиваю приличный глоток вина, пытаюсь унять расстройство.

Холт хмурится.

— Ты в порядке?

Делаю очередной большой глоток и киваю.

— Да. Лучше не бывает. Отличное вино.

Я не вру насчет вина. Оно восхитительно. Я вру насчет своего состояния. В итоге, я перебираю с алкоголем и к тому времени, когда мне кажется, что я готова иметь дело с Итаном, мой желудок говорит мне совсем обратное.

Внутри все снова сжимается, и я морщусь.

— Кэсси?

Меня бросает в пот, и я точно знаю, что за этим следует. Слюна заполняет мой рот, пока я несусь в уборную.

Я успеваю как раз вовремя.

Я полощу рот, когда раздается стук в дверь.

— Кэсси? Ты в порядке?

Пауза.

— Не совсем.

— Я могу войти?

— Если хочешь.

Как и все уборные, эта выдержана в классическом стиле. Очень чистая. Высококачественная отделка. Живые цветы.

Он заходит и закрывает за собой дверь, когда я уже заканчиваю мыть руки.

— Раньше это я был тем, кого выворачивало от волнения, — говорит он.

Я вытираю руки бумажными полотенцами, и затем кидаю их в урну.

— Ну, теперь это я.

— Полегчало?

— Немного.

Он собирается было дотронуться до моего плеча, но я инстинктивно отхожу в сторону. Быть утешенной им — не то, с чем я могу справиться сейчас.

Он опускает голову и вздыхает.

— Когда я проигрывал этот вечер в своей голове — и позволь сказать, я проигрывал его *часто* — я был гораздо более уравновешен. И рвота практически не принимала участие. Теперь же, я не только довел тебя до ужасного состояния, но и забыл все, что планировал тебе сказать.

Я смотрюсь в зеркало. Я выгляжу страшнее черта. Нет, не настолько хорошо. Я выгляжу

как черт, переживший ядерную зиму и зомби апокалипсис.

Я собираюсь было подправить растекшийся макияж, как вдруг Итан делает шаг вперед и перебрасывает мои волосы назад через плечо. Моя спина тут же покрывается мурашками.

— Боже, Кэсси, — шепчет он. — Даже когда у тебя расстройство желудка, ты все также самая красивая женщина из всех, кого я видел.

Я замираю, пока он пристально смотрит на нас в зеркало.

— Итан, ты не можешь говорить такие вещи.

— Почему нет? Посмотри на нас. Мы идеальны вместе. — Он нежно касается своими пальцами моих. Я закрываю глаза и делаю вдох. — Всегда были. Независимо от того, что творилось за закрытыми дверями, мы всегда выглядели так словно были созданы друг для друга. И так оно и есть.

— Итан...

Я поворачиваюсь к нему. Он наклоняется ближе, но я кладу руку ему на грудь и останавливаю.

Он выдыхает и стискивает зубы.

— Прикастаться ко мне сейчас – идея не из лучших. Если ты, конечно, не хочешь пошатнуть мое спокойное, уравновешенное поведение.

Я убираю руку и облакачиваюсь о туалетный столик. Это никак не уменьшает притяжение, которое я чувствую к нему. Оно заполняет каждый уголок этой крошечной комнаты.

— Как после стольких лет, ты все еще воздействуешь на меня так? — спрашивает он, подаваясь вперед.

— Как «так»? — Я точно знаю, что он имеет в виду, но мне нужно услышать это.

— Одновременно заставляешь нервничать и успокаиваешь. Сводишь с ума и вселяешь безмятежность. Вызываешь грубость и цивилизованность. Одно нахождение рядом с тобой заставляет меня забыть обо всей неразберихе, через которую мы прошли, и я просто...

— Что?

Выражение его лица становится голодным.

— И я просто хочу похоронить себя внутри тебя и забыть обо всем. Заставить наше прошлое уйти.

Если бы все было так просто.

— Я скучал по тебе так чертовски сильно, Кэсси. Ты себе не представляешь. Совсем, совсем не представляешь.

Я колеблюсь. Моя осторожная сторона шепчет, что все идет к тому, что я собираюсь надеть эти проклятые туфли и расшибиться головой о стену. Она предупреждает, что мне лучше не есть омаров. Кричит, что я вот-вот погрязну в зарослях ядовитого плюща.

Я обдумываю свое предстоящее падение не более трех секунд, после чего обвиваю его шею руками и притягиваю в свои объятия. Он обхватывает меня руками, и утыкается лицом мне в шею, испуская судорожный вздох.

И как всегда, у меня возникает зуд.

Шесть лет назад

Вестчестер, Нью-Йорк

Дневник Кассандры Тейлор

Дорогой дневник,

Сегодня премьера и неделя с того дня, как мы с Холтом заключили пари на то, чтобы держать руки подальше друг от друга. С тех пор отношения между нами стали... странными.

Ну, еще более странными.

Наша динамичность отсутствовала даже во время игры. И поскольку каждый из нас стремился одержать верх в этом нелепом пари, наши поцелуи были сдержаны, а объятия – ложны. Облагороженная версия наших грязных, непристойных желаний.

Эрика тоже чувствовала это. Она думает, что каждодневные репетиции вымотали нас. Но это не ее вина. Дело в нас. И я действительно не знаю, как все исправить, кроме как переспать с Холтом.

И если добавить к вышесказанному тошноту от предпремьерных нервов, можно сказать, что я в легком ужасе. (И когда я говорю «в легком» – это означает «в полном». А когда я говорю «в полном» – это означает, что будет чудом, если я отыграю на сцене, не ударившись в грандиозную истерику, которую будут сопровождать крики и/или рыдания и/или отчаянное цепляние за сценический занавес, в то время как помощник режиссера будет пытаться вытолкнуть меня на сцену).

Боже, пожалуйста, позволь мне пережить этот вечер, не выставив себя полной дурой. Позволь мне показать класс.

Умоляю тебя.

По дороге в театр, я затягиваюсь сигаретой. Мои навыки курения улучшаются. Не уверена, хорошо это или плохо, но это успокаивает мои нервы.

Спектакль начинается в девятнадцать тридцать. Сейчас три часа дня. Я надеюсь, пребывание в театре поможет мне сосредоточиться и ослабит тяжесть в груди.

В любом случае, таков план.

Список того, что нужно сделать в ближайшие несколько часов: заняться йогой и тайцзы; пройтись среди декораций; забраться в голову Джульетты; разнести открытки на удачу и подарки по примерным; одеться; постараться не блевать; выйти на сцену не подгоняемая хлыстом; блеснуть.

Проще простого.

Список того, что не нужно делать: быть одержимой Холтом; блевать; с визгом выбегать из театра.

Непросто.

Когда я захожу внутрь, я иду напрямиком в свою примерную.

Большинство примерных находятся за сценой, но на бельэтаже также расположено полдюжины. Эрика выделила их ведущим актерам. Я делю примерную с Айей и Маришкой, а Итан – с Коннором и Джеком.

Я открываю сумку и достаю косметику и аксессуары для волос. Потом натягиваю на себя легинсы и свою счастливую футболку с принтом феи Динь-Динь, после чего спускаюсь вниз.

В помещении тепло и слабое мерцание, исходящее от рабочего освещения, отбрасывает длинные, зловещие тени от декораций.

Замечательно. Не хватало только, чтобы мое тело сковал страх, как будто я недостаточно волнуюсь.

Я делаю глубокий вдох и иду вдоль декораций. Провожу ладонью по камню из пенопласта и по деревянной панели, вглядываюсь в многочисленные ряды пустых сидений. Я стараюсь игнорировать мурашки, что пробегают по моим рукам, когда чувствую свечение нескольких сотен пар фантомных глаз.

Я хочу показать класс сегодня.

Я хочу, чтобы Холт показал класс.

Успех всей пьесы зависит от нашей собранности, а у меня нет ни малейшего представления, как это осуществить.

Я становлюсь посередине сцены и глубоко вдыхаю, делая упражнения по йоге. Растягиваю мышцы. Сосредотачиваюсь.

Через некоторое время, йога постепенно переходит в тайзцы. Я закрываю глаза и концентрируюсь на дыхании. Вдох. Выдох. Медленные движения. Синхронизация воздуха и движений. Выдыхаю страх. Вдыхаю уверенность.

Я концентрируюсь на изображениях, которые доставляют мне удовольствие. Неизбежно, мои мысли обращаются к Холту. Выразительная линия его подбородка покрыта легкой щетиной, так мужественно и сексуально. Его губы, невыносимо шелковистые и мягкие. Его глаза. Огненные. Встревоженные. Испуганные и в то же время вселяющие страх.

Все мое тело оживает, пока я думаю о нем.

Держаться на расстоянии было пыткой. Я стараюсь не задерживать на нем взгляд подолгу, даже во время игры, иначе боль становится невыносимой. Я сосредотачиваюсь на стене позади него, либо на какой-нибудь части декорации, либо на его волосах. На чем угодно, только не на его убийственных глазах, вызывающих во мне желание часами делать с ним очень, очень плохие вещи.

Когда я выдыхаю в последний раз, мною овладевает спокойствие. Средоточие и готовность.

Когда же я открываю глаза, я чуть не наделяваю себе прямо в штаны, потому что лицо Холта лишь в нескольких дюймах от меня.

— Господи, боже мой! — вскрикиваю я, размахивая руками, словно парящий в небе осьминог.

Холт отпрыгивает на несколько метров назад и хватается рукой за грудь.

— Черт, Тейлор! Ты до чертиков напугала меня! Господи Иисусе!

— Я напугала *тебя*?! — Я подхожу к нему и с размаху бью в грудь. — Я из-за тебя чуть не обмочилась!

Он начинает заливаться смехом.

— Это не смешно! — говорю я, ударяя его в грудь.

— Еще как смешно, — отвечает он, пятясь назад, пока я колочу его.

— Каким больным на голову надо быть, чтобы так к кому-то подкрадываться?!

— Я не хотел тебя беспокоить, — говорит он, пытаюсь поймать мои ловкие руки. — Черт, прекрати бить меня.

Он притягивает мои руки к своей груди, но у меня и так достаточно проблем с моим бешено стучащим сердцем, чтобы обратить внимание на то, какие его мышцы теплые и упругие под моими пальцами.

Я высвобождаюсь из его хватки, потом направляюсь к спальному гарнитуру и плюхаюсь на кровать.

— Какого черта ты здесь делаешь? Я думала, что одна.

Он становится передо мной, его смех стихает, и он засовывает руки в карманы.

— Я тоже так думал. Мне нравится находиться в театре за несколько часов до начала спектакля. Помогает успокоиться.

Провожу рукой по волосам.

— Да? И как ты себя теперь чувствуешь, Сеньор Тактика Запугивания? Спокойно?

— Как бы это забавно ни вышло, в мои намерения не входило пугать тебя. Я просто хотел... посмотреть.

Как только шок отступает, я замечаю во что он одет.

На нем белая майка-алкоголичка, удлиненные темные шорты для бега, и серебристо-черные кроссовки фирмы «Nike».

Какого черта?

Ему запрещено так одеваться.

В смысле... Это же просто... Он...

Боже мой, *только взгляните на него!*

Широкие плечи. Красивые руки. Широкая грудь. Узкая талия. Мускулистые икры.

Нечестно! Непристойно сексуально. Не допускается!

— Почему ты так на меня смотришь? — спрашивает он, переминаясь с ноги на ногу.

— Как? — умудряюсь я спросить сквозь взгляд, затуманенный страстью.

— Так, будто хочешь отшлепать меня.

На последней фразе я едва ли не давлюсь собственным языком. Я кашляю и брызжу слюной во все стороны.

— Почему ты нацепил на себя это?

Он окидывает себя взглядом и пожимает плечами.

— Я прибежал сюда. Подумал, что это может помочь привести мысли в порядок.

Образ бегущего Холта овладевает моим разумом: руки приподнимаются в движении, лицо пылает, ноги делают маховые движения, волосы развеваются на ветру.

— Ты... прибежал?

— Ага.

— В этом?

Он снова оглядывает себя и хмурится.

— Да. В чем проблема? Это просто майка и шорты.

— Просто... Ты думаешь, что это... просто... Нет! Плохой Холт! — Мой мозг перегружен.

Он смотрит на меня, как на помешанную, но я по-прежнему не могу отвести взгляд.

Какой гений решил назвать эту часть гардероба «алкоголичкой»²⁶. Это не алкоголичка. Это *вагино-возбудитель. Слюно-пускатель. Трусики-уничтожитель.*

Черт побери.

— Тейлор?

Он делает несколько шагов вперед и вся страсть, что я подавляла, затопляет мое тело. Я спрыгиваю с кровати и отступаю назад.

Я не проиграю это чертово пари только потому, что он решил вырядиться как аппетитное лакомство. *Не проиграю*, будь он неладен.

Мне нужно убраться как можно дальше, пока желание повалить его на сцене и надругаться над ним не исчезнет.

— Мне надо идти... заняться кое-чем, — говорю я, пока спотыкаясь, спускаюсь со

сцены.

— Тейлор? — кричит он мне вдогонку, но я не останавливаюсь. Я не могу позволить себе посмотреть снова на эти плечи. Бицепсы. Руки.

Чтоб меня!

Я влетаю в свою гримерную и захопываю за собой дверь, после чего провожу следующие два часа, выполняя дыхательные упражнения. Все это время я говорю себе, что умолять Холта о сексе в день премьеры — очень *неудачная* мысль.

В половине шестого я начинаю готовиться. Я хочу сделать это быстро, чтобы успеть разнести открытки и подарки по гримерным еще до прихода ребят.

Традиционно сложилось, что в день премьеры члены актерского состава и производственной группы дарят друг другу открытки на удачу. К моим открыткам также прилагаются маленькие шоколадки в форме сердец — олицетворение любви, главной темы нашего спектакля.

Да, это банально, но я не купаюсь в деньгах, а шоколадки дешевые.

Я заканчиваю наносить макияж, расчесываю волосы, затягиваю покрепче свой счастливый шелковый халат, и беру сумку, в которой лежат шоколадки. Я быстро перехожу от одной гримерной к другой, все время сетуя про себя, что так и не придумала как подписать открытку Холта. Все что я пока написала, это «Дорогой Итан». А после, вдохновение покинуло меня.

«Удачи на премьере», звучит избито и безлично, а «Пожалуйста, займись со мной сексом» — кажется просто неправильным. Мне нужно придумать что-то нейтральное, но легче сказать, чем сделать.

Большинство открыток уже доставлены, когда я подхожу к его гримерной. Я просовываю голову внутрь. В комнате пусто.

Действуя быстро, я прокрадываюсь внутрь и подкладываю открытки Коннору и Джеку, говоря себе, что открытку Холта подпишу позже.

Когда я поворачиваюсь, чтобы уйти, он появляется в дверном проеме, его лицо скрывается в тени темного коридора.

— А для меня открытки нет? — спрашивает он, и что-то в его голосе не так.

— Э-э... будет. Я просто еще не подписала.

Я направляюсь к двери, но он заходит внутрь, загораживая мне путь. На нем все еще *трусиико-уничтожитель*. Его плечи выглядят потрясающе. Мне хочется укусить их.

— Ты подписала открытки всем кроме меня, Тейлор? Я недостаточно хорош, чтобы получить открытку от тебя?

Его лицо мрачное и слегка покрыто капельками пота.

— Холт? С тобой все нормально?

— Милый халатик, — замечает он, глаза на мою грудь. Он дотрагивается до пояса на моей талии. — Под ним что-нибудь есть?

— Только мое изысканное, ультрамодное бежевое трико, — говорю я, отстраняя его руку. — Не подглядывай. Ты уже все видел.

— Слишком много раз.

— Все не так плохо, да?

Он снова хватается за пояс.

— Ни в том случае, если ты хочешь, чтобы я продолжал игнорировать тебя и твою

восхитительное тело. — Он пропускает шелковистую ткань меж своих пальцев. — Я старался так сильно вести себя хорошо и уважительно. Гораздо легче было б не быть таким.

Энергия, что отсутствовала между нами всю неделю, вернулась под высоким напряжением. Чрезвычайно притягательная.

У меня перехватывает дыхание.

— Это ты установил границы. Я хочу в точности того же, что и ты.

Он выдыхает, и оборачивая шелковый пояс вокруг своего запястья, придвигается ближе.

— Тебе запрещено говорить такие вещи.

Его голос напряжен. Руки дрожат. Маленькие капельки пота, выступившие на его лбу, распространились ниже и теперь поблескивают на его шее и плечах.

— Серьезно, ты в порядке? — спрашиваю я, когда он сглатывает и морщится.

Я едва ли успеваю договорить, когда он хватается за живот, потом отшатывается назад и валится на диван.

— Черт.

— Холт?

После нескольких глубоких вдохов, он откидывает голову назад и закрывает глаза.

— Это просто нервы, ясно? Нервы серьезно шалят.

— Из-за шоу?

— Да, в том числе.

Он медленно и спокойно выдыхает.

— Мое волнение отражается на состоянии моего желудка. У меня начинаются спазмы и тошнота. Я такой слабак.

— Вообще нет, — говорю я. — Я понимаю, что ты чувствуешь.

Он потирает лицо.

— Если только у тебя есть отец, который собирается прийти на твой спектакль, только чтобы сказать, что ты попусту растрачиваешь свою жизнь кривляясь на сцене, так что нет... тебе этого не понять.

— Твой отец не одобряет твой выбор профессии?

— Это еще огромное преуменьшение.

— Ох.

Он опускает голову и впивается пальцами в волосы.

— Это неважно. Я, в любом случае, облажаюсь сегодня и он оттянется по полной, когда скажет: «Я же тебе говорил».

— Ты не облажаешься, — говорю я.

— Мы были просто ужасны всю неделю. Ты знаешь это не хуже меня.

— Не ужасны, а... немного не в себе. — Он стреляет в меня взглядом. — Ладно, мы были отвратительны. Но только потому, что мы так сильно пытаемся отрицать наше влечение, что это влияет на нашу игру. Нельзя закрываться в себе и хотеть, чтобы наши герои выглядели так, словно не могут жить друг без друга. Это невозможно.

— И что ты предлагаешь? — спрашивает он. — Повалить тебя на этот жуткий диван, чтобы мы смогли правдоподобно сыграть влюбленных?

— Ну, это было бы неплохо...

— Тейлор...

— Ладно, ладно. Мы не должны поддаваться нашим желаниям вне сцены. Но на сцене? Мы должны позволить нашей связи возникнуть. Больше никакой борьбы. Потому что, когда

мы открываемся и впускаем друг друга внутрь, именно в этот момент и творится волшебство.

Вид у него скептический.

— Только на сцене? По-твоему, будет легко просто включить и выключить это?

— Нет, я так не думаю, — говорю я, садясь перед ним на колени, чтобы наши лица были на одном уровне. — Но тут судьба целого актерского состава зависит от нашей собранности, и только мы можем сделать так, чтобы шоу увенчалось успехом. Если мы дадим маху, то потянем за собой всех. Поэтому давай просто покончим с этим, а отрицанием своих чувств ко мне ты еще сможешь заняться на следующей неделе, хорошо?

На мгновение мне кажется, что он вот-вот прикоснется к моему лицу. Но вместо этого он пробегается пальцами вниз по передней части моего халата. Мое дыхание сбивается.

— Ладно. Твоя взяла. Если я смогу остановить сеансы рвоты каждые пять секунд, я откроюсь тебе.

От тона его голоса волосы на моих руках становятся дыбом.

— Я знаю несколько методов фокусировки, которые могут тебе помочь, — говорю я, пока он продолжает поглаживать мой халат.

— Сначала мне нужно принять душ и подготовиться.

— Нет проблем, — говорю я, поднимаясь на ноги. — Я вернусь за полчаса до начала спектакля и когда мы закончим, мы будем так чертовски хорошо сосредоточены, что прижмем наших героев к стенке.

Он вздыхает и качает головой.

— Что? — спрашиваю я.

— Ничего.

— Скажи мне.

— Я сейчас мысленно представляю, как прижимаю тебя к стенке. Тебе лучше уйти.

Я начинаю смеяться, но животный голод в его глазах говорит мне, что он абсолютно серьезен.

Он встает, и мое сердце пускается в галоп.

Боже. Он собирается сделать это. Он собирается прижать меня к стенке.

Я задерживаю дыхание, когда он делает шаг вперед.

К моему разочарованию, он обходит меня, хватая полотенце со спинки стула и направляется в ванную.

— Иди отсюда, Тейлор, — бросает он через плечо, — пока я не забыл, почему до сих пор не сорвал с тебя этот чертов халат.

В восемнадцать пятнадцать весь театр уже стоит на ушах. Вся моя примерная усеяна открытками и подарками. Мои родители прислали мне огромный букет цветов с открыткой, в которой говорится, как они горды мной и как бы им хотелось быть здесь.

Мне бы тоже этого хотелось. Это моя первая большая роль, а никого из любимых мне людей нет среди зрителей.

Я иду на сцену, чтобы в последний раз проверить наличие своих реквизитов. Все мимо кого я прохожу, желают мне удачи и обнимают, но особой уверенности это не придает. Меня подташнивает, и мое волнение только стабильно нарастает по мере приближения начала спектакля.

К тому времени, когда я возвращаюсь в примерную Холта, я чувствую, как сэндвич с курицей, съеденный мною на обед, поднимает в животе бунт подобно бунту в «Мятеже на

Баунти»²⁷.

Я делаю глубокий вдох и стучусь в дверь. Джек отзывается и разрешает мне войти.

— Привет, — говорю я, медля у двери.

— Привет, милая Джульетта, — отвечает Джек, заканчивая припудриваться. — Наш красавчик в ванной.

— До сих пор?

Слышатся приглушенные звуки рвоты.

Джек съеживается.

— Да. — Он встает и обнимает меня. — Повеселись, целуя его сегодня.

Он ободрительно сжимает мое плечо, и затем закрывает за собой дверь.

Я подхожу к ванной и стучусь.

— Уходи, — слабо отвечает Холт.

— Это я, — говорю я у двери. — Можно войти?

— Нет, — откликается он надтреснутым голосом. — Я чертовски отвратителен.

— Ну, мне не привыкать.

Я открываю дверь и захожу в ванную. Воздух пропитан едким запахом желчи, и я чуть ли не давлюсь. Потом я вижу Холта, привалившегося к стене, его лицо бледное и липкое от пота.

— О, черт, ты в порядке? — Я приседаю напротив него. — Дерьмово выглядишь.

И что плохо для чувства моего собственного достоинства, я все еще нахожу его невероятно привлекательным.

— А я-то думал, что ты попытаешься приободрить меня, — говорит он, притягивая ноги к груди. — Если же ты собираешься просто обзывать, то вали, я могу побыть жалким и в одиночестве.

— Я собираюсь помочь тебе, — говорю я. — Но тебе лучше следовать тому, что я буду говорить. Никаких вопросов.

— Ладно, фиг с ним. Только останови это.

Он уже в сценическом костюме. Белая рубашка на пуговицах с закатанными рукавами. Несколько верхних пуговиц расстегнуты, приоткрывая соблазнительный вид на его грудь. Также на нем были черные джинсы и ботинки.

Я беру его за левую ногу и начинаю развязывать шнурки.

Он напрягается.

— Какого хрена?

— Никаких вопросов, помнишь?

— Хорошо, но правила вступят в силу только, после того, как ты скажешь, что будешь делать.

— Мне нужно снять твою обувь.

— Зачем?

— Это уже другой вопрос.

— Тейлор...

— Потому что мне нужно помассировать тебе ступни.

Он выдергивает свою ногу и мотает головой.

— Нет уж. Так не пойдет. Мои ноги противные.

— Уверена, я это вынесу.

— Ага, ну а я вот — нет.

— Холт, — раздраженно говорю я. — Ты хочешь выйти на сцену и поразить всех или же хочешь потерпеть полное фиаско, и дать своему отцу повод сказать, что ты попусту растрачиваешь свою жизнь?

Его лицо мрачнеет.

Мне не по себе от того, что я играю нечестно, но какого черта? Ему надо подобрать сопли.

Он гневно фыркает и пихает в меня свою ногу. Я тотчас расшнуровываю ботинок и стягиваю его вместе с носком.

Несколько секунд я просто смотрю.

У него красивая ступня. Идеальная. Ему бы обувь рекламировать.

Я бросаю на него взгляд, и он пожимает плечами.

— Они уродливые. Слишком длинные. Пальцы костлявые.

— Ты ненормальный.

Я притягиваю его модельную ногу на колени, и он морщится.

— Доверься мне, хорошо? Моя мама — эксперт по разным методам альтернативной терапии, и хоть я думаю, что большинство из них притянуты за уши, рефлексология мне всегда помогала. К двенадцати годам я уже знала все о рефлекторных точках, так что расслабься. Я не сделаю тебе больно. Не сильно.

Он вздрагивает, когда я нажимаю большими пальцами на точку на своде стопы.

— Больно? — спрашиваю я. Если орган воспален, рефлекторные точки могут быть чувствительными. Тому подтверждение состояние моей рефлекторной точки, которая связана с маткой, в период критических дней.

— Нет, — говорит он. — Я... хм.

— Что?

Он вздыхает и откровенно испепеляет меня взглядом.

— Не смей подкалывать меня, но я очень боюсь щекотки, понятно?

Я тихонько прыскаю.

— Боишься щекотки?

— Да.

— Ты? Такой весь из себя брутальный, живущий под девизом «Отвалите все!»?

Он сверкает глазами.

— Отвали.

— Ну, что я говорила?

Он выдыхает и хватается за живот

— Просто продолжай.

Я улыбаюсь и снова начинаю массировать. Одна часть моего мозга отмечает, что его боязнь щекотки умилительна, а другая — концентрирует усилия на приведении его в божеский вид, чтобы он мог выйти на сцену через полчаса.

Уже спустя несколько минут его дыхание замедляется.

— Легче становится? — спрашиваю я, массируя его стопу и надавливая на точки, отвечающие за кишечник, толстую кишку и поджелудочную железу.

— Да. — Он вздыхает. — Спазмы немного уменьшились.

Я продолжаю совершать пальцами круговые движения, его нога становится тяжелее, по мере того как он расслабляется.

Его стопа большая. Я невольно вспоминаю о пустячном факте, утверждающем, что

размер ноги сопоставим с размером пениса.

Я пытаюсь сконцентрироваться на своих действиях. Рассуждения о его пенисе в такой момент могут привести к катастрофе.

Я массирую еще несколько минут, пока с его лица не сходит измученное выражение. Потом натягиваю обратно на его ногу носок с ботинком, и наблюдаю как он зашнуровывает его.

— Спасибо, — говорит он, благодарно улыбаясь. — Мне стало лучше.

— Настолько чтобы убраться из этой вонючей ванной?

— Да. — Он встает и подходит к раковине, на которой лежат зубная щетка, зубная паста и жидкость для полоскания рта. — Э-э... дай мне минуту, хорошо? Не хочу, чтобы ты целовалась с кем-то, кто на вкус как срыгнутый сэндвич с индейкой.

Я торопливо мою руки, прежде чем он прогоняет меня. Я сажусь на диван и слушаю звуки самого тщательного очищения полости рта с тех пор, как изобрели зубную щетку. Он заканчивает, ставя мировой рекорд по продолжительности полоскания рта. Я качаю головой, когда осознаю, что даже звуки полоскания, исходящие от него, звучат сексуально.

Я определенно взбудоражена.

Наконец он выходит, благоухая запахом свежей мяты. Я жестом велю ему сесть на пол по-турецки.

Я немного успокаиваюсь оттого, что помогаю ему, но все также не чувствую уверенности в том, что смогу показать сегодня хорошее выступление.

Словно почувствовав мое волнение, Холт указывает на мои ноги.

— Э-э... ты хочешь, чтобы я... ну знаешь... помог тебе или сделал что-нибудь еще?

Он так смущенно выглядит, пока говорит это, что я едва не выпаливаю «да», чтобы просто досадить ему.

— Я пас, — говорю я. — У нас не так много времени. Давай просто сосредоточимся, чтобы мы могли выйти туда и поразить публику.

Он кивает с благодарным видом.

Я говорю ему закрыть глаза и сосредоточиться на изображении, которое его успокаивает. Я же стараюсь представить себе обычную белую простыню, развевающуюся на ветру. Это прием, который использует Мерил Стрип, чтобы успокоиться. Обычно мне это помогает, но не сегодня.

Я слишком сильно ощущаю присутствие Холта рядом с собой. Его запах и энергия заставляют мое тело гудеть и дрожать, не оставляя ни малейшей надежды на достижение душевного покоя.

Не думаю, что он преуспевает больше моего, его дыхание прерывисто и неровно. Он досадно стонет и говорит:

— Ничего не получается.

Я открываю глаза.

Он пристально смотрит на меня.

— Ты так близко и так далеко.

В этот момент микрофон у двери щелкает, и помощник режиссера говорит:

— *Дамы и господа, коллектив спектакля «Ромео и Джульетта», до начала спектакля пятнадцать минут. У вас пятнадцать минут, чтобы занять свои позиции. Спасибо.*

Уверена, мое лицо яркое воплощение слова «паника».

Я не готова. И близко не готова. Я не сосредоточена. Не погружена в роль.

Где, черт побери, Джульетта? Я не могу найти ее.

Я вскакиваю и принимаюсь метаться по гримерной.

— Мы должны были начать раньше. Мы были здесь весь день, черт бы меня побрал!

— Тейлор, успокойся. Мы справимся. — Его голос на удивление спокойный.

— Нет, не справимся, — говорю я, встряхивая руками и мотая головой. — У нас недостаточно времени.

— Просто дыши.

Я подхожу к двери и прислоняюсь к ней лбом, делая неровные глубокие вдохи.

В моем воображении начинает вырисовываться зал, в котором зрители занимают свои места и просматривают программки, полные волнения и предвкушения перед спектаклем, который с треском провалится. Их ждет большое разочарование.

— Мне нужно идти, — говорю я, хватаясь за дверную ручку.

— Куда?

— Подальше. Мне нужно заняться... йогой... или чем-нибудь еще.

Я поворачиваю дверную ручку.

Он накрывает мою руку своей.

— Тейлор, прекрати.

Я открываю дверь, он захлопывает ее.

— Холт! Открой дверь!

— Нет. Успокойся. У тебя паника.

— Конечно, у меня паника! — говорю я, поворачиваясь к нему. — Спектакль начнется меньше чем через пятнадцать минут, а у меня нет ни малейшего представления, что я, черт побери, делаю!

— Тейлор...

Его руки ложатся на мои плечи. Я игнорирую их.

— Это моя первая большая роль. Эрика сказала, что режиссеры и продюсеры с Бродвея будут среди зрителей.

— Остановись... — Он берет мое лицо в ладони. Я игнорирую его.

— Там будут критики, ради всего святого! Они скажут, что я посмешище. Я. Посмешище.

— Кэсси... — Он легкими движениями поглаживает мои щеки. Я игнорирую это.

— Они выпустят статьи о том, как ужасно я сыграла, и потом весь мир узнает, какая я бездарность и...

И затем он целует меня.

Это я уже не могу игнорировать.

Он придавливает меня своим весом и стонет, нежно посасывая мои губы. Я шумно вдыхаю полной грудью, и все мое тело пробуждается к жизни.

Я слышу свой стон и целую его в ответ, неистово и отчаянно, пытаюсь найти утешение в его восхитительных губах.

Он замирает, потом отстраняется и ошеломленно смотрит на меня.

— Ох... черт побери.

Мы оба тяжело дышим и смотрим друг на друга.

— Ты поцеловал меня.

— Я не собирался. Ты запаниковала. Я хотел уgomонить тебя.

— Засунув язык мне в рот?

— Я не использовал язык.

— Я все еще немного волнуюсь. Может небольшое участие языка не помешало бы.

Он вздыхает и смотрит вниз. Его руки все еще на моем лице, тело прижато к моему.

— Боже. Я только что проиграл пари.

— Да, проиграл.

— Так и трахнуть не долго.

— Я не против.

Он отходит назад и взъерошивает свои волосы.

— *Дамы и господа, десять минут до начала. Десять минут, спасибо.*

Паника вновь овладевает нами.

Необходимо что-то предпринять. Сейчас же.

— У меня есть безумная идея, — говорит он.

— Это как-то связано с твоим языком?

— Нет.

— Блин.

Он хватается меня за руку.

— Иди сюда, — говорит он, и тянет меня к дивану.

Он садится и привлекает меня к себе. Я понимаю, что он хочет сделать и забираюсь к нему на колени, располагая ноги по обеим сторонам от его бедер. Я плотно прижимаюсь к нему, воспроизводя нашу позицию в сцене смерти. Стоит нашим тела соединится, как мы оба со стоном выдыхаем.

Я зарываюсь лицом в его шею и просто дышу, и вдруг каждая частичка паники во мне тает.

Он издает стон и крепче сжимает меня в кольце своих рук.

— Это лучшее упражнение по концентрации, — бормочу я напротив его кожи.

Запускаю пальцы в его волосы и начинаю массировать ему голову. Он стонет и сползает вниз, подаваясь бедрами вперед.

— Черт, как же хорошо.

Урчание в моем животе ослабевает, сменяясь покалывающим предвкушением.

Он теснее прижимается ко мне, и я удивляюсь тому, как идеально мы подходим друг другу. Он знает, как правильно обнимать меня, а я знаю, как успокоить его. Это интуитивное. Наши тела общаются между собой, и слова с нашей стороны излишни.

Это неправильно, что мы не вместе. Как бы мне хотелось знать, что его сдерживает.

— Ты когда-нибудь расскажешь мне о своей бывшей? — спрашиваю я.

— О какой именно?

— О любой.

— Не планировал.

— Так, значит, ты просто больше никогда не будешь ни с кем встречаться?

— Таков план.

— Тупой план.

Его руки еще плотнее смыкаются вокруг меня.

— Лучше, чем снова причинить кому-то боль.

— Ромео, нет, — говорю я, заимствуя реплику Меркуцио, — от танцев не уйдешь.

Он нежно поглаживает мою спину.

— Уволь меня. Вы в лёгких бальных туфлях, а я придавлен тяжестью к земле.

Микрофон щелкает снова.

— *Дамы и господа, до начала пять минут. Пять минут, спасибо.*

Мы остаемся в объятиях друг друга еще какое-то время, обмениваясь энергией. К тому времени, когда раздастся последний звонок, я уже чувствую себя частью него.

Я пугающе спокойна.

— *Дамы и господа, коллектив Ромео и Джульетты, приглашаем вас на сцену. Пожалуйста, займите свои места для первого акта. Спасибо.*

Мы тихо высвобождаемся из объятий и встаем. Он берет меня за руку, потом открывает дверь гримерной и ведет меня вниз.

За кулисами все уже стоят на своих позициях. Напряжение и предвкушение плотно витают в воздухе. Несколько человек оглядывают нас, когда мы проходим мимо и вздергивают брови, когда замечают, что Холт держит меня за руку.

Мне нет до них дела. Я чувствую себя электрическим трансформатором, гудящим от энергии. Я искоса смотрю на Холта, его лицо спокойно, но в то же время напряжено. В нем есть дух супергероя, который обладает сдерживаемой силой и скрытой властью. Там, где его пальцы смыкаются на моей коже, энергия пронизывает меня, и я понимаю, что мы готовы. Наши герои витают над поверхностью в ожидании момента овладеть нами, как только мы выйдем на сцену.

Потом сценическое освещение сменяется и воцаряется тишина, после чего до нас начинают доноситься реплики из пролога.

— Две равно уважаемых семьи, в Вероне, где встречаются нас события, ведут междоусобные бои и не хотят унять кровопролитья. Друг друга любят дети главарей, но им судьба подстраивает козни, и гибель их у гробовых дверей кладет конец непримиримой розни.

Когда я тревожно выдыхаю, Холт увлекает меня в темный угол за занавесом и поворачивается ко мне, воплощая каждую частичку моего Ромео.

— Готова? — тихо спрашивает он.

— Я в полном порядке, — говорю я с абсолютной уверенностью.

Доносятся звуки борьбы между слугами Монтекки и Капулетти, и я понимаю, что уже скоро его выход.

— Я тоже. Давай покажем им Ромео и Джульетту, которых они никогда не забудут.

В ответ я способна лишь кивнуть, потому что он самое прекрасное создание на свете.

Он оставляет меня, чтобы занять место на ярко освещенной сцене, и в этот миг фантазия становится реальностью.

12

НОВЫЕ РОЛИ

Наши дни

Нью-Йорк

К тому времени, когда мы с Холтом возвращаемся к нашему столику после инцидента в уборной, в углу зала уже играет джазовый ансамбль. Под аккомпанемент жалобных звуков саксофона прокуренный голос певца заводит первый куплет песни «Простой парень». (англ.)

Nature Boy)

«Жил был паренек... очень странный, очаровательный паренек...»

Я мысленно отключаюсь от всего.

Хватит сколько эмоций я испытала за этот вечер.

Холт смотрит на меня и по колючей нервозности, которая пробегает вдоль моей спины, я знаю, что он собирается сказать что-то такое, отчего мне станет неловко.

— Потанцуй со мной, — тихо говорит он.

Это не вопрос.

— Э-э... с чего бы?

Он улыбается и бросает короткий взгляд на танцующие парочки на танцплощадке, и потом снова смотрит на меня.

— Потому что мне надо много чего тебе сказать, но я не хочу, чтобы нас разделял этот чертов стол. — Он отпивает глоток вина и смотрит на свои пальцы. — Я хочу быть рядом с тобой.

Лишь одна мысль об этом вызывает во мне злость. Не потому что мне не хочется танцевать с ним, а потому что мне хочется этого так сильно, что это причиняет боль.

Я делаю глоток вина. Большой. Но все бессмысленно. В целом мире не хватит вина для этого разговора.

Словно в замедленной съемке фильма ужасов, я наблюдаю, как он встает и, обойдя стол, подходит ко мне.

— Не думаю, что нам стоит это делать, — говорю я.

Он протягивает мне руку.

— Пожалуйста, Кэсси.

Я смотрю на его руку. Идеальную, теплую руку. Затем смотрю ему в лицо. В его глазах горит такая хрупкая надежда, что я нахожу невозможным отказать.

Я кладу руку в его ладонь и наши пальцы сплетаются друг с другом. Смыкаются вместе идеальнее, чем им следовало бы.

Он ведет меня на танцплощадку и притягивает в свои объятия. Я невольно вздыхаю от неожиданности.

— Помнишь наш первый танец? — спрашивает он, касаясь губами моего уха.

— Нет, — говорю я, потому что хочу услышать его версию событий.

— Это было в тот вечер, когда мы снимались в рекламном ролике для ночного клуба на сорок шестой Уэст-стрит, помнишь? Ты, я, Лукас и Зои были отобраны на главные роли. Мы должны были сыграть молодых, стильных и влюбленных.

— Да, но я была в паре с Лукасом, а ты со Шлюшкой-барби. Она облапала тебя с головы до ног.

— Ты ужасно ревновала.

— И это говорит парень, который весь вечер вел себя так, словно хотел оторвать руки Лукасу.

— Он трогал тебя за задницу.

— Он был твоим другом.

Его взгляд падает на наши сомкнутые руки.

— Я никогда не считал друзьями тех, кто трогал тебя таким образом.

— Ты пытался ударить его.

Он замолкает на пару секунд, и после говорит:

— Я не горжусь своим поведением в тот вечер. Это заставило меня понять, что ты заслуживаешь гораздо большего, а не закомплексованного, ревнивого засранца.

Я хорошо помню его ревность. Поначалу его чувство собственности казалось мне сексуальным. В конце же, это стало последней каплей в стакане воды.

— В тот вечер, — говорит он, — я так хотел быть другим. Больше всего на свете, я хотел быть другим. Но не смог.

Он кружит меня в танце и затем вновь притягивает к себе, обивая рукой мою талию.

— Поэтому ты уничтожил нас.

Он обнимает меня крепче.

— Я думал, что уходя из твоей жизни, избавляю тебя от язвы в виде меня.

— Ты никогда не был таким в моих глазах.

— Знаю, в этом и заключалась проблема. Ты не замечала вред, который я наносил, даже в момент, когда это происходило.

Некоторое время мы танцуем, потерянные каждый в собственных мыслях.

Через несколько минут, он отстраняется и смотрит на меня.

— Знаешь, когда я выпрашивал у Марко эту роль, я даже не читал сценарий. Мне было плевать на роль, если это значило, что мы вместе будем играть на сцене. Потом я увидел тебя впервые за столь долгое время, и... все наше прошлое нахлынуло обратно. Чувство того, каково это быть рядом с тобой. То, как ты можешь свести меня с ума одним лишь взглядом. Я надеялся, что когда ты увидишь меня, то вспомнишь, что в наших отношениях бывали и хорошие времена. Надеялся, что ты скучала по мне ничуть не меньше моего. Но ты была в таком гневе...

— На то были причины.

— Я знаю, — говорит он, продолжая вести танец, несмотря на то, что музыка уже смолкла. — Я этого ожидал.

— И заслужил.

— Но когда мы репетировали поцелуй, я...

Он останавливается и откидывает волосы с моей шеи назад, лаская пальцами кожу.

— Думаю, часть меня надеялась, что поцелуй заставит тебя забыть все, что ты вынесла из-за меня. Что я смогу без слов выразить свои чувства к тебе, и ты просто волшебным образом простишь меня.

— Все не так-то просто. — Я сжимаю в кулаке его рубашку, желая оттолкнуть и одновременно прижать к себе.

— Я понимаю это. Но знаешь, что убивает меня? — Безысходность резкими нотками отдает в его голосе. — Что убивает меня каждый день, когда я прихожу на репетиции? То, что я могу лежать с тобой в постели, целовать тебя, притворяться, что мы занимаемся любовью и... все также скучать по тебе. Потому что это все не по-настоящему. А я так хочу этого. Всей душой.

Я пытаюсь сглотнуть, но у меня не получается. Хочу отвернуться, но это невозможно.

Калейдоскоп сожалений заполняет его глаза.

— Кэсси, я чувствовал себя призраком пока был вдали от тебя. Чувствовал. Теперь же я хочу почувствовать себя вновь человеком.

Он всматривается в мое лицо, но я больше не могу на него смотреть. Все линии разлома внутри меня приходят в движение.

Эмоции слишком переполняют меня, чтобы что-то сказать. Он понимающе кивает и

привлекает меня обратно в свои объятия.

Мы вновь начинаем двигаться в танце. Мы даже не танцуем, просто покачиваемся из стороны в сторону. Не делаем шаги вперед или назад. Просто двигаемся.

Как и большинство времени, что мы провели вместе, мы держимся на поверхности. Пытаясь не пойти ко дну.

Шесть лет назад

Вестчестер, Нью-Йорк

Гроув

«Ромео и Джульетта» – премьера

Бывают моменты в жизни каждого актера, когда огромная мешанина возможностей и условностей переходит в кристально чистую точку ясности. Когда грань между фантазией и вымыслом размывается, и талант и убеждение сходятся воедино на короткий, ослепительный миг.

Сегодня один из таких вечеров.

В момент, когда я появляюсь на сцене, мое перевоплощение завершается. Джульетта овладевает мной всецело.

Теперь я живу ее реальностью, и пока спектакль идет своим чередом – мой голос говорит ее слова, тело чувствует ее эмоции, и мой разум силится понять, что мужчина, на которого я смотрю – настоящий, идеальный и мой.

Он стоит под моим балконом, привлеченный сюда желанием быть со мной. Мне неловко оттого, что он только что подслушал, как я вздыхала о своей любви к нему, но я бы ни за что на свете не забрала б эти слова обратно.

Он карабкается вверх по шпалере, его лицо мрачное и решительное.

— Как ты сюда пробрался? Для чего? — шепчу я ему сверху. Он ведет себя так безрассудно. — Ограда высока и неприступна. Тебе здесь неминуемая смерть, когда б тебя нашли мои родные.

Он запрыгивает на балкон, издавая глухой стук и улыбается мне, пока я нервно озираюсь по сторонам.

— Меня перенесла сюда любовь, ее не останавливают стены, — отвечает он, приближаясь ко мне. — В нужде она решается на все, и потому – что мне твои родные!

Он дотрагивается до моего лица, потом наклоняется вперед и прикасается своими губами к моим. Прикосновение невесомое, но полное желания.

— Они тебя увидят, — говорю я, задыхаясь напротив его губ, — и убьют.

— Твой взгляд опасней двадцати кинжалов, — говорит он, проводя пальцем по моей щеке. — Взгляни с балкона дружелюбней вниз, и это будет мне от них кольчугой.

Из моего дома доносится пьяный гомон, и я прижимаю его спиной к стене, пряча в тени.

— Не попадись им только на глаза! — шепчу я. Мои руки ложатся на его грудь, и я ласкаю его. Он смотрит на них с благоговением.

— Меня плащом укроет ночь, — говорит он, накрывая своей рукой мою и плотнее прижимая ее к сердцу. — Была бы лишь ты тепла со мною. Если ж нет, предпочитаю смерть от их ударов, чем долгий век без нежности твоей.

Он смотрит на меня, взгляд неистовый и страстный, и я не понимаю, как могла считать

свою жизнь полноценной до встречи с ним.

Вот такая она любовь. Ты больше не принадлежишь себе. Чувства берут верх над разумом.

Неудивительно, что люди живут и умирают ради этого чувства.

Время проходит как в тумане, и на протяжении следующих нескольких часов мое представление о мире меняется. Кардинально. Все мои знания переосмысливаются моей потребностью в нем.

Мы игнорируем всё и всех, чтобы быть вместе, и когда я уже было думаю, что мы смогли перехитрить наших неодобрительных родителей и друзей, я просыпаюсь и нахожу его безжизненным.

Мертвым.

С той же пугающей быстротой, с какой он придал моей жизни новый смысл, моя жизнь без него мгновенно сходит на нет.

Поэтому я выбираю смерть. Стремясь проглотить свою боль точно яд, беру его кинжал и присоединяюсь к нему.

Стоит мне опуститься на его все еще теплое тело, как меня охватывает часть его умиротворения. Закрываю глаза и дышаю. Его запах – последнее, что я распознаю, прежде чем становлюсь неподвижной и тихой.

Я плыву в полузабытье, когда вдруг огромная ударная какофония звуков заставляет меня всполошиться. На мгновение я теряюсь.

Открываю глаза и вижу шею Холта, его пульс сильный и частый. Рев толпы атакует меня, и в этот момент я понимаю, что все прошло на ура.

Я чувствую себя удивительно.

Непоколебимо.

Опьянение и головокружение от происходящего вокруг.

Занавес опускается. Холт обхватывает меня руками и приподнимается, помогая мне встать на ноги.

— Пошли, — шепчет он, уводя меня за кулисы. — Выход на поклон.

Он держит меня за руку позади декораций. Мое сердце отбивает сильные и громкие удары, пока наши одноклассники выходят на сцену один за другим и принимают свою долю аплодисментов. Публика кричит и свистит. Когда появляются главные герои, аплодисменты становятся громче и более признательными.

Мы с Холтом выходим вместе. Мои ноги двигаются уверенным шагом, несмотря на то что гром аплодисментов, который приветствует нас – абсолютно сюрреалистичен. Я представляю Холта, он кланяется весь сияя. Меня так распирает от гордости за него, что на глаза наворачиваются слезы.

Затем наступает мой черед кланяться. Все мое тело покалывает, наэлектризованное адреналином после моего выступления и пребывания рядом с ним. Публика громко выражает свою признательность, меня так переполняет счастье, что такое ощущение, словно моя кожа вот-вот отслоится от тела.

Холт берет меня за руку, и когда мы кланяемся вместе, зрители подрываются со своих мест. Их бурные овации и свист почти оглушительны.

Я смотрю на Холта, не веря своим глазам. Он улыбается, лучезарно и восторженно.

Аплодисменты, кажется, длятся вечность, но наконец, помощник режиссера опускает занавес и весь актерский состав разражается всеобщим одобрителем ликованием. Все

вокруг сливается в сплошные быстро сменяющиеся объятия, поцелуи и радостную болтовню, и мне так не хочется, чтобы всему этому наступал конец.

Поворачиваюсь и вижу Холта, счастливого и смеющегося. Он обнимается с парнями, целует девочек и похлопывает всех по спине. Так нормально и беззаботно.

Тепло расцветает у меня в груди, пока я наблюдаю за ним, потом он поворачивается ко мне и ни секунды не колеблясь, подходит и обнимает.

— Ты была чертовски изумительна сегодня, — шепчет он мне на ухо. — Изумительна.

Я обвиваю его шею руками.

— Как и ты. Просто невероятен.

Мы отстраняемся, чтобы посмотреть друга на друга, и все вокруг нас словно меркнет. Остаются лишь его лицо, глаза; ощущение наших тел, прижатых друг к другу; магнитное притяжение его губ, которые так близко.

— Эй, ребята! Средненько вы отыграли сегодня. Наверно, отстойно быть такими бездарными. Идете на вечеринку?

Нас кто-то похлопывает по спине и когда поворачиваемся, видим улыбающееся лицо Джека. Холт сердито косится на него, отчего улыбка Джека становится только шире.

— Мы придем, — говорю я.

— Ты за рулем? — спрашивает Джек у Холта. — Или поедешь со мной и Коннором?

Холт смотрит на меня.

— Э-э... Тейлор, тебя подвезти? Я сегодня без машины.

— Потому что ты прибежал сюда.

— Да.

— Я помню. — Его образ в костюме для пробежки теперь выжжен в очень непристойной части моего мозга. — Нет проблем. Я уже сказала Руби, что поеду с ней и твоей сестрой.

— Вот и отлично! — восклицает Джек и снова похлопывает нас по плечам. — Будем отжигать сегодня. Ю-хууу!

Джек уходит донимать остальных ребят.

— Мисс Тейлор! Мистер Холт!

Я оборачиваюсь и вижу идущую к нам Эрику в сопровождении мужчины, которого я никогда прежде не видела. На нем темно-красный велюровый пиджак и фиолетовый галстук. Он словно пришел сюда прямо со съемочной площадки фильма «Пигмалион»²⁸.

— Кэсси, Итан, — обращается к нам Эрика, останавливаясь перед нами. — Я рада представить вам Марко Фиори. Марко — мой очень близкий друг и один из лучших режиссеров Бродвея. Его недавняя постановка «Смерть коммивояжера»²⁹ была удостоена Премии театральной критики в категории «Лучший возобновленный спектакль».

Мужчина протягивает мне руку, и яжимаю ее дрожащими пальцами.

Настоящий режиссер с Бродвея. Это так сюрреалистично.

— Приятно познакомиться, мисс Тейлор, — говорит он воодушевленно, сжимая мою руку в своих руках. — Ваше сегодняшнее выступление было... ну, скажем так: если в ближайшем будущем мне понадобится Джульетта, то я знаю, кому звонить. Вы были неподражаемы, моя дорогая. Поистине.

Жар приливает к моим щекам, и мне кажется, моя улыбка не способна стать еще шире без хирургического вмешательства.

— Спасибо большое, мистер Фиори, — говорю я, пытаюсь преодолеть огромный ком в

горле. — Я... ого... для меня это большая часть.

— И мистер Холт, — говорит он, отпуская мою руку и поворачиваясь к Итану. — Вам удалось сделать невозможное – воплотить Ромео, которого мне не захотелось побить своим зонтиком. Bravo. Вы очень талантливый молодой человек.

Оказывается, Холту тоже свойственно краснеть, потому что кончики его ушей становятся ярко-красными, когда он пожимает руку мужчине.

— Э-э... спасибо, — говорит он со смущенной улыбкой. — Рад, что вам не хочется меня бить. Было б круто, если бы вы еще убедили Тейлор не делать это.

Марко поворачивается ко мне и приподнимает брови.

— Вы бьете своего партнера, мисс Тейлор?

Пожимаю плечами.

— Только когда он заслуживает.

Марко смеется и хлопает в ладоши.

— О, между вами весьма интересная химия, не так ли? Работать с ними, должно быть, одно удовольствие, Эрика.

Эрика качает головой и улыбается.

— Это еще мягко сказано. Скучать определенно не приходилось и, тем не менее, результат говорит за себя.

Эрика гордо улыбается нам. Такое ощущение, будто моя грудь сейчас взорвется от счастья.

Марко указывает на нас с Холтом.

— Да, должен сказать, вы двое на сцене – редкий и особый феномен. Это сразу бросается в глаза. Я не становился свидетелем химии подобной по силе этой с тех пор, как видел, как Лайза Минелли³⁰ накачалась тройным скотчем на премьере «Мальчика из страны Оз». Я предсказываю большое будущее вам обоим. Особенно, если вы продолжите работать вместе. И, конечно, я бы сам с удовольствием поработал бы с вами однажды.

Мы с Холтом осторожно переглядываемся. Я не могу поверить в то, что слышу. Судя по выражению его лица, он тоже.

— Ну что ж, вам двоим лучше пойти переодеться, — говорит Эрика, беря Марко под руку. — Уверена, у вас намечена вечеринка, и вы, безусловно, заслужили немного отдыха.

Мы с Холтом прощаемся и направляемся в наши гримерные. Он держится сбоку от меня, пока мы поднимаемся по лестнице, прикасаясь рукой к моей спине. Никто из нас не нарушает молчания, но мне видно, что его голова идет кругом не меньше моей.

— Это был режиссер с Бродвея, — благоговейно говорит он.

— Ага.

— Он похвалил наши выступления.

— Да.

— И намекнул, что не прочь поработать с нами. С тобой и мной. В бродвейской постановке.

— Значит, эта часть мне не привиделась?

— Нет.

— Ого.

— Да. Ого.

Когда мы доходим до его гримерной, он берет меня за руку и заводит внутрь. В комнате оказывается пусто, и он закрывает за нами дверь. Потом поворачивается ко мне, выражение

его лица напряженное, когда он подается вперед, заставляя меня прижаться спиной к двери.

— Извини, — говорит он, наклоняясь ко мне, — но то, что сейчас случилось официально сорвало мне крышу. Мне нужно это.

Он прижимается ко мне и целует. Поцелуй долгий, медленный и глубокий, и хоть на сцене мы сегодня целовались много раз, этот поцелуй другой. И пусть на нас все еще надеты сценические костюмы, происходящее не имеет ничего общего с нашими героями.

Когда он отстраняется, его дыхание быстрое, лицо красное, а глаза блестят от желания.

— Пошли, встретишься с моими родителями.

Я не могу поверить своим ушам.

— Э-э... ладно.

— Ты как будто мой талисман удачи. Может, если ты будешь рядом, то разговор с моим стариком пройдет более сносно.

Я улыбаюсь.

— Не хочется пугать тебя, но ты только что сказал мне приятные слова. Намеренно.

— Да, — говорит он и морщит лоб. — Странные ощущения.

— Ну и звучит тоже странно.

— Но приятно?

Я становлюсь на цыпочки и нежно целую его. Он напрягается, но позволяет мне и даже целует в ответ.

Я отстраняюсь и вздыхаю.

— Очень приятно. Спасибо.

Он обхватывает меня руками и нежно проводит носом вдоль моей шеи.

Меня пробирает дрожь, когда он, прикасаясь губами к моему горлу, шепчет:

— Всегда пожалуйста.

Десять минут и еще один умопомрачительный поцелуй спустя, мы появляемся на сцене, переодетые к вечеринке. Элисса уже там, дожидается нас.

При виде нас она застывает как вкопанная, ее взгляд метается между мной и Холтом.

— О, боже. Вы только что занимались *сексом*?

— Господи, Элисса, нет, — говорит Холт, хмуро глядя на сестру.

— Ну, выглядите вы именно так. — Элисса вытирает помаду с шеи Холта и приглаживает мои волосы. — Теперь пошевеливайтесь. Вы самые последние. Мама с папой подумают, что мы забыли о них.

— Не хотелось бы, — бубнит Холт, когда мы направляемся к двери.

Мы проталкиваемся в фойе забитое друзьями, членами семей и одноклассниками. У меня вновь щемит в сердце из-за того, что моих родителей здесь нет.

Раздается негромкий ропот и редкие аплодисменты, когда заходим мы с Холтом. Люди делают нам комплименты, когда мы проходим мимо. Холт воспринимает все со спокойствием, но у него больше опыта в подобных делах. Я же выражаю признательность стольким людям, скольким это возможно, и стараюсь улыбаться.

Мы пробираемся через толпу до тех пор, пока Элисса с криком: «Мама! Папа!» не устремляется к привлекательной паре средних лет. Ростом мужчина почти такой же высокий, как и Холт, но волосы у него светло-каштановые. Дама же рядом – невысокая, как и Элисса, и цвет волос почти такой же светлый. Мне отчетливо видны черты Элиссы в ее маме, но черты Итана я не могу разглядеть ни в одном из родителей.

Элисса сначала обнимает свою маму, потом отец притягивает ее в крепкие объятия. Итан наклоняется и целует свою маму. Он поглядывает на отца и нервно переминается с ноги на ногу. Проходит несколько неловких секунд, прежде чем отец протягивает руку и Итан пожимает ее.

Элисса выводит меня вперед.

— Мам, пап, это Кэсси Тейлор, наша *потрясающая* Джульетта. Кэсси, это наши родители, Чарльз и Мэгги Холт.

— Мистер и миссис Холт, — говорю я, нервно обмениваясь с ними рукопожатиями. — Очень приятно с вами познакомиться.

Хотьбыявампонравилась, Хотьбыявампонравилась, Хотьбыявампонравилась.

— Кэсси, из тебя вышла *изумительная* Джульетта, — говорит Мэгги, улыбаясь. — Намного лучше, чем та девушка, которая играла ее на шекспировском фестивале. Как ее звали, Итан?

— Э-э... Оливия, — отвечает он со смущенным видом.

Ох. Теперь ее подкол по поводу того, что я его новая Джульетта обретает смысл.

— Да точно, Оливия, — говорит Мэгги. — Славная девушка, но ее выступление не идет ни в какое сравнение с тем, что показала сегодня ты. Но ничего удивительного, ведь ты играла в паре с моим замечательным сыном.

Она притягивает к себе Холта и целует в щеку. Он краснеет. Сильно.

— Ну, Итан значительно упростил весь процесс, — говорю я, стреляя в него выразительным взглядом.

Холт наклоняется и шепчет: «Врунишка», и я тут же прыскаю.

— Мне понравился Итан в роли Меркуцио, — говорит Мэгги. — Но это? О... это было нечто особенное. Между вами такая химия.

Я ловлю Мэгги на том, как она награждает Холта многозначительным взглядом.

Холт вздыхает и качает головой, у меня создается ощущение, что он привык к издевкам своей матери. Это вызывает у меня улыбку.

— Кэсси, — шепчет его отец, наклоняясь вперед. — Полагаю, моя жена и дочь намекают на то, что Итан должен пригласить тебя на свидание.

— Господи! — восклицает Холт, проводя рукой по волосам. — Может вся моя семья просто замолчать, пожалуйста?

Все ненадолго умолкают, потом Чарльз шепчет еще тише:

— Я тоже думаю, что он должен встречаться с тобой. Ты кажешься милой, и прошло немало времени с тех пор, как он знакомил нас с кем-то из своих многочисленных...

— Пап! — твердо произносит Холт, досада и смущение прокрадываются в его голос. — Замолчи. Пожалуйста.

Чарльз смеется и примирительно поднимает руки. Мне интересно, почему Холт не ладит с этим мужчиной. Пока что он показал себя довольно клевым.

Элисса поворачивается к своему отцу.

— Ну, пап, тебе понравился спектакль?

Чарльз потирает шею, скользя взглядом в сторону сына.

— Ну, Шекспир – это не совсем мое, но... думаю, сыграно было отлично. Все, казалось бы, знали свое дело. И Кэсси, я солидарен со своей женой. Ты была очень хороша.

Он натянуто улыбается Итану, потом поворачивается и заключает Элиссу в объятия.

— И, конечно же, — шепчет он и затем целует ее в щеку. — освещение было на высоте.

Я чувствую, как Холт напрягается сбоку от меня, и когда я поворачиваюсь, вижу, что его челюсти плотно сжаты. По всей видимости, я не единственная, кто находит странным, что его отец не сказал ни единого доброго слова о его выступлении.

Этот мужчина глухой, немой или же слепой? Неужели он не видел то, что видели все остальные?

— Итан же тоже был превосходен, да? — настаивает Элисса, а ее брат выдыхает и засовывает руки в карманы. — Это разве не лучший спектакль с его участием, который тебе доводилось видеть?

Мистер Холт выдыхает.

— Элисса, твой брат всегда очень компетентен относительно своей игры. Он не нуждается в моем одобрении.

Итан издает короткий смешок.

— Тем лучше.

Компетентен? Что за черт? Его игра была грандиозна.

— Но пап, — говорит Элисса, держа его за руку, — ты можешь, по крайней мере, оценить сегодняшнее выступление Итана и Кэсси, как достойное восхищения? Я хочу сказать, ты же не видишь столь блистательные спектакли каждый день.

Мистер Холт снисходительно смотрит на нее.

— Милая, я признаю, что актерство требует определенной самоотдачи, но я бы не назвал это достойным восхищения. Лечение рака? Вот это достойно восхищения.

— Начинается, — бормочет Холт.

— Лечение переломов костей? Это достойно восхищения. Спасение жизней изо дня в день? *Это* достойно восхищения. Актеры могут думать, что то, чем они занимаются – важно, но серьезно, что бы изменилось, если бы у мира их не было? Никаких тебе бульварных журнальчиков и переполненных реабилитационных центров? Невелика потеря, скажу я вам.

Холт сердито хмурится, а его мама дотрагивается до руки мужа.

— Чарльз, пожалуйста.

— Все в порядке, мам, — говорит Холт. — Мне параллельно, что он думает.

— Итан, — говорит она увещательным тоном.

— Ты думаешь, актеры не важны? — продолжает он. — А что насчет художников, пап? Музыкантов? Может просто свалишь нас всех в одну бесполезную кучу, а? Ты правда хочешь жить в бесцветном мире? Без музыки? Без развлечений? Ты осознаешь, что человеческая раса будет уничтожена, если это случится? У каждой культуры на земле есть свой вид искусства. У каждой. Без этого люди были бы кучкой примитивных психов, чьими единственными потребностями были – питание, спаривание и убийство. Но да черт с ним, искусство же не важно, да?

Мистер Холт сурово смотрит на сына, и у меня складывается ощущение, что он сдерживается только из-за моего присутствия.

— Ну как всегда, сын, — говорит Чарльз, — ты меня неправильно понял. Я просто сравниваю актерское мастерство с другими важнейшими ролями внутри нашего общества. Думаю, несправедливо причислять актеров к той же категории, что и *врачей*, например.

— Ладно, вы двое, — предупреждает Мэгги. — Довольно.

Мистер Холт игнорирует ее.

— Итан, с твоим интеллектом у тебя есть возможность добиться чего-то поистине великого в жизни. Но вместо этого ты решил заниматься тем, что имеет мизерные шансы

стать чем-то большим, чем легкомысленное увлечение. Я просто не понимаю, как можно не иметь амбиций...

— У меня *есть* амбиции, — огрызается Холт. — Я работал как проклятый три года, чтобы поступить сюда. Возвращался снова и снова, даже когда они продолжали отказывать мне, потому что я хочу отдавать всего себя любимому делу. *Это* амбиции, папа. Они просто отличаются от твоих. Какое преступление, да? О, и спасибо, что обливаешь грязью мой выбор профессии. И Кэсси заодно тоже. Так держать, ты пренебрежительный придурок.

Прежде чем его мама успеет его вновь пристыдить, он поворачивается к ней.

— Извини, мам. Я не могу иметь с ним дело сегодня. Поговорим позже.

Он грубо проталкивается сквозь толпу, а мы все в неловком молчании наблюдаем за ним. Мое лицо пылает от гнева и смущения. Как смеет Мистер Холт так разговаривать с сыном?

Чарльз опускает голову, а его жена шепчет:

— Когда ты уже прекратишь? Это путь, который он избрал. Прими это.

Он смотрит на меня и морщится.

— Мне жаль, что тебе пришлось увидеть это, Кэсси. Я просто.... — Он качает головой. — За последние несколько лет мы с Итаном совершенно разошлись во взглядах. Трудно наблюдать за тем, как твой гениальный сын посвящает себя карьере столь...

— Легкомысленной? — язвительно подсказываю я.

Он кидает на меня виноватый взгляд.

— Я хотел сказать, что его выбор отличается от того, что я ожидал. Думаю, каждый родитель хочет, чтобы его ребенок изменил мир. Я ничем не отличаюсь. И вовсе не хотел принизить ваш выбор профессии.

— Но если ваш ребенок открывает для себя что-то, чем он искренне увлечен, — возражаю я, — кто вы такой, чтобы говорить ему, что он не прав?

С секунду он вглядывается в мое лицо.

— Значит, твои родители рады, что ты выбрала актерство в качестве своей карьеры?

Я оторопело замираю.

— Ну, не то чтобы рады, но я ручаюсь, что будь они сегодня здесь, то сказали бы мне о том, как я была хороша и гордились бы мной. Это я знаю наверняка.

Я осторожно наблюдаю за выражением лица мистера Холта, прекрасно осознавая, что только что оскорбила его, но сердитым он не кажется. Напротив, вид у него грустный.

— Думаю, я желал для Итана другой жизни. С восьми лет он то и дело говорил, что хочет быть врачом. Затем в выпускном году старшей школы кто-то убедил его присоединиться к театральному кружку, и вдруг медицина уступила место пьесам и студенческим фильмам. Признаться, я надеялся, что он перерастет это.

— Дело в том, мистер Холт, — говорю я, — что люди никогда не перерастают свои увлечения.

С одной стороны, я могу понять почему Холт так враждебно настроен по отношению к своему отцу. Но с другой, я знаю, что родителям сложно дается забыть о своих ожиданиях и доверить детям найти свой путь самим, неважно как сильно они их любят.

— Тебе стоит пойти за ним, — говорит Элисса, указывая на дверь. — Он не будет разговаривать ни с кем из нас в таком состоянии, но тебе может повезти.

— Ну, было очень приятно познакомиться, — говорю я, и спешу вслед за Итаном.

Я проталкиваюсь через дверной проем и бегу так быстро, как только позволяют мне

туфли, постукивая каблуками по брусчатке. Я облегченно вздыхаю, когда вижу знакомую фигуру, идущую к Центральному корпусу.

— Итан! Подожди!

Он поворачивается и смотрит на меня, и на мгновение он позволяет мне увидеть, как сильно устал. Как измотан тем, что бы там его ни заставляло вести себя так.

— Ублюдок, — говорит он, засовывая руки в карманы. — Это было так сложно сказать, да? Так сложно раз в жизни похлопать меня по спине и сказать: «Отлично сработано, сынок, я горжусь тобой». Придурок.

Я притрагиваюсь к его плечу.

— Мне жаль.

— Этот театр был полон людей, которые считали, что я был хорош. Которым я, черт возьми, понравился. Совершенно *незнакомые* люди верят в меня больше, чем мой так называемый отец.

— Дело не в том, что он не верит в тебя, он просто...

Слова застревают в моем горле, когда я вижу выражение его лица.

— Ты серьезно *защищаешь* его?

— Нет, мне просто кажется, что... боже, он же отец. Неустойчивость в профессии актера страшит тех, кто не понимает, что это то, чем нам по душе заниматься, пусть и платят гроши.

Мгновение он пристально смотрит на меня, затем опускает голову и засовывает руки в карманы.

— Он не сказал ни единого доброго слова о моем выступлении, Кэсси, — говорит он, понижая голос до шепота. — Ни. Единого. Гребаного. Слова. Он похвалил Элиссу, и даже тебя. А что я? Я выслушал лекцию о том, как впусую растрачиваю жизнь.

Боль в его голосе заставляет мое горло сжаться. Я беру его за руку и на этот раз, он не пытается вырваться.

— Знаешь, когда в последний раз он сказал, что любит меня? — говорит он, глядя на тротуар. — Седьмого сентября, два года назад. Я хорошо это запомнил, потому что такое случается нечасто. Он был пьян. Приятно знать, что ему нужно выпить в хлам, чтобы сказать сыну о своих чувствах.

— Итан...

Я делаю шаг вперед и пытаюсь обнять его, но он вздыхает и пятится назад.

— Мне пора.

— Что? Куда?

— Мне нужно ненадолго убраться отсюда. — Он начинает отходить в сторону.

— Итан, стой.

Он останавливается, но не поворачивается.

Я обхожу его и кладу руки ему на грудь. Он поднимает на меня взгляд, но в его глазах стоит холод.

— Не делай этого, — говорю я. — Просто... не делай.

— Чего?

— Не замыкайся в себе.

Он смотрит на меня, и на секунду мне кажется, что он собирается проявить свою обычную манеру поведения — отмахнуться и начать все отрицать, но вместо этого в его глазах мелькает усталость, которую я заметила мгновением раньше.

Он вздыхает.

— Тейлор, ты не понимаешь. То как я... — Он качает головой. — Я не нарочно замыкаюсь в себе. Так получается.

— Ну так не допускай этого, — говорю я, поглаживая его грудь и чувствуя, как его мышцы понемногу расслабляются. — Ты не думал, что можешь извлечь пользу с человека, который готов поддержать тебя? Готов выслушать?

— Тебе бы *лучше* не быть этим человеком.

Я досадно вздыхаю.

— Проклятье, Итан, можешь ты уже просто поверить, что нравишься мне? Что можешь положиться на меня. Я могу поддержать тебя или еще как-то помочь. Но ты должен позволить мне.

Он ничего не отвечает. Просто смотрит на меня так, будто я только что потребовала его спрыгнуть с самолета без парашюта.

— Пожалуйста, не бойся, — говорю я.

— Я не боюсь, — отвечает он, но его тело неподвижно и напряженно.

— Ты такой обманщик.

— Слушай, — говорит он, — нуждаться в ком-то... быть нужным кому-то... всё это всегда приводит только к разочарованию.

— Не всегда.

— Но в основном.

Я поглаживаю хмурые линии на его лице, и оно смягчается, но лишь на самую малость.

— Мне просто нужно время, чтобы остыть, — говорит он. — Увидимся на вечеринке.

Он обходит меня и уходит.

А я только было подумала, что у нас прогресс в отношениях.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

13

БЕЗРАЗЛИЧИЕ

Наши дни

Нью-Йорк

Боже мой. Он в моей квартире. В буквальном смысле. Более того, он расхаживает по ней, рассматривая мои вещи.

Его присутствие в моем некогда «свободном от Холта» святилище заставляет мою кожу покалывать от жара.

Это то самое место, где мы с Тристаном разговаривали о нем. Где я изливала накопившееся ожесточение в своем дневнике вечера напролет. Куда приводила бесчисленное множество мужчин, у которых всегда оказывалось *его* лицо. *Его* руки. *Его* тело.

И вот сейчас он здесь. Снимает куртку и кладет ее на диван. Поворачивается и смотрит на меня с едва заметной, нервной улыбкой. Показывает, что не имеет значения, скольких мужчин я привела сюда, он единственный, кто не кажется посторонним.

Проклятье!

Как это произошло? Почему я допустила это?

Сегодняшняя репетиция была просто цирком. Итан без труда играл свою роль, пока я все также косячила на простейших репликах. Когда же после репетиции Марко пригласил нас пропустить по стаканчику, от моего внимания не ускользнуло, что прежде чем оставить нас наедине, он выпил только половину своего коктейля. Тонкий намек.

С таким же успехом он мог бы нанять самолет и вывести в небе слова: «Уладь свои проблемы с Холтом и прекрати губить мой спектакль».

Пусть я и отклонила предложение о замене Холта, мне по-прежнему нелегко проявлять полную откровенность. Поэтому я дала себе слово сделать над собой усилие, оставаясь с ним в баре.

Когда Холт предложил проводить меня домой, я решила, что это может помочь нам сблизиться.

Моя ошибка заключалась в том, что я позволила ему проводить меня до самой квартиры. Он чуть шею себе не вывихнул, пытаясь заглянуть внутрь, когда я открыла дверь, и когда он напрямую попросился войти, я была не в силах отказать.

И вот, теперь мы здесь – он рассказывает по моей гостиной, а я наблюдаю за ним, как за экспонатом в зоопарке.

Он изучает мою коллекцию книг и улыбается, когда его пальцы касаются моего потрепанного экземпляра «Изгоев».

— Я давно ее не перечитывал, — говорит он, вытаскивая книгу и принимаясь ее листать. — Мне ее не хватало.

— Я думала, ты перечитываешь ее каждый год.

Он улыбается мне и потом ставит книгу обратно.

— Ага... ну... я подарил свой экземпляр одной цыпочке. Никак не куплю себе новый.

В тот день, когда он подарил мне эту книгу, он был так горд. Незабываемый подарок на день рождения от идеального бойфренда.

Жаль, что парень, который подарил мне ее, вовсе не существовал.

Я слышу, как щелкает замок входной двери, и звучный голос Тристана разносится по всему коридору.

— Кэсс? Ты дома? Мы идем гулять сегодня и ответ «нет» не принимается. Надевай свое сексуальное черное платье с открытой спиной. Я хочу покрасоваться тобой.

В коридоре хлопает дверка шкафа, когда он убирает туда свой коврик для йоги, а выражение лица Холта тем временем кричит: «Ты не говорила, что живешь с кем-то. Особенно с мужчиной».

Тристан заходит в комнату и застывает при виде Холта. Двое мужчин оценивают друг друга точно собаки на улице.

— Привет, — холодно произносит Тристан и бросает на меня мрачный взгляд. Яжимаю плечами, он же принимается исподлобья разглядывать Холта. — Судя по фоткам, которые показала мне Кэсси прямо перед тем, как сжечь их, полагаю, ты – Итан Холт.

Холт щетинится, но в следующую секунду с грацией невиданной мной прежде, напускает на лицо спокойствие и протягивает руку.

— Верно. А ты?

Я закатываю глаза, когда Тристан делает шаг вперед и становится лицом к лицу с Итаном. Он только на дюйм выше, но черная майка, которую он всегда одевает на занятия по йоге, демонстрирует его нелепо накаченное тело.

Он игнорирует протянутую руку Холта, и отвечает:

— Я – Тристан Такеи. Я живу здесь. С ней.

— Я вижу, — говорит Холт и опускает руку. — Приятно познакомиться, Тристан. Кэсси не говорила, что живет с кем-то.

— Наверно, она подумала, что это не твоего ума дело.

Тестостерон плотным слоем пропитывает воздух, но прежде чем я успеваю объяснить, что вовсе не живу с любовником, Тристан хватается за руку и шипит:

— Кэсси? Мне надо поговорить с тобой на кухне. — Он тащит меня прочь из комнаты.

Когда мы заходим в кухню, он поворачивается ко мне, на его лице читается ярость.

— Что ты, черт побери, вытворяешь?

— Трис, успокойся.

— Я спокоен.

— Нет, не спокоен. Твои чакры кружатся в воздухе как фейерверк.

— Ты не веришь в чакры.

— Да, но, если бы я верила, то именно это они бы и делали. Остынь.

Несколько секунд он свирепо смотрит на меня, после чего закрывает глаза и делает глубокий вдох. Потом медленно выдыхает и снова вдыхает.

— Хорошо. Я спокоен... вроде бы. Теперь, ответь на вопрос.

— Я ничего такого не делаю. Мы просто тусуемся вместе.

— Тусоваться можно и не приводя его сюда. Тебе и самой отлично известно, что если ты приводишь мужчин домой, то только по одной причине, и если ты задумала снова прыгнуть к нему в постель...

— Не задумала! И в мыслях нет. Я немного перебрала, и он проводил меня домой.

— Ты *выпила* и впустила его сюда?! Во имя Кришны! Удивительно, что я не застал, как ты танцуешь ему чертов приватный танец! Ты прекрасно знаешь, что стоит тебе в пьяном виде оказаться в пределах двадцати футов от привлекательного мужчины, то он раздет догола и трахнут в рекордно быстрое время! Не говоря уже о твоём красавчике бывшем, которого ты так и не забыла!

— Проклятье, Трис, не мог бы ты, пожалуйста, говорить потише?!

Он снова выдыхает. Ничто не нарушает его душевное равновесие быстрее, чем перспектива того, что я возьмусь за старое.

Я трогаю его за руку.

— Ты действительно считаешь, что пара недель порядочного поведения с его стороны убедят меня, что он больше не является эмоционально нестабильным засранцем? Даже я не так наивна.

— Я и не говорю, что ты наивна, но этот мужчина – твоя ахиллесова пята. Если он попросит тебя переспать с ним сейчас, ты сможешь сказать «нет»?

Все мое тело вспыхивает.

— Тристан, боже... это не то, что он хочет.

— Ерунда. Я вижу, как он смотрит на тебя. Скажи ты ему лишь слово, этот парень тут же оттрахал бы тебя.

Я пропускаю пальцы сквозь волосы.

— Трис...

Он вздыхает и кладет руки мне на плечи.

— Послушай, милая, я знаю, что во всей этой истории достаточно сложно

сориентироваться, но ты должна помнить все, о чем мы говорили. Границы. Уважение. Честность. Эмоциональная зрелость.

— Это относится к нему или ко мне?

— К обоим. Не будьте ослеплены гормонами. Я не смогу наблюдать, как ты снова проходишь через все эти сердечные страдания.

Он заключает меня в объятия и вздыхает.

— Спасибо, Трис.

— Пустяки. — Он отстраняется. — Но я должен еще кое-что сделать, прежде чем оставлю вас двоих наедине. Тебе, наверно, захочется отвернуться, потому что это будет неловко.

Прежде чем я успеваю его остановить, он обходит меня и идет обратно в гостиную. Холт сидит на краю дивана, но при виде Тристана встает.

— Ладно, ты, — говорит Тристан, тыкая пальцем Холту в лицо. — Я скажу это один раз, так что слушай. Я провожу большую часть бодрствования в поисках спокойствия в этом мире и стараюсь быть одним целым со своим душевным равновесием, но я люблю эту женщину больше, чем любого другого на этой планете, и если ты причинишь ей боль, — каким бы то ни было образом, — то клянусь могущественным и всемогущим Буддой, я без колебаний убью тебя. Ты меня понял?

Холт бросает на меня быстрый взгляд и затем кивает. К своему удивлению я вижу, что его лицо выражает не страх, а стальную решимость.

— Да, я понимаю тебя, Тристан. Но чтоб ты знал, причинить ей боль — последнее, что у меня на уме. Знаю, я был идиотом в прошлом и теперь должен многое исправить, но я намерен довести все до конца. Чем бы это ни было. Так что тебе лучше привыкнуть к моему присутствию, потому что в этот раз я никуда не уйду. Понятно?

Какое-то мгновение Тристан пристально смотрит на него, затем расслабляется, и на его лице отражается изумление.

— Ну... тогда хорошо. У тебя милое личико. Если будешь обращаться с ней должным образом, мне не придется портить его.

Я сдерживаю улыбку, потому что за годы нашего знакомства, мне доводилось лишь раз видеть, как Тристан превращается в такого альфа-самца, и это было, когда парень, с которым он встречался, назвал Ганди «показушным и лицемерным слабаком». Тристану потребовалось много времени, чтобы вновь обрести душевное равновесие после того, как он врезал парню.

Он одаривает Холта последним запугивающим взглядом, потом хлопает руками и говорит:

— Ладно, мне нужно принять душ. Ведите себя разумно в мое отсутствие.

Трис удаляется, оставляя меня и Холта неловко глядеть друг на друга.

— Что ж... м-да. Это Тристан, — говорю я. — Он живет здесь и, очевидно, угрожает моим бывшим парням. Не хочешь вина?

— Черт, хочу, — говорит Холт, и следует за мной в кухню.

Я хватаю бутылку красного вина и наполняю два бокала вплоть до краев. Протягиваю ему один и делаю солидный глоток из своего, после чего прислоняюсь к стойке.

— Я так понимаю, Тристан кто-то вроде твоего защитника, — говорит Холт.

— О, тебя это напрягло?

— Да, немного. Нечасто мне угрожает устрашающий, высокий, супернакаченный

японец. Не сказал бы, что мне понравилось.

— Он только наполовину японец. И он обычно не такой, но думаю, вид Антихриста в его доме толкнул его к самому краю.

Он смеется и потирает шею.

— Ну, я больше известен как Дьявол в наши дни, но если ты хочешь так официально...

— Я могу звать тебя Люци?

— Это как?

— Сокращенное от Люцифера.

— Ох, конечно, но только когда мы одни. Я не могу позволить тебе называть меня так перед моими злобными приспешниками. Они могут высмеять меня и... ну... это... просто ранит мои чувства.

Мы идем обратно в гостиную и садимся на диван.

— Так, вы с Тристаном. Вы ... — Он бледнеет, когда говорит слово: — вместе?

Меня почти прорывает на смех.

— Нет.

— А были когда-нибудь? — Он не сводит с меня напряженного взгляда, пока ждет ответ.

— Нет. У меня нет... э-э... необходимого *приспособления*, чтобы удовлетворить Тристана.

Несколько секунд он смотрит на меня пустым взглядом, пока мои слова просачиваются в его затуманенный вином мозг. Потом момент просветления озаряет его глаза.

— Ох! Ну, слава богу. Мое артериальное давление только что снизилось на двадцать делений.

Я смеюсь и отпиваю глоток вина, но, когда снова поворачиваюсь, встречаюсь с его пристальным взглядом.

— Знаешь, я видел ваши совместные снимки.

— Когда?

— Когда был в Европе. Первые несколько месяцев после отъезда, моим ночным ритуалом было напиться в стельку и гуглить тебя. Поиск выдавал твои совместные фотки с Тристаном, когда ты еще работала во внебродвейской постановке. Когда я увидел их... я... черт, Кэсси, это опустошило меня. Я подумал, что он твой парень. Что ты двигаешься дальше, в то время как я не могу перестать тосковать по тебе.

Перед моим мысленным взором появляется картина того, как он, сидя перед компьютером с бутылкой в руке, смотрит на меня с Тристаном и проклинает за то, что я не кажусь несчастной. Но я *была* несчастна, хоть и улыбалась на фотографиях.

— Ну, ты всегда недооценивал мои чувства, — говорю я, после чего отворачиваюсь и принимаюсь вертеть бокал в руке. — Это было одной из наших основных проблем.

— Знаю, это прозвучит как отговорка, но... я просто не понимал, как ты могла любить меня так же сильно, как я тебя. Это просто казалось невозможным.

Мгновение я не могу поверить в услышанное. Ему всегда было непросто говорить слово на «Л». Это было единственное, что придавало нашим отношениям реальность.

Когда я перевожу на него взгляд, то вижу, что он выглядит как арахнофоб, который только что прошел через полную комнату пауков.

— Впечатлена? — спрашивает он. — Только взгляни, я сказал слово на «Л» и даже не заикнулся.

— Похоже на чудо, но даже еще более редкое явление.

Теперь его очередь смотреть на свое вино.

— Мне потребовалось целых три года, чтобы осознать, что умалчивание о своих чувствах, не помогло мне отрицать их. Любил я тебя или нет, это не зависело от слов. Это был просто факт. Сам собой разумеющийся. Ты удивишься, как часто я говорю это сейчас.

Я снова прикладываюсь к бокалу вина, потому что его лицо настолько переполнено эмоциями, что я не могу смотреть на него.

— Музыкаку? — предлагаю я, и направляюсь к своему айподу.

Несколько мгновений я бездумно прокручиваю плейлисты, но потом он говорит:

— Помочь? Потому что, если ты поставишь кантри, я буду вынужден издеваться над тобой.

— Ты никогда мне этого не забудешь, да?

— Что? Как ты один раз потратила целую тучу денег на альбом «Dixie Chicks»? Не-а. Как уж такое забыть.

— Эй, в том альбоме было несколько хороших песен.

— Кэсси, в том альбоме были гребаные *тирольские* песни. И у меня нет сомнений, что именно этот альбом и грохнул стерео в моей старой машине.

Я смеюсь.

— Ты каждый день включал AC/DC на полную громкость. Динамики искорёжились. Ты не можешь винить две минуты тирольского пения.

Он подходит и забирает у меня айпод.

— От этих двух минут у меня чуть не лопнули барабанные перепонки. Я могу только догадываться, как это подействовало на мое бедное стерео. А сейчас, в сторонку, женщина. Позволь мне найти идеальную музыку для нас.

Я качаю головой и сажусь. Не устаю поражаться, как сюрреалистично его нахождение в моей квартире. Еще только полгода назад, это было бы невысказано. А сейчас он с таким усердием пытается показать, что созрел и вырос. Если бы только я могла сказать то же самое о себе. Даже сейчас, я чувствую, как гнев кипит внутри меня, в ожидании лишь одного его неверного шага, чтобы взорваться.

— Ух ты, — говорит он, нервно оглядываясь через плечо. — Только не злись, что я ставлю это, просто... боже... этот альбом.

Из динамиков начинает звучать вступительная часть альбома «Pablo Honey» группы «Radiohead».

Я делаю еще один приличный глоток вина.

— Я могу сменить, если хочешь, — говорит он. — Просто я... давно не слушал этот альбом.

Да уж, как и я.

— Все нормально, — говорю я, и снова делаю глоток. На пару с алкоголем легче врать. Этот альбом стал саундтреком стольких воспоминаний, и хоть они и из приятных, они также стали олицетворять те его качества, по которым я скучала больше всего.

Он присоединяется ко мне на диване, садясь достаточно далеко, чтобы это выглядело так, будто он уважает мое личное пространство, но достаточно близко, чтобы мой одурманенный вином мозг желал прильнуть к нему теснее. Я откидываю голову назад и позволяю музыке отвлечь меня.

Мы уже на третьей песне, когда перед нами появляется Тристан, свежий после душа и

готовый к выходу.

Он всматривается в сцену перед собой и хмурится.

— Не будь я знаком с ситуацией, то клянусь, подумал бы, что вы двое медитируете. Хотя и не совсем понимаю, с чего бы вы стали медитировать под музыку для секса.

Холт нервно ерзает.

— Кэсс, ты уверена, что не хочешь прогуляться со мной? — спрашивает Трис. — Сегодня пенная вечеринка в «Неоне». Ты можешь даже взять с собой этого высокого, темноволосого и угрюмого паренька. Похоже, ему не помешает немного встряхнуться.

— Нет, спасибо, — вздыхаю я. — Я вроде как наслаждаюсь медитацией. Ты должен гордиться мной.

Губы Тристана сжимаются в тонкую линию, и он поворачивается к Холту.

— Значит, вот как все будет? Ты просто врываешься в ее жизнь и добиваешься от нее то, что я обычно заставляю ее делать, подкупая шоколадом?

Холт лениво моргает, глядя на него.

— Ну что тут сказать, чувак? Мне ни к чему шоколад, потому что я сам сладкий от природы.

Тристан растерянно смотрит на меня, словно не может определиться нравится ему Холт, или он не переваривает его.

Добро пожаловать в мой мир.

— Ладно, я уйду, — говорит Тристан, бросая на Холта еще один хмурый взгляд. — Но Кэсси? Не забудь, о чем мы говорили. Я не хочу вернуться домой и очищать твою ауру от кретинских флюидов.

Итан напрягается.

— Я потратил немало сил, чтобы избавиться от «кретинских флюидов», но если вдруг что-то осталось, то обещаю не заразить ими Кэсси.

— Будь уж любезен, — бормочет Тристан, направляясь в коридор за своей курткой. — До скорого, Кэсс.

— Пока.

Дверь открывается и захлопывается, и мы с Холтом еще больше расслабляемся на диване.

— Назови меня двинутым, — говорит Холт, поворачиваясь ко мне, — но, думаю, я на самом деле нравлюсь Тристану.

— Ну, это одна из теорий.

— В чем же заключается другая? — спрашивает он.

— В том, что он хочет оторвать тебе голову, выколоть глазные яблоки, и использовать твой череп в качестве шара для боулинга.

— О, он играет в боулинг? — Его вид невозмутим.

— Время от времени. На ночных дискотеках.

Он улыбается — одной из тех его красивых улыбок, от которых все его лицо светится. Когда он ловит на себе мой взгляд, его улыбка постепенно переходит в более задумчивое выражение.

— Блин, я скучал по этому. Никогда не осознавал, насколько это больно быть без тебя, пока не увидел тебя снова и боль прошла.

Моя улыбка тает. Вино развязывает ему язык и делает его взгляд пронизывающим, но я еще не так много выпила, чтобы слышать от него подобные вещи.

— Ты скучала по мне? — почти шепчет он.

— Итан...

— Не по «мне», засранцу, — говорит он. — По тому «мне», который был добр к тебе. Заставлял тебя смеяться. Который... любил тебя.

— К сожалению, он был заперт внутри «тебя» засранца, — говорю я, поглядывая на него. — Я никогда не могла иметь одного без другого.

— Ты сможешь, — говорит он. — Обещаю, ты сможешь.

— Потребуется немало времени, чтобы поверить в это.

— Понимаю. Я никогда не думал, что все исправить будет просто, но знаю, что это будет стоить того.

— А что, если нет? — говорю я, не в силах больше выносить его размышления о том, что мы можем просто вместе уйти в закат. — Что если, после стольких лет, ты просто обманываешь себя, воображая, что мы сможем возродить то, что закончилось уже давно.

Пелена застилает его глаза, и знакомое притяжение, которое я испытываю к нему, сгущает воздух между нами.

— Кэсси, — шепчет он, наклоняясь ко мне так близко, что я чувствую сладкий запах вина в его дыхании. — Между нами никогда не было всё кончено. Ты знаешь это не хуже меня. Даже когда я колесил по всему миру, и ты меня люто ненавидела, ничего не было кончено. Ты чувствуешь это между нами сейчас. И чем мы ближе, тем сильнее это становится. И тебя это пугает.

Он смотрит на мои губы, и мне приходится собрать в кулак все свое чувство самосохранения, чтобы суметь отвернуться.

— Если ты скажешь мне, что не чувствуешь этого, — говорит он тихо, — тогда я отступлю. Но я убежден, что ты не сможешь этого сделать, ведь так?

Я колеблюсь лишь миг и потом говорю:

— Я не чувствую этого. — Реплика ничего не выражает.

Он дотрагивается до моих пальцев, водя кончиками своих по тыльной стороне моей руки пока не доходит до запястья. Обхватывает рукой тонкую кость и осторожно сжимает.

— Что ни говори, но твой пульс не врет. Он зашкаливает. И всему виной я.

— Откуда ты знаешь, что это влечение, а не страх?

— Уверен, там немного и того и другого. Но влечение определено есть.

Я выдергиваю руку и опустошаю остатки вина в своем бокале. Я уже немного охмелела. Как и он. Заторможенное мышление ничем не поможет нам в этой ситуации.

Я зеваю и встаю.

— Ну, становится поздно.

Он кивает и улыбается. Ему удастся читать меня как книгу.

— Да, я, пожалуй, пойду.

Когда мы доходим до входной двери, он поворачивается ко мне, держась одной рукой за дверную ручку.

— Кэсси, — нерешительно произносит он, прислоняясь к дверному проему. — Прежде чем уйду, я хотел бы кое-что узнать.

— Что?

Он наклоняется ближе ко мне, и негромко говорит:

— Вы с Тристаном далеко не шептались, пока были на кухне. Я слышал, как он сказал, что попроси я тебя переспать со мной, ты бы не смогла мне отказать. Это правда?

Я оглядываю его высокую фигуру, заполнившую дверной проем; длинный изгиб шеи,

ведущий к его необыкновенному, эмоциональному лицу. Я помню, как его тело ощущается под моими руками, какие звуки он издает, когда я прикасаюсь к нему. Непередаваемый взгляд, который появлялся на его лице, каждый раз, когда его тело соединялось с моим.

— Итан...

— Подожди, — говорит он, качая головой. — Не отвечай. Потому что, если ты скажешь, что хочешь меня... ну... — Он окидывает меня взглядом, и мне видно, как сильно он хочет дотронуться до меня; как пальцы на его руках сжимаются и разжимаются; как его дыхание становится поверхностным. — Мне не хватит самообладания всего мира.

К счастью, прежде чем кто-то из нас успеваешь наделать глупостей, он отступает назад.

— Спокойной ночи, Кэсси. Ради нашего же блага, закрой дверь. Сейчас же.

Я захлопываю дверь у него перед носом.

И даже сквозь деревянную панель, мне слышен его вздох облегчения.

Шесть лет назад

Вестчестер, Нью-Йорк

«Ромео и Джульетта» — вечеринка в честь премьеры

Музыка играет чересчур громко. Она вибрациями прокатывается через мой череп и давит на глазные яблоки.

Гостиная кишит людьми, которые танцуют и смеются. Некоторые из них даже ухитряются общаться между собой, перекрикивая шум, который пытается выдать себя за музыку.

На диване рядом со мной Лукас курит косячок. Он предлагает мне затянуться, и когда я отказываюсь, передает косячок Джеку, у которого взгляд настолько остекленевший, что он вполне мог бы служить фигурой Глазастика в музее мадам Тюссо.

Мне немного не по себе оттого, что у меня под боком употребляют незаконные вещества. Я все жду, что мой отец ворвется в комнату и начнет рвать и метать, но конечно же, он на другом конце страны и даже с таким выдающимся отцовским нюхом как у него, не сможет унюхать запах аж оттуда.

Во всяком случае, я уверена, что не сможет.

— Кэсси!

Я перевожу взгляд на Руби, и она приподнимает руку к губам, показывая жестом, чтобы я уже начала пить. Я вздыхаю и опрокидываю стопку текилы, что держала в руках. Она протягивает мне ломтик лимона и приподнимает вверх большой палец, хваля меня. Я кидаю лимон в рот, и она широко улыбается.

После того, как я убираю лимон и стопку шота на кофейный столик, я откидываюсь на диване и вздыхаю. В миллионный раз за последние два часа, осматриваюсь по сторонам в надежде, что Холт решил почтить нас своим присутствием.

Но, конечно же, нет.

— Пойду подышу свежим воздухом, — кричу я Руби, вставая и проходя мимо нее. Она кивает и наливает себе еще текилы.

Когда я дохожу до парадного входа, вижу Элиссу, которая сидит на ступеньках и потягивает что-то из большой кружки.

Я сажусь рядом с ней.

— Наслаждаешься одиночеством?

— Еще бы, — говорит она. — Не так-то весело уходить с разорванными барабанными перепонками после каждой вечеринки Джека. Только потому что он наполовину глухой, он поставил перед собой цель потащить всех нас за собой. Соседи, должно быть, терпеть его не могут.

— Его папа владеет всеми соседними домами. Это единственная причина, почему ему все сходит с рук.

Она предлагает мне свой напиток и обводит взглядом улицу.

— Ждешь Итана? — спрашиваю я.

— Ага.

— Думаешь, он придет?

Она мотает головой.

— После каждой стычки с папой, Итан становится неуправляемым. Я пыталась убедить его не придавать этому значения, но он не слушает.

— Их отношения всегда были такими... сложными?

— Да. — Она смеется. — Папа просто не знает, как вести себя с ним. Со мной у него нет проблем, потому что я девочка, но с Итаном? Не думаю, что он знает, как общаться с ним на эмоциональном уровне. Моя теория заключается в том, что наш дедушка считал, что мужчины не должны открыто показывать привязанность друг к другу, потому что это делает их мягкотелыми или типа того. И теперь всякий раз, когда Итан бросает вызов отцу, они ругаются вместо того, чтобы все обсудить.

— Паршиво наверно.

— Да. И стало еще хуже несколько лет назад. Я виню Ванессу, эту сучку-шлюху.

Я тут же вся внимание.

— О, так это была не Оливия?

— Нет, — говорит она и вздыхает. — Ванесса — виновница всех его проблем. Она причина, почему у него не сложилось с Оливией.

— Что произошло между ними? Итаном и Ванессой, я имею в виду.

Она опускает взгляд и пробегает пальцем по ободу своей кружки.

— Ты должна сама поговорить с ним об этом.

— Элисса, пожалуйста. Я пыталась расспросить его, но он как в рот воды набрал.

— Да, но он убьет меня, если я расскажу тебе.

— Я понимаю, и чтоб тебе было легче, знай, он прочел мой дневник и знает до фига о моей личной жизни, чего бы лучше ему было не знать.

У нее отваливается челюсть.

— Он прочел твой *дневник*?

— Ага. Несколько недель назад. Я, вроде как, написала в нем кое-что о том, как сильно хочу дотронуться до его... э-э... пениса.

— О, мой бог.

— И я как бы предположила, что его член мог бы выиграть в конкурсе.

— Ох... ого.

— Да уж.

— Плюс... фу. Он же мой брат.

— Знаю. Но в свою защиту могу сказать, что твой брат очень сексуален.

Она с сомнением смотрит на меня.

— Ну, если уж ты так считаешь.

— Считаю.

Элисса вздыхает.

— Ну, как бы мне ни было противно, я даже рада, что у тебя такие чувства, потому что насколько я могу судить, ты единственная девушка, которую он стал воспринимать всерьез, с тех пор как история с Ванессой исчерпала себя. Я понимаю, почему он сомневается, но все же...

— Пожалуйста, скажи мне, что это изложение постепенно перейдет в полный рассказ.

— Я смотрю на нее своим лучшим «щенячьим» взглядом.

Она закатывает глаза и продолжает:

— Ванесса была школьной возлюбленной Итана. Они начали встречаться в десятом классе.

Я киваю и стараюсь скрыть яростную ревность, что вспыхивает внутри меня. Глупо ревновать к девушке, которую я никогда не встречала, верно?

— В школе Итан и Ванесса были своего рода «золотой» парой. Но наедине они часто ссорились. Ванессе нравилось играть на его нервах. Если ей казалось, что он не уделяет ей достаточно внимания, она начинала флиртовать с другими парнями. Она тащила от его ревности. По мне так, она была полной психопаткой. Она даже флиртовала с Мэттом, лучшим другом Итана с начальной школы. Она использовала ревность, чтобы держать Итана в узде.

— Почему он просто не бросил ее?

— Не знаю. Она словно держала его на коротком поводке. Могла добиться от него чего угодно. Использовала его уязвимые места против него же.

— Так что же произошло?

— Ну, одним вечером, когда он учился в выпускном классе, после того как он сказал папе, что не собирается поступать в медицинский институт и вместо этого будет подавать заявку в Гроув, они очень сильно поругались. Я не слышала, что именно они наговорили друг другу, но хорошо помню, что мама плакала, а папа кричал Итану убираться из дома. После этого, он пошел домой к Ванессе, но ее там не оказалось, поэтому он отправился к Мэтту. Придя туда, он застукал Мэтта с Ванессой. В постели.

— О, боже.

— Итан был подавлен. Я ожидала подобного поступка от Ванессы, но не от Мэтта. Они с Итаном были как братья. На следующий день в школе, Мэтт пытался все уладить и извиниться, но... Итан был в такой ярости. Он оборвал его на полуслове и выбил из Мэтта всю дурь. Все закончилось сломанным носом и отстранением на две недели. Ванессе же только польстило, что двое парней подрались из-за нее. Я уверена, она играла ими обоими забавы ради.

— Какая же она сучка! — говорю я, чувствуя ожесточенную ненависть по отношению к ней. Испускаю глубокий выдох. Не могу даже представить, каково это, когда тебя предают твои близкие друзья. Неудивительно, что у Холта проблемы со сближением.

— Тогда-то он и замкнулся в себе, — говорит Элисса. — Отказы от Гроув никак не помогали. Он перестал общаться со мной и мамой, и стал держаться на расстоянии от папы. С головой окунулся в театральную деятельность. Напивался. Ввязывался в драки. Спал с каждой женщиной, которая попадалась ему на пути, и потом никогда не перезванивал. Было отвратительно смотреть на это.

Мое лицо, должно быть, выдает, насколько мне ненавистно представлять его с другими

женщинами, потому что она тут же добавляет:

— Ни с кем из них не было ничего серьезного.

— Даже с Оливией? — спрашиваю я.

Элисса морщится.

— Да, между ними что-то промелькнуло. Но, если честно, Итан так плохо обращался с ней, что это было обречено с самого начала. Она была неплохой девушкой. Ничего общего с Ванессой. Я никогда не думала, что мой брат способен быть таким жестоким, пока не увидела его с Оливией. Она бы сделала ради него все, а он растоптал ее. Он ни с кем не встречался с тех пор.

Я вспоминаю все жестокости, которые он сказал или сделал со дня нашего знакомства, и мне становится жаль его предыдущую Джульетту.

— Такая вот история, — говорит Элисса и встает, притягивая меня за собой. — Теперь, можем мы, пожалуйста, перестать говорить о моем брате-оболтусе и начнем развлекаться? Сомневаюсь, что он покажется сегодня. Он наверно в каком-то баре хмуро смотрит на стену, заставляя краску на ней вздуться.

Мы идем обратно в дом, и через полчаса и две стопки текилы, Элисса и Руби убеждают меня начать танцевать. Я танцую, качаясь из стороны в сторону вместе с ними, но не могу перестать думать о Холте, и о том через что он прошел.

Когда я слышу оглушительные аплодисменты в передней части гостиной, то поворачиваюсь на звук и вижу Холта, в его вытянутых руках почти пустая бутылка виски.

— Как дела, товарищи-актеры?! Ромео в теме! Давайте отрываться!

Вся комната одобрительно ревет, а Элисса сбоку от меня охает:

— О, боже. Какого черта он вытворяет?

Не веря собственным глазам, я наблюдаю, как Холт обнимаясь, и давая всем «пять», проходит через толпу, словно рок-звезда, окруженная фанатами.

Дойдя до нас, он криво улыбается и говорит:

— Привет, дамы. — Я так полагаю, это должно было прозвучать сексуально.

— Руби, — говорит он, притягивая ее в свои объятия. — Ты же ненавидишь меня, да? Многие ненавидят меня. Даже мой собственный отец. Не переживай. Я ничего не имею против.

Потом он поворачивается к сестре и обнимает ее.

— Ох, Элисса. Милая, выносящая мозг Элисса. Почему ты только терпишь меня? Не понимаю. Но я люблю тебя. Очень, очень люблю.

— Э-э... Итан? — морщась, произносит она, когда он сжимает ее в объятиях. — Ты что наелся экстази сегодня?

Он целует ее в щеку и поворачивается ко мне. Его улыбка тут же меркнет, но он делает очередной глоток спиртного и затем подходит ближе ко мне, заключая мое лицо в ладони.

— И Кэсси. Красивая, красивая Кэсси. Ты в порядке?

— Да. А ты?

— У меня все превосходно! Меня даже не заботит произошедшее сегодня с моим отцом. И хочешь знать почему? Потому что я решил ни о чем не заботиться. Это такое простое решение. Не знаю, почему за все эти годы я не додумался до этого. Только взгляни, как я счастлив!

Он откидывает назад голову и смеется. Это самое печальное зрелище, которое я когда-либо видела.

— Холт... — начинаю я, но он прикладывает пальцы к моим губам.

— Нет, не Холткой мне. — Он опускает бутылку. — Это вечеринка и я хочу танцевать.

Увидимся.

Он ныряет в толпу, и все вокруг него издают ликующий вопль, когда он начинает двигаться, энергично и неуклюже.

— Ничего себе, — говорит Элисса. — Никогда прежде не видела, чтобы мой брат танцевал. Это... боже... это настолько неправильно, что не укладывается у меня в голове.

— Да уж, танцор из него никакой, — замечает Руби. — Выглядит так, будто у него вертикальный эпилептический припадок.

Он звезда вечеринки. Разговаривает со всеми — *вежлив* со всеми. Черт, он даже смеется над шутками Джека и не воротит нос, когда Зои заигрывает с ним.

Внутри него, наверное, бушует гнев и ему так и хочется дать волю кулакам, но вместо этого он притворяется тем Холтом, которого, как ему кажется, хотят все видеть.

Я досадно скрежещу зубами.

Знаю, Холт может быть еще тем ослом, потому что он был таким по отношению ко мне не единожды, но он хотя бы был настоящим. А этот новый Холт? Он такой же фальшивый, как и сиськи Зои.

Теперь я знаю, каково ему было наблюдать за тем, как я угождаю людям. Это чертовски бесит.

Когда я больше не в силах этого выносить, я протискиваюсь сквозь толпу, чтобы добраться до него. Он разговаривает с Зои, смеется и улыбается. Она строит ему сексуальные глазки и у меня появляется острое желание уткнуть ее лицом в миску с чипсами «Доритос», которая стоит на столе рядом с ней.

Холт поднимает взгляд, когда я подхожу, и вновь его улыбка на секунду меркнет, но уже в следующее мгновение возникает с новой силой.

— Тейлор! — горячо произносит он. — В чем дело? Тут мне Зои как раз говорила, что будь моей Джульеттой она, а не ты, то не стала бы симулировать со мной секс. Забавно, правда?

— Очень забавно, — говорю я с нулевым энтузиазмом. — Зои? — поднимаю миску с «Доритос». — Не хочешь чипсов?

Шмяк. Прямо в морду.

Она закатывает глаза.

— Ну, конечно, Кэсси. Как будто я буду есть углеводы.

Я выдыхаю и приклеиваю на лицо не такое ожесточенное выражение.

— Холт, можно тебя на секундочку?

— Вообще-то, — Зои собственнически берет его за руку, — сейчас он разговаривает со мной. Может тебе стоит вернуться позже.

Женщина, лучше убери от него свои руки, пока я не сделала тебе гидролизованно-сырно-крахмальную чистку лица.

Я с грохотом ставлю на стол миску с чипсами и заставляю себя улыбнуться.

— Я надолго его не задержу. Уверена, ты и глазом моргнуть не успеешь, как он вернется слушать твои забавные порнографические истории.

Я хватаю Холта за руку и тяну, и к счастью, он следует за мной в кухню.

Потом резко разворачиваюсь к нему лицом.

— Что ты делаешь?

Он пожимает плечами.

— Веселюсь?

— Вот как? Так это теперь называется? Разговариваешь с Потаскушкой. Притворяешься, что она нравится тебе.

— «Потаскушка» — очень нелюбезное прозвище, — заплетающимся языком говорит он.

— И может, я действительно наслаждаюсь ее компанией.

— Ох, бросай заливать.

— Ревнуешь, Тейлор?

— Да. Очень. А теперь, не мог бы ты, пожалуйста, прекратить этот цирк и поцеловать меня?

Он оторопело замирает на месте. Моргает три раза. Мое лицо невозмутимо. Надо полагать, теперь у меня неплохо получается говорить то, что на уме.

Заходит Джек и направляется к бочонку, который стоит в углу, и игнорируя нашу игру в гляделки, наполняет несколько кружек пивом.

— Эй, Холт, дружище. Ты же еще бодрячком? Вот тебе добавка.

Холт поворачивается в тот самый момент, когда Джек протягивает ему одну из кружек, и все пиво расплескивается по его футболке.

— Вот дерьмо! — охает Джек. — Извини, приятель. Случайно вышло.

Джек хватает кухонное полотенце и, бормоча извинения, пытается высушить футболку Холта.

— Все нормально, — говорит Холт, выдавливая улыбку. — Мне все равно. У тебя есть сменная футболка, которую я мог бы одолжить?

Джек кивает.

— Да, наверху в моем шкафу. Надевай, какую хочешь.

Холт грубовато хлопывает его по плечу, проходя мимо.

— Спасибо, дружище.

Он протискивается сквозь толпу и поднимается наверх, а я еле сдерживаюсь, чтобы не последовать за ним.

— Знаешь, — говорит Джек. — Никогда раньше не видел, чтобы человек в пьяном виде был счастливо-агрессивным, но Холту каким-то образом это удается.

Я киваю.

— Это редкий и особый дар.

Он хватается со стойки пиво и задумчиво отпивает.

— Надо бы заглянуть в интернет и посмотреть, есть ли уже отзывы о сегодняшнем спектакле. Я слышал, что присутствовал рецензент из *Online Stage Diary*. Интересно, нашлось ли ему сказать что хорошее.

Внезапно, мой желудок скручивает узлом.

— Он присутствовал?

— Да. Он и еще четверо других. Один из *Broadway Reporter*. — Он смотрит на меня и вздергивает бровь. — Никогда не знаешь, Тейлор. Утром ты можешь проснуться звездой.

— Да, точно. Или же они возненавидят меня. — Я смеюсь, но серьезно, что если меня возненавидят.

При одной лишь мысли об это я покрываюсь нервным потом.

— Я уверен, они напишут о тебе удивительные вещи, — говорит Джек, ободряюще кладя мне руку на плечо. — Ну, а если нет? У нас тут еще половина бочонка пива в запасе.

Ты сможешь пить, пока не забудешь об этом.

Он хватает свое пиво и уходит.

Я стою на месте еще несколько секунд, размышляя о своем возможном предстоящем публичном унижении, и понимаю, что есть только один человек способный помочь мне не впасть в панику, и он наверху – предположительно без рубашки.

Я проталкиваюсь сквозь гостиную, потом поднимаюсь по лестнице и иду вдоль коридора в спальню Джека. Дверь приоткрыта, и когда я выглядываю из-за угла, вижу Холта сидящего на кровати: его грудь обнажена, промокшая футболка валяется на полу, руки запущены в волосы. Он дергает пальцами волосы и вздыхает, холодное чувство разочарования исходит от него точно аура.

— Хей, — говорю я, неуверенно заходя в комнату.

Он резким движением поднимает голову, затем встает с кровати и направляется к шкафу.

— Хей. — Он открывает шкаф и принимается перебирать впечатляющий ассортимент футболок Джека. — Неплохая вечеринка, да?

Я не могу отвести взгляд от перекачывающихся бицепсов и игры мышц на его обнаженной спине. Ладно, это неправда. *Я могла бы* отвести взгляд, но не хочу.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, подходя ближе.

— Все отлично. — Он достает футболку, на которой написано «Выбирая из двух зол, я бываю очень зол». — Неужели Эйвери носит это на публике?

— Холт...

— Или как насчет этой? — Он достает футболку с надписью: «Выпьем за соски. Без них сиськи были бы бессмысленны».

— Послушай...

— Нет, серьезно. Он купил их сам или ему их сплавил?

— Нам нужно поговорить.

— Не вижу необходимости. — Он вешает вешалку на место и грубо перебирает остальную часть стойки. — У этого парня есть что-нибудь, помимо этих проклятых футболок с шутками? Что-нибудь спортивное? Или, не дай бог, без надписи?

Он продолжает передвигать вешалки, его поза становится все более и более напряженной.

— Итан, — я кладу руку на его спину, между лопатками.

— Нет. — Он разворачивается и отходит от меня. — Просто, черт побери... не надо, ладно?

— Почему нет?

— Потому что, когда ты ко мне прикасаешься, это никогда добром не заканчивается. Потому что, когда ты ко мне прикасаешься, я... черт, мне на ум приходят безрассудные мысли, и мне хочется совершать безрассудные поступки, и... поэтому... просто... не надо...

Я делаю шаг вперед, и он прижимается спиной к двери шкафа. Когда я кладу руку посередине его груди, он резко вздыхает и стискивает зубы.

— Не знаю, чего ты так боишься. Я – не Ванесса.

Его лицо принимает ожесточенное выражение.

— Что ты, черт побери, знаешь о Ванессе?

Делаю глубокий вдох.

— Элисса рассказала мне о ней. И о других девушках. И об Оливии. — Он тяжело

вздыхает, и я делаю крошечный шаг вперед. — Не сердись. Я заставила ее.

Его руки сжимаются в кулаки.

— И все равно она не имела права совать свой нос в чужие дела.

— Я хотела знать. — Кладу ему на грудь вторую руку и чувствую бешеное биение сердца под поверхностью. — И теперь я чуть лучше понимаю, почему ты не решаешься снова завязывать отношения. То, как Ванесса поступила с тобой – ужасно. Но я – не она. У меня с ней ничего общего.

Он смотрит на меня, остатки гнева на его лице сменяются усталым смирением. Словно этот разговор происходил в его голове уже множество раз.

— Ты не понимаешь, — говорит он. — *Неважно*, что ты не такая, как она. Какая-то часть меня все равно так считает и просто... ждет... что все снова полетит к чертям. Это нелогично, но я ничего не могу поделать. И как бы сильно я ни боялся, что ты причинишь мне боль, я больше сам боюсь сделать больно тебе. То, что случилось с Оливией? Я не могу так поступить с кем-то снова, в особенности с тобой.

Он думает, что пытается защитить меня, но как человек, который всю жизнь подстраивался под других, я знаю, без тени сомнения, что для него я – та самая.

— Итан, ни одни взаимоотношения не обходятся без риска, и пусть ты думаешь, что сможешь отталкивать людей вечно, я здесь, чтобы сказать тебе – ты обречен на неудачу.

Я нежно провожу руками по его предплечьям и бицепсам. Скольжу по его теплой, мягкой коже.

— Беда в том, — говорит он, не сводя с меня взгляда и нежно касаясь моей щеки, — как бы сильно ты ни вселяла в меня ужас, и как бы я ни был уверен, что один из нас – если не оба, глубоко пожалеет об этом... если и быть обреченным, то только с тобой.

Мы смотрим друг на друга несколько долгих мгновений, и как только мой взгляд проникает ему прямо в глаза, я улавливаю с точностью до секунды момент, когда он принимает решение. Я перестаю дышать, когда его пальцы в моих волосах сжимаются. Потом он наклоняется, его губы нависают прямо надо моими, сладкий теплый воздух обдает мое лицо и время останавливается.

— Нечестно смотреть на меня таким взглядом, — шепчет он. — Ни капельки нечестно.

Затем пространство между нашими губами исчезает, и он целует меня, настойчиво и требовательно. Резкий вдох, который мы выпускаем, отдается невероятно громким звуком у меня в ушах. Мы целуем друг друга отчаянно, наши губы плотно смыкаются, сливаясь воедино так, словно это их предназначение, а затем размыкаются, уступая место тихим стонам.

Эффект, который он оказывает на мое тело – мгновенный и мощный, и я как могу наслаждаюсь отсутствием его футболки. Мои руки блуждают повсюду. По его широким плечам и рукам. Вдоль его спины до лопаток. Вниз вдоль боков и по животу.

Он выпускает стон мне в губы и исследует меня так же жадно.

— Господи... Кэсси.

Он целует меня со всей искренностью и страстью, и, наконец-то, я чувствую это – после стольких шагов назад, мы все же двигаемся вперед. К чему-то, о чем я не имею ни малейшего представления, но само понимание того, что он открыт для опыта – лучшее чувство, которое я когда-либо переживала в своей жизни.

— Я готов делать это всю ночь. — Он выдыхает между поцелуями. — Быть вдали от тебя было так утомительно.

Каким-то образом мы начинаем отступать назад к кровати, все также целуясь, глубоко и неистово. Я крепко хватаюсь за него, когда он прижимается ко мне и начинает двигаться, медленно и настойчиво.

— О, боже. Да.

Он утыкается головой мне в шею и прикидается к ней. Не прерывая своих движений, он целует меня вдоль горла и спускаясь ниже, заключает мою грудь в свои ладони.

Я выгибаю бедра ему навстречу и без стеснения хватаю его за задницу, стремясь плотнее прижать к себе.

— Черт. — Он стонет напротив моего плеча и замирает. В комнате воцаряется тишина, слышно только наше неровное дыхание.

— Что не так? — спрашиваю я, хватаясь за его плечи, пока мое сердце бешено грохочет.

— Ничего, — говорит он, все также не двигаясь. — Просто дай мне минутку. Не шевелись.

Втайне я прихожу в восторг, что оказываю на него столь сильное воздействие. Приятно знать, что наше влечение определено взаимно.

— Поговори со мной, — просит он, опуская голову на мое плечо. — О чем угодно, что может отвлечь меня от твоего великолепного тела.

— Хм... ну, мне жаль, что у тебя произошла такая стычка с отцом. — Я нежно поглаживаю его по спине. — Он перешел все границы дозволенного. И я ни в коем случае не позволила бы пройти двум годам, не говоря тебе о своей любви. Это так неправильно. Если бы ты был моим, я бы говорила, что люблю тебя каждый день.

Я тут же спохватываюсь.

— В смысле, будь я на месте твоего папы, понимаешь? Я бы говорила это, если бы ты был моим *сыном*. Я не говорю, что люблю тебя. Не говорю. Я просто...

— Я и не думал, что ты... — Он улыбается. — Наверно, тебе лучше заткнуться и снова поцеловать меня.

Я переворачиваю его на спину.

— Как скажешь.

Он притягивает меня к себе, и мы снова целуемся, и это подобно пребыванию в теплом сладостном сне, от которого не хочется просыпаться.

Поцелуй становится все более неистовым, наши губы и руки с жадностью изучают друг друга, пока нас не прерывает страдальческий голос:

— О боже, ребята, да лааднооо! Не в моей постели!

Мы поднимаем взгляд и видим в дверях Джека, который покачивается так, будто ему стоило бы прекратить пить с час назад.

— Разве вы не получали памятку о том, что в моей постели запрещено заниматься сексом? Это же винтажное покрывало со «Звездными войнами»!

— Чего тебе, Джек? — Холт вздыхает, а я тем временем подавляю смех.

— Спускайтесь вниз, — говорит он, приваливаясь к двери и проливая свое пиво. — Опубликована первая рецензия, и... ну... в ней говорится кое-что плохое о вас двоих.

Мы с Холтом переглядываемся, паника и страх отражаются на наших лицах.

— Да я просто прикалываюсь! — смеется Джек. — Рецензия потрясающая. Тащите свои задницы вниз, чтобы я смог прочесть ее всем. Шевелитесь!

Он нетвердой походкой выходит за дверь. Холт неохотно слезает с меня и достает из шкафа футболку. Натягивает ее через голову и с ухмылкой разглаживает. На ней изображен

огромный красный крест и надпись: «Донор оргазма».

— Ну, хоть с этой не прогадал.

Я качаю головой и смеюсь, попутно приводя себя в порядок.

Он подходит ко мне и берет мое лицо в руки, потом наклоняется и целует.

— Я не буду целовать тебя перед ними, — говорит он. — Или же держать за руку. Я просто не хочу, чтобы о нас болтали. Предполагали что-то.

— Хорошо, — соглашаюсь я, разочарованная тем, что мне придется скрывать свои чувства к нему. — Но разве Джек не расскажет им, что мы целовались?

Он мотает головой.

— В его теперешнем состоянии, он, наверно, забыл о нас уже через пять секунд после того, как вышел из комнаты.

Он целует меня еще раз, и потом мы спускаемся вниз, стараясь игнорировать перешептывание в толпе, возникающее при виде нас.

— Наконец-то! — говорит Джек. Он призывает всех к тишине, затем ставит кружку пива на стол и берет распечатанные им страницы. — Хорошо, слушайте, ребята. Это рецензия Мартина Килвери из Online Stage Diary. Он славится тем, что ему тяжело угодить так что имейте это в виду, когда услышите его мнение.

Вся комната погружается в тишину, и когда Джек начинает читать, я чувствую, как Холт напрягается рядом со мной.

— Принимая участие в постановках классических пьес Шекспира, актеры подвергают себя риску повторить и воссоздать многое из того, что уже было показано. Но последняя постановка «Ромео и Джульетты» в Институте Творческих Искусств «Гроув», не имеет ничего общего с этим утверждением. Постановка незаурядна и современна, что само по себе не является новаторским. Революционным является то, что после того как с течением лет я побывал на несметном количестве постановок, я наконец-то поверил в искренность и силу любви двух молодых людей. И сказать, что для вашего рецензента это был один из самых захватывающих вечеров, проведенных когда-либо в театре, было бы преуменьшением.

Из толпы доносится удивленный гул голосов и редкие аплодисменты. Джек улыбается и продолжает:

— Режиссер, Эрика Иден, сумела перевоплотить своих подопечных в образцовую и мощную труппу будоражащих кровь актеров. И в то время как они все демонстрировали зрелость в своих выступлениях, они не теряли юношеской вздорности, которое занимает непосредственно центральное место в этой истории.

Раздается еще больше одобрительных возгласов. Я чувствую легкое давление на спине от прикосновения руки Холта.

— Ладно, тише-тише, — говорит Джек. — Мы почти дошли до лучшей части. — Он откашливается. — И несмотря на то, что весь актерский состав поистине исключителен, особого упоминания заслуживают Айя Седики в роли кормилицы которая привнесла в образ поразительное чувство собственного достоинства; и Коннор Бейн в роли Меркуцио — роль, которую часто преподносят поверхностно в силу безрассудства героя, но даже в такой образ, ему удалось привнести неожиданную и приятную чувственность.

Все восторженно хлопают, а Айя и Коннор лучатся улыбками. Я аплодирую им обоим, чувствуя за них невероятную гордость.

Джек многозначительно смотрит на нас и продолжает:

— Но главным триумфом постановки является выбор двух ведущих актеров — Итана

Холта на роль Ромео, и Кассандры Тейлор на роль Джульетты. — Из толпы доносятся крики и свист, и мое лицо вспыхивает ярко-красным румянцем. — Играя Ромео, мистер Холт привнес в роль колючую уязвимость, которая сыграла в противовес акрам цветочной прозы, которую должен был выразить его персонаж. Его интенсивная, подобная пантере энергия словно поток свежего воздуха после фатоватых и неопытных Ромео, свидетелем которых мне довелось быть в прошлом. И если кому-то и предрекать после этого спектакля блестящее будущее на профессиональной сцене, так это Итану Холту.

Я проглатываю ком в горле, гордость за Холта нарастает внутри меня. Поворачиваюсь и вижу, что его глаза полны радости и волнения. Мне хочется обнять его и прошептать, как я горжусь им, но с этим придется немного подождать.

Я снова поворачиваюсь к Джеку, который теперь смотрит на меня.

— Джульетта в исполнении Кассандры Тейлор является в равной степени, как притягательной, так и истинным олицетворением героини двадцать первого века. Красивая и храбрая, ее Джульетта, — отнюдь не хрупкий цветок. Она своевольная, темпераментная женщина, чья целеустремленность способна заставить публику влюбиться в нее столь же сильно, как и обреченного Ромео. Мисс Тейлор показала потрясающий эмоциональный диапазон в своем четко продуманном выступлении, который можно охарактеризовать только, как «звездный профессионализм».

Я пытаюсь сглотнуть, но мое горло словно сдавило. Сжимаю крепко челюсть, стараясь сдерживать слезы, и когда в следующее мгновение чувствую легкое прикосновение пальцев Холта, я благодарна ему за то, что он рядом.

— Но, — продолжает Джек, подбираясь к заключительной части, — как бы ни были уникальны выступления этих двух молодых людей, именно их поразительная совместная химия вознесла эту постановку до небес. В нашем современном циничном мире, наполненном ошеломляющим количеством разводов и эфемерных идеалов, не так-то легко заставить публику поверить в силу любви. И надо сказать, эти двое справились с этой задачей превосходно, и я готов бросить вызов любому, кто был свидетелем их сценического романа и остался равнодушным к их удивительной страсти. Это, безусловно, заставило вашего в какой-то степени циничного рецензента пожелать, чтобы в этом мире было больше истинной любви.

Вся толпа охает в унисон, и когда я смотрю на Холта, клянусь, замечаю, что он краснеет не меньше моего. Комната наполняется болтовней, когда все принимаются обсуждать рецензию и ее посыл, но я слишком потрясена, чтобы даже просто завязать разговор.

Джек достает свой телефон, и просит нас с Итаном принять позу для фото. Ни секунды не колеблясь, мы обнимаем друг друга и улыбаемся в камеру.

Щелкает вспышка, и затем Джек показывает нам фото.

Оно красивое.

Наши улыбки так ослепительны, что я начинаю думать, что не существовало еще в истории человечества двух людей, которые бы выглядели счастливее нас в этот момент.

Мы — звезды.

Квартира Марко немного напоминает его самого – такая же большая и яркая. Она наполнена мягким бархатом и роскошным антиквариатом, отчего создается ощущение, что здесь обитает эксцентричный прусский царь, а не театральный режиссер.

Мы празднуем окончание нашей третьей недели репетиций, и Марко пригласил всех членов труппы на коктейльную вечеринку. Это впервые, когда более чем за неделю, я вижу Холта вне репетиций. Он часто приглашал меня пойти в бар после работы, но я всегда отказывала. И хоть меня все больше и больше тянет к нему, мысль о том, чтобы провести с ним время наедине, заставляет меня покрываться потом. Я согласилась прийти сегодня, только потому, что знала, что мы будем в обществе других людей.

Я наблюдаю, как на другом конце комнаты он разговаривает с партнером Марко, Эриком. Он с вниманием и энтузиазмом слушает истории Эрика о том, как тот нашел свои любимые предметы антиквариата.

Холт задает вопросы, улыбается, смеется и неожиданно я чувствую резкую боль в животе, когда осознаю насколько сильно он отличается от того нетерпеливого и замкнутого человека, которым был прежде. Мне интересно, когда он смотрит на меня, замечает ли он, насколько изменилась я? Какой стала циничной. Какой хрупкой.

Мне интересно, приходило ли ему на ум, что усилия, которые он прикладывает на возобновление отношений со мной, больше не стоят того.

— Тост! — объявляет Марко, и мы все начинаем бесцельно кружить по гостиной, пока Коди между делом доликает нам в бокалы шампанского. — За эту замечательную труппу и нашу удивительную пьесу. Пусть конечный результат будет таким же невероятным, каким я его предсказываю. Я не был номинирован на «Тони» уже как два года, и у меня начинается ломка! Так что, пожалуйста, дорогие коллеги и друзья, давайте поднимем бокалы – за нас!

Я улыбаюсь и поднимаю свой бокал, потом искоса смотрю на Холта. Он с теплотой смотрит на меня, произнося тост: «За нас».

Видите? Именно поэтому я должна держаться от него подальше; всего двумя словами он заставляет меня чувствовать себя впервые влюбившейся школьницей.

Я отлучаюсь на поиски ванной комнаты, но по дороге наталкиваюсь на кабинет Марко. Сразу за дверью находится величественный шкаф со стеклянными дверцами, заставленный множеством кубков яркой раскраски.

Я захожу в комнату и начинаю рассматривать кубки и сосуды, вытянутые бокалы для вина и шампанского, искрящиеся всеми цветами радуги, некоторые с вкраплениями золота и серебра.

— Ах, мисс Тейлор, вижу, вы обнаружили предмет моей гордости и радости.

Я оборачиваюсь и вижу, как в комнату входит Эрик, а Холт не отставая идет следом.

— Я как раз собирался показать мистеру Холту мое пламенное увлечение. Марко без устали твердит, что нам скоро понадобится квартира попросторнее, если я не перестану скупать антикварное стекло, но ничего не могу с собой поделать. С помощью интернета слишком уж легко подкармливать мою зависимость.

Холт встает позади меня, и мою спину обдает жаром его тела.

— У вас потрясающая коллекция, — говорит Холт, разглядывая витрину. — Вы давно ее собираете?

Эрик кивает.

— Около двадцати лет. Я предпочитаю итальянское стекло, в частности венецианское. Но у меня также имеется парочка русских и английских образцов, некоторые относятся к раннему периоду восемнадцатого века.

— Правда? — спрашиваю я. — Как они сохранились так долго?

Он улыбается.

— Ну, по правде говоря, немало образцов как-то подбиты или же повреждены, но это часть их очарования. Это говорит об их истории. Прелесть антиквариата в том, что у предмета была жизнь — возможно, множество жизней — до того, как он попал в мои руки. Позвольте мне показать, что я имею в виду.

Он открывает дверцу шкафа и извлекает оттуда высокий винный бокал на тонкой ножке. Он не отделан яркой раскраской в отличие от большинства других. Это обычное, прозрачное стекло, единственным украшением которого является тонкая гравировка на чаше.

— Это один из моих любимых, — говорит Эрик, держа его с благоговением. — Говорят, он принадлежал Леди Крэнборн из Уэссекса. Ее бурные отношения с мужем пользовались дурной славой. Однажды, он преподнес ей набор из шести бокалов в качестве подарка на годовщину. И как утверждают, вечером того же дня, сделал обидное замечание в ее сторону. Подозреваю, это было как-то связано с ее взаимоотношениями с одним из конюхов. По легенде, это единственный уцелевший бокал. Остальные разбились на кусочки, когда она бросила их в него.

Он приподнимает бокал к свету и указывает на тонкую линию, проходящую по длине всей чаши.

— Видите эту трещину? Она образовалась, когда Лорд Крэнборн поймал бокал после того, как жена швырнула его ему в голову. Это было в 1741. Вот уже почти триста лет этот бокал существует, несмотря на повреждения. Удивительно, не находите?

Он осторожно помещает бокал обратно на витрину и поворачивается к нам с Холтом.

— Полагаю, это часть моего увлечения. На вид такое хрупкое, но каким-то образом выдерживает испытание временем вопреки трещинам и царапинам. Лично для меня безупречное стекло не представляет интереса. Мне очень нравятся все эти детали, шрамы долголетия только украшают их в моих глазах.

— Но разве повреждение подобное этому не обесценивает стекло? — спрашиваю я, обращаясь к моим ограниченным знаниям в области античности.

Эрик задумчиво смотрит на меня.

— Ценность — очень субъективный предмет.

Он подходит к большому шкафу и достает шкатулку из орехового дерева. Протягивая ее мне, он просит меня открыть крышку. Когда я открываю, вижу, что внутри она отделана роскошным синим бархатом. В ней имеются шесть углублений для кубков, но вместо цельных бокалов, там просто куча осколков.

Я в замешательстве смотрю на Эрика.

— Когда я покупал «Бокал Крэнборнов», — поясняет он. — это было включено в набор. Это то, что осталось от других пяти бокалов. Аукционист посоветовал мне выбросить их. В конце концов, это просто осколки битого стекла. Но для меня это значило больше, гораздо больше. Леди или Лорд Крэнборн, должно быть, собрали битое стекло после ссоры. То, что эти бокалы символизируют — их брак, их историю, их любовь — слишком важно, чтобы

избавиться даже от того, что неисправимо разбито.

Он улыбается нам с Холтом, потом закрывает шкатулку и помещает ее обратно в шкаф.

— Аукционист считал, что они ничего не стоят, поскольку не имеют денежной ценности, но, на мой взгляд, они бесценны. Это символ страсти, а без страсти жизнь бессмысленна, ведь так? Во всяком случае, это то во, что я всегда верил.

Он замолкает и с улыбкой направляется к двери.

— Мне лучше пойти помочь Марко с десертом. Он напрягается, если люди не суют что-то в рот каждые пять минут. Рассматривайте бокалы, сколько пожелаете. Подержите, если хотите. Они на самом деле не такие хрупкие, какими кажутся.

Он исчезает в коридоре, и затем остаемся только мы с Холтом, стоящие слишком близко, пока слова Эрика витают в воздухе.

— Ну, — начинаю я. — Как ты думаешь, кто сохранил осколки? Лорд или Леди Крэнборн?

— Лорд, — без колебаний отвечает Холт.

Я вопросительно смотрю на него.

— Он купил ей бокалы, — поясняет он, — и сказал что-то, что ранило ее. Он бы чувствовал вину.

— Да, но она была той, кто разбил их, — говорю я. — И может, сказанное им было правдой.

Холт качает головой.

— Это неважно. Если она так сорвалась, он наверняка был бессердечным козлом.

— Или может быть, она просто была королевой драмы.

Он задумывается на минутку и смотрит на меня, его глаза пронизывают.

— Может они оба сохранили их. Может, они аккуратно собрали все осколки, и потом занялись невероятным примирительным сексом перед камином.

Я приподнимаю бровь.

— Перед камином?

— Конечно. Возможно, над ним еще висела отрубленная голова животного.

— Ого. Как романтично.

— Знаю. Ничто так не говорит: «Я люблю тебя», как битое стекло и обезглавленное дикое животное.

Я смеюсь, и он тоже. Затем его улыбка гаснет, принимая знакомое мне выражение тоски, которое я так часто вижу в последнее время.

— Ты избегаешь меня, — говорит он тихо. — Я как-то разозлил тебя? Если да, то я не упустил бы шанса извиниться.

Я перевожу взгляд обратно на шкаф, стараясь игнорировать, как потрясающе выглядят его глаза в стекольном отражении.

— Ты ничего не сделал.

— Твой взгляд определенно говорит обратное.

Он встает позади меня, прижимаясь грудью к моей спине.

— Я мог бы поспорить, что ты злишься из-за того, что так сильно хочешь меня. — Он обвивает меня рукой за талию и поворачивает лицом к себе. — Разве ты еще не поняла, что мне известны все уловки? Мрачные взгляды, ярость, никаких прикосновений. Я поступал с тобой так же, потому что боялся впустить. Но ты не позволила держать себя в стороне. Ты подталкивала меня снова и снова. Может именно так мне стоит поступить сейчас? Заставить

тебя посмотреть в лицо своим чувствам?

Мое сердце пускается вприпрыжку, когда он скользит своими пальцами сквозь мои волосы. Дыхание становится поверхностным, и я инстинктивно сосредотачиваюсь на его губах. На том, какими мягкими они кажутся. Какими восхитительными были бы на вкус.

— Ты хочешь, чтобы я поцеловал тебя, — говорит он. — Ты никогда не признаешься, и попытайся я это сделать, остановишь меня, но... ты хочешь этого. Ведь так?

Я опускаю глаза.

— Нет.

— Вранье.

Он берет мое лицо в свои ладони.

— Посмотри мне в глаза и скажи это, и тогда возможно я поверю тебе.

Мой желудок сжимается, и все мое тело вспыхивает, но я заставляю себя встретиться с ним взглядом.

— Я не хочу, чтобы ты целовал меня.

Мой голос нетверд и слаб. Прямо как моя решимость.

— Господи, Кэсси, — говорит он, поглаживая мою щеку. — Ты признанная критиками актриса и это все, на что ты способна? Это, охренеть, как ужасно. Попробуй еще раз.

— Я не... Я не хочу, чтобы ты целовал меня.

— Еще как хочешь, — говорит он спокойно и уверенно. — Я не собираюсь этого делать. Мне всего лишь хочется услышать это из твоих уст.

Он может с таким же успехом попросить меня пройти по натянутому канату на высоте ста футов, без страховки. Я вперяюсь взглядом в его грудь.

Он вздыхает, и мне непонятно, это вздох разочарования или облегчения.

— Кэсси, посмотри на меня. — Когда я колеблюсь, он прикладывает палец к моему подбородку и приподнимает его до тех пор, пока я не смотрю на него. — Я просто хочу, чтоб ты знала: в ту самую секунду, когда ты будешь готова начать все сначала, я зацелую тебя до смерти. Я буду целовать тебя, пока ты не увидишь звезды, не услышишь ангелов, и не сможешь стоять целую неделю. Надеюсь, ты понимаешь это.

Мое сердце гроыхает.

— Холт, если я когда-нибудь буду готова, ты будешь первым, кто узнает. Обещаю.

Он одаривает меня полуулыбкой.

— Значит, поцелуев в меню сегодня нет, но знай, я также раздаю бесплатные объятия — чисто платонические — любой красивой женщине, которая их потребует.

Я смеюсь, и, получается, пожалуй, чересчур громко, потом подаюсь вперед и обнимаю его. Лицом он утыкается в мою шею, и я крепко сжимаю его едва наши тела соприкасаются.

— Боже, ты так потрясающе пахнешь, — шепчет он напротив моей кожи. — Ничто в этом мире не пахнет так приятно, как ты.

— Звучит не слишком-то платонически.

— Ш-ш-ш. Не разговаривай. Просто позволь мне вдыхать твой запах.

Я отстраняюсь и изгибаю бровь.

— Ладно, ладно, — говорит он, и закатывает глаза. — Больше не буду нюхать. Блин, обломала мне весь кайф.

Он снова обнимает меня, и я вздыхаю.

— Уже готова к поцелую? — спрашивает он, крепче обнимая.

— Еще нет.

Он проводит носом вдоль моей шеи и вдыхает.

— Просто хотел убедиться.

Шесть лет назад

Вестчестер, Нью-Йорк

Гроув

Дневник Кассандры Тейлор

Дорогой дневник,

Уже почти две недели, как мы с Холтом официально решили стать неофициальной парой, и за это время я испытала столько сексуальной неудовлетворенности, сколько, я уверена, не положено испытывать человеку.

Между нами случались редкие сеансы «поцелуев и тисканий», когда он провожал меня домой после занятий, но на этом все. Не лови я изредка, как он разглядывает меня, словно хочет приготовить из моих сисек обед из трех блюд, я бы никогда не подумала, что вообще нравлюсь ему.

Моя проблема в том, что только по одному моему виду понятно, что он по-настоящему нравится мне. Я слишком громко смеюсь над его шутками, и сажусь слишком близко к нему на занятиях. Его демоническое сексуальное притяжение достигло предела, и я просто не могу им насытиться.

Совсем не помогает и то, что недавно я видела чрезвычайно эротические сны о нем. Сны, в которых мне удалось увидеть то, что он прячет в своих штанах. Следовательно, время, отведенное мною на просмотр порно, достигло экстремальной отметки. Я посмотрела бесчисленное количество видеороликов о том, как доставить мужчине удовольствие, и пусть у меня большие сомнения относительно применения моих псевдознаний на практике, я правда хочу этого.

Он придет ко мне сегодня вечером, чтобы мы могли подготовиться к завтрашнему опросу по истории театра. Я хочу соблазнить его, но не совсем понимаю, что включает в себя соблазнение. Думаю, у меня есть два часа, чтобы выяснить это.

— Назови шесть самых известных древнегреческих драматургов, — говорит он сексуальным голосом, не сводя с меня своих изумительных глаз.

— Э-э... ладно. Древнегреческие драматурги. Хм... дай мне секунду.

Я постукиваю карандашом по тетради, пытаюсь вспомнить ответ. Он наблюдает за мной, сидя скрестив ноги и прислонившись спиной к дивану. Его пах находится в зоне прямой видимости.

Нет ни единого шанса сосредоточиться, когда он практически щеголяет передо мной своим пенисом. О чем, черт побери, он думает?

Фыркаю и плотно зажимаю глаза.

— Э-э... древнегреческие драматурги... ах...

— Ну же, Тейлор, ты знаешь это.

— Знаю, но... — *ты отвлекаешь меня своим предположительно красивым мужским половым органом,* — мой мозг выдохся. Мы занимаемся уже два часа.

Открываю глаза. Он смотрит на меня, и знакомое тепло исходит от него.

— Когда мы закончим с древними греками, сделаем перерыв. Хорошо?

На его губах небольшой блеск влаги. Я не могу отвести взгляд.

— Во время перерыва, ты позволишь мне поцеловать тебя?

Он в нерешительности медлит и пытается не улыбнуться.

— Может быть.

— Пощупать тебя?

— Возможно.

— Посмотреть на твой пенис?

Его глаза выкатываются из орбит, и он давится собственной слюной.

— Какого черта, Кэсси?!

Ладно. Соблазнение не удалось. Переходим к плану Б.

— Пожалуйста? — Я упоминала, что план Б — это неприкрытое попрошайничество?

Он смеется и запускает руку в свои волосы.

— Скажу тебе одно, Тейлор: я никогда не знаю, что в следующую секунду может вылететь из твоего рта.

Меня так и подмывает отпустить шутку насчет того, что я хотела бы *взять* в свой рот, но решаю, что уже и так достаточно его спугнула.

— Ладно, тогда может сыграем? — Я сажусь, упираясь коленями в пол. Он недоуменно смотрит на меня. — За каждый правильный ответ о древних, я снимаю с тебя один предмет одежды.

Он снова смеется, но в этот раз смех звучит с легкой толикой истерии.

— А если ты ответишь на вопросы неправильно?

— Тогда ты снимешь с меня одежду.

Он косится на меня и опускает взгляд на пол.

— Я думал, мы договорились не спешить.

— Договорились, и не спешим, — говорю я, беря его за руку. — Холт, единственное, что движется медленнее нас двоих — это ледник в Новой Зеландии, и откровенно говоря, он догоняет. — Я смотрю на его пальцы и глажу их. — Я просто... хочу коснуться тебя. Что в этом плохого?

Он сжимает мои пальцы в своей руке.

— Ты ведь понимаешь, что обычно это парень давит на девушку, чтобы заставить ее раздеться? В смысле, ты сейчас посягаешь на мои мужские обязанности.

Мое сердцебиение учащается, когда я замечаю, как сильно расширились его зрачки.

— Тогда надави на меня.

Он смотрит на меня с выражением неверия.

— Ничто из этого не пугает тебя, да? — тихо спрашивает он.

Я с трудом сдерживаю смех.

— Конечно, пугает. Это вселяет в меня ужас. *Ты* вселяешь в меня ужас. Но не настолько, чтобы я подумала, что ты не стоишь того.

Его взгляд прожигает.

— Ты думаешь, я стою того?

Я киваю.

— У меня нет сомнений.

Он сглатывает.

— Это самое сексуальное, что мне приходилось слышать.

В следующую же секунду, я оказываюсь на своей спине. Он настойчиво целует меня,

придавливая всем своим весом, и я раздвигаю для него ноги. Стоит нам соприкоснуться, как он зарывается руками в мои волосы и издает мой любимый гортанный звук.

— Если мы завтра завалим этот тест, — говорит он, задыхаясь между поцелуями в шею, — виновата будешь ты. Ты же знаешь это?

Я с жадностью целую его в ответ, потом отстраняю от себя, чтобы перевернуть его на спину. Сажусь на его бедра и хватаюсь за воротник рубашки.

— Да брось. Мы можем делать и то, и другое. Хм... шесть самых известных древнегреческих драматургов. — Я расстегиваю пуговицу на его рубашке. — Феспид.

— Эсхил. — Вторая пуговица.

Отдвигаю ткань в сторону, чтобы поцеловать его в грудь. Он хватается за бедра и сжимая их толкается в меня своей промежностью.

— Продолжай, — шепчет он, и мне непонятно, говорит ли он о моих губах или же о греках.

— Номер три это... Софокл. — Расстегиваю еще одну пуговицу и продолжаю целовать; его кожа безумно теплая и мягкая под моими губами. — Четыре это... хмм... Еврипид. — Расстегиваю последнюю пуговицу и распахиваю рубашку, потом спускаюсь поцелуями ниже к его животу. Он отпускает мои бедра и впивается пальцами в ковер. — И пять это... — Мышцы его живота напрягаются, когда я целую их. — Э-э... пять это... — Провожу языком по его прессу.

— Боже... Кэсси.

— Не-а. Не «Боже» и не «Кэсси». Кажется, начинается на «А».

Поцелуями я поднимаюсь обратно к его соскам. Понятия не имею, так же ли чувствительны мужские соски, как женские, но все же целую их. Он выгибает спину и чертыхается так громко, что соседи наверняка слышат его.

Хорошо. Заметка на будущее: ему нравится, когда целуют его соски.

— Пять это... Аристофан. — Перехожу на другую сторону. Я изумлена тем, какой он на вкус. Солоноватый и совершенный.

— Номер шесть это... ох... боже... — Он двигает бедрами так, что я больше не могу думать. Не могу перестать наслаждаться его вкусом, лаская руками его тело и боготворя бешеное биение сердца, вызванное моими действиями.

— Шесть... это... О, черт, понятия не имею.

Он приподнимается и целует меня, его язык такой сладкий и теплый, пока я высвобождаю его из рубашки.

— Менандр. — говорит он напряженным голосом. — Похоже, теперь ты должна снять что-то. Позволь мне помочь тебе.

Он отстраняется назад и сдергивает с меня футболку, тихо приговаривая: «Боже, благослови Менандра за то, что он так хреново запоминается». Потом берет мои груди в ладони и нежно сжимает их поверх лифчика.

О, боже. Руки Холта. На моих сиськах. Я сейчас потеряю сознание.

Он сдвигает мои груди вместе и прокладывает по ним дорожку поцелуев. Легкая небритость на его подбородке царапает меня наименее приятным образом.

— Я фантазировал о них неделями. Они такие идеальные. Мягкие. Теплые. Красивые.

Я прижимаю его лицо плотнее к себе и тихо постанываю, пока он продолжает ласкать и целовать. Моя кожа полыхает. Каждый участок кожи вспыхивает под его прикосновениями. Мне едва ли хватает воздуха, но я не хочу, чтобы он останавливался.

Я немного приподнимаюсь, чтобы прижаться к нему теснее, и стоит мне сделать это, как я ахаю. Твердость, что я чувствую, заставляет желать большего.

Он снова ложится на пол, и я сажусь на него, спускаясь поцелуями к его животу. Уже через несколько секунд мое лицо нависает прямо над поясом его джинсов. Я поглаживаю редкую дорожку волос чуть ниже его пупка, пока он наблюдает за мной взглядом налитым тяжестью.

— Я хочу увидеть тебя, — шепчу я.

Он выдыхает.

— Тейлор, ты самая развязная девственница, которую я когда-либо встречал. Большинство боятся того, что скрывается внутри мужских брюк.

— Ты встречал много девственниц? — спрашиваю я.

— До фига. Никто из них никогда не просил меня показать им мой член. Более того, они всегда просили держать его как можно дальше. И заметь, нам всем было по четырнадцать тогда.

Я улыбаюсь.

— Глупые девочки.

Целую участок кожи чуть выше его пояса и когда поднимаю на него взгляд, вижу, как он наблюдает за мной, опираясь на свои локти.

— Ты читал мой дневник, — говорю я, не нарушая зрительского контакта и целуя его в бедро. — Ты знаешь, как я увлечена тем, что скрывается внутри.

— Да, черт побери. — Он плотно сжимает веки и стонет. — Пожалуйста, не напоминай мне о том, что написано в твоём дневнике. После того, как я прочел эту чертову хрень, у меня была эрекция больше недели. Это было пыткой.

— Так, ты помнишь, что я написала? — спрашиваю я, проводя руками по его бедрам.

— Тейлор, — говорит он низким и глубоким голосом. — Мне чертовски стыдно признаться, но я помню каждое слово. Твой дневник – все равно что Виагра.

Он сжимает свою челюсть, пока я поглаживаю его бедра, с каждым разом мои пальцы поднимаются все выше и выше. Все ближе к выпуклости, которую мне так не терпится исследовать.

— Ты сказала, мой пенис может выиграть в конкурсе, — говорит он надтреснутым голосом. — Понятия не имею, почему мне показалось это таким сексуальным. Ох, черт...

Он охает, когда я нежно провожу пальцами по всей его длине, чувствуя напряженность стянутых мышц под тканью.

— Господи. — Его челюсть сжимается и разжимается. — Ты не представляешь, что делаешь со мной. Совсем не представляешь.

Когда я расстегиваю его ремень и принимаюсь за ширинку, он не останавливает меня, но тут внезапное откровение накрывает меня: для меня-то может это все и в новинку, но он точно уже делал это со множеством девушек.

Боюсь, мне далеко до них.

— Продолжай, — говорит он, когда я медлю, в его голосе звучит отчаянная нотка. — Сжался, женщина. Неужели ты не понимаешь, как сильно мне нужно, чтобы ты прикоснулась ко мне?

Его слова вселяют в меня уверенность, и я продолжаю, пока он наблюдает за мной, а его грудь быстро вздымается и опускается. Тихие стоны сопровождают каждый выдох. Когда ширинка полностью расстегнута, я приоткрываю ее и смотрю вниз.

— Ох... ого.

Холт не носит нижнее белье.

Дыши, Кэсси.

Я поднимаю на него взгляд. Он подергивает плечами и легко улыбается.

— День стирки.

Я снова направляю внимание на его промежность.

Когда я спускаю джинсы ниже, его эрекция опускается на живот, предоставляя мне возможность впервые увидеть его по-настоящему.

Мои прогнозы относительно его внешнего вида, оказались точными. Это член достойный награды.

Мои порно исследования показали, что члены бывают всех форм и размеров, и я правда ценю красивые пенисы, независимо от размера. Но пенис Холта в состоянии эрекции такой же, как и все остальное в нем. Непередаваемо великолепный. Большой и завораживающий.

Я нежно касаюсь его, проводя пальцами по натянутой коже. Текстура невероятна: намного шелковистее, чем я себе представляла. Провожу кончиками вдоль всей длины, и с благоговением наблюдаю, как мириады эмоций играют на его лице.

— Тебе нравится? — спрашиваю я, касаясь его более решительно.

Он не отвечает, только кивает. Его одобрение подстегивает меня, поэтому набравшись смелости, я обхватываю его пальцами и сжимаю.

— Ох, ого, — говорю я. — Ощущения удивительные.

Он стонет.

— Можешь сказать это снова.

Я осторожно двигаю кистью верх-вниз, потрясенная ощущением кожи, скользящей поверх мышцы. Поочередно следя за своей рукой и его реакцией, я вскоре становлюсь более уверенной в своем напоре и ритме

— Ох... Кэсси...

Посмотрите на него. Посмотрите, какой он красивый.

Выражение его лица прекрасно. Рот приоткрыт, брови нахмурены. От каждого движения моих пальцев его дыхание сбивается, и он стонет, либо чертыхается.

У меня возникает желание поцеловать его, поэтому не прерывая движений, я нависаю над ним и завладеваю губами. Он страстно целует меня в ответ, затем смыкает свои пальцы поверх моих и сжимает.

— Жестче, — шепчет он, и одобрительно постанывает, когда я подчиняюсь.

Не знаю, что я думала, когда представляла, каково это будет интимно прикасаться к Холту, но я точно не подозревала, что буду чувствовать такое... удовлетворение. Видеть его реакцию на мои прикосновения и слышать стоны, которые я вызываю — это без сомнения самое эротичное, что мне приходилось испытать. И когда он лихорадочно шепчет, что вот-вот кончит, меня обуревают чувства, словно я только что расщепила атом или изобрела колесо. Такая могущественная и умная.

Когда он достигает кульминации, меня завораживает.

Все его тело напрягается, и я мысленно заявляю права на его впечатляющий оргазм. Я всему виной. Я. Неопытная девственница заставила Итана Холта кончить — и весьма обильно, могу добавить — по всему животу.

Я — сексуальная богиня.

В конце Холт испускает протяжный громкий стон, и я целую его, пока он неподвижно

лежит, пытаясь восстановить дыхание. Потом я приношу мокрое полотенце, чтобы помочь ему привести себя в порядок.

Когда мы заканчиваем, он натягивает на себя рубашку и застегивает джинсы, и в этот миг меня накрывает такой мощный всплеск эмоций, что я не знаю, что с этим делать. Должно быть, он замечает это на моем лице, потому что тут же притягивает к себе.

— Кэсси? Эй... — Он берет мое лицо в ладони, беспокойство окрашивает его голос. — Ты жалеешь, что сделала это? Я шутил, когда говорил о давлении на девушек. Я бы никогда не стал принуждать тебя делать то, чего ты не хочешь. Я не до такой степени мудака.

Я смеюсь и качаю головой.

— Нет, мне очень понравилось, просто... — Я глубоко вздыхаю и смотрю на него. — Я просто так рада, что заставила моего не-парня кончить. Это ненормально, что я горжусь собой?

Он смеется и поглаживает меня по щеке.

— Нет. Твой не-парень тоже гордится тобой. И это был твой первый раз? Черт, женщина. Страшно подумать, на что ты будешь способна после небольшой практики.

— Для тебя перестанут существовать другие женщины, — говорю я серьезно.

Он кивает.

— Уже перестали.

Он тяжело вздыхает, потом берет свою книгу и открывает на месте, где мы остановились.

— Не хочется это говорить, но нам действительно надо вернуться к учебе. Если, конечно, ты не хочешь, чтобы я... хм... ну знаешь, вернул должок.

Я улыбаюсь и качаю головой.

— Нет, я в порядке. Впрочем, у меня есть одна просьба, пока мы снова не углубились в учебный процесс.

— Просьба? — усмехается он. — Ладно. И какая?

— Поцелуй меня.

15

ЧУДОВИЩЕ С ЗЕЛЕНЫМИ ГЛАЗАМИ ³¹

Две недели спустя

Вестчестер, Нью-Йорк

Гроув

Я смотрю на свои руки, чересчур нервная, чтобы посмотреть ему в глаза, но зная по ощущению жара на своей спине, что он в комнате.

— Тебе не следует быть здесь, — говорит он. — Я — убийца, если верить слухам. Животное, не достойное ни любви, ни человеческой доброты.

— Я знаю. До меня дошли сплетни. Они скорее вздернут тебя на виселице и станцуют на твоих похоронах, нежели хоть на секунду откроют разум и впустят чуточку здравого смысла. Они счастливы лишь тогда, когда их собственная ничтожность затмевается ошибками других, помогая им тем самым забыть то, что они ненавидят в себе самих.

— Но ты не такая?

— Нет. — Делаю глубокий вдох, чтобы унять свой бешеный пульс, и смотрю ему прямо в глаза. — Может, я и не самая умная девушка в этом городке, не самая красивая, и не самая богатая, но в людях я разбираюсь, как никто другой. И хоть о тебе болтают гнусности, я никогда этого не видела. Я видела лишь человека, который хочет получить второй шанс, но слишком горд, чтобы потребовать его.

Он сглатывает и нежно проводит тыльной стороной пальцев по моей щеке.

— Тебе нельзя говорить мне такие вещи, девочка. После этого невозможно не поцеловать тебя.

— Этого-то я и добиваюсь.

Затем он целует меня, медленно, прикосновение теплых губ и мягких рук. На мгновение я прихожу в замешательство, потому что его губы ощущаются иначе, и вкус странный, но я знаю, что это мысли Кэсси, а не Элли.

Когда мы отстраняемся друг от друга, раздается шквал аплодисментов и сцена заканчивается. Я моргаю и беру Коннора за руку, и мы поворачиваемся к зрителям.

Сегодня наша группа исполняет отрывки из сценариев, отобранные и поставленные третьекурсниками, и хоть мне было непривычно играть в паре с Коннором, а не с Итаном, я сделала все, что в моих силах, чтобы все прошло хорошо. Наш режиссер, Софи, сидит в первом ряду, хлопая и подпрыгивая, так что похоже она довольна нашим результатом.

Мы с Коннором отвешиваем поклоны и уходим со сцены. Он отрывисто обнимает меня, пока представляют следующую пару.

— Не хотелось бы хвастаться, — говорит он. — Но мы только что зажгли там.

Я киваю и улыбаюсь.

— Эти кричащие аплодисменты были отзвуками нашего великолепия.

Он смеется, и мы заходим в проем, ведущий за кулисы.

— Я только футболку возьму, а потом посмотрим на выступления остальных, хорошо?

— Конечно.

— Увидимся через пару минут.

Я только рада его отлучке, потому что есть кое-кто, кого мне очень хочется увидеть. Когда мои глаза привыкают к темноте, я различаю Холта недалеко от осветительной будки, расхаживающего из стороны в сторону и бормочущего себе под нос.

Этим вечером ему предстоит исполнить отрывок из «Гленгарри Глен Росс»³² вместе с Тройем и Лукасом, и поскольку всю неделю мы репетировали в отдельных группах, мне редко доводилось видеть его.

Я подхожу к нему и улыбаюсь. Он же едва ли удостоивает меня взглядом.

— Привет. — У меня получается весьма неплохо играть безразличие, учитывая, что мне только и хочется того, что затащить его в тень осветительной будки и всего зацеловать. — Как дела?

— Привет. — Он продолжает расхаживать и попутно делать глубокие вдохи.

— Ты в порядке?

— Да. Супер. А ты?

Он резок со мной. Избегает зрительного контакта. Я ждала более теплого приема, учитывая сколько времени мы провели врозь. Думаю, я знаю, в чем дело, но если я права, то он просто смешон.

— Холт...

— Слушай, Тейлор, мне надо разогреться, так что если ты не против...

Он отворачивается и разминает шею. Раздается громкий хруст.

Я решаю не настаивать. Ему скоро выходить на сцену и нужно сосредоточиться.

— Ты хочешь... — Я наклоняюсь так, чтобы нас никто не слышал, — ну знаешь, обнимашек? А еще я могу сделать тебе массаж стоп, если еще есть время.

Он вздыхает, но не поворачивается.

— Нет. Я в порядке. Увидимся позже, ладно?

Я осматриваюсь вокруг. Помимо Миранды, которая наблюдает за выступлением Айти и Джека, больше нет никого, кто мог бы нас увидеть, поэтому я обхватываю его тело руками и обнимаю со спины. Потом прислоняюсь щекой к его плечу и вдыхаю.

Он пахнет так чертовски хорошо, что из меня едва не вырывается стон.

Его тело напрягается, и он шепчет:

— Брось. Люди могут увидеть.

Я сжимаю его сильнее.

— Мне все равно. Я обнималась со всеми сегодня. Почему я не могу обнять единственного человека, которого мне действительно хочется? Я скучала по тебе.

Секунду он ничего не говорит, но потом его плечи опускаются, и он кладет свою руку поверх моей, переплетая наши пальцы.

— Черт, Тейлор... Я... — Он вздыхает. — Я тоже.

Он отступает назад, но взгляд, которым он смотрит на меня, ясно говорит, что истосковался он по мне ничуть не меньше моего.

Может даже больше.

Раздаются чьи-то шаги, и Коннор появляется рядом со мной. Фигура Холта тут же напрягается.

— Привет, Итан. Кэсси, готова идти?

— Да, конечно, — отвечаю я, хоть мне хотелось бы побыть с Холтом еще немного. — Ну, Итан, хм-м... ты... хорошо сыграй.

Я закатываю глаза над своей грандиозной ущербностью.

Холт одаривает меня вялой улыбкой, и мне ненавистно, что у него такой болезненный вид. Надеюсь причина в нервах, а не в нас с Коннором, но уверена, тут немного и того и другого.

— Удачи, приятель, — говорит Коннор и похлопывает Холта по плечу. — Увидимся после шоу.

Когда мы удаляемся, мне отчетливо слышно, как Холт бормочет:

— Нет, если ты попадешься мне раньше, мудака.

Несколько минут спустя объявляют выход его группы и стоит ему только ступить на сцену, как меня завораживает. Лукас и Трой вносят в сцену необходимое соперничество, подпитываемое мужественностью, но очевидно по энергетике, исходящей от Холта, что альфа-самец здесь он. Кроме того, он выглядит очень аппетитно в этом костюме и галстуке.

Их выступление заканчивается под бурные аплодисменты и после еще нескольких групповых выступлений, шоу подходит к концу. Эрика появляется на сцене и произносит речь, в которой поздравляет нас всех с великолепно проделанной совместной работой, и желает нам как следует отдохнуть за выходные.

Когда мы с Коннором идем за кулисы, чтобы переодеться, он по обыкновению обнимает меня. Я не должна находить это странным, потому что он всегда ласков со мной

на физическом уровне, но принимая во внимание происходящее между мной и Холтом, я испытываю чувство вины. И без того плохо, что я всю неделю целовалась с Коннором в угоду сценке.

Не то чтобы мои чувства к Коннору выходили за рамки дружеских, но какой-то части меня интересно, каково это побывать на свидании с парнем, который не боится проявлять своих чувств на людях. Черт, мне интересно, каково это вообще *ходить на свидания* с парнем. То, чем мы занимаемся с Холтом, вряд ли можно назвать свиданиями. Мы в основном тусуемся у меня на квартире. А в редкие случаи, когда выбираемся на вечеринки с остальными одноклассниками, мы проводим весь вечер, избегая друг друга. Потом, когда он отвозит меня домой, мы лихорадочно лапаем друг друга, пока один из нас не кончает.

Он ни разу не пригласил меня на свидание. Он даже не приглашал меня в свою квартиру.

— Ну, увидимся на вечеринке, — говорит Коннор, когда мы расходимся в разные стороны. Я киваю и машу на прощанье рукой. Хотелось бы мне думать, что Холт возьмет меня с собой. Но если в нем и есть какое-то неизменное качество, так это непредсказуемость.

Когда я заканчиваю переодеваться, я беру свой рюкзак и иду к нему в примерку. Я захожу внутрь и обнаруживаю его сидящим на диване и расшнуровывающим свою обувь. На нем все также надеты брюки, но рубашка, галстук и пиджак перекинуты через спинку стула, и выше пояса на нем нет ничего, кроме белой майки.

О, боже.

Я стою на месте в состоянии изнурительной похоти, наблюдая, как перекачиваются его мышцы, когда он дергает за шнурки. Он поднимает взгляд и ловит меня.

Он хмурится, стягивая с себя туфли и носки.

— Ты в порядке?

— Нет. — Уверена, у меня отвисла челюсть, и я пускаю слюнки.

Он перестает возиться с обувью.

— В чем дело?

— В чем дело? — Я жестом указываю на его плечи и руки. — *Вот* в чем дело, мистер. Во всем этом! Я не видела тебя пять дней, и потом ты показываешься в такой одежде?!

Он упирается локтями в колени, и разглядывает себя.

— Тейлор, ты уже видела мои руки.

— Не в последнее время. И дело не только в твоих руках. Еще в плечах. В шее. И в тех редких волосах на твоей груди. И все это вместе, завернутое в этот... этот нелепый предмет одежды, который на тебе надет.

— Мою майку?

— Да! Это как завернуть само определение слова «сексуальный» в слой непреодолимой похоти. — Я досадно выдыхаю и шепчу: — Это странно влияет на меня, Итан. Это вызывает у меня желание делать с тобой странные вещи.

Мгновение он просто смотрит на меня, после чего скользит взглядом по моему телу сверху вниз, и потом снова вверх.

— Какие такие вещи?

— Ты не хочешь знать.

— Могу с уверенностью сказать, что мне очень, *очень* хочется знать. Вперед.

— Это слишком неловко. Ты осудишь меня.

— Тейлор, ты не прикасалась ко мне пять дней. Ты серьезно хочешь продолжать обсуждать это, или предпочтешь что-то сделать.

А он дело говорит.

— Агх. Ладно.

Я подхожу к нему и встаю на колени между его ног. Он с опаской следит за мной, когда я кладу руки на его бедра.

— Напряги бицепс, — тихо приказываю я. У него растерянный вид. — Просто сделай это.

Он качает головой, потом сжимает пальцы в кулак и выгибает свою руку, заставляя мышцы сокращаться и группироваться таким образом, что мне приходится прикусить язык, чтобы не издать неуместный и неподобающий звук.

Я наклоняюсь вперед и прижимаюсь губами к сгруппированным мышцам. Холт кажется смущенным.

Когда я провожу зубами поверх мягкой кожи и припадаю к внутренней твердости мускула, он хмурится. Я закрываю глаза и присасываюсь к тугой мышце. Он издает сдавленный стон, и когда я смотрю на него, то замечаю, что он тяжело дышит и зрачки его расширены.

Я еще раз присасываюсь к его бицепсу, прежде чем чувство унижения одерживает верх, побуждая меня отстраниться.

— Вот такого рода вещи мне хочется делать, — говорю я, садясь на корточки. — А теперь, ты не смущен тем, что тебе нравится кто-то с такими явными отклонениями?

Он опускает руку и моргает.

— Ты понятия не имеешь, да? Даже не догадываешься

— О чем?

— О том, как ты безумно сексуальна.

Он обнимает меня одной рукой и притягивает к себе, лаская пальцами мою щеку и целуя меня, резко и страстно. Его рот теплый и настойчивый. Я откликаюсь, издавая такие громкие стоны, какие вероятно было бы неразумно издавать, учитывая, что мне слышны передвижения наших одноклассников по другую сторону двери гримерной.

— Ш-ш-ш, — шепчет он, прижимая меня к себе.

Я чувствую головокружение и хватаюсь за его плечи, пока он спускается поцелуями вдоль моей челюсти вниз к шее.

— Ого, — говорю я, задыхаясь. — Если ты так реагируешь, когда я присасываюсь к твоему бицепсу, представь, как нам будет весело, когда я доберусь до остальных частей твоей анатомии.

Он тотчас же замирает.

Ну вот, опять. Он всегда так реагирует, стоит мне намекнуть, что я хотела бы сделать ему минет.

— Знаешь, — говорю я, пытаюсь ослабить хватку его рук, чтобы отстраниться и посмотреть на него, — большинство мужчин реагируют совершенно иначе, когда девушки предлагают удовлетворить их орально. Ты боишься, что я не смогу сделать это правильно, потому что у меня нет опыта? Могу заверить тебя, я посмотрела достаточно порно и знаю, как правильно управляться с пенисом. Правда, я не знаю, смогу ли вобрать его целиком, как это делаю девушки в порно, но, уверена, немного практики, и я смогу...

— Чтоб мне провалиться, Тейлор... — Он выпускает меня из рук и откидывается на

спинку дивана. — Ты просто... нельзя просто ходить и говорить такие вещи.

— Почему нет?

— Потому что... — Он потирает глаза, потом смотрит на меня со смесью боли и волнения. — Я стараюсь не дать этой ситуации с тобой выйти из-под контроля, а если ты продолжишь говорить подобную чушь, это станет, черт побери, невозможным.

— Ладно. Я не буду говорить.

Задираю вверх его майку и целую в живот, потом спускаюсь к поясу его брюк. Долгий, мучительный стон исходит от него.

— Нам нельзя, — говорит он дрожащим голосом. — Сюда могут войти в любую секунду.

— И? — Расстегиваю пряжку его ремня. — Уверена, им будет не впервой застукать студентов театрального факультета, ублажающих друг друга за кулисами. А у нас вся группа сексуально озабоченная, или ты не заметил?

Я поглаживаю его сквозь брюки, и хоть сопровождающий это стон звучит, как протест, он не останавливает меня.

— Ты убиваешь меня, Тейлор. Но ты же и так знаешь, да? Каждое твое прикосновение все более и более убийственно.

Слышится топот ног по другую сторону двери, и Холт вскакивает с дивана, успевая застегнуть брюки прямо перед тем, как дверь широко распахивается и голый Джек Эйвери вбегает в комнату.

— Предпраздничный парад наготы! — Он делает быстрый круг по гримерной и выходит.

— Господи. Мне ни к чему было это видеть. — Холт направляется к открытой двери. — Почему у этих чертовых дверей нет замков? Прикрой свой срам, Эйвери.

Он захлопывает дверь и плюхается обратно на диван.

— Вообще-то, — говорю я, — голому Джеку нечего стыдиться. Кто бы мог подумать, что этот чудак упаковывает световой меч больше среднего размера в свои трусы со Звездными войнами.

Холт закатывает глаза, и я посмеиваясь сажусь рядом с ним и глажу его по затылку.

— Ты был на высоте сегодня, — говорю я, водя пальцами вдоль его уха.

Он вскидывает брови.

— Правда?

— Да. Мне нравится наблюдать за тобой на сцене. Ты такой... сексуальный. И талантливый. На самом деле, я думаю, ты сексуальный, *потому что* талантливый. В смысле, ты еще и невероятно красивый, и это нормально для актеров мыльных опер, но они не вызывают во мне никаких чувств, потому что как актеры они ужасны. Так что да, твой талант возбуждает. Это странно? Может, мне перестать говорить?

Он улыбается и подается вперед.

— Да.

Он берет мое лицо в свои руки и нежно целует. Я хватаюсь за него руками, чтобы унять лихорадочное биение сердца.

Он отстраняется и вздыхает.

— Ты тоже талантлива. Слишком талантлива и слишком во многом.

— Значит, — говорю я, беря его за руку и поглаживая пальцы. — Ты видел мою сцену с Коннором?

Он напрягается.

— Хм... да. Я смотрел из-за кулис.

Тень волнения расплзается по его лицу, и мне почти слышно, как его мозг нашептывает вещи, которые не являются правдой.

— И что ты думаешь?

— Ты хорошо сыграла.

— Хм-м-м. А Коннор?

Он пожимает плечами и встает.

— Он был неплох. Он использовал несколько банальных приемов, но, думаю, они сработали.

Он снимает штаны, предоставляя мне прекрасный вид на его задницу в темно-серых боксерах, и потом натягивает на себя джинсы.

— Значит... ты не хочешь говорить ни о чем, что имеет отношение к этой сцене?

Он хватается свитер с V-образным вырезом и натягивает его через голову.

— Нет. — Подворачивает рукава и пропускает руку сквозь волосы.

— Тебя не волнует, что я целовалась с ним?

Он садится на стул напротив меня и достает обувь с носками из-под скамьи.

— Волнует. Я просто не хочу говорить об этом.

— Почему нет?

— Потому что, — отвечает он, надевая носок, — разговоры об этом... да просто мысли об этом вызывают во мне беспричинную злость.

Ого. Он что-то да признает. Это грандиозно.

— Холт, ты ведь знаешь, что у тебя нет причин для ревности?

Он вставляет ногу в ботинок и грубо тянет за шнурки.

— Нет причин? Казалось, ты наслаждалась поцелуем. И с самого первого дня понятно, что Коннор хочет залезть в твои трусики.

Я подхожу и останавливаюсь напротив него, пока он завязывает другой ботинок.

— Не думаю, что это так. Еще на той первой вечеринке, когда я прервала наш поцелуй, мне кажется, он уже знал, что... ну...

Он заканчивает со шнурками и поднимает взгляд на меня.

— Что он знал?

Я сосредотачиваюсь на крошечной морщинке между его бровями.

— Уже тогда ему стало ясно, что мне... нравишься ты.

Он откидывается на спинку стула и вздыхает.

— Да, но это не значит, что *ты* перестала нравиться *ему*. Он просто начал это лучше скрывать.

— Тогда у него здорово получается. За всю неделю репетиций, он не подал ни единого намека.

— Не считая того, что он обжимался с тобой, конечно же.

Я моргаю.

— Хм... да. Не считая этого.

Он поднимается на ноги и делает шаг ко мне.

— Он использовал язык?

— Немного.

— Насколько немного?

Беру его за затылок и наклоняю ближе к себе.

— Примерно так.

Я целую его медленно, потом зажимаю его верхнюю губу между своими губами и нежно посасываю, а затем то же самое проделываю с нижней.

Он издает стон и отстраняется, меряя меня гневным взглядом.

— Господи, Кэсси, он целовал тебя так?!

— Хм... вроде того.

— Вроде того?!

— Да, но... все было совсем по-другому, ведь это были наши герои... а не мы с тобой.

Потому все казалось неправильным.

Он опускает голову. Моих объяснений недостаточно, но я не знаю, что еще сказать.

— Между ним и мной нет той химии, что есть у нас с тобой.

— По мне так, химии у вас в избытке.

— Это была просто игра. Ты видел любовную сцену между Мирандой и Джеком? Было очень горячо, но это не значит, что Миранда сменила ориентацию и хочет запрыгнуть на Джека. Это просто так выглядело.

Он обходит меня и снимает вешалку со стойки, потом вешает на нее костюм и укладывает в чехол для одежды.

— Итан, да ладно.

— Я верю тебе, — говорит он, вешая костюм на стойку. — По логике, я понимаю, что ты сделала все необходимое для роли. Но...

— Но что?

Он засовывает руки в карманы и тяжело вздыхает.

— Мне стало не по себе при виде того, как ты целуешь его. — Он смотрит на меня, и даже сейчас он выглядит неважно. — Это свело меня с ума, и я не преувеличиваю. Я был буквально ослеплен яростью. Мне хотелось выбить из него всю дурь за то, что он прикасался к тебе.

— Как ты сделал с Мэттом, когда узнал о нем и Ванессе? — спрашиваю я.

Он горько усмехается и качает головой.

— Господи, есть хоть что-то, что моя чертова сестра не рассказала тебе?

Я подхожу к нему и кладу руки на его грудь, потом глажу его сквозь свитер.

— Итан, я бы не стала изменять тебе с Коннором.

Он опускает взгляд выглядя таким ранимым, каким я не видела его уже долгое время.

— Я знаю.

— Я бы ни с кем тебе не изменила.

— Да, но формально, ты не можешь мне изменить, потому что я не твой парень.

Поначалу его слова подобны удару кулака, но мне не стоит забывать, с кем я разговариваю.

— Самое забавное, что ведешь ты себя точно, как мой парень. — Провожу рукой вверх по его шее. — Как мой очень сексуальный и ревнивый парень.

Я вынимаю его руки из карманов и обвиваю их вокруг своей талии. Характерная ему вспышка страха загорается в его глазах перед тем, как он качает головой и гладит меня по поясице.

— Тейлор, у тебя отстойный вкус. Есть столько парней, которые подошли бы тебе больше. Бьюсь об заклад, Коннор был бы отличным ухажером. Он был бы одним из тех

отвратительных идиотов, которые дарят цветы посреди кафетерия и нанимают струнный квартет на день рождения.

— Ты хочешь сказать, что мне следует встречаться с Коннором?

— Он тебе больше подходит.

— Ах, в таком случае, мне лучше пойти и найти его. — Я поворачиваюсь, чтобы уйти, но не успеваю сделать и трех шагов, как он разворачивает меня к себе и, прижимая к двери, целует, приоткрывая мой рот и проникая мягким языком внутрь.

Мысли рассеиваются, и я уже не помню, о чем мы говорили всего каких-то тридцать секунд назад.

Когда он отстраняется, мы оба еле дышим.

— Не уверен, уловила ли ты мой тонкий подтекст, — говорит он, — но мне бы очень хотелось, чтобы ты держалась от Коннора подальше, ясно?

Мое сердце бьется как одержимое.

— Будь Коннор в курсе, что ты мой парень, он бы знал, что я несвободна. Не понимаю, почему мы просто не можем открыться людям.

Он прислоняется ко мне лбом.

— Кэсси, мои предыдущие отношения были довольно-таки открытыми. Когда что-то идет не так, становится гораздо сложнее справиться с ситуацией.

— Я понимаю, но ты исходишь из того, что между нами может пойти что-то не так. Может ничего и не произойдет. Может мы будем просто счастливы вместе без всяких ссор.

Он смеется.

— Ты это про нас? Мы ссоримся все время. — Он обхватывает меня крепче руками и теснее прижимает к себе. — Пусть это побудет только между нами еще какое-то время, ладно?

Я киваю.

— Просто... мне иногда кажется, будто ты стыдишься того, что люди узнают, что я нравлюсь тебе, или типа того.

— Я не стыжусь. — Он заключает мое лицо в ладони. — Ну, вообще-то, стыжусь своей постоянной эрекции, но это к делу не относится. Я просто не хочу, чтобы люди осуждали нас и сплетничали за глаза. Уж лучше держать это в тайне.

Вздыхаю и провожу пальцами по легкой щетине на его подбородке.

— Ладно. Будем хранить это в секрете еще какое-то время, но что мне ответить, если кто-то напрямую спросит меня о нас?

Раздается шум голосов в коридоре, и он незамедлительно отступает назад и засовывает руки в карманы.

— Ври.

— А если спросит Коннор?

Его веко подергивается.

— Скажи этому мудаку, что мы помолвлены.

Наши дни Нью-Йорк

Фоей театра «Маджестик» битком набито актерами, режиссерами, спонсорами и заядлыми театралом, которые пришли сюда по случаю одной из крупнейших

благотворительных акций, организованных Бродвеем. Каждый член аудитории вложил несколько сотен долларов, чтобы увидеть отрывки из лучших спектаклей, которые в настоящее время проходят на сценах Бродвея. Все вырученные средства будут переданы в «Благотворительный Фонд Эстрадных Исполнителей Америки».

Мы с Холтом исполнили короткий отрывок из нашего спектакля в качестве превью перед премьерой и, судя по реакции публики, наш спектакль ждет оглушительный успех. Даже сейчас, когда мы проталкиваемся через переполненное фойе, люди на каждом шагу останавливают нас, чтобы сказать с каким нетерпением ждут премьеры. Я замечаю сияющего Марко на другом конце зала. Приятно знать, что весь этот ажиотаж положительный. Так мне куда легче справляться с беспокойством относительно премьеры.

Придерживая рукой за талию, Холт ведет меня к нише в боковой части фойе, где размещается чрезвычайно безвкусная статуя человека из фальшивого мрамора с неестественно маленьким пенисом, но этот уголок хотя бы находится вдали от шума и давки остальной части зала.

— Извини, что я терся об тебя, — говорит он. — Это было неизбежно в такой толпе.

— Да, в первые три раза я так и подумала. Потом же на это не было причин.

Он выглядит потрясенным.

— Тейлор, ты намекаешь, что я терся об тебя нарочно? — Он подается вперед, и я прислоняюсь спиной к постаменту статуи. — Это просто оскорбительно. Я бы никогда не опустился так низко. Реши я сексуально домогаться тебя, то сделал бы это незаметнее. Вот так.

Он одаривает меня до нелепости сексуальным выражением лица и прижимает к стене, и хоть его выходки вызывают во мне смех, правда в том, что когда его тело прижато ко мне, я едва ли могу дышать.

Громкий смех неподалеку резко возвращает меня к реальности, и колючая нервозность пробегает по моей спине при осознании того, что нас могут увидеть.

— Ладно, сэр Совратитель, хорош. — Я толкаю его в грудь, и он отступает назад. — Тут вокруг снуют репортеры. А нам не нужно, чтобы у них сложилось ложное впечатление.

— О чем? О том, что мне нравится тереться об тебя? Так это не ложное впечатление. Это неоспоримый факт. Как ты этого еще не поняла?

— Я веду к тому, что они могут подумать, что мы... ну... ты знаешь...

Его улыбка немного меркнет.

— Нет. Почему бы тебе не сказать мне?

Я вздыхаю и пристально смотрю на него.

— Они могут подумать, что мы... вместе. А мы не вместе.

Отблеск разочарования мелькает на его лице, но он быстро скрывает это. Кладет руку на постамент позади меня и наклоняется.

— Знаешь, *будь* мы вместе – это было бы неплохой рекламой для нашего спектакля. Только представь себе: «Реальная пара играет влюбленных на сцене». Пресса проглотит это.

— Итан...

— Конечно же, мы должны будем поддерживать слухи. Мне придется водить тебя по первоклассным ресторанам и целовать на виду у папарацци... целовать в шею... просовывать руку между твоих ног под столом.

Я вся горю при мысли об этом.

Плотнее прислоняюсь к постаменту.

— Если ты правда хочешь, чтобы спектакль стал успешным, то дашь мне поцеловать себя, — говорит он, метая взгляд между моими глазами и губами. — Прямо сейчас. Перед всеми этими людьми.

Он внимательно смотрит на меня, а я могу только смотреть на его губы, пока внутри меня идет борьба между желанием и страхом.

— Просто скажи «да», Кэсси. Не обдумывая.

Его губы близко. Слишком уж близко, чтобы суметь отказать ему.

— Итан...

— Нет, не «Итан». «Да». Или еще лучше «Да, прошу, Боже, поцелуй меня пока мы оба не сошли с ума». Еще сойдет: «Да, черт побери!» в сопровождении вскинутого кулака в воздух.

Я не могу сдержать улыбки.

Боже, я люблю его.

Мое дыхание замирает.

Ого.

Я совсем не готова встретиться с такой реальностью.

Он распознает выражение паники на моем лице и опускает голову в знак поражения.

— Ладно, никаких поцелуев, но знай: это упущенная возможность. Принести выпить?

— Да, пожалуйста.

— О, как только дело касается выпивки, так сразу: «Да, пожалуйста», но не когда это относится ко мне? Отлично. Тейлор, если наше шоу не соберет кассу, знай, это потому что ты не согласилась на мою рекламную кампанию под названием «Целоваться с Итаном как можно чаще». Надеюсь, ты сможешь жить с этим решением.

Я смеюсь и ударяю его по руке.

— Коктейль с водкой, пожалуйста.

— Да все, что угодно. — Деланно дуюсь, он пробирается через толпу к бару, и стоит ему только отойти, как мне тут же его недостает.

Я выхожу из ниши и делаю глубокий вдох.

Каким бы красивым, терпеливым и забавным он ни был, внутри меня все еще есть осколок чего-то, что извивается и пылает без каких-либо причин или предупреждений, и это пугает меня, ибо такое чувство словно призрак нашего прошлого всегда будет висеть над нами, заставляя меня отталкивать его, даже когда меня будет тянуть к нему.

Я чувствую скольжение руки по своей талии и вздрагиваю от неожиданности, когда поворачиваюсь и вижу знакомое лицо.

— Коннор!

О, боже, *Коннор*.

— Привет, Кэсси, — говорит он и наклоняется, чтобы поцеловать меня. — Ну как ты?

— Очень хорошо. А ты?

Что он здесь делает? Уйди. Пожалуйста, уйди сейчас же.

— Отлично. Со дня на день состоится премьера новой постановки «Аркадии» в театре имени Этель Бэрримор³³.

— Я слышала! Это круто. Мне не терпится сходить на него.

— Тогда дай знать, когда захочешь прийти, и я забронирую тебе места в первом ряду.

— Было бы здорово.

Я никогда не пойду на этот спектакль. И он знает это. Я разрушила нашу дружбу.

Я – ужасный человек.

Мы погружаемся в тишину и несколько секунд просто смотрим друг на друга, пока неловкость селится между нами.

— Ты красивая, — говорит он, и я тут же опускаю взгляд, потому что больше не могу смотреть ему в глаза. — Как всегда.

— Коннор...

— Как дела с пьесой? — спрашивает он, меняя тему разговора. — Должно быть, странно снова работать с Итаном?

Я перевожу взгляд и вижу Итана рядом с барной стойкой, стоящего в ожидании своего заказа.

— Да уж. — Я заправляю прядь волос за ухо и подавляю подступающую панику. — Странно – не то слово. Он знает, что ты здесь?

Он качает головой.

— Нет. Я хотел сначала увидаться с тобой. Поздороваться. Я... я не был уверен насчет того, как много ты рассказала ему о нас. Не хотел причинять неудобства.

Вздыхаю. Неудобство, именно там я и живу последние дни. Прямо за углом Проспекта Паники.

— Я ему ничего не рассказывала, — говорю я, желая, чтобы Коннор ушел до возвращения Холта, — и буду очень благодарна, если ты не станешь поднимать эту тему. У нас премьера через неделю, и мне не хочется провоцировать драму.

— Только не говори, что вы снова вместе? — спрашивает он, и его лицо мрачнеет.

— Нет. Мы не вместе. Мы просто... мы пытаемся быть друзьями.

Когда я перевожу взгляд, вижу, что Холт уже идет к нам, и у меня возникает ощущение, что в любой момент меня может хватить удар, так быстро бьется мое сердце.

Коннор следует за моим взглядом, и ироничная улыбка появляется на его лице.

— Смотрю, некоторые вещи никогда не меняются. Не могу поверить, что после того, как он поступил с тобой, ты все также по уши влюблена в него.

Я резко вскидываю голову.

— Это неправда.

— О, да ладно, Кэсси. Даже когда ты утверждала, что ненавидишь его, ты была так заиклена на нем, что не видела других вариантов, которые были прямо у тебя перед носом.

— Коннор...

— Я бы никогда не сделал тебе больно так, как он. Но полагаю, теперь это уже просто история.

Он безразлично подергивает плечами, но я-то знаю, сколько вреда причинила и от этого осознания чувствую себя полной дрянью

— Я лишь надеюсь, что ты знаешь, какого черта делаешь, потому что если он снова причинит тебе боль... — Он качает головой. — Ты заслуживаешь счастья, Кэсси. Это все, что я пытаюсь сказать.

Я киваю. Все могло бы быть совсем иначе, сложились у меня отношения с Коннором. Но я не смогла. Пыталась. Мы оба знаем, что я правда пыталась.

— Привет, Коннор! — Холт протягивает мне напиток и потом пожимает руку Коннору. Надо отдать ему должное, с виду он искренне рад его видеть. Я же напротив, словно нахожусь на грани двух столкнувшихся миров и того гляди упаду в обморок. — Я слышал, ты играешь в «Аркадии». Поздравляю. Подбор актеров кажется удачным.

Коннор приклеивает на лицо улыбку.

— Привет, Итан. Да, все идет путем. Билеты разлетаются, поэтому мы надеемся на хороший и продолжительный период работы.

Холт улыбается и делает жест в сторону бара.

— Угостить тебя выпивкой? У них есть приличное импортное пиво. Или если ты предпочитаешь что-то покрепче, я могу принести тебе один из этих жутких розовых напитков, которые пьет Тейлор, хотя я уверен, их делают только из водки и сахара.

Коннор смотрит на меня и улыбается, но в его глазах грусть.

— Да, ну... у нее всегда был сомнительный вкус.

В воздухе что-то меняется, и когда я смотрю на Холта, вижу, как его улыбка увядает. Вот теперь Коннору действительно необходимо уйти.

Словно почувствовав нарастающее напряжение, Коннор говорит:

— Что ж, рад был повидаться, ребята, но я должен вернуться к остальным членам команды. Надеюсь, вам удастся выкрасть вечерок и прийти на спектакль. — Он смотрит на нас обоих, произнося это, но я знаю, что обращается он только ко мне.

— До скорого, Итан, — говорит он уже менее дружелюбным тоном. Потом он целует меня в щеку и шепчет: — Береги себя, Кэсси. Пожалуйста.

Он удаляется и хоть зал и полон людской болтовни и смеха, я могу сосредоточиться сейчас только на абсолютной тишине, окружающей Холта. Он отпивает несколько солидных глотков пива и делает вид, что смотрит на что-то на другом конце зала, но мне все же видно, что его взгляд туманен и рассеян. Он не видит перед собой ничего, так сильно пытается не смотреть на меня. Я вся сжимаюсь внутри, потому что точно знаю, что он сейчас скажет.

— Ты спала с ним, да? — тихо спрашивает он. В его голосе нет ни злости, ни даже боли. Лишь... смирение.

Когда я не отвечаю, он смотрит на меня, и я вижу, с каким трудом он пытается сдержать переполняющие его чувства. Его губы плотно сжаты вместе, а мое сердце бьется так громко, что звук отдается в ушах.

— Итан...

— Просто скажи мне, Кэсси. Я не собираюсь закатывать сцену. Мне просто нужно знать.

— Ты уже знаешь.

Он досадно фыркает.

— Мне нужно услышать это от тебя.

Я делаю глубокий вдох и подавляю прилив тошноты.

— Да. Спала.

Он моргает, но взгляда не отводит.

— Когда?

— Ты знаешь когда.

— После выпускного?

— Да.

— Сразу после моего отъезда?

— Да.

— Как долго?

— Три месяца.

— Три месяца?! — Он смеется, но смех отдает горечью. — Три гребаных... — Он

кивает и делает еще один глоток пива, выражение его лица напряженное. — Так вы двое... что? Были в отношениях? Встречались?

— Нет. То есть... отчасти. Он хотел этого, но я просто... не могла. У меня не было к нему таких чувств. Это был просто секс.

Он снова смеется и устремляет взгляд куда угодно, только не на меня.

— Итан... я была зла и задета. Он был там. Ты – нет.

Он отпивает еще больше пива, его челюсть сжимается и разжимается.

— Ты не можешь злиться из-за того, что случилось после твоего ухода. Это нечестно.

— Я знаю, — говорит он низким голосом. — Знаю, что не должен хотеть набить морду Коннору, но... боже, Кэсси, три месяца?!

Он делает глубокий вдох, медленно выдыхает и затем смотрит на меня.

— Я знал, что ты была с другими мужчинами, после моего ухода, — говорит он. — Я подслушал ваш разговор с Тристаном в тот вечер, когда был у тебя в квартире. И как бы сильно эти слова ни убивали меня, я справился, убеждая себя, что это были безымянные, безликие парни. Случайные связи на одну ночь, которые утолили некую сексуальную потребность в тебе. Что они ничего не значили...

— Они ничего *не значили*. Никто из них ничего не значил.

— Коннор значил что-то.

— Нет.

— Кэсси, ты не можешь говорить, что у тебя был с ним секс целых три месяца и это ничего не значило. Одно дело – трахаться с кем-то, кого ты подцепила в баре и больше никогда не увидишь. И совсем другое – заниматься сексом с кем-то, кто тебе дорог. По меньшей мере, он был твоим другом, так что у тебя должны были быть к нему *какие-то* чувства.

— Очевидно, что бы я к нему ни чувствовала, этого было мало. Мне всего было мало после тебя.

Когда он смотрит на меня, я вижу его гнев. Но под гневом – боль, такая глубокая и неприкрытая, что я не могу смотреть ему в глаза, так его боль отзывается внутри меня.

— Думаешь, я не знаю, что это моя вина? — спрашивает он, наклоняясь вперед. — Я знаю это, ладно? И меня, черт побери, это убивает. И еще хуже то, что я мог отдать тебя кому-то вроде Коннора. Кому-то, кто *никогда* бы не обращался с тобой так, как я.

Я бросаю мимолетный взгляд на другой конец зала, где стоит Коннор. Он с беспокойством наблюдает за нами с Холтом. Наша ссора для него очевидна.

Холт переминается с ноги на ногу, стараясь держать себя в руках.

Я не знаю, что сказать ему. Его ревность беспочвенна. Так всегда было. У него никогда не было веских причин для ревности.

— Почему у тебя не сложилось с ним? — спрашивает он, ставя бутылку пива на скамью рядом с нами и опуская взгляд на пол. — Ты сказала, он хотел большего. Почему же ты не хотела?

— Я задавала себе этот вопрос так много раз, что сбилась со счета.

— И каков ответ?

Делаю вдох.

— Не знаю. Коннор думает, что я так и не дала ему шанса, потому что все еще была влюблена в тебя.

Он внимательно всматривается в мое лицо, потом облизывает губы и спрашивает:

— И что же ты думаешь?

Стараясь, чтобы мой голос не дрожал, я отвечаю:

— Думаю, он, скорее всего, прав.

Он долго смотрит на меня, пока шестеренки его мозга обрабатывают мои слова, отмечая, что я сказала «была» влюблена. Не признав своих нынешних чувств.

Я молю, чтобы он не стал меня спрашивать, потому что сказать я этого не смогу. Не сейчас. Это все равно, что вскрыть мою грудную клетку и снова отдать ему сердце, а я и близко к этому не готова.

— Ну и к чему нас все это приводит? — спрашивает он, хмуря брови. — Судя по тому, как Коннор смотрит на тебя, одно твое слово, и он уйдет с тобой отсюда прямо сейчас.

— И ты позволишь ему?

Он не сводит с меня глаз несколько долгих секунд, и потом отвечает:

— Если это то, чего ты хочешь. Если ты думаешь, что он сделает тебя счастливее, чем могу сделать я.

Делаю неровный вдох и кладу руку на его грудь, первый добровольный контакт с моей стороны за многие дни. Он удивленно моргает.

— Так, если я скажу, что не хочу тебя и не люблю, а хочу видеть в своей жизни Коннора, то ты просто... перестанешь бороться за меня? Просто... отпустишь?

Он стискивает зубы и кладет свою руку поверх моей руки, прижимая ее к груди.

— Нет.

— Почему нет?

— Потому что это будет ложью.

Я выпускаю прерывистый вздох.

— Да, будет.

Вдруг его руки оказываются на моем лице, и не успеваю я вымолвить хоть слово о том, что мы в помещении полном людей, как он уже целует меня. Мое дыхание сбивается, когда его губы начинают нежно двигаться поверх моих, а ощущения так захватывают меня, что мне уже больше нет дела ни до Коннора, ни до Марко, ни до членов бродвейского пресс-клуба, которые окружают нас.

Мой желудок проделывает сальто, когда он наклоняет мою голову и целует глубже. Его дыхание шумное и поверхностное между стонами и вздохами, которые он выпускает мне в рот. Придерживая меня руками за лицо и шею, он притягивается ко мне ближе и гладит таким образом, что я теряюсь во времени и пространстве, и просто растворяюсь в нем словно мы два легковоспламеняющихся химических соединения, которые загораются при вступлении в контакт.

Одна из причин, почему я так и не забыла Холта в том, что только он вызывает во мне такую реакцию. Остальные мужчины были подобны спичке, зажигающей тусклую страсть, кратковременную и несущественную. Итан же, как вулкан. Бесконечный цикл упоительных извержений, пробирающих до костей.

Он прижимает меня к постаменту, его руки ласкают мое лицо, и в этот момент чувства переполняют меня. Он слишком важен, а мои чувства к нему — слишком велики для моего израненного сердца. Я отталкиваю его и, испытывая головокружение и неустойчивость, хватаюсь за его рубашку.

— Прости, — говорит он, задыхаясь. — Но... боже, Кэсси, ты не можешь просто сказать, что хочешь меня и ждать, что я не потеряю голову. Знаю, ты не можешь сейчас

всецело отдаться мне, но я нуждался хоть в какой-нибудь частичке тебя. Частичке, где нет Коннора и других мужчин, с которыми ты была. И, надеюсь, Коннор, и все остальные мужчины в этой комнате видели этот потрясающий поцелуй, потому что любой, кто стал свидетелем этого, не сможет отрицать, что мы созданы друг для друга, и уж точно не сможешь отрицать ты сама.

Я отступаю назад и прислоняюсь к постаменту, еле переводя дух и стараясь успокоиться.

Он прав. Этот поцелуй рассеял все мои сомнения о том, хочу ли я снова видеть его в своей жизни, но это не значит, что я готова целоваться с ним в помещении полным наших коллег.

Я до того нахожусь под влиянием момента, что даже не замечаю, сколько камер телефонов люди направили на нас.

16

ОТРИЦАНИЕ

Шесть лет назад

Вестчестер, Нью-Йорк

Гроув

— Тейлор, просто засунь его в рот.

— Не торопи меня. Я никогда не делала этого прежде.

— Да, и лучший способ научиться – просто сделать это.

— Я не знаю, какого черта делаю!

— Перестань находить отговорки. Просто обхвати его губами и затянись. Не нужно быть гением, чтобы сделать это.

— О, *боже* мой, Кэсси, — говорит Зои, закатывая глаза. — Либо уже сделай это, либо передай по кругу. Другие тоже ждут своей очереди, знаешь ли.

Она с укоризной смотрит на меня, пока я разглядываю зажженный косяк в руке. Меня так и подмывает передать его другим, но я не хочу выставить себя наивной девочкой, какой, впрочем, и являюсь, поэтому зажимаю косяк между губами и глубоко затягиваюсь. В итоге, я вдыхаю едкий дым обжигающий легкие.

Все начинают смеяться, а я захожусь в приступе сильного кашля.

Холт легко хлопывает меня по спине.

— Держи губы немного приоткрытыми, когда вдыхаешь, — говорит он, сдерживая смех. — Так ты вместе с дымом вдохнешь немного воздуха, и жечь будет меньше.

— Ты не мог сказать мне этого раньше? — хриплю я, когда он протягивает мне бутылку воды.

Он пожимает плечами и улыбается.

— Ну, так же не весело.

Я ударяю его по руке и принимаюсь пить воду.

— Попробуй снова, — говорит Лукас, махая рукой в мою сторону. — Сделай так, как сказал Итан и втяни больше воздуха, потом удерживай его в легких как можно дольше. Это лучший способ словить кайф.

Я делаю, как он говорит. Дым по-прежнему обжигает, но мне удается удержать его внутри добрых десять секунд, прежде чем выдохнуть.

— Неплохо, — комментирует Лукас и все тихо мне аплодируют.

Джек берет косяк.

— Мы сделаем из тебя профессионального торчка в кратчайшие сроки.

— Зашибись, — слабо проговариваю я, снова прикладываясь к бутылке Холта.

— Я никак не могу поверить, что это твой первый раз, — презрительно говорит Зои. — Какой уважающий себя американский подросток достигает девятнадцати лет не словив кайф хотя бы раз?

Пожимаю плечами.

— Дочь Самого Строгого в Мире Папочки?

Лицо Зои искажает гримаса.

— Кэсси, это не оправдание. Ты что не смотрела «Свободных»?³⁴ Дочь проповедника делала все, разве что только проституцией не занималась после церковных служб. Наличие чрезмерно строгого папочки должно было сделать тебя более сумасбродной, а не менее. Ну и ну!

По какой-то причине, Джек и Лукас находят ее комментарий забавным и тут же покатываются со смеху. Я невольно улыбаюсь. Зои замечает это, и ее лицо прodelывает очень странный танец между раздражением и радостью. Радость, в конце концов, побеждает, и она улыбается мне, а Джек тем временем передает ей косяк.

Ух ты! Марихуана обладает волшебными качествами и способна делать из смертельных врагов друзей? Напомните-ка, почему ее употребление незаконно?

Холт берет косяк у Зои и, щурясь, вдыхает. Его длинные пальцы изящно оттопырены, пока он делает затяжку, поджав губы.

Рядом со мной стонет Зои.

— Чтоб меня, Итан, у тебя самые красивые губы.

Он улыбается ей, не размыкая губ, и одновременно удерживая в себе дым, и я чуть было не задыхаюсь от сдерживаемого смеха при виде выражения вожделения на ее лице.

Она просто без ума от него.

Мне знакомы ее чувства.

— Черт, Холт, — ноет Джек. — Обязательно прибираться к рукам всех девчонок? Как насчет того, чтобы оставить кого-то нам?

Холт передает ему косяк и пожимает плечами. Затем он наклоняется и берет мою голову в руки. Сначала я шокирована, потому что такое ощущение, будто он собирается поцеловать меня — что странно, ведь последние несколько недель мы были крайне осторожны и не выказывали никаких чувств на глазах наших однокурсников. Но в последнюю секунду, его рот нависает прямо над моим, и он выдыхает, и мне становится ясно, что он хочет, чтобы я вдохнула дым.

Я вдыхаю, и каждая клеточка моего тела покалывает, а он, улыбаясь, размеренно поглаживает большим пальцем мою щеку.

Ух ты! Фейерверк у меня под кожей. Теплые покалывания.

Теперь я определенно чувствую воздействие марихуаны. Все вокруг как будто замедляется, приобретая более четкие очертания, и долгое время я вижу перед собой лишь лицо Холта. Он медленно моргает и мне слышен шелест его ресниц, когда те ударяются о нижние веки. Потом, точно в замедленном действии, он облизывает губы своим розовым

языком. Глухие аккорды песни Барри Уайта³⁵ начинают звучать в моей голове.

— Поцелуй ее! — выкрикивает Джек, после чего издает противные чмокающие звуки.

Холт моргает, но к тому времени, когда он отводит взгляд, мое лицо яростно пылает, а другие части моего тела, что чуть ниже, горят еще больше.

— Так что же происходит между вами двумя? — спрашивает Джек, делая затяжку, отчего его голос звучит натянуто. — Вы правда трахайтесь?

Холт стреляет в него испепеляющим взглядом, затем вырывает косяк и протягивает мне.

— Ты такой бестактный, Эйвери. Нет, мы не трахаемся.

— Тогда чем вы занимаетесь? Поделитесь пикантными подробностями.

— Мы ничем не занимаемся, — говорит Холт. — Смени тему.

— Мне тоже интересно, — встречается Зои. — После «Ромео и Джульетты», мы все думали, что вы трахайтесь, но теперь, когда с постановкой покончено, вы едва ли касаетесь друг друга. Рассейте слухи. Расскажите нам, что происходит.

Холт вздыхает и качает головой.

— Ничего не происходит. Мы с Тейлор просто друзья. Не более.

Хоть я и знаю, что он врет, мне все же становится не по себе.

— Чушь собачья! Друзья они просто! — говорит Джек, забирая у меня косяк. — Я смутно припоминаю, как вы двое целовались на моей кровати в вечер премьеры. По крайней мере, я думаю, что это были вы.

Холт смеется, потому прислоняется к большому дереву и скрещивает руки на груди.

— Эйвери, ты был пьян и накачан дурью в тот вечер. Около часа ты разговаривал со всеми только на языке смурфиков. Это осмурфительно раздражало. Тебе померещилось.

— Ты – пустозвон, Холт, — парирует Джек. — Кэсси? Не могла бы ты подтвердить или опровергнуть, смурфишься ли ты с Холтом до потери пульса?

Мой румянец усиливается.

— Джек, могу сказать со всей честностью, что я определенно не смурфлюсь с Холтом. Подожди, «смурфиться» значит «заниматься сексом», верно?

Как, черт побери, смурфики понимают, о чем говорят большую часть времени? Что означает этот глагол? Или это существительное? Я в таком замешательстве.

— Да, Тейлор, мы говорим о сексе.

— Ну, тогда нет. Мы определенно этим не занимаемся.

К сожалению. Смурфись все к черту.

Испускаю вздох и мельком смотрю на Холта. Одна его рука в кармане, а другой он поглаживает кору дерева. Я зачарована движениями кончиков его пальцев по шершавой древесине. Никогда в жизни я так не завидовала дереву.

— Но тебе бы хотелось, да? — спрашивает Джек с понимающей ухмылкой. — Тебе бы хотелось хорошенько его отсмурфить, да? Смурфить долго и медленно? Или может быть, жестко и быстро?

Холт впериывается в Джека взглядом, и тот тут же затихает.

— Вот я бы с удовольствием, — бормочет Зои. — Я бы отсмурфила его так, что у него взорвалась бы голова. — Она поднимает взгляд, очевидно потрясенная тем, что сказала это вслух. — Ох, дерьмо. Ребята, вы все слышали, да?

— Я не слышал, — говорит Холт с наигранным неведением.

— Ну что ж, я сказала, что хочу трахнуть тебя, — поясняет Зои, накрывая лицо руками. — Вот дерьмо! Теперь нет никаких шансов, что ты меня не слышал, да?

Холт улыбается и качает головой.

— Боюсь, что нет.

— Зои, можешь оседлать меня, — предлагает Джек, жестом указывая на свои колени. —

Залезай. Член приличного размера, доступ вне очереди.

Зои вскидывает брови.

— Насколько приличного?

— Девятнадцать сантиметров, — с гордостью говорит Джек.

Зои кивает.

— Приемлемый размер. Вот что Джек: когда в следующий раз я буду пьяна вдрызг, приходи ко мне. Я стану с тобой трахаться только, если не вспомню этого на следующий день.

— Ха-ха, — отзывается Джек. — Твоя потеря. Я мог бы подарить тебе лучшие две с половиной минуты твоей жизни, леди.

Мы все раздражаемся смехом.

Наш смех отзывается громким эхом в тишине леса. Я кидаю взгляд на Холта. Он улыбается, но от взгляда, которым он на меня смотрит, сквозь мое тело прокатывается поток жара. Мой смех стихает, и я свожу колени вместе, стараясь ослабить ноющую боль между ног.

Знай я, что от травки возбужусь больше обычного, то не стала бы курить.

— Ребята, я умираю с голоду, — говорит Джек рядом со мной.

— Я тоже, — сообщаю я промежности Холта.

— Если мы пойдем сейчас, то по дороге на урок успеем заглянуть в кафетерий, — говорит Лукас.

Мы все встаем и, выйдя из-за деревьев с западной стороны школы, направляемся к Центральному корпусу. Трое парней идут впереди меня и Зои. Когда я замечаю, как она разглядывает задницу Холта, то даже не ревную. Его задница невероятно хороша. Она заслуживает похотливых взглядов.

— Так ты правда никогда не трахала его? — шепчет она, продолжая пялиться на его задницу.

— Не-а.

Мне хочется укусить его задницу. Не сильно. Просто слегка покусать эти упругие щечки. Не понимаю, это марихуана так на меня влияет или я страдаю странной формой фетишизма и у меня склонность кусать человеческое тело. Может быть, и то и другое.

— Бьюсь об заклад, он великолепен в постели, — шепчет Зои. — Только представь, как он дает волю накалу и страсти, которые демонстрирует в игре. Он был бы сексуальным жеребцом.

Господи, Зои, не могла бы ты заткнуться? Мне и без того трудно сдерживаться и не наброситься на него. Не заставляй меня хотеть его еще больше!

Я насильно отвожу взгляд от его задницы, и вместо этого смотрю себе под ноги.

Ого! Только взгляните на траву! Так много травинок! Такие красивые! Такие зеленые! Интересно, какой будет зелень на вкус?

— Ну и? — Зои подталкивает меня локтем. — Кто был твоим лучшим партнером по сексу?

Ну, на данный момент? Бедро Холта. И пальчики.

— Э-э-э...

— Кто-нибудь из Вашингтона?

Нет, если не считать мой старый велосипед, который терся об меня странным, но не таким уж и неприятным образом.

— Ну...

— Просто я слышала, что парни из маленьких городков бывают еще теми извращенцами.

Парень из старшей школы снял на видео, как он занимается сексом с арбузом. И огурцом. Одновременно.

— Ну, да...

— Так кто же это был?

Я снова смотрю на задницу Холта в попытке придумать ответ, поскольку уверена, что если буду смотреть на нее достаточно усердно, то все тайны вселенной откроются мне.

Рассказать ей и рискнуть быть высмеянной? Сейчас-то она ко мне добра, но что будет, когда кайф пройдет?

— Ну же, Кэсси, — подбивает меня она. — Если ты расскажешь мне про своего, я расскажу тебе про моего.

— Ну, э-э-э... — *Нет, никто не должен знать. Просто придумай имя. Любое имя.* — Его звали...

Боб, Сэм, Клетус, Зак, Джейк, Джоан! Любое имя подойдет! Стоп, нет... не Джоан. И не Клетус.

Зои хватается меня за руку и резко останавливается.

— О, мой бог...

— Зои...

— Только не говори, что ты...

— Нет, не произноси этого...

Она наклоняется и шепчет:

— У тебя никогда не было секса, да? — говорит она с такой долей сочувствия, словно только что обнаружила, что я умираю от рака.

Заливаясь краской, я выдергиваю руку и продолжаю идти.

— Ладно тебе, Кэсси, не злись, — кричит она мне вслед. — Я не собираюсь никому рассказывать, что ты девственница!

Ребята останавливаются напротив нас и оборачиваются. Джек и Лукас изумленно смотрят на меня. Холт же нервно косится в мою сторону, затем засовывает руки в карманы и вперяет взгляд в землю.

— Вот дерьмо, — бормочет Зои позади меня. — Извини. Я нечаянно.

— Тейлор, — говорит Джек, по его лицу растягивается широкая улыбка, — скажи, что это неправда. Никто еще не воздвигнул флаг на твоей девственной территории? Это просто неправильно.

Лукас шокировано смотрит на меня.

— Это невозможно. Как такое случилось? Ты встречалась со слепыми парнями?

Я упираюсь руками в бока.

— Может, перестанете относиться ко мне так, будто у меня редкая и неизлечимая болезнь? Я же не прокаженная, ради всего святого!

— Нет, конечно, нет, — сочувственно говорит Джек, потом подходит и поглаживает меня по плечам. — Но, Тейлор, серьезно... чего, черт побери, ты ждешь? Ты одна из тех

цыпочек, которые хранят себя до свадьбы? Так позволь сказать тебе: моя мама сделала это, и это было плохое решение. Видимо, мой папа паршив в постели. Потому-то я и единственный ребенок в семье. Уверен, они занимались этим только один раз.

Я краснею.

— Я не храню себя, понятно?

— Тогда почему ты до сих пор девственница? — спрашивает Зои.

— Потому что... — я не хочу смотреть на Холта, но не могу удержаться. — Думаю, я просто не нашла еще того парня, который хотел бы со мной переспать.

При этих словах, он теряет всякий интерес к своей обуви и смотрит прямо на меня, хмуро и пронзительно.

— А вот это уже полная чушь! — смеется Джек. — Мне достоверно известно, что у Гроув есть как минимум полдюжины парней, которые отдали бы свое правое яйцо, чтобы трахнуть тебя, включая меня.

Молниеносным движением Холт ударяет его в руку.

— Ау, чувак! — Джек потирает руку и хмуро глядит на Холта. — Какого хрена это было?

— Проявляй уважение!

— Успокойся. Я уважаю ее. Это был комплимент. Кроме того, я хочу, чтобы она знала, что у нее есть варианты.

У Холта такой вид, будто его голова сейчас взорвется.

— Трахаться с тобой – не вариант, ты гребаный неандерталец. Это было бы жестокое и изощренное наказание.

Джек всплескивает руками.

— Какого хрена все без конца принижают мою сексуальную доблесть? Порой я бываю очень чутким и внимательным любовником. — Он снова смотрит на меня и шепчет: — Ну как я себя разрекламировал? Если хочешь в обед прогулять журналистику, то я с радостью мог бы избавить тебя от твоего девственного бремени. Просто к сведению...

Все смеются за исключением Холта, который цедит себе что-то под нос и выглядит так, будто сейчас снова ударит Джека.

Я незаметно встаю между ними.

— Спасибо за предложение, но я пас.

Джек пожимает плечами.

— Ну, тогда ладно, но я всегда готов, если понадобится. Круглосуточные услуги дефлорации по предварительному запросу. Презервативы предоставляются бесплатно.

Я украдкой смотрю на Холта и, судя по выражению его лица, он представляет себе все возможные способы убийства Джека и сокрытия улики.

— Вообще-то, — говорю я. — Я вроде как встречаюсь кое с кем, и надеюсь, он будет тем, кто сделает это.

Ого! Это не совсем то, что я хотела сказать.

Или то?

Ладно, то, что я сейчас делаю либо абсолютно гениально, либо неизмеримо глупо. Боже, пожалуйста, пусть это будет гениально.

Холт наблюдает за мной с настороженным выражением.

— Минуточку, что? — восклицает Зои. — Ты встречаешься с кем-то? С кем? Как долго? Как он выглядит? Холт, ты знал об этом?

На секунду глаза Холта наполняются паникой, но потом в них застывает стальной блеск.

— Да, кажется, она упоминала что-то о парне. По мне, так он придурок, но ей, видимо, нравится. Я удивлен, что она рассказывает вам о нем. Думал, она будет держать его в секрете.

— Ну, — начинаю я, — не вижу причин, чтобы не говорить о нем. Я имею в виду: он нравится мне. И я не считаю его придурком. Он просто... сложный.

Холт моргает несколько раз, и выражение его лица смягчается.

— Ему повезло, если ты так думаешь.

— Ну, тогда выкладывай, — говорит Лукас. — Расскажи нам, кто этот счастливчик?

Зои делает шаг вперед, ее глаза загораются любопытством.

— Да, мы знаем его?

Ладно, мозг, я знаю, ты под кайфом, но помоги мне с этим. Придумай что-нибудь правдоподобное.

— Я познакомилась с ним, когда мы ставили «Ромео и Джульетту».

А что, неплохо. Не совсем ложь, но достаточно расплывчато, чтобы они отвязались. Отличная работа, обкуренный мозг.

Все обмениваются взглядами, и Зои говорит:

— А, поклонник, да? Он увидел тебя на сцене и не смог устоять?

Я киваю.

— Хм... да... что-то вроде того.

— Тогда расскажи нам больше, — говорит Холт, и скрещивает руки на груди. — На днях ты говорила мне, что он сексуальный. Насколько сексуальный? Поконкретнее.

Густой румянец покрывает мое лицо, ведь он-то не понаслышке знает, каким сексуальным я его считаю.

— Ну и дела, Тейлор, только глянь на свое лицо! — смеется Джек. — Этот таинственный парень, должно быть, знает, как тебя завести. Ты красная, как задница бабуина. И все же, он не хочет заниматься с тобой сексом?

Делаю вдох и качаю головой.

Джек презрительно усмехается.

— Вот же чертов идиот.

— Может у него есть причины, — тихо говорит Холт.

— Ты издеваешься? — недоумевает Джек. — Ты целовался с Тейлор, чувак. Ты знаешь, как она горяча. Каким кретином надо быть, чтобы отказаться от этого? — Он поворачивается ко мне и шепчет: — Погоди-ка. Он... ну знаешь... инвалид? Или один из тех жутких религиозных фанатиков? О-о-о, или он страдает нарушением эрекции? У него не встает?

— У него нет никаких гребаных проблем с эрекцией! — вскипает Холт. — И он не инвалид, черт тебя дери!

Все смотрят на него.

Он пожимает плечами.

— Думаю, Тейлор не стала бы встречаться с кем-то, у кого неисправен, я прав?

— Ну, не знаю, — отвечаю я. — Должно быть, с ним действительно что-то не так. Как сказал Джек, какой кретин откажется от этого?

Я двигаю бедрами и изображаю сексуальное лицо, и все смеются за исключением

Холта. Он просто не моргая смотрит на меня, и я не могу понять, зол ли он или же возбужден.

Это даже немного пугает, насколько эти два выражения схожи на его лице.

— Я как-то встречалась с парнем, который не хотел трахать меня, — говорит Зои, когда мы снова принимаемся идти. — Он говорил, что не хочет, чтобы я думала, что ему нужен от меня только секс; что он считает меня особенной. Что у нас действительно могло бы что-то получиться.

Я улыбаюсь ей.

— Он кажется милым. Что случилось?

Она пожимает плечами.

— Я бросила его. У меня ведь есть потребности, верно? Если он не станет удовлетворять меня, то я найду это на стороне.

Холт издает неодобренный звук, но ничего не говорит.

— Самое странное, — продолжает Зои, когда мы заходим в кафетерий. — Из всех парней, с которыми я встречалась, он наверно единственный, кому было на меня не все равно. Может он был одним из тех редких парней, которые не хотят заниматься сексом без любви.

У меня внутри все обрывается.

В этом проблема Холта? Он не любит меня и потому не хочет спать со мной? В этом есть смысл. Может его чувства ко мне ограничиваются чисто животной похотью?

Мысль проскальзывает в мой мозг и закручивается спиралью; жар приливает к моему лицу от смущения и гнева.

— Я бросила попытки понять мужчин, — говорит Зои, рассматривая витрину с шоколадными батончиками. — Они странные.

Аминь, сестра.

Она выбирает три шоколадных батончика и идет на кассу. Лукас и Джек берут в охапки чипсы и шоколад, а я выбираю мягкое мороженое, чтобы остудить свое покрасневшее лицо.

Выхожу на улицу и сажусь за один столик с остальными, и когда к нам присоединяется Холт, я избегаю его взгляда. Сосредоточившись на мороженом, провожу языком по краю рожка, ловя капли, пока те не успели упасть. Закрываю глаза и мне почти видно, как холод скользит по моему горлу, разливаясь сверкающе синим покалыванием по моему животу, и выходя наружу сквозь поры кожи.

Я чувствую легкое прикосновение к своей ноге, и когда поднимаю взгляд, вижу, что Холт пристально смотрит на меня, наблюдая за моим ртом. Он смотрит мне прямо в глаза и мерцающему синему в моем теле немедленно на смену приходит сверкающе оранжевое тепло, тлеющее и пылающее во всех местах, где я хочу, чтобы он меня коснулся. Но только я начинаю ерзать и чувствовать неприятное тепло, как меня осеняет, что возможно только это у нас и есть – сексуальный напалм, который не требует ни дружбы, ни интимной близости.

Он снова касается моей ноги, водя носком обуви вдоль моей лодыжки и икры, и это просто нелепо, что я чувствую это прикосновение каждой клеточкой своего тела.

Ну вот, я сейчас вся сгорю. Он стремится испепелить меня изнутри.

— Мне нужно идти, — бормочу я, вставая и выбрасывая остатки мороженого в урну. — Увидимся на уроке, ребята.

— Тейлор?

Перекидываю сумку через плечо и, не оборачиваясь, пересекаю двор по направлению к

театральному корпусу.

Десять минут спустя, когда я выхожу из уборной на первом этаже, Холт стоит неподалеку, прислонившись к стене с хмурым видом.

— Хей. — Он оглядывается вокруг, и лишь потом подается вперед и касается моего лица. — Ты в порядке? Иногда, когда куришь травку первый раз, начинает мутить.

С тревогой на лице он отбрасывает пряди моих волос назад, но стоит ему только заслышать чьи-то шаги, спускающиеся по лестнице, как он отступает назад и прислоняется к стене, задрав одну ногу – идеальный образ безразличия.

Я смотрю на то, как он смущенно переминается на месте в ожидании, когда студент пройдет мимо, и задаюсь вопросом: а не почудилась ли мне тревога на его лице? Может в этих не существующих отношениях, я являюсь той, кто давит на него и подталкивает к поступкам, которые он на самом деле делать не хочет? Или же хочет, но не так сильно.

— Тейлор? — Он снова делает шаг вперед. — Ты не ответила мне. Ты в порядке?

Я моргаю и качаю головой.

— В порядке.

Мы направляемся к лекционному залу, где проходит наше занятие по журналистике. Между нами висит напряжением, но я сопротивляюсь стремлению его разрядить. Я всегда была той девушкой, которая видит ошибки и пытается исправить их.

Не думаю, что я могу исправить это.

— Джек приглашает сегодня на посиделки с пиццей, — говорит Холт, когда мы начинаем подниматься по лестнице. — Хочешь пойти?

Чтобы притворяться весь вечер, что ты просто мой друг?

— Нет, спасибо.

Боже тебя упаси пригласить меня на настоящее свидание, где люди могли бы видеть, как мы касаемся друг друга.

Холт досадно выдыхает и хватается меня за руку.

— Так все, хватит! Ты слишком тихая и не такая самоуверенная. Что случилось?

Пожимаю плечами.

— Мне нечего сказать.

— Это невозможно.

— У нас занятие.

— Так значит, ты в порядке?

— Если нет, это что-то изменит?

Он хмурится, но мы вновь устремляемся вперед. Я знаю, что веду себя пассивно-агрессивно, но у него был почти месяц, чтобы доказать, хочет ли он видеть меня в своей жизни больше, чем просто сексуальное отвлечение, однако он все так же эмоционально отстранен, как и всегда. Мне это надоело.

Когда мы занимаем наши места, я обессилено опускаюсь на стул и закрываю глаза. Внутри меня режущая пустота, и пусть я не замечала ее прежде, думаю, это чувство сидит во мне уже какое-то время. Это та часть меня, которая нуждается в ком-то особенном; в ком-то, кто будет хотеть меня достаточно сильно, что не будет бояться быть храбрым. В ком-то, кто будет обнимать меня так, что станет непонятно, где кончается он и начинаюсь я.

В ком-то, кем я думала может быть Холт, но сейчас я в этом уже не уверена.

Остальная часть лекции проходит как в тумане, и хотя я периодически чувствую на себе взгляды Холта, я игнорирую его.

Не знаю, почему осознание того, что я больше не могу довольствоваться лишь малой его частью, настигло меня только сегодня. Возможно, марихуана поспособствовала очистке моего разума от похоти, которой тот был затуманен с тех пор, как у меня появились чувства к нему. Он говорил мне, что все так и будет, и что я хочу больше, чем он готов мне дать, но по какой-то причине я наивно верила, что смогу изменить его.

Очевидно, нет.

Когда лекция заканчивается, я торопливо прощаюсь с ним и направляюсь во двор, больше всего желая принять горячую ванну. Ясная погода, которая стояла в обед уступила место проливному дождю, и я стараюсь держаться козырьков крыш как можно дольше, прежде чем выйти под ливень.

— Эй, Тейлор, стой!

Несколькими шагами он преодолевает расстояние между нами, держа рюкзак над головой, но дождь начинает бушевать только сильнее.

— Ты не хочешь потусоваться сегодня?

— Не очень.

— Почему нет?

— Я просто не хочу. Это преступление хотеть побыть наедине с собой?

Вспышка боли пересекает его лицо.

— Нет, не преступление, просто... ну обычно мы проводим среды вместе, и судя по тому, как ты сегодня смотрела на меня, я подумал...

— Ты подумал что?

— Ну, создалось впечатление, что ты хотела опрокинуть меня и поцеловать. Я подумал, что может ты хочешь пошалить или заняться еще чем-то.

В этом-то и проблема, Итан. Ты думаешь, мы просто шалим.

— Нет, я пас. Хотя, спасибо за предложение.

Я прибавляю шаг, и моя обувь наполняется водой. Неприятные хлюпающие ощущения только сильнее натягивают во мне нервы.

Идя в ногу со мной, он перекидывает рюкзак через плечо, бросая попытки спрятаться от грозы.

— Кэсси, что происходит? Ты злишься на меня за что-то?

Я досадно выдыхаю.

— Нет. Я злюсь на саму себя. Не парься. Уходи из-под дождя.

Он хватается меня за руку и разворачивает лицом к себе.

— Я никуда не уйду, пока ты не скажешь мне, что происходит.

Я не хочу вести этот разговор сейчас, и в особенности, под промозглым дождем, но он не оставляет мне выбора.

— Итан, я просто устала от этого танца, который мы исполняем. Это всегда один шаг вперед и два назад, и пусть ты говорил, что так все и будет, по какой-то причине я решила не верить тебе. Меня достало принуждать тебя к поступкам, которые ты делать не хочешь. Так что... да... вот что происходит. До завтра.

Я поворачиваюсь и иду прочь, пытаюсь ускользнуть от дождя, что бессмысленно; и пытаюсь опередить его, что невозможно.

— Стой! Кэсси, поговори со мной.

Он снова разворачивает меня к себе, и волосы липнут к его голове, а капельки воды стекают по его носу.

— Не о чем говорить. Ты – это ты, а я – это я, и ты был прав, когда говорил, что нам не стоит что-либо начинать. Мы хотим совершенно разного и, думаю, я наконец-то поняла, что меня это не устраивает.

— Какого черта? Это из-за того, что сказали Зои и Джек?

Я досадно ворчу и сопротивляюсь рвению надавать тумачков по его невежественной груди.

— Нет, это не касается ни Джека, ни Зои, ни кого-то еще! Это касается нас! Это из-за того, что я жду от тебя поступков, которые ждать не стоит. Из-за того, что я хочу романтики, свиданий, и близости, которые предполагают больше чем просто обжимания и оргазмы. И из-за того, что я хочу рассказать нашим друзьям, что таинственный парень, с которым я встречаюсь, и который может завести меня одним лишь взглядом или прикосновением – *ты*. И, прежде всего, это из-за того, что я зла на саму себя, потому что влюбилась в парня, который сказал мне прямо – не влюбляться в него! Вот в чем дело! И теперь уже слишком поздно, и я чувствую себя самой последней идиоткой на Земле, потому что ты никогда не дашь мне того, в чем я нуждаюсь и мне следовало быть умнее, и не ждать от тебя этого.

Он, моргая, смотрит на меня мгновенье, вода ручьем стекает по его ресницам.

— Я думал, ты хочешь дать нам шанс. Именно это я и делаю. Чего ты еще хочешь?

Я смахиваю воду с лица, не вынося ощущение стекающего по щекам дождя.

— Боже, каким же бестолковым идиотом ты бываешь иногда! Я хочу большего. Чего угодно. Всего. Да *хоть чего-нибудь*, ради всего святого! *Вот* чего я хочу от тебя. Ты способен мне это дать?

Он смотрит на меня, желваки ходят по его челюсти. Он не отвечает.

— Так я и думала.

Я пытаюсь уйти, но он держит меня за руку. Его лицо омрачается, как грозное небо.

— И что теперь? На этом все? Либо все, либо ничего? Если я не подарю тебе свои яйца в бархатной коробочке, то мы не сможем быть вместе? Откуда, черт возьми, это взялось? Я думал, тебе хорошо, когда мы вместе. Что ты довольна тем, как все обстоит.

— Ну что ж, я не довольна! Мне ненавистно прятаться то тут, то там, словно я преступница и то, что мы делаем – неправильно. Я не стыжусь того, что ты нравишься мне, Итан, но похоже ты не можешь сказать того же. Единственная причина, почему я согласилась держать наши отношения в секрете в том, что я думала, что тебе просто нужно время, чтобы осознать, что ты хочешь большего, но видно я была неправа. Ты даешь мне так мало себя, насколько это только возможно, одновременно сводя с ума тем, как сильно я хочу тебя.

— Думаешь, я не хочу тебя так же сильно? Господи, Тейлор ты, черт возьми, издеваешься надо мной?

— Я думаю, ты хочешь меня, но недостаточно, чтобы кому-то в этом признаться!

— Какого хрена другие имеют значение? *Ты* знаешь, что я хочу тебя! Я не могу скрывать то, что ты делаешь со мной.

— Я не говорю о сексуальном влечении, Итан! Я говорю о желании быть со мной. Я понятия не имею, что для тебя значу. Не знаю, есть ли у тебя ко мне настоящие чувства или я просто доступное тело. Удобное, но не столь необходимое.

— Ты думаешь, с тобой удобно?! — Он смотрит на меня несколько долгих секунд в таком гневе, что не может сформулировать слова. — С тобой, черт побери, не так-то и удобно! Будь с тобой удобно, я бы не сходил с ума! Будь с тобой удобно, я был бы способен

сосредоточиться на учебе, попасть на которую у меня ушло *три гребаных года*, и не отвлекался бы постоянно на то, как сильно хочу тебя! Какой бы ты там ни была, Тейлор, нельзя сказать, что с тобой удобно!

— Тогда кто я для тебя? Скажи мне! Просто открой уже свой рот и объясни, что ты ко мне чувствуешь! Думаю, я была довольно откровенна касательно того, чего я хочу, но все, что я получаю взамен – то, чего ты *не* хочешь.

— Хочешь знать, чего я хочу? — говорит он, бросая рюкзак на землю. — Прекрасно. Я хочу этого.

Он обхватывает мое лицо руками и притягивает к себе. Меня застает врасплох, когда он заключает меня в объятия и целует так, словно он тонет, а я его кислород. В этом поцелуе нет ничего осторожного, ничего отдаленно двусмысленного и нечестного. Это чувственно и потрясающе; его жгучее отчаяние распаляет меня, несмотря на холод и дождь. Долгие минуты он целует меня с такой настойчивостью, что мир переворачивается, потом выравнивается, и проделывает новый оборот вокруг своей оси.

Он целует меня вдоль шеи, его голос груб и напряжен:

— Вот чего я хочу, Кэсси. Я не смогу выразиться еще яснее. Даже не пытайся отрицать и говорить, что не хочешь этого. Зачем ты все так усложняешь?

Он целует меня снова и все превращается в смешение рук, языков и губ. Это несправедливо, что он так объясняется, потому что спорить с этим я не могу. Ощущения слишком велики, чтобы их описать; и слишком сильны, чтобы отрицать, и хоть это никак не улучшает положение, мне хочется забыть обо всем плохом.

Но именно это я и делала все это время. Закрывала глаза и уступала. Была ослеплена желанием, и игнорировала свои чувства. Я не могу продолжать это делать.

Он тихо стонет, когда я вырываюсь и по взгляду его глаз ясно, что он понимает, что то, что он предлагает – недостаточно.

Отступаю назад, и мы смотрим друг на друга, оба запыхавшиеся и промокшие насквозь.

— Я не могу больше притворяться, что мне этого достаточно, — тихо говорю я. — Я никого не обманываю. Ни тебя, ни наших друзей, ни особенно саму себя. Если когда-нибудь будешь готов стать настоящим, дай мне знать.

— Кэсси...

— Увидимся на занятиях, Итан.

Я ухожу, каждый мой шаг тяжел как свинец, в желудке разливается желчь. Поворачивая на дорожку, ведущую к моему дому, тайком оглядываюсь.

Он все также стоит на том же месте, где я его оставила; руки сцеплены на затылке, голова опущена. Во мне возникает нездоровый порыв рвануть назад и заставить его забыть обо всем, что я только что наговорила. Что я приму от него все, что он готов мне дать.

Но я не могу этого сделать. Это было бы очередной ложью.

Вместо этого, ежась от холода, я иду к своей квартире и отпираю дверь дрожащими руками. Только я оказываюсь внутри, как сбрасываю с себя одежду и направляюсь в ванную, преисполненная решимости простоять под горячим душем до тех пор, пока порыв вернуться к нему, не пройдет.

К сожалению, когда спустя вечность горячая вода сменяется холодной, я все еще жду.

Наши дни
Нью-Йорк

Я стою у прилавка кафетерия через дорогу от театра, когда чувствую прикосновение теплой руки к своему бедру. Я поворачиваюсь, ожидая увидеть Холта, но вместо него, вижу Марко, который улыбается мне с многозначительным взглядом.

— Мисс Тейлор.

— Мистер Фиори.

— Хорошо отдохнули на вчерашней благотворительной акции?

Его тон и приподнятая бровь намекают на то, что он видел, как мы с Холтом целовались.

Проклятье.

— Да, прекрасно.

— Не сомневаюсь.

— Пожалуйста, не поднимайте из-за этого шумиху.

— Что? Два моих главных актера зажимаются в углу, как парочка подростков? Даже не мечтай.

— Это ничего не значило.

— Дорогая моя, я видел вещи, которые ничего значат, и позволь тебя заверить: то, что вы делали вчера с мистером Холтом, определенно не из этого числа. Я думал то, как вы целуетесь на репетициях горячо, но, очевидно, это меркнет в сравнении с реальной вещью.

— Марко...

— Все в порядке. Я не расстроен. Напротив, в восторге. Можешь представить, как пресса выкрутит это?

Из меня вырывается стон, когда бариста протягивает мне кофе.

— Серьезно? Думаете, они видели?

— Я уверен в этом. Наш публицист хочет встретиться с нами до начала репетиции. Полагаю, внимание каждого бродвейского сайта и бульварной газеты обращено на это. Вы двое у всех на устах.

— О, боже.

Он смеется и ободрительно похлопывает меня по плечу, ведя меня к выходу из кафетерия и помогая перейти улицу. Когда мы заходим в репетиционную студию, я сбрасываю с себя сумку и иду в дамскую комнату, пытаюсь унять прилив тошноты.

После того, как мы с Холтом покинули мероприятие, он проводил меня домой.

Когда мы дошли до моей квартиры, он поцеловал меня на ночь.

Ну, по правде говоря, это было больше чем просто поцелуй. Это больше походило на петтинг всего тела в вертикальном положении напротив двери моей квартиры. В действительности, если бы Мистер Липман, который живет через площадку, не чихнул, пока подглядывал за нами в глазок, как извращенец, мы бы наверно загремели в тюрьму за абсолютно незаконный акт в общественном коридоре.

Когда же я наконец-то смогла оторваться от него, то была в растерянности равносильной растерянности гетеросексуала на трансгендерном конкурсе красоты. Я дала себе слово, что не буду спешить с Итаном. Я намеревалась не спешить, и все же всего за один вечер, я как-то умудрилась дважды поцеловаться с ним, дойти до чрезвычайно насыщенной второй базы и завладеть его бейсбольной битой прямо через перед его брюк.

Ни в одном сценарии пьесы, это не считается медленным.

Когда я возвращаюсь в репетиционный зал, Холт уже там. Его лицо озаряется при виде

меня.

Стоит мне только остановиться перед ним, как он сразу обвивает меня руками и привлекает в свои объятия. Он не пытается придать этому жесту интимность, но получается именно так.

Его дыхание обдаёт тепло мое ухо, когда он шепчет:

— Доброе утро. Я соскучился. — Его голос пропитан событиями вчерашнего вчера — страстный с малой долей самоуверенности.

— Привет. — Мой же голос целенаправленно ничего не выражает. И не обнадеживает.

Он отстраняется. Его улыбка исчезает, и свет уходит из глаз.

— Кэсси?

Помещение наполняется людьми. Наш публицист, Мэри, влетает в зал точно крошечное волосатое торнадо с охапкой бумаг и айпэдов.

— Смотрю, у вас двоих был интересный вечер. У меня была организована целая рекламная кампания, чтобы заставить весь город говорить об этом спектакле, но вы умудрились создать вирусные видео всего одним публичным сеансом поцелуя. Отлично сработано!

Она выкладывает все свои материалы на стол. Среди них фотографии, на которых наши губы с Итаном не на шутку плотно сомкнуты вместе. На каждом айпэде проигрываются разные видеоролики с нашим поцелуем.

Черт побери, как много людей засняло нас?

— Это еще цветочки, — говорит Мэри, кликая покрашенным ногтем по одному из дисплеев. — Вот у этого очень художественный угол обзора, который позволяет нам увидеть проблески языка. Гляньте!

Все смеются. Меня тошнит.

— Итак, — продолжает Мэри. — Этим утром мне уже поступило десятки запросов на интервью, так что нам нужно разработать стратегию. Естественно, я за «Воссоединение бывших влюбленных в новой пьесе», поскольку это сметет все билеты. Люди любят, когда страсть на сцене подлинна. Если все согласны, я набросаю несколько пресс-релизов и опубликую их к обеду.

Она метает взгляд между Марко, Итаном и мной.

Как и следовало ожидать, Марко и Итан ждут моей реакции.

Так же, как и следовало ожидать, что мой ответ будет:

— Черта с два!

Мэри начинает бушевать. У меня нет желания ее слушать.

— Мне нужно покурить. Вернусь через минуту.

Хватаю сигареты и зажигалку. Когда Итан дотрагивается кончиками пальцев до моей руки, я не останавливаюсь.

Только я оказываюсь в переулке, как сразу пытаюсь поджечь сигарету, но моя верная зажигалка Zippo именно сейчас решает предать мое доверие. Я щелкаю роликом снова и снова, но кремень отказывается зажигаться.

— К черту все!

Прислоняюсь к стене и закрываю глаза. Когда до меня доносится звук открывающейся двери, я, даже не глядя, знаю, что это он.

— Кэсси?

Я держу глаза закрытыми. Легче не видеть его.

— Пожалуйста, посмотри на меня.

Я не могу. Я хочу быть сильной, а один лишь взгляд на него делает меня самой слабой женщиной на всей планете.

— Посмотри на меня или я поцелую тебя.

Это срабатывает.

Открываю глаза и вижу, что он хмуро смотрит на меня, его руки скрещены на груди.

— Не хочешь мне сказать, какого черта происходит?

Я вскидываю руки.

— Это повсюду. Фотки. Видео. Блог посты.

Он непонимающе смотрит на меня.

— И?

— И... люди болтают, что мы якобы вместе.

— Ну и хорошо. Как сказала Мэри, это отличный рекламный ход.

Его спокойствие раздражает.

Я напрягаюсь и пытаюсь уйти, но он хватает меня за плечи и не дает сдвинуться с места.

— Кэсси, стой. Почему тебя это так пугает? Без обид, но ты не особо волновалась прошлым вечером, когда мы чуть не осквернили твою лестничную площадку.

— Для начала, то, что мы делали на площадке, было только между мной и тобой...

— И мистером Липманом.

— ...и не должно красоваться в каждой бульварной газетенке города!

Я толкаю его в грудь, и он отступает назад, давая мне личное пространство, необходимое для дыхания. Его выражение лица по-прежнему преисполнено раздражительного спокойствия, и меня бесит, что он не разделяет мое негодование.

— С каких пор тебя волнует, что думают люди? — говорит он. — Нашу химию на сцене никак не скрыть. Кому какое дело, что мы делаем еще и за сценой? Ибо все и так думают, что я по-настоящему трахаю тебя во время постельных сцен.

Он не понимает меня, а все оттого, что я выражаюсь недостаточно ясно. Объяснения ранят его. И все же какой-то части меня абсолютно все равно.

— Итан, в глазах всех, кто знает нас... кто знает нашу историю... я буду выглядеть самой последней идиоткой в мире, если приму тебя обратно. И загвоздка в том, что они, скорее всего, правы. Они знают, как я была опустошена, когда ты ушел, и теперь я целуюсь с тобой, как ни в чем не бывало? Какая я, должно быть, дура!

При этих словах он застывает на месте. Мышцы его челюсти напрягаются.

— Кэсси, я проделал над собой большую работу, чтобы быть в состоянии хотя бы думать о том, чтобы наладить с тобой отношения. Промелькни у меня хоть на секунду мысль, что я могу снова причинить тебе боль, то меня бы здесь не было. Ты не можешь просто довериться мне?

Качаю головой.

— Нет. Именно в этом и проблема. Я не доверяю тебе, и не знаю, смогу ли когда-нибудь довериться снова. Где-то в глубине моего подсознания, я всегда буду ждать очередного подвоха. Бояться, что в твоих глазах снова появится тот безжизненный, отстраненный взгляд. Как мы можем снова быть вместе, зная это?

Его взгляд становится холодным.

— Зная, что мы чувствуем друг к другу... что мы *всегда* чувствовали друг к другу... как

мы можем не быть вместе? Даже не пытайся говорить мне, что когда-нибудь сможешь полюбить кого-то так же сильно, как меня, потому что как бы самоуверенно это ни звучало, это полная чушь. И я чувствую то же самое по отношению к тебе. Любой другой будет лишь дешевой заменой для нас. Как ты этого не понимаешь?

Делаю глубокий вдох. Сердце стучит, как отбойный молоток.

На полном ходу мы несемся вперед, словно в гоночной машине, и я понятия не имею, окажемся ли мы в раю или же врежемся в дерево.

Судя по прошлому опыту, врежемся в дерево.

— Может нам стоит просто... сделать шаг назад, — предлагаю я. — Посмотрим, как пройдет премьера, а потом... не знаю. Переосмыслим все.

Он издает короткий смешок и фыркает.

— Переосмыслим. Ну, еще бы. — Он проводит рукой по волосам.

— Итан, журналисты вольны намекать на что угодно, но, когда они спросят, вместе мы или нет, я скажу, что нет, и это будет правдой.

Я вижу мимолетную боль в его глазах, но он по-прежнему спокоен. Мне хочется кричать от досады, ведь при этих словах он должен был устремиться прочь в приступе ярости. Вместо этого, он пристально смотрит на меня с такой пронизательностью, что пальцы моих ног поджимаются. Он подается ко мне и кладет руку на стену рядом с моей головой, потом наклоняется так близко, что наши носы почти соприкасаются.

— Кэсси, делать шаг назад и отталкивать меня – абсолютно разные вещи, а ты именно отталкиваешь меня. Позволь сэкономить уйму твоих сил и сказать, что ты так просто не избавишься от меня. Я не могу жить без тебя, и что еще важнее – не хочу. Так что вперед: паникуй сколько хочешь. Я все также буду здесь, когда ты закончишь. Понятно?

Он не сводит с меня пристального взгляда, пока я не киваю в знак того, что услышала его слова. После, его взгляд задерживается на мне еще на одну секунду, отчего у меня чуть ли не подгибаются ноги.

— Вот и отлично.

На этом он разворачивается и исчезает внутри театра.

В конце дня, мы даем серию интервью для прессы, в которых оба отрицаем, что нас связывают романтические отношения. Судя по реакции интервьюеров, ясно, что никто нам не верит.

17

БОЛЬНОЙ И УТОМЛЕННЫЙ

Шесть лет назад

Вестчестер, Нью-Йорк

Гроув

Я вздыхаю и переворачиваюсь на другой бок. Снова.

И снова.

И снова.

Смотрю на часы: 1:52 ночи.

Проклятье!

Беру телефон с прикроватного столика и проверяю его.

Полностью заряжен. Нет пропущенных вызовов. Нет сообщений.

Не знаю, почему я так удивлена. Я серьезно думала, что моя маленькая речь под дождем положит конец его комплексам? Я же не столь наивна!

Но все же вот она я: лежу в два часа ночи, задетая отсутствием его звонков и сообщений.

Кидаю телефон обратно на столик, потом отворачиваюсь и закрываю глаза.

Просто перестань о нем думать. Если он захочет прийти, то придет. А если нет...

Что ж, если он не придет...

Я подтягиваю ноги к груди, пытаюсь подавить расцветающую внутри боль.

Если он не придет... жизнь продолжится. Я буду в порядке.

Я буду в порядке.

Лежу в темноте и повторяю одну и ту же фразу снова и снова, и даже когда сон наконец завладевает мной, мне все еще не верится в это.

— Ого, дерьмово выглядишь, — замечает Руби, когда я, волоча ноги, захожу в кухню.

— Спасибо.

— Он не звонил?

— Нет.

— Идиот.

— Да уж.

Я сажусь за кухонный стол, Руби же ставит передо мной тарелку с серой яичницей.

Я с сомнением кошусь на нее.

— Не начинай, — предупреждает она. — Даже такие как я могу готовить яйца.

— Серьезно?

— Не знаю. Раньше никогда не пробовала. И все же, уверена, получилось вкусно.

Я закидываю немного в рот, в то время как она открывает холодильник. Меня едва не выворачивает. Не знаю, как возможно так сильно испортить яйца, но Руби это как-то удалось.

— Вкусно? — оглядываясь, спрашивает она.

— Объедение, — отвечаю я с набитым ртом. — Тебе стоит попробовать. — А то с чего бы мне страдать в одиночку?

— Ты собираешься звонить ему? — спрашивает она, наливая мне сока.

— Нет.

— Хорошая девочка. Ты сделала все, что могла. Пусть теперь побегает за тобой.

Я с трудом проглатываю яйца и заодно свою паранойю.

— А если нет? В смысле, что если он не станет бегать за мной?

— Он станет.

— Но что, если нет?

— Он точно станет.

— Руби, блин, но что если нет?

Она прекращает возиться с едой и смотрит на меня.

— Кэсси, этот парень просто без ума от тебя. Ему может потребоваться какое-то время, чтобы понять, что он жить без тебя не может, но он поймет. Поверь мне.

Вздыхаю и начинаю водить яйцами по тарелке.

— И что же мне делать, когда я увижу его сегодня?

— Веди себя равнодушно.

— Я не знаю, как это делать.

Она ставит свою тарелку на стол и садится рядом со мной.

— Просто... будь вежливой. Дружелюбной, но не слишком. Если он затронет тему ваших отношений, тогда и говори об этом. Если же нет, придержишься нейтральных тем: погода, политика, спортивные команды, как сильно ты хочешь оседлать его пульсирующий твердый член. Ой, подожди. — Она хмурится и поднимает палец кверху. — Вычеркни последнее. Он уже знает об этом.

Я смеюсь и стараюсь не морщиться от отвращения, доедая остатки ужасной яичницы.

— Он уступит, Кэсси. — говорит Руби, поднося вилку ко рту. — Поверь мне. Он наверно заснул вчера весь в слезах, и теперь не может дождаться встречи с тобой, чтобы признаться в своей вечной любви. Может он даже сделает предложение.

Я закатываю глаза, она же кладет немного яичницы в рот и тут же давится.

— О, черт! Какая гадость! Почему ты не предупредила меня?

Я отпиваю сок с самым невинным выражением лица.

Должна признать, я уделяю себе чуть больше внимания, когда собираюсь на занятия. Крашусь немного ярче обычного и выпрямляю волосы. Надеваю облегающий топ и обтягивающую юбку.

Никогда не думала, что стану одной из тех девушек, которые пользуются своей внешностью, чтобы показать мужчине, какую красоту он упускает, но, как видно, я одна из них. А ведь одна из причин нашей ссоры в том, что я хочу, чтобы он хотел меня не только физически.

Лицемерка, вот кто ты, Кэсси!

К тому времени когда я занимаю место в аудитории, где проходит занятие по истории театра, я уже сплошной клубок нервов.

Но оказывается, что мое беспокойство неоправданно. Холт не появляется. В начале, мне кажется, что он просто опаздывает, но к обеду приходится признать, что этот день он прогулял.

Не могу поверить в это.

Я думала, к этому времени он обдумает наше положение и захочет поговорить, но не тут-то было, он снова выбирает легкий путь и уклоняется от проблемы.

Мысленно обозвать его подонком никак не поможет приглушить чувство разочарования, но я все же делаю это.

Он не звонит весь четверг — ни днем, ни вечером, и не объявляется на занятиях в пятницу. К субботе, Руби уже вне себя оттого, что я то и дело проверяю телефон и бормочу под нос непристойности, когда не вижу на экране новых уведомлений.

— Кэсс, может уже угомонишься? Дай парню немного времени. У него больше проблем, чем печатают в журнале People. Нельзя ожидать, что он изменится волшебным образом только потому, что ты этого хочешь.

— Я знаю, Руби. Знаю, что мои ожидания нереалистичны и неразумны, но почему он не звонит?! — Откидываюсь на спинку дивана и обхватываю голову руками. — Нет, серьезно, я

сойду с ума, если не поговорю с ним. Как он может просто оборвать все связи? Не понимаю.

— Мальчики странные.

— Как будто я ничего для него не значу.

— Рискну и предположу, что это не так.

Сажусь прямо.

— Я позвоню ему.

Руби вырывает телефон из моих рук.

— Нет, не позвонишь. Ты пойдешь со мной в спа-салон, чтобы на пару часов прекратить убиваться по нему. Я не доверяю тебе. Стоит мне оставить тебя одну, как ты позвонишь ему.

— Я скучаю по нему.

— Знаю.

— Мне хочется знать, скучает ли он по мне тоже.

Она садится рядом и обнимает меня за плечи.

— Кэсси, он скучает по тебе. Я уверена.

Мне все больше и больше кажется, что она не права.

В воскресенье, я чувствую онемение.

Ну, онемение большей части моего тела. Моя вагина адски болит, а все потому, что вчера Руби убедила меня, что процедура бразильской эпиляции поможет мне выкинуть из головы Холта.

И она не ошиблась.

На протяжении получаса, что заняло удаление лобковых волос с корнем, я напрочь забыла о Холте и сосредоточилась на составлении способов, которыми смогу поранить Руби и не угодить за это в тюрьму. В итоге, я составила двадцать три способа.

Теперь она делает мне педикюр, чтобы загладить свою вину, но она все еще в моем черном списке.

Звонит мой телефон, мы обмениваемся взглядами и одновременно тянемся за устройством. Он взлетает в воздух, и мы бросаемся за ним, как кошки, потом Руби ловит его и протягивает мне. Смотрю на номер абонента и быстро нажимаю «ответить».

— Привет, Элисса.

— Кэсси! Слава богу, ты ответила! Итан с тобой?

Я смотрю на Руби.

— Хм... нет. А что?

Руби хмурится и наклоняется ближе, чтобы подслушать.

— Я не могу дозвониться до него, а когда я разговаривала с ним в четверг, его голос звучал ужасно. Сейчас же он не отвечает на звонки. Боюсь, он совсем нездоров и не в состоянии сходить к врачу.

— Тебя не было дома на выходных? — спрашиваю я.

— Нет. До вторника я буду в Нью-Йорке с мамой и папой. Так ты не видела его?

Провожу рукой по волосам.

— Нет. Мы как бы... поссорились в среду. С тех пор я не видела его и не разговаривала с ним. Я думала, он просто избегает меня.

Элисса выдерживает паузу.

— Такое возможно. Это на него похоже. Но он обычно отвечает, когда я звоню, а сейчас — нет. Могу я попросить тебя о большом одолжении?

У меня сводит желудок.

— Ты хочешь, чтобы я сходила и проверила как он?

— Да, пожалуйста, Кэсси.

Руби яростно мотает головой и шепчет: «Черта с два!», размахивая руками, как безумная.

Я со стоном хватаюсь рукой за голову.

— Элисса, я не знаю. То, что было после ссоры... не думаю, что он хочет видеть меня сейчас.

— Кэсси, я бы не стала тебя просить, если бы это мог сделать кто-то другой. Ты его единственный друг.

— А как же Джек и Лукас?

— Ты шутишь? Сейчас девять утра воскресенья. Скорее всего, они валяются полупьяные в какой-то клумбе. Кроме того, ты всерьез думаешь, что если Итан нездоров, Джек и Лукас смогут ему помочь?

Веский аргумент. Я хмурюсь и делаю глубокий вдох.

— Так и быть. Я проверю как он. Но если я умру от передозировки унижения, ты оплатишь мои похороны.

— Спасибо! Ты удивительная! Позвони мне, когда доберешься туда, чтобы дать знать, как он.

— Подожди, Элисса! Мне нужен твой адрес.

— У тебя его нет?

Вздыхаю.

— Нет. Я никогда не была в вашей квартире.

Мне буквально слышно ее неверие.

— Ты, черт побери, издеваешься надо мной? За все время, что вы тусовались вместе, он ни разу не привел тебя туда?

— Нет.

— Дай-ка угадаю: это одна из причин, почему вы поссорились?

— Можно и так сказать.

— Мой брат – придурок.

Да, но я хочу, чтобы он был моим придурком.

— Ну, — говорит Элисса, — Руби знает, где мы живем. Думаешь, она сможет тебя отвезти?

Руби драматично закатывает глаза, и поднимает руки в знак поражения.

— Да, думаю, я смогу убедить ее.

— Хорошо. Спасибо, Кэсси. Я у тебя в долгу.

— Не то слово.

Двадцать минут спустя Руби останавливается перед уютным жилым домом. Всю дорогу я провела моля Бога, чтобы Холт был при смерти, потому что это единственное объяснение его молчанию, которое не вызывает боль у меня в груди.

— Их квартира – номер четыре, — говорит Руби, указывая на второй этаж. — Я подожду здесь на случай, если он вовсе не болен, и ты решишь расправиться с ним. Не могу же я загреметь в тюрьму, как соучастница. Я слишком красивая.

Выхожу из машины и иду к дому. Здание не суперсовременное, но чистое и стильное.

Полная противоположность моему месту жительства.

Поднимаюсь на нужный этаж и нахожу четвертую квартиру, потом делаю глубокий вдох и решительно стучусь три раза.

Внутри тишина.

Стучусь снова, громче и более настойчиво. Вновь ничего, и маленькая крупица обиды, которую я носила в себе с момента нашей ссоры, расцветает и обращается в бутон боли.

Его нет.

Возможно, он с другой девушкой.

Возможно, испытывает оргазмы без обязательств, что были у него со мной.

подавляю боль.

Я уже собираюсь было уйти, как до меня доносится шум по другую сторону двери. Слышится приглушенное шарканье, затем грохот, за которым следует тихое: «Вот черт!».

Когда я поворачиваюсь обратно, дверь приотворяется на крошечную щелочку, открывая моему взору заспанного и растрепанного Холта, который прищурившись в недоумении смотрит на меня.

— Тейлор? — Его голос такой хриплый и низкий, что звучит как Барри Уайт на стероидах. — Что ты здесь делаешь?

Огромная волна облегчения накрывает меня.

— О, боже, Холт, так ты действительно болен! Отвратительный видок!

Он хмурится и дрожа прислоняется к дверному косяку.

— Ты проделала такой путь, чтобы позлорадствовать? Без обиняков, но это просто низко.

— Нет, прости, — говорю я, пытаюсь совладать с собой и окидывая взглядом его салные волосы и взмокшее лицо. — Элисса попросила меня прийти и проверить тебя. Ты не отвечал на звонки, и она волнуется.

Он громко кашляет, вызывая ужасные хрипы в бронхах.

— Это просто простуда, — хрипит он, сильнее приваливаясь к стене. — Я буду в порядке.

Прикладываю ладонь к его лбу. Он весь горит, а темные круги под глазами свидетельствуют о том, что он не спал несколько дней.

— Ты не в порядке. У тебя грипп. Ты что-нибудь принял?

— Тайленол закончился, — говорит он, потом снова кашляет. — Думаю, мне просто нужно поспать.

Он закрывает глаза и слегка отшатывается в сторону, и я тотчас спешу поддержать его. Из одежды на нем только тонкая футболка и хлопковые боксеры, и пусть он весь липкий и горячий, он все равно дрожит.

— Пойдем, — говорю я, заводя его внутрь и усаживая на диван. — Посиди минутку. — На спинке дивана лежит одеяло, я хватаю его и накидываю ему на плечи. Он плотно укутывается в него, затем ложится и закрывает глаза. Его зубы постукивают от холода.

— Итан?

— Хм-м-м? — Он уже почти спит.

— Я вернусь через минуту, ладно? Нам нужны лекарства.

Он что-то невнятно бормочет, а я в свою очередь наспех осматриваю содержимое кухни и ванной, после чего несусь вниз к ждущей в машине Руби. Даю ей список медикаментов, которые нужно купить в аптеке и прошу поторопиться. Когда я возвращаюсь обратно, Итан

все также лежит на месте, тихо бормоча и постанывая.

Его сильно лихорадит. Пока Руби не вернулась с тайленолом, я должна постараться сбить температуру. Один раз я выхаживала своего папу, когда у него случилось воспаление легких, мама тогда уехала на йога-курорт. Так что с процедурами я знакома довольно хорошо.

— Итан, ты можешь сесть?

Он кашляет и пытается принять сидячее положение. Меня настораживает звук, исходящий из бронхов.

— По-моему, у тебя бронхит. Тебе нужно показаться врачу.

— Нет, — говорит он осипшим голосом. — Осадок в моем горле зеленый. Это бактерии. Врач просто пропишет антибиотики, а у меня есть немного в ванной, в шкафчике за зеркалом.

— Антибиотики вот так просто хранятся у тебя дома?

— Папа – фармацевт.

— Ах, да.

Направляюсь в ванную комнату и достаю таблетки. Идя обратно к Итану, попутно читаю инструкцию.

— Здесь говорится, что их следует принимать во время еды. Ты ел что-нибудь сегодня?

Он укутывается в одеяло и качает головой.

— Желудок ничего не воспринимает.

— Ну, Руби пошла за супом. Пожалуй, нам лучше дождаться ее возвращения.

Он ежится и кивает. Когда я прикладываю ладонь к его лбу, он закрывает глаза и прикивает к моей руке.

Притрагиваюсь костяшками пальцев к его пылающей щеке.

— У тебя хватит сил, чтобы принять душ? Это поможет тебе остыть.

Он открывает глаза, и какое-то мгновение не сводит с меня пристального взгляда.

Потом шепчет:

— Кэсси, ты не обязана это делать. — Его голос такой осипший, что у меня слезы на глаза наворачиваются.

— Знаю, но я сама хочу.

Протягиваю ему руки и помогаю встать на ноги. Несколько секунд он неуверенно покачивается, потом перекидывает руку через мои плечи. Озноб проходит по его телу, пока мы медленно идем в ванную. Я помогаю ему сесть на крышку унитаза, после чего включаю душ и регулирую температуру.

Когда я снова поворачиваюсь к нему, у меня щемит в сердце при виде его жалкого вида. Сгорбившись над коленями, он сидит, тяжело дыша и пытаюсь плотнее укутаться в одеяло.

— Ну, давай. От этого тебе станет легче.

Стаскиваю с него одеяло и бросаю его на пол. Затем стягиваю его футболку через голову. Его грудь и плечи покрыты багровыми пятнами, и когда я притрагиваюсь к нему рукой, чувствую, что он пылает огнем. Он обнимает себя руками. Его кожа покрывается мурашками, когда я помогаю ему подняться.

— Тебе помочь с нижним бельем? — спрашиваю я, потирая его предплечья, чтобы он не замерз.

Он качает головой, и мне становится не по себе, что даже когда он такой больной, вид его обнаженного торса все также творит со мной невыносимые вещи.

— Ну, не буду тебе мешать. Буду прямо за дверью. Если вдруг закружится голова, просто присядь и позови меня. Я буду здесь через секунду.

Он кивает. Я слабо улыбаюсь ему и закрываю за собой дверь.

Несколько минут спустя раздается стук во входную дверь. Когда я открываю, на пороге стоит Руби с двумя пакетами медикаментов. Она идет напрямик в кухню и начинает разбирать их.

— Я принесла ему несколько видов супа и немного хлеба, потому что когда жар спадет, он будет умирать от голода. Ананасовый сок поможет избавиться от мокроты, и еще я принесла «Гаторейд» от обезвоживания.

— Хорошо продумано.

Она заканчивает с продуктами и принимается за пакет с лекарствами.

— А тут тайленол и адвил, и еще противоотечное средство, которое полностью вырубит его и поможет со сном.

Тяжелый кашель эхом разносится по всему коридору, и Руби корчит гримасу отвращения.

— Ладно, не пойми неправильно, но мне пора сматываться. От вида слизи любого рода меня тянет блевать. Тебе лучше вернуться к своему отвратительному пациенту, пока он не выкашлял себе легкие.

Я смеюсь и провожаю ее к двери.

— Ты останешься здесь на ночь? — спрашивает она, выходя на лестничную площадку.

— Да, если только он не исцелится волшебным образом в ближайшие восемь часов. Ты не против?

— Нет, конечно, при условии, что ты не станешь домогаться его, пока он спит.

— Руби, ты говоришь так, словно у меня нулевое самообладание рядом с ним. — Она смотрит на меня, поджав губы. Я смеряю ее взглядом. — Заткнись!

— Я ничего не сказала.

— Ты осудила меня глазами. Я говорю заткнуться им.

— Ты сможешь находиться с ним наедине всю ночь? — спрашивает она. — Или мне сделать тебе пояс целомудрия из алюминиевой фольги?

— Руби, между нами ничего не произойдет по двум причинам: первая, он действительно болен, и да, выглядит отвратительно. — Я забываю упомянуть, что это совсем не мешает мне хотеть его. — И вторая, я установила границы в наших отношениях, и пока он не признается в своих чувствах, я не намерена пересекать черту. У меня есть гордость, знаешь ли.

— Да, но не особо.

— Повторяю — замолчи.

Она обнимает меня, и я чувствую, как она улыбается напротив моего плеча.

— Сможешь позвонить Элиссе? — спрашиваю я. — Чтобы дать ей знать, что происходит?

— Не вопрос. Поговорим завтра.

После ее ухода я иду обратно в спальню Холта. Стучусь в дверь ванной, и приоткрываю ее на самую малость.

— Эй, ты там в порядке?

Тишину нарушает мокрый кашель.

— Да. Слизь, которую я выкашливаю, смахивает на что-то из фильма ужасов, но пар ослабляет тяжесть в груди. — У него пропадает голос, но полагаю, этого стоило ожидать после стольких приступов кашля.

— Собираешься выходить?

— Уже скоро. Дай мне минутку.

Я невольно кидаю взгляд через порог и резко втягиваю воздух при виде его обнаженной спины. Его плечи напрягаются, когда он прислоняется руками к стене.

О, боже.

Обнаженный Холт.

Обнаженный и мокрый.

Я опускаю взгляд на его превосходную задницу.

Да поможет мне Бог!

О, да, Руби, я смогу провести с ним ночь. Смогу контролировать себя. Без проблем.

Я не могу отвести взгляда от воды, стекающей по его мышцам.

— Идиотка.

Он поворачивает голову.

— Ты что-то сказала?

— Нет. Просто разговариваю сама с собой. — И заодно пялюсь на твою классную задницу.

Я поспешно отворачиваюсь и сосредотачиваю внимание на его кровати. Простыни скручены и смяты, и кажутся влажными.

Закрываю дверь и принимаюсь стаскивать их. Пока я застилаю ему постель, я прикладываю море усилий, чтобы не думать о его красивой спине, ногах и заднице, и о том, как бы они смотрелись в растянутом положении на этих свежих простынях.

Попутно я оглядываю его комнату. Царит небольшой бардак, но не в плохом смысле. На столе лежат груды книг и DVD-дисков, ворох бумаг и лэптоп, а на полу разбросаны диски с видеоиграми рядом с последней версией «X-Vox». Но в остальном, здесь вполне чисто и не пыльно. Далеко не самая худшая комната парня на моей памяти.

Достаю чистую футболку из его комода, и только я начинаю увлеченно рыться в ящике с нижним бельем, как душ выключается. Испытывая немалое чувство вины, хватаю ближайшую пару боксеров и задвигаю ящик.

Когда доносится звук открывающейся двери, я поворачиваюсь и вижу Холта лишь в одном полотенце. ореол пара клубится позади него.

Меня внутренне передергивает, когда песня Бейонсе начинает звучать в моей голове и все вокруг словно замедляется. Капельки воды поблескивают на его мышцах. Я чувствую, как у меня округляется рот, когда на моих глазах одна капелька проделывает путь вдоль его ключицы к пупку.

Черт. Так красиво!

— Хей, — произносит он почти севшим голосом.

— Хей! — Я выбираюсь из сладостных грез и с чрезмерным энтузиазмом машу ему чистой одеждой. — Это для тебя. Как прошел душ? Ты все еще мокрый. Тебе надо вытереться. Конечно, не с помощью полотенца, обернутого вокруг твоего пояса, ведь тогда ты будешь голым и... ну, если хочешь, можешь воспользоваться этим полотенцем. В смысле, это же твоя спальня, и если тебе хочется побыть здесь голым, то пожалуйста. Я могу посмотреть, то есть – уйти. Если хочешь побыть наедине с собой голым, я могу подождать в

гостиной. Или сходить на прогулку. Как тебе будет угодно.

Он смеется, или же я принимаю это за смех, потому что его голос настолько осипший, что напоминает персонажа из мультфильма.

— Тейлор, хватит болтать.

— Конечно.

— Дай мне одежду.

Я протягиваю ему одежду, и он идет обратно в ванную и закрывает за собой дверь.

Плюхаясь на кровать, я хватаюсь рукой за голову и вздыхаю. Мое непомерное влечение к нему, — даже когда он, по сути, рог избытия для слизистых бактерий — просто ужасает.

Дверь ванной открывается, и он подходит ко мне, его волосы уже более сухие, и тело не столь обнаженное.

Встаю и притрагиваюсь к его лбу.

— Уже не так горячо.

— Да? Здорово.

Он с мгновенье смотрит на меня, и мне приходится напомнить себе, что если я хочу держаться от него подальше, то не должна позволять ему смотреть так на меня.

— Полезай в постель. — Мой голос звучит прерывистее, чем того хотелось бы.

Он хмурится.

— Тейлор, я польщен, но сейчас мне нездоровится. Может оставим это на потом?

— Обхохочешься. Нет, серьезно, забирайся под одеяла. Ты весь дрожишь.

— Потому что холодно.

— Вовсе нет.

— Будь по-твоему. — Он забирается в постель и натягивает одеяло по самый подборок.

— Я вздремну минутку. Это стояние под душем немного выбило меня из сил.

— Ну а как же! Ты же актер, и не привык так сильно напрягаться. — Он с упреком смотрит на меня. — Нуу, пойду принесу тебе еду и лекарства.

Чуть погодя, я возвращаюсь с подносом, нагруженным супом быстрого приготовления, стаканом ананасового сока, баночкой лекарства от кашля, антибиотиками, и тайленолом.

Холт крепко спит.

— Эй, просыпайся.

Он стонет и переворачивается на другой бок.

Ставлю поднос на ночной столик и осторожно трясу его за плечо.

— Ну же, Холт. Твой наркоторанжер прибыл. Ты должен проснуться.

Его голова сползает в сторону, но сам он не шевелится.

— О, нет! — охаю я. — Я пролила на себя суп в кухне, и мне пришлось снять кофту и лифчик. Срочно накрой мои голые сиськи своими огромными руками!

Он тотчас же просыпается и несколько секунд озирает мое полностью одетое тело, потом валится обратно на подушки и вздыхает.

— Это было низко и излишне. Нельзя обещать умирающему человеку сиськи, а потом обломать.

— Ты не умираешь.

— А если бы умирал, ты бы показала мне сиськи?

— Нет. Это право принадлежит моему парню, а поскольку это не ты...

Черт, Кэсси. Не шантажируй его своими сиськами. Это удар ниже пояса.

— Извини, это было...

— Все нормально, — говорит он, прочищая горло и потирая глаза. — Ты права.

Он опускает взгляд на свои руки, я понимаю, что нам надо многое обсудить, но сейчас не время.

— Сядь прямо, — говорю я, взяв тайленол и сок. — Прими это. А потом поешь суп.

Он делает, как велено.

Через пятнадцать минут он уже уминает большую часть супа, принимает антибиотики, лекарство от кашля, и выпивает весь ананасовый сок.

Я уношу поднос на кухню, а когда возвращаюсь, его веки уже подрагивают.

Накрываю его одеялом.

— Как ты себя чувствуешь?

— Малым ребенком, — отвечает он зевая. — И немного под кайфом. Что, черт побери, в этом лекарстве от кашля?

— Волшебное снотворное.

— О, а я-то думал, что это просто успокоительное.

— Да, в том числе.

— Оно сильное.

— И хорошо. Тебе надо поспать.

Он снова зевает и поднимает на меня взгляд, и это просто возмутительно, что несмотря на болезнь, он все также красив.

Не успеваю я уйти, как он хватает меня за руку своими слишком теплыми пальцами.

— Останься, — говорит он, проводя большим пальцем по тыльной стороне моей руки.

— Тебе необходим отдых.

— Я отдохну. Просто останься со мной. Пожалуйста.

Видя, в каком он сейчас состоянии, я не могу ему ни в чем отказать. Снимаю обувь и перехожу на другую сторону кровати. Он поворачивается ко мне, пока я устраиваюсь поверх покрывала.

— После нашей ссоры в среду, — говорит он, — не думал, что моя постель будет тем местом, где ты окажешься в эти выходные.

Киваю.

— Должна признаться, что я представляла свое первое появление в твоей спальне при более сексуальных и менее слизистых обстоятельствах.

— Что, мой плевральный кашель и ларингит не заводят тебя? Что с тобой не так, женщина?

Ох, Холт, знай ты, как сильно заводиишь меня, то тебе стало бы стыдно за меня.

Он подкладывает руку под голову и поднимает на меня глаза.

— Это странно, что я хочу тебя, хоть и так сильно болен?

Его речь непонятна, и я задаюсь вопросом, сказал бы он мне эти слова, не будь лекарств в его организме.

— Итан, мы же договорились...

— Ничего подобного, — говорит он и касается моего бедра. — Ты сказала, что мы должны прекратить касаться друг друга, если не будем парой. Я не согласился. Ты ушла до того, как я успел сказать, что это хреновая идея.

— Твои слова ничего бы не изменили.

Он опускает взгляд.

— Знаю. Я около часа стоял возле твоего дома под дождем, пытаюсь сообразить, как все

уладить. Когда я понял, что у меня духу не хватает постучаться в твою дверь и сказать, какой я идиот, я так разозлился на себя, что пришел домой и напился. Потом отключился на диване весь мокрый. Проснулся посреди ночи, дрожа от холода.

— Боже, Итан...

Он скользит рукой вверх к поясу моих джинсов и медленно моргает, прежде чем поддеть пальцем низ моей блузки.

— Твоя кожа такая мягкая, — шепчет он, поглаживая мой живот. Его рука поднимается все выше и выше, пока не касается нижней каемки моего бюстгалтера. Мне хочется забыть обо всех его бактериях, и подтолкнуть его руку либо выше, либо ниже

Вместо этого я делаю прерывистый вздох и кладу свою руку поверх его.

Он болен и накачан лекарствами. Ему можно простить оплошность. Мне же нет оправдания. Я просто возбуждена.

— Итан, мы не можем.

— Я знаю. — Его голос усталый, слова сливаются воедино — Нояхочу. Такильно. Потому что... не прикасаться к тебе... — Он умолкает, глаза закрываются. — Это... невыносимо.

Его голова тяжело опускается, и его рука сползает с меня, и я благодарю Бога, что он засыпает до того, как с моих губ срывается стон неудовлетворенности.

Холт спит беспокойным сном, ворочаясь с бока на бок, пока лекарства воздействуют на его организм. Он то отталкивает меня, растягиваясь по всей постели, то цепляется с переполняющим отчаянием.

Спустя час, он начинает бубнить и стонать.

— Кэсси...

Его глаза закрыты, но руки тянутся ко мне.

— Я здесь, — откликаюсь я, трогая его лицо. Лоб горячий и липкий от пота. — Только схожу за мокрым полотенцем, чтобы смочить твой лоб, ладно?

Его глаза распахиваются, тяжелые и полные тревоги.

— Ты уходишь?

— Я скоро вернусь.

— Нет... пожалуйста. — Он притягивает мою руку к своей груди, а затем прижимается лбом к ладони. — Не уходи. Пожалуйста, только не ты.

В нем сквозит такое отчаяние, пока он цепляется за меня так, словно от этого зависит его жизнь, что я даже не уверена, что он вообще в сознании.

Он непрерывно бормочет: «Пожалуйста, Кэсси», и расслабляется, только когда я притягиваю его к себе и провожу пальцами по волосам.

— Все хорошо. Я не уйду. Я останусь с тобой.

Он вздыхает, и мне слышно, что его легкие все также свистят при дыхании.

— Спасибо.

Он утыкается мне в шею, и я застываю, когда чувствую прикосновение его губ.

— Итан?

Он стонет и целует меня снова, сжимая крепче в кольце своих рук.

— Я люблю тебя, — шепчет он, кладя голову на мое плечо. — Я так сильно люблю тебя. Не уходи от меня.

Он вновь забывается сном, а я не могу отойти от шока.

И только когда я чувствую жжение в легких, понимаю, что забыла дышать.

18

ВЕРНАЯ СТАВКА

После того как Холт неожиданно в полубреду признается мне в любви, он продолжает стонать и бормотать еще несколько часов.

Как и ожидалось, он не повторяет этого.

Шар безумной надежды у меня в груди медленно сдувается.

Когда я прижимаюсь к нему сбоку и пытаюсь уснуть, он как удав смыкает руки вокруг меня. Это вызывает у меня улыбку.

На улице все еще темно, когда я чувствую легкое прикосновение пальцев к своей коже. Они пробираются под подол моей кофты и пробегаются по моему животу.

— Итан?

Он откашливается.

— А ты думаешь, с тобой в кровати может лежать какой-то другое парень? Если так, то я не так сильно болен, чтобы не суметь надрать ему зад.

Его голос все также звучит ужасно, но в нем есть некое урчание, отчего у меня мурашки по коже.

— Что ты делаешь?

— Ничего. Просто хочу прочувствовать твою кожу.

Хрип в его голосе настораживает меня, но, когда я прикасаюсь к его лбу, то чувствую, что тот холодный. Жар наконец-таки спал.

— Как ты себя чувствуешь?

— Возбужденно. — Он перемещает свою руку выше, и потом теплые пальцы ласкают мой бок. — Хочу тебя.

Он прижимается ко мне, и я чувствую своим бедром, какой он твердый и теплый. Потом он двигает своими бедрами таким образом, что у меня не остается сомнений в том, как сильно он хочет меня.

— О, боже... — Мое тело реагирует без предупреждения мозга, и я крепче обхватываю его руками.

— Кэсси...

Он скользит рукой к моей груди и нежно пощипывает ее сквозь лифчик. Ощущение спиралью распространяется по всему моему телу.

Тревожные колокольчики звенят у меня в голове, потому что я знаю, что если не остановлю его сейчас, то его действия перечеркнут все причины, из-за которых я не должна позволять ему вот так прикасаться к себе, и я вернусь к тому, что было четыре дня назад.

— Итан... мы должны остановиться.

Он отстраняется и смотрит на меня.

— Думаешь, я не вижу, как сильно ты меня хочешь? Да ты практически срываешь с меня футболку.

— Не в этом суть.

— Нет, суть в том, что ты хочешь, чтобы я продолжал, но только на твоих условиях. На правах твоего парня.

— Что такого в том, что я хочу знать, что значу для тебя?

— Проклятье, Тейлор, ты правда до сих пор не поняла, что я чувствую к тебе? Знаю, я хороший актер, но что до моих чувств к тебе, то тут я был безрассудно честен.

— Мне нужно услышать это от тебя. — Мой голос стихает до шепота.

— Я уже говорил тебе.

— Я думала, ты спал.

— Сейчас, я не сплю.

— Тогда скажи это еще раз.

Он наклоняется и целует меня в висок, потом в щеку, потом так близко к моему рту, как только ему удастся, чтобы не прикасаться при этом к губам.

— Я люблю тебя, Кэсси. Не хочу любить, но люблю. А теперь, пожалуйста... — Он снова целует меня в шею, его губы мягкие и приоткрытые, пока он скользит рукой к пуговице моих джинсов. — Замолчи и дай мне прикоснуться к тебе. Прошло слишком много времени. Я уже теряю рассудок.

Я закрываю глаза, когда он расстегивает пуговицу и спускает молнию. И потом все на, что я способна – это просто откинуться на подушку, потому что он проникает пальцами в мои трусики и всякая связь с реальностью распадается на части. Его пальцы – уверенные и сильные – заставляют меня выгибаться и прерывисто дышать, пока он подобно кукловоду дергает за ниточки моего удовольствия, провоцируя звуки, слишком громкие для этой темной, тихой комнаты.

Он делает круговые движения пальцами, его дыхание опалает мое горло, мой разум мутится, пока внутри меня все закручивается и натягивается.

Я издаю стон, потому что мне недостаточно того, что он делает. Мне нужно больше. Весь он.

— Пожалуйста, — шепчу я, и просовываю руку между нами и нащупываю его сквозь боксеры, твердого и большого.

— *Господи, Тейлор...*

Я беру его в руку и начинаю медленно двигать верх-вниз, пытаюсь притянуть его ближе.

— Итан, пожалуйста...

Он издает низкий стон и обхватывает своими пальцами мою руку.

— *Кэсси, остановись. Ты не знаешь, что делаешь.*

— Знаю. Хочу тебя. И люблю тебя.

— *Ты... что?!*

— Итан... войди в меня... Люблю тебя.

— *Кэсси!*

Потом меня кто-то трясет, и я раскрываю глаза. Холт смотрит на меня сверху вниз, хмурясь и тяжело дыша, в то время как потоки солнечного света заливают комнату.

Я охаю и предоргазменное напряжение тает, когда я понимаю где нахожусь.

Одна моя рука плотно прижата между моих бедер, а другая...

О, боже.

Другая прижата к боксерам Холта, и крепко обхватывает его очень твердую эрекцию.

— О, боже!

Я отпускаю его, и он садится, накидывая одеяло поверх себя.

— Тебе снился сон.

— Извини.

— Ты разговаривала... хваталась за меня...

— О, боже. — Мое лицо горит от стыда. — Как долго я... ?

— Несколько минут.

— Мне так жаль.

Он вздыхает.

— Пустяки.

— Вовсе нет. Я... я домогалась тебя. Я – сексуальная маньячка.

Я накрываю лицо руками и издаю стон, сгорая от стыда так сильно, что даже не могу взглянуть на него.

— Проклятье, Тейлор, бросай краснеть. Это не только твоя вина. Сначала я подумал, что ты уже проснулась и... ну знаешь... передумала насчет нас. Но потом ты начала разговаривать, и я понял, что тебе снится сон. Мне бы стоило остановить тебя, но я мужчина, и потому генетически запрограммирован не убирать руку женщины со своего члена.

Я притягиваю ноги к груди и робко смотрю на него.

— Ты сказал, что я разговаривала. Что я сказала?

Он хмурится и теревит одеяло, потом откашливается.

— Это был сон. Какая разница?

— Я хочу знать.

Он кашляет и отпивает немного воды из бутылки на ночном столике, все это время избегая взгляда со мной.

— Ты что-то бормотала. Говорила, что хочешь меня или типа того. Я не смог точно разобрать.

У меня перехватывает горло. Он лжет.

Я опускаю голову на руки и испускаю стон.

То, что он услышал слово на «Л» само по себе плохо, но что еще хуже, так это понимание того, что я на самом деле имела это ввиду. Прежде я ни к кому не испытывала подобных чувств. Когда-то он был просто парнем, который страшно меня раздражал, а сейчас, без какого-либо предупреждения, стал кем-то еще. Кем-то иным.

Необходимым и незаменимым.

Если это и есть любовь, то она тупая.

— Знаешь, ты тоже болтаешь во сне, — говорю я, настроенная не быть единственной в этом чистилище.

Он резко переводит на меня взгляд.

— Что я сказал?

Я прищурено смотрю на него.

— Ты не помнишь?

Он смотрит на меня несколько долгих секунд, и количество паники, что я вижу в его глазах – не стоит таких усилий. Он либо помнит и жалеет, либо не помнит и в ужасе оттого, что мог такое сказать. Я в любом случае не получу желаемое.

— Не бери в голову, — говорю я. — У тебя был такой жар, что я едва понимала тебя. Давай просто сойдемся на том, что все сказанное во сне – не считается, хорошо?

Он затихает на несколько секунд, и потом раздражается сердитым приступом кашля. Затем сгибается вдвое и хватает пару салфеток, чуть ли не давась тем, что выделяется из его легких. Я поглаживаю его по спине до тех пор, пока приступ не проходит.

— Тебе надо принять душ, — говорю я, глядя его между лопаток.

— Да, наверное. — Его голос усталый.

Он выбирается из постели и направляется к комоду, чтобы взять чистое нижнее белье. Он кидает на меня быстрый взгляд, прежде чем снова посмотреть в ящик.

— Ты... трогала мое нижнее белье?

Пожимаю плечами.

— Частично. — Я перебирала лишь те вещи, которые вызывали во мне безумные чувства.

— Ты странная.

— Это не открытие, милый.

Когда дверь ванной закрывается, я плюхаюсь обратно на кровать и выдыхаю. Я не предвидела того, что забота о своем бывшем-не-парне будет таким унижительным опытом.

Я уже было собираюсь отправиться на кухню, чтобы приготовить завтрак, как звонит телефон Холта.

На экране высвечивается «Дом», и, думая, что это должно быть Элисса, я отвечаю.

— Телефон Итана. Говорит Кэсси.

Следует небольшая пауза, и потом:

— Кэсси? Это Мэгги Холт.

Мой желудок подпрыгивает к горлу, и срывающимся голосом я говорю:

— О, здравствуйте, миссис Холт.

Девушка отвечает на телефон сына с утра пораньше. Это смотрится некрасиво.

— Ну, Кэсси, как вы там?

— Он в душе.

— Ох. Понятно.

— Вот почему я отвечаю на его телефон. Он принимает душ.

— Понимаю. Так ты...

— Просто нахожусь тут. Я знаю, как это может выглядеть со стороны, но я хочу сказать, чтоб вы знали – между мной и Итаном ничего нет. Мы не спим вместе. Ну, вообще-то, вчера спали, но мы спали на самом деле, если вы понимаете, о чем я. Он был под кайфом. Из-за таблеток от кашля. Он болен. Серьезно болен.

Я давлю на переносицу в попытке, чтобы перестать нести околесицу.

— В смысле, он не нуждается в пересадке легких или в чем-то еще, но болен он достаточно серьезно, чтобы нуждаться в чьей-то заботе. Именно этим я и занимаюсь здесь. А еще отвечаю на его звонки. Как видно. Ух ты, как долго ваш сын принимает душ!

Пристрелите меня на месте.

Слышится мягкий смех, и я воспринимаю это как сигнал к тому, что можно сделать вдох. Мое лицо горит сильнее, чем поверхность солнца.

— Кэсси, все нормально. Вчера за обедом Элисса дала нам знать, что он болен, и что она попросила тебя поиграть в няньку. Спасибо, что согласилась. Знаю, мой сын – не самый приятный пациент. Когда он был ребенком, мне приходилось подкупать его игрушечными Черепашками-ниндзя, чтобы заставить принять лекарства.

Образ Холта в роли своевольного малыша – слишком очарователен, и его сложно вынести.

— Правда?

— Боюсь, что так.

Из ванной комнаты доносится сильный кашель, и я слышу, как миссис Холт цокает

ЯЗЫКОМ.

— Надо полагать, он не был у врача?

— Нет, но его голос звучит гораздо лучше сегодня.

— Это называется «лучше»?

— Э-э-э...

— Бедный малыш. — Она замолкает, потом говорит: — Вообще-то, Кэсси, я рада, что мы разговариваем. Ты собираешься домой на День Благодарения?

— Э-э... нет. В этом году я могу позволить себе только один перелет туда и обратно, и мама с папой хотят, чтобы я прилетела домой на Рождество.

— Значит, на праздниках ты свободна?

— Пожалуй, да.

— Замечательно. Мне бы хотелось, чтобы ты приехала и погостила у нас в Нью-Йорке.

— О... миссис Холт...

— Пожалуйста, зови меня Мэгги.

— Мэгги, я даже не знаю. Итан...

— Это не имеет никакого отношения к Итану. Элисса тоже дружит с тобой, и она будет рада, если ты останешься. К тому же, мы не можем позволить тебе провести День Благодарения в одиночестве. Это будет трагедией.

— И все же, не думаю, что...

— Вздор! Ответ «нет» не принимается. Ты приедешь, и точка.

Прежде чем у меня появляется возможность ответить, Холт выходит из ванной без футболки, в одни только боксерах.

Он вытирает волосы полотенцем и прокашлявшись, тихо спрашивает:

— Кто это?

Я прикрываю рукой телефон:

— Твоя мама.

Он снова кашляет, и потом протягивает руку.

— Мэгги? Итан только что вышел из душа. Полностью одетый, хотелось бы добавить. Ну, не совсем. На нем нет футболки, но все важные места прикрыты. — *О, да ради бога!* — Было приятно с вами поболтать.

— Мне тоже, Кэсси. Увидимся на следующей неделе.

— Хм, да. Хорошо.

Холт берет телефон и садится на край кровати.

— Привет, мам. — Его голос едва слышен. — Мой голос звучит хуже, чем я себя чувствую. Мне не нужен врач. Ага, антибиотики уже принял.

Он умолкает, потом бросает на меня взгляд.

— Да, Кэсси хорошо обо мне заботится. Сегодня мне гораздо лучше.

Он слушает несколько секунд, потом хмурится.

— Ты, что?

Его лицо багровеет от гнева, и он проходит мимо меня в гостиную. И хоть он понижает свой голос до резкого шепота, я все еще могу разобрать то, что он говорит.

— Мам, какого черта? Ты могла хотя бы меня спросить.

Я смотрю на кипу книг в углу комнаты и стискиваю челюсть. Я не должна этого слышать.

— Да, она мне нравится, но... Господи... все гораздо сложнее.

Все могло бы сложиться иначе, но как есть.

— Нет, она не моя девушка. Находиться с ней там будет чертовски неловко.

Я сажусь на край кровати и качаю головой. Он в самом деле предпочел бы, чтобы я провела День Благодарения в одиночестве?

Как же я переоценила его чувства к себе!

Холт разговаривает с мамой еще несколько минут, но я больше не могу разобрать его слов.

Тем лучше.

По возвращению в спальню, он кидает телефон на кровать и подходит к комоду. После того как он вытаскивает футболку, он натягивает ее через голову и с грохотом задвигает ящик.

— Ты в порядке?

— Ага.

— Ты сердисься.

— Все нормально.

— Если я приеду на День Благодарения, будет чертовски неловко, да?

Он вздыхает.

— Кэсси...

— Почему будет неловко?

Он взъерошивает пальцами волосы.

— Ты видела, как мы с папой общаемся. Я больше ни за что не подвергну тебя этому.

Я делаю прерывистый вздох.

— Хорошо. Если это то, чего ты хочешь.

Он бросает взгляд на мое лицо и вздыхает, прежде чем сесть рядом со мной.

— Кэсси, я не то чтобы не хотел, чтобы ты поехала, но...

Прежде чем он успевает сказать что-то еще, у него случается очередной приступ кашля.

Когда все проходит, он откидывается на кровати, весь вымотанный.

Полагаю, наш разговор о Дне Благодарения закончился.

Я наклоняюсь и глажу его по спине.

— Я могу чем-нибудь помочь?

Он качает головой.

— Я просто устал. И у меня боли в груди. — Его голос осип.

Иду на кухню и приношу ему обезболивающее и лекарство от кашля. Он забирается под одеяла, после того как принимает оба лекарства.

Я сажусь рядом с ним и поглаживаю его волосы.

— Знаешь, раньше у моей мамы была одна книга. Ее написал самопровозглашенный свами, который верил, что если мы идем против желаний нашей души, то дисгармония в нашем теле приводит к болезни. Например, если мы не станем говорить о своих чувствах, то заболеем ангиной. Или если мы сделаем что-то неправильное осознанно, то заработаем головную боль.

У него сонные глаза, когда он поднимает на меня взгляд.

— А если возникла ангина, головная боль, бронхит, то тогда мы... что? Эмоционально нестабильны? Подавлены?

Пожимаю плечами.

— Тебе лучше знать.

Он кашляет.

— Похоже на то. Думаю, моя мама пригласила тебя на День Благодарения, потому что думает, что ты сможешь исправить меня.

Пробегаю пальцами по его лбу.

— Не знала, что ты сломан.

Он отвечает мне коротким смешком.

— Может и не сломан, но определенно с изъяном.

— Я так не думаю.

— После того, как я обращался с тобой, должна бы. — Он вздыхает и отворачивается от меня. — Со мной все не так, Тейлор. Ты еще не поняла?

Я глажу его по спине.

— Если бы любимый человек и лучший друг предали бы меня, со мной бы тоже все было не так.

Он молчит несколько секунд, потом говорит:

— Как бы сильно мне ни хотелось винить во всех своих проблемах Ванессу и Мэтта, я был не в порядке задолго до этого.

— Насколько задолго?

— Всегда. — Он не смотрит на меня, пока говорит это. Должно быть, так ему легче. — Ребенком мне сложно было заводить друзей. У меня были проблемы с проявлением привязанности. Я всегда чувствовал себя... лишним.

Он молчит долгое время. И когда мне уже было кажется, что он спит, он шепчет:

— Как-то раз родители посадили меня и сказали, что первые пару лет своей жизни, я провел в приемных семьях. Я не помню этого, но от одних только слов у меня началась паническая атака. Мне было почти три года, когда они меня усыновили.

Три? О, боже.

Я привыкла думать, что чувство незащищенности в нем как-то приукрашено его актерским мастерством, но оказывается, у него есть реальный, оправданный страх быть покинутым.

Я глажу его по руке, пытаюсь поддержать.

Он делает несколько прерывистых вдохов.

— Прежде я никому не рассказывал этого. Но тебе... — Он переворачивается на спину и смотрит на меня уставшими глазами. — Не знаю, отказались ли мои настоящие родители от меня, потому что я был с изъяном, или же изъян появился во мне, когда они отказались от меня, но конечный результат один. После того как я узнал это, каждый раз, когда папа пропускал соревнования по легкой атлетике или отменял планы на выходные, я списывал все на то, что я не его родной сын. Вот тут-то и начались наши ссоры. Я просто был ребенком какого-то неудачника, которого они с мамой приютили из жалости.

— Итан, нет...

— Внезапно все мои изъяны начали приобретать смысл. Словно я был самозванцем в своей собственной жизни. И это меня так чертовски разозлило, что я решил: «Зачем париться?», понимаешь? Зачем продолжать притворяться? Я не настоящий сын и не родной брат. Я для всех никто. Может потому-то я и хороший актер. Каждый герой, которого я играю, правдоподобнее меня самого.

Я убираю руку с его волос и глажу его по лицу. Он закрывает глаза, мышцы на его челюсти сжимаются и разжимаются.

— Итан, брось. Моей встречи с твоей семьей хватило, чтобы понять, что ты абсолютно реален для них всех. Они восхищаются тобой, даже твой папа. А что до меня, то я никого более настоящего не встречала в своей жизни. Каждый день ты вдохновляешь меня на то, чтобы не быть той, кем все хотят меня видеть и просто быть собой. Так что не смей сидеть здесь и говорить, что ты для всех никто. Ты окружен людьми, которые любят тебя, несмотря на твоё стремление их оттолкнуть. Если уж это не по-настоящему, то тогда я не знаю что.

Я жду пререканий в ответ, но к моему удивлению, он не спорит. Вместо этого, он с хмурым видом внимательно вглядывается в мое лицо.

— Я окружен людьми, которые любят меня?

— Почему это так удивляет тебя? — спрашиваю я, глядя его по лбу. — Ты же такой потрясающий.

Его выражение лица меняется, и это выглядит так, будто улыбка пытается сбежать из лабиринта смущения. Не будь это так привлекательно, мне бы показалось это забавным.

— Я просто... я не... — Он плотно закрывает глаза и притягивает меня к себе. Я обнимаю его, и он прерывисто вдыхает.

Мы больше ничего не говорим, но необходимости в словах больше и нет. Он рассказал мне свой самый сокровенный секрет, и пусть это объясняет, почему он стал таким, я решаю, что это не имеет значения. Если он когда-нибудь наберется смелости быть со мной, я буду готова.

Черт, да я уже готова.

На следующий день Холт практически вышвыривает меня из своей квартиры. Не в грубой форме. Он просто хочет, чтобы хоть кто-то из нас пошел на занятия. Когда я звоню ему тем вечером, звучит он уже гораздо лучше. Голос восстанавливается и, по его словам, приступы кашля стали более редкими.

День после выдается безумно суетливым, и лишь когда я клюю носом в постели, звонит мой телефон.

Я смотрю на экран и улыбаюсь, когда вижу номер абонента.

— Привет, больной.

— Привет.

Какое же это безумие, что лишь одно его крошечное слово заставляет мою голову кружиться от счастья. И ведь это даже не какое-то особое слово. Просто обыденное приветствие из двух слогов, и все же по моему лицу расплывается глупая улыбка подобно дешевым обоям.

Я думала, между нами может возникнуть неловкость, после его рассказа о том, что его усыновили, но этого не произошло. Если его рассказ что-то и изменил, так это избавил нас от ноши.

Он по-прежнему ничего не говорил о том, чтобы вернуть наши отношения в интимное русло, но я рада, что мы не отдаляемся друг от друга.

— Почему ты не спишь? — спрашиваю я.

— Я спал весь день. Потому-то теперь сна ни в одном глазу.

— Прими лекарство от кашля. Оно вырубит тебя.

— Уже принял, но оно еще не подействовало. Наверно, это не лучшая идея — говорить с тобой сейчас. У меня есть склонность нести глупости под воздействием этой хрени.

— Не глупости. Лишь то, что ты бы не стал говорить мне при нормальных

обстоятельствах. Мне нравится это лекарство от кашля. За последние два дня, я узнала о тебе больше, чем за последние несколько месяцев.

— И все же, ты до сих пор разговариваешь со мной.

— Это тяжкое бремя, но кто-то же должен его нести.

Он смеется. Это такой красивый звук.

С секунду он молчит, потом говорит:

— Послушай, Кэсси, я тут подумал...

— Хм-м. — Я чувствую его нервозность сквозь телефонную линию.

— Я... я знаю, что повел себя как козел в тот день, когда звонила мама, но... я хочу, чтобы ты приехала на День Благодарения. — Его голос смягчается. — Не думаю, что выдержу без тебя столько дней. Я позвонил маме и попросил подготовить свободную комнату.

Я в шоке. И невероятно тронута.

— Итан...

— Ты же не стала строить других планов?

— Ну, в некотором роде. Я купила замороженную индейку на одну персону. Не знаю, смогу ли я так просто отказаться от нее. Она заправлена клюквенным соусом.

— О. Ну тогда, ладно. В смысле, это же такой вкусный замороженный продукт! Тебе нужно время подумать? Не то чтобы я давил или что-то в этом роде, но ты ведь знаешь, что Мэгги управляет кейтеринговой компанией гурманов? Никакого давления.

Я смеюсь.

— Ну, раз такое дело, я была бы рада приехать.

Для меня не остается незамеченным, что все это подозрительно походит на свидание. Я сопротивляюсь стремлению вскочить с кровати и сплясать на радостях.

— Отлично. Я заберу тебя завтра вечером. Где ты будешь?

— Ты не придешь на занятия? — У меня внутри все обрывается от осознания того, что я не увижу его утром.

— Нет. Мне нужен еще один день, чтобы добить этот кашель. И потом, мне понадобятся все мои силы, чтобы пережить выходные с отцом. Так, где мне тебя забрать?

— Ну, после обеда мы все собираемся у Джека на предпраздничной вечеринке.

— Хорошо, я приеду туда. Мы поедем в Нью-Йорк на ужин с мамой и папой, и вернемся в воскресенье вечером.

Мысль о том, что я проведу четыре дня в Нью-Йорке уже сама по себе головокружительна, но тот факт, что я буду жить с Холтом... Слово «Экстаз» — единственное существительное, которое хоть в какой-то мере описывает то, что я сейчас чувствую.

— Холт, стоит ли мне беспокоиться, что ты весь из себя такой... хороший... ни с того, ни с сего?

Он смеется.

— Может быть. Я-то уж точно напуган до чертиков. Будь осторожна в своих желаниях, Тейлор. Это все, что я могу сказать.

— Пфф. Пиноккио пожелал стать настоящим мальчиком, и все закончилось хорошо.

— Верно. Но после этого он лишился своего постоянного стояка. Подумай об этом.

Я смеюсь, а через пару секунд он зевает, и я присоединяюсь к нему.

— Иди спать, — говорит он. — Увидимся завтра вечером.

— Хорошо, конечно.

Когда мы даем отбой, я чувствую себя одним из тех палеонтологов, которые работают с маленькой щеточкой и тратят годы, чтобы медленно, крупица за крупицей, очистить реликвию или сокровище от грязи. Не думаю, что Холт одобрил бы сравнение с реликвией, но это все же вызывает во мне улыбку.

Уже к шести часам следующего вечера, большинство моих одноклассников находятся на верном пути к затяжному веселью. Кто-то отправился домой проведать свои семьи, но большинство ждут Рождества, как и я. День Благодарения – лишь отговорка пить четыре дня подряд.

Руби сидит рядом с мной на диване и потягивает «Маргариту», кивая головой в такт музыке. Я сижу рядом с ней и нервно дергаю ногой, в ожидании появления Холта. Руби просит Джека принести еще одну порцию выпивки, чтобы помочь мне остыть, но я не смогу сейчас остыть даже будь я одета как полярный медведь и погружена в жидкий азот.

Я наблюдаю за Маришкой и Троем, которые разрывают танцпол впечатляющими, размашистыми, танцевальными движениями, как вдруг они расходятся и являют мне Холта в дверях.

Ох! Вот и он.

Раздается огромный рев, когда люди видят его и вокруг него собирается толпа, словно он давно потерянное мифическое существо. Люди спрашивают, как у него дела и говорят ему, что скучали. Зои обнимает его. Джек похлопывает по спине. И хоть он и улыбается, и отвечает, на протяжении всего времени его внимание сосредоточено на мне.

Я с трудом дышу.

— Ого, — шепчет Руби сбоку от меня. — Холт болел какой-то странной разновидностью бронхита, которая прибавила ему сексуальности? Потому что... черт. Парень хоть куда.

На нем черные джинсы и темно-синий свитер с V-образным вырезом. Его волосы растрепаны, а лицо гладко выбрито. Я не могу отвести глаз. Вид у него немного уставший, но он уже не такой бледный, каким был при нашей последней встрече. У меня возникает страннейшее желание подойти к нему, обвиться вокруг его торса, и прицепиться к нему как пиявка.

Конечно, если я сделаю это в мини-юбке, что на мне сейчас, то буду похожа на очень распутную пиявку. На такую пиявку, которую станут избегать и обсуждать за спиной.

Я встаю и иду к нему.

Когда я останавливаюсь напротив него, Джек на середине рассказа о том, как Лукас симулировал мастурбацию на сегодняшнем уроке по актерскому мастерству, и как Эрика удивила всех, похвалив его за храбрость.

— Клянусь, чувак, — говорит Джек, пока все смеются. — За всей этой личиной непробиваемой стервы, Эрика настоящая извращенка.

Холт улыбается мне и засовывает руки в карманы, после чего говорит мне губами: «Привет».

— Привет.

Джек похлопывает его по плечу.

— Принести тебе выпить? Пива? Стаканчик бурбона?

— Нет, спасибо. Мы тут ненадолго.

— Мы? Кто это «мы»?

— Я и Тейлор.

Джек оглядывает толпу и вздергивает брови.

— Ты и Тейлор? Так, так, так. Что тут у нас происходит?

С секунду в глазах Холта стоит паника, но затем он делает глубокий вдох и говорит:

— Она проведет со мной праздники в Нью-Йорке.

Ох.

Ого.

Джек ошеломленно смотрит на нас. Чуть погодя, Лукас и Зои присоединяются к нему.

Я чувствую, что мой рот открыт, но я слишком шокирована, чтобы закрыть его.

— Серьезно? — спрашивает Джек. Холт кивает, и Джек поворачивается ко мне. —

Тейлор, твоему таинственному парню есть что сказать насчет того, что ты проведешь время с этим высоким, привлекательным парнем? В смысле, он же видел вас двоих в «Ромео и Джульетте»? Это будет несусветно глупо.

Я уже пытаюсь было придумать ответ, чтобы отвлечь внимание Эйвери, но как оказывается, это совсем необязательно. Холт все сглаживает.

— Вообще-то, Джек, — говорит он, и нервно сглатывает, — этот я тот таинственный парень. И я совсем не против, что она будет проводить время со мной.

В комнате воцаряется гробовая тишина. Музыка перестает играть и если внимательно прислушаться, то наверняка можно услышать, как ветер гоняет перекасти-поле на улице.

Я перестаю дышать, боясь, что если сдвинусь с места, то проснусь от этого прекрасного сна.

Джек с недоверием смотрит то на Холта, то на меня.

— Прости, но что? *Ты* тот самый парень, о котором она рассказывала нам? Чертов кретин, который не спит с ней?

Холт гневно смотрит на него и натянуто улыбается.

— Ага. Это я. Чертов кретин во плоти.

О, Боже. Пожалуйста, не дай мне проснуться. Пусть это будет явью.

Наступает затяжная пауза, после чего Джек вскидывает кулак в воздух и кричит:

— Даааааааа!

Комната взрывается разговорами, Джек поворачивается и дает «пять» людям, стоящим позади него.

— Так, все, кто ставил на то, что Тейлор встречается не с Холтом, а с кем-то другим, раскошеливайтесь. Время пришло. Орел приземлился! Повторяю, орел приземлился! Кто-нибудь напомните мне отдать долю Эрике.

Гостиная напоминает площадку нью-йоркской фондовой биржи. Деньги и чеки летают в воздухе, пока люди болтают и смеются.

— Погодите-ка! — кричит Холт и смеряет Джека взглядом. — Ты... ты организовал пари на то, встречаемся ли мы с Тейлор?

Лицо Джека тут же меняется.

— Ну, да. Но все это было забавы ради, чувак. Вы двое строили друг другу глазки несколько гребаных месяцев. Надо же нам как-то веселиться.

— Чувак! — сухо говорит Холт. — Я не строю глазки.

Лукас слегка похлопывает его по плечу.

— Жаль огорчать тебя, брат, но ты точно строишь глазки. Вам двоим еще повезло, что

вы получили положительную критику на «Ромео и Джульетту», потому что с игрой в реальной жизни, вы с треском провалились.

Холт в шоке смотрит на меня, я делаю к нему шаг и кладу руку на его грудь.

— Э-э... ого.

Он моргает и качает головой.

— Какого хрена только что было?

— Хороший вопрос.

Он стоит на месте несколько секунд, словно золотая рыбка, которая с недоумением наблюдает за происходящим вокруг. И только когда я провожу пальцами вдоль кожи его шеи, он приходит в себя и смотрит на меня.

— Привет. Я – Кэсси Тейлор. Кажется, мы еще не встречались.

Знаю, звучит как колкость, но это правда. Кто этот открытый и решительный мужчина передо мной?

Его уши краснеют.

— Э-э... мда. Привет.

— Что ж, это было... неожиданностью.

— Да. Но приятной неожиданностью, да?

И как он только может думать иначе, когда я улыбаюсь ему так, будто нахожусь под кайфом?

— Очень приятной неожиданностью. Когда ты собирался сюда сегодня, ты уже планировал рассказать о нас?

— Нет. Ну, да. То есть, я не знал наверняка, но при виде тебя, я... думаю, за последние несколько дней, я осознал, что желание быть с тобой перевешивает страх. И я устал отказывать себе. Это чертовски выматывает. Я хочу быть с тобой.

Я обхватываю его шею руками. Надо отдать ему должное, он лишь раз оглядывается вокруг, чтобы посмотреть, наблюдает ли кто за нами, прежде чем сосредоточиться на мне.

— Перестань паниковать.

Его дыхание учащается, пока он неотрывно смотрит на меня.

— Заставь меня.

Я притягиваю к себе его голову. Когда он целует меня, поцелуй мягкий и сдержанный, но то, как он вдыхает и крепко обнимает меня, говорит мне, что реакция его – какая угодно, но только не сдержанная. Вокруг нас раздаются множество возгласов одобрения, но мы игнорируем их. Это не так сложно, учитывая, что все мое внимание направлено на усилия, чтобы не превратиться в распутную пиявку.

Он целует меня более настойчиво и сквозь затуманенный страстью взгляд, я поражаюсь тому, как храбро он ведет себя перед всеми. Я знаю, это очень важно для него.

И я горжусь им.

Он отстраняется, пока вся гостиная хлопает нам, и показывает всем беззлобно средний палец, одновременно увлакивая меня вглубь коридора в пустой кабинет.

Когда я закрываю за нами дверь, он облегченно вздыхает и взлохмачивает волосы.

— Видишь? — говорю я. — После стольких недель скрытности и отрицания, разве это было так сложно?

Он привлекает меня к себе, без стеснения проводя руками по моей заднице и смотря на меня сверху вниз.

— Тейлор, могу сказать, положив руку на сердце, что да. Это было и есть очень сложно.

Он снова целует меня – на этот раз менее сдержанно – заставляя пятиться назад к стене. Стоны, которые он издает, вызывают во мне желание забраться внутрь его горла и потереться о его гортань. Звуки же, которые издаю я, досадно громкие. Я так долго ждала момента, когда он просто все отпустит и отдастся этому чувству между нами, что, когда сейчас он это делает – это даже лучше, чем было в моих мечтах.

Нет никаких сомнений. Никакого чувства неловкости. Он целует меня так, словно боится остановиться. Так словно пытается наверстать поцелуи за все те долгие дни разлуки.

Часть меня все еще убеждена, что это не по-настоящему, но, когда он приподнимает меня, чтобы прижаться ко мне, мне становится все равно. Чем бы это ни было, я приму это.

— Нам надо остановиться, — говорит он, спускаясь поцелуями к моей ключице.

Я хватаю его за волосы.

— Конечно, надо. Это самый оптимальный вариант решения всей этой жгучей страсти между нами. Отличный план.

Он заключает в ладони мои груди, и ласкает их сквозь свитер.

— Не насмехайся надо мной.

— Тогда перестань говорить глупости типа: «Нам надо остановиться».

— Ты права. Я бы не стал заявлять на глазах у всех, что мы пара, если бы не хотел, чтобы ты продолжала трогать мой член, это уж точно.

— Намек понят. — Мое дыхание становится громким, когда я беру его в руки сквозь джинсы.

Он упирается рукой о стену позади меня и опускает голову.

— Господи Иисусе.

Я сжимаю его сквозь ткань, и он опускает голову до тех пор, пока его лоб не упирается о мой.

— Не побоюсь быть высмеянным снова, — говорит он прерывисто и отстраняется, — но тебе действительно нужно перестать делать это. Нам пора ехать, если мы хотим успеть к ужину с мамой и папой.

С неохотой, я убираю руку. Он отходит назад и вздыхает.

— Дай мне минутку. Джек, наверно, сейчас ставит на то, выйду ли я отсюда со стояком.

— Может и мне поставить немного денег. Я бы сорвала большой куш.

— Особенно, если так и продолжишь стоять здесь в этой несуществующей юбке.

— Тебе нравится?

— Если я скажу «нет», ты снимешь ее?

— Есть только один способ узнать.

Он исследует меня под юбкой, длинные пальцы ласкают мое бедро.

— Итан, — говорю я прерывисто. — Если ты продолжишь, мы точно не выберемся отсюда в ближайшее время. Ты же понимаешь это?

— Понимаю. Просто у меня очень горячая девушка, и когда мои руки касаются ее, меня заносит.

Весь воздух покидает мои легкие.

— Ты признаешь, что я твоя девушка? Наконец-то?

Когда он отвечает, его голос звучит мягко.

— Да, Кэсси. Ты моя девушка.

Мой желудок сжимается.

Не думаю, что устану слышать от него это слово в ближайшем будущем.

Хоть он и улыбается, мне также видна и паника в его глазах.

— Тебе страшно даже просто произносить это, да?

— Немного.

— Думаешь, ты сможешь привыкнуть к этому?

Он ласкает мою шею и задумывается на секунду.

— Надеюсь. Я хочу этого.

Моя улыбка подобная дешевым обоям возвращается.

— Я тоже.

Он улыбается, и я обнимаю его.

— Это то, чего ты боялся? Потому что хоть у меня и нет особого опыта в подобных делах... думаю, пока все складывается довольно неплохо.

Его улыбка увядает.

— Тейлор, должен предупредить тебя еще раз, я плох в отношениях. Я же ясно дал это понять, верно?

Я становлюсь на цыпочки и целую его.

— Мы будем в порядке. Не накручивай себя.

Он кивает и вздыхает, и на мгновение, он становится абсолютно откровенным.

Когда он такой, он кажется самым прекрасным созданием из всех виданных мне.

19

НЬЮ-ЙОРК, НЬЮ-ЙОРК

Нью-Йорк

Дом Холтов

С того места, где мы стоим на тротуаре, особняк Холтов выглядит величественным и респектабельным. Меня передергивает.

Ладно, Кэсси, держи себя в руках. Ты будешь в порядке.

Когда я смотрю на Холта, то замечаю, что он такой же нервный.

Я делаю глубокий вдох.

— Так, каков план?

Он хмурится.

— План?

— Как мы будем вести себя перед твоими родителями? Станем ли мы скрывать, что мы вместе?

— Ты хочешь этого?

— Нет.

— Тогда не будем.

Он говорит это с убеждением, но от моего внимания не ускользает вспышка паники.

— Ну, так что? Мы скажем им, что мы с тобой парень и девушка?

Он секунду колеблется.

— Э-э... да.

Я все еще не убеждена.

— Значит, ты мой парень, Итан, приводишь домой свою девушку, Кэсси, чтобы

познакомить со своими родителями?

— Да. — Колебаний в этот раз меньше, но они полностью не отступили.

— Просто обычные *парень с девушкой*, которые проводят время с предками и занимаются обычными вещами, свойственными парню и девушке. Просто парень и девушка...

— Ладно, прекрати говорить «парень и девушка». Это бесит.

— Перестану, если *ты* скажешь это.

— Зачем?

— Чтобы я знала, что ты способен на это.

— Я сказал это, когда мы были у Джека.

— Это было сто лет назад. Скажи снова.

Он закатывает глаза.

— Ты моя девушка. Так пойдет? Моя очень горячая, очень *раздражительная* девушка.

— Ох, *парень*, это самое милое, что ты когда-либо говорил мне, своей *девушке*.

Он качает головой и пытается сдержать смех.

— Теперь ты перестанешь?

— Конечно. — Я выжидаю секунду, потом спрашиваю: — Можно мне звать тебя «МИЛЫЙ»?

— Нет.

— Кексик.

— Нет.

— Ангелочек?

— Черт, нет.

— Ну, ладно. Просто хотела убедиться, что мы на одной волне.

Он смеется, и я подхватываю, но это лишь притворство. Смех, по крайней мере, помогает мне делать вид, что я не в ужасе.

— Но послушай, — говорит он и берет меня за руку. — Давай я буду тем, кто скажет это маме и папе, когда выдастся подходящий момент, хорошо? Всего пару дней назад я клялся и божился, что ты не моя девушка, и сказал то же самое, когда говорил, что ты приедешь погостить у нас. Я не хочу просто зайти туда и выпалить это, и тем самым выставить себя болваном. Просто дай мне немного времени, ладно?

Мне хочется возразить ему, сказав, что он снова скрывает свои чувства ко мне, но после его поступка на вечеринке, я знаю, что это тут не при чем.

Я снова смотрю на дверь, и моя нервозность увеличивается. Я никогда раньше не знакомилась с родителями своего парня. Да у меня и парня-то раньше не было, не говоря уже о знакомстве с родителями. В смысле, да, я уже встречала их прежде, но тогда я не была его девушкой.

Должно быть, Холт замечает мое напряжение, потому что он наклоняется и целует меня, нежно и долго. Когда он отстраняется, мне уже немного лучше.

— Кэсси, ты справишься. Перестань паниковать.

— Что, если они возненавидят меня?

— Давай без глупостей. Они уже видели тебя, и я могу с уверенностью сказать, что мой папа предпочитает тебя мне. Это я тут должен волноваться. Если мама напьется, то наверняка достанет семейный альбом и покажет тебе фотки её голого сыночка.

Я подавляю смех.

— А там есть недавние фотки? Потому что... хм-м-м. Я бы не отказалась на них взглянуть.

Он качает головой и идет к своему внедорожнику за нашими сумками.

— Да, у мамы целая коллекция фоток ее голого, растущего сына. Это же в порядке вещей.

— Эй, дай помечтать.

Он закрывает машину, но когда я тянусь за своей сумкой, он прогоняет меня, потом берет ее и жестом просит меня подняться наверх.

— Какой ты джентльмен. Помогаешь с сумками, — говорю я.

Он мне криво улыбается.

— Если ты будешь продолжать думать, что я галантный джентльмен после того, как я побуду твоим парнем какое-то время, то такое будет впервые. Лучше начни понижать свои ожидания.

— Никогда. Мои ожидания будут так же высоки, как и длина моей юбки.

Он смотрит на мои ноги опалаяющим взглядом, после чего открывает дверь и заводит меня за порог своего дома.

— Мам! Элисса! Мы приехали!

Я слышу пронзительный лай, сопровождаемый звуком царапания когтей по деревянному полу. Затем пушистый клубок с ногами врывается в поле зрения на другом конце коридора. Он скачет по направлению к нам, словно размытое пятно, состоящее из длинной коричневой шерсти и розового языка. Когда он добегает до Холта, он подпрыгивает и просится на руки.

Он бросает сумки и берет щенка на руки, потом отстраняет его от себя, когда тот пытается лизнуть его лицо.

— Господи, Триббл, успокойся. Мы не одни. — Крошечная собачка извивается и лает, и хоть Холт и хмурится, мне видно, что он поражен. — Триббл, это Кэсси. Она останется у нас на несколько дней, так что веди себя прилично.

Я собираюсь было погладить ее, но тут Холт останавливает меня.

— Осторожно. Она ведет себя странно с незнакомцами. В особенности, с женщинами.

Триббл подозрительно смотрит на меня своими черными глазами, пока обнюхивает мою руку. Потом ее нос отстраняется, и она издает низкое рычание. Будь это любая другая собака, то, возможно, получилось бы пугающе, но, когда подобный звук исходит от нее, это умирительно.

Холт отстраняет ее и смеряет взглядом.

— Триббл, нет. Не будь стервой.

Когда он ставит ее на пол, она смеряет меня презрительным взглядом, после чего поворачивается и рысью скачет прочь.

— Извини за нее, — говорит мама Итана, идя к нам по коридору. — Она ненавидит всех, за исключением Итана, и терпит нас с Чарльзом только потому, что мы кормим ее, но это исключительно непрочные отношения. Добро пожаловать, Кэсси. Я так рада тебя видеть.

Она обнимает меня и потом целует Итана в щеку. Есть что-то в том, как он улыбается своей матери, отчего я так таю.

— Папы нет дома?

Мэгги качает головой.

— Нет. Задерживается на работе.

От моего внимания не ускользает, что новость об отсутствии его отца заставляет Итана всего приободриться.

— Ну, — говорит миссис Холт, — обед почти готов. Почему бы тебе не проводить Кэсси в ее комнату, чтобы она могла привести себя в порядок? Элисса будет дома примерно через пятнадцать минут, после чего мы сядем за стол.

Холт ведет меня вверх по лестнице в комфортабельную спальню и кладет мою сумку на кровать. Я чувствую взгляд, ожидающий одобрения, пока я осматриваюсь вокруг.

— Ну вот, — говорит он, разводя рукой.

— Мило.

Декор современный, но уютный, и кровать огромная. Учитывая, что я привыкла спать на неровной односпалке, это роскошь для меня. Я плюхаюсь на кровать, чтобы проверить ее на прочность. И только когда я поворачиваюсь к Итану, замечаю, что он пялится на меня. Прямо на мою грудь.

— Ванная комната прямо по коридору, — говорит он напряженно. Никогда прежде упоминание местоположения ванной комнаты не было столь возбуждающим.

— А где твоя комната? — Я замечаю, насколько он высок и широк в плечах, пока вот так возвышается надо мной.

— Следующая дверь.

— Значит, близко?

— Очень.

— Можно посмотреть? — Я ведь все еще говорю о его спальне, да?

Не знаю, почему мысль о том, что сейчас я увижу его детскую комнату так возбуждает меня, но это определенно происходит.

Он старается оставаться невозмутимым, но то, как он постукивает своими пальцами говорит мне о том, что его беспокойство растет.

— Конечно.

Это большой шаг для него — показывать мне те части себя, которые он предпочел бы скрывать.

Он ведет меня вглубь по коридору к следующей комнате и жестом просит меня войти первой, после чего закидывает свои сумки через порог.

Комната намного опрятней комнаты в Вестчестере, и на стене над кроватью висят постеры старых фильмов таких как: «Такси», «В порту», «Бешеный бык», и «Буч Кэссиди и Сандэнс Кид». Никогда бы не догадалась, что его любимые актеры из кастов этих фильмов.

На стене напротив двери висят полки, заставленные не только книгами, но еще и трофеями и фотками. Я подхожу, чтобы лучше рассмотреть, сознавая, что Холт все также стоит в дверях, как беспокойный ястреб.

На полках так много трофеев и ленточек, что сложно рассмотреть их все сразу. Я выбираю один и читаю надпись: «Чемпион штата по легкой атлетике — Итан Холт».

Я поворачиваюсь к хмурому мужчине в дверях.

— Значит, ты был отличным бегуном?

Он пожимает плечами.

— Неплохим.

— Конечно. Десятки трофеев всегда даются «неплохим» спортсменам.

Я наклоняюсь, чтобы поближе рассмотреть фотки. На одной Итан прыгает через барьер: передняя нога вытянута, задняя — согнута. Его волосы длиннее, чем сейчас, а на лице

читается непоколебимая решимость. На другой фотке он пересекает финишную черту: голова откинута назад, руки широко раскрыты, победная улыбка играет на его лице. Он кажется практически другим человеком, словно менее напряженный младший брат Итана.

Дальше на полке стоит групповое фото мальчиков в спортивных куртках, которых обнимают девушки. У меня перехватывает дыхание, когда я вижу, что его рука тоже обвита вокруг девушки. Он смотрит на нее с явной любовью. Потом я замечаю, что она в ответ смотрит не него, а на светловолосого парня по другую сторону.

О, боже.

Ванесса и Мэтт?

Он тянется рукой и переворачивает фотку.

— Не знаю, зачем я храню эту фотографию. Мне стоило избавиться от нее давным-давно. В смысле, каким же идиотом я был, что не замечал этого, да? Это было очевидно, что они трахались, пока мы были вместе.

Когда я поворачиваюсь к нему, он опускает взгляд и засовывает руки в карманы.

— Эй, не будь так строг к себе. Понятно же, что у этой бедной девушки есть отклонения. И может она слепая. Предпочти этого болвана тебе? О чем она, черт возьми, думала?

Он слегка расслабляется, но я знаю, что та часть его, что пострадала из-за этой ситуации, не верит мне.

— Да, ну... неважно. Мэтт был приличным парнем. По крайней мере, я так думал ровно до того момента, пока не застал его трахающим мою девушку.

— Итан? — Я кладу руку на его грудь, и после нескольких секунд он встречается со мной взглядом. — Я никогда не встречала Мэтта, и уверена, что у него есть свои достоинства, но где-то существует табличка, которая гласит, что то, что Ванесса предпочла его тебе — Самый Глупый Женский Провал в Истории. Поверь мне.

Он наклоняется и целует меня, и хоть этот поцелуй медлен и напряжен, мы дышим громко и синхронно.

Этот парень и его губы, блин...

Это безумие то, как быстро он меня заводит, и прежде чем я понимаю, что делаю, я толкаю его на кровать и сажусь верхом.

— Значит, — говорю я, пока он нежно посасывает мою шею. — помимо Ванессы, я единственная девушка, которая была в этой спальне?

Когда он отвечает, его голос вибрирует напротив моей кожи:

— Да.

— Отлично.

Я прижимаю его кровати и целую с неистовым чувством обладания. Он издает стон, который я принимаю за наслаждение, и звук становится громче, когда я поворачиваюсь на бок и сую его бедро между своих ног.

Ох, черт, да. Я люблю его бедро. Офигенное бедро.

— Нам надо остановиться. — Его дыхание неровное, и он нервно поглядывает на дверь.

Я целую его в шею.

— Останавливаться — плохая идея. Если только ты не потерял контроль на обледеневшей дороге и мчишься на верную смерть. Тогда это было бы необходимо. Но в этом случае? Точно плохая идея. Ужасная. Самая плохая на свете.

Я присасываюсь к пульсирующей жилке на его шее, и когда он отвечает, его голос

звучит натянуто и низко.

— Тейлор, ты же знаешь, что моя мама может подняться в любую секунду? Ты правда хочешь, чтобы она застучала то, как ты трахаешь ногу ее сына?

Я резко останавливаюсь, и именно в этот момент слышатся приближающиеся шаги по коридору.

О, боже.

Менее чем через секунду, я уже стою на ногах и разглаживаю одежду и волосы, стараясь при этом не выглядеть возбужденной девственницей, которой я и являюсь.

Итан смеется и садится прямо, потом хватается подушку, чтобы прикрыть свою эрекцию.

Шаги становятся отчетливей, и затем в дверях появляется Элисса. Она закатывает глаза, глядя поочередно на нас.

— О, да ладно вам. Даже не пытайтесь делать вид, что вы только что не целовались. Когда я была на нижних ступенях, я слышала отвратительные стоны Итана. Он напоминал медведя с изжогой. Кроме того, Руби позвонила мне и рассказала все о спектакле, который вы устроили на вечеринке у Эйвери. Слава богу! Я начала было думать, что мне не выиграть в этом глупом пари.

Холт смеряет взглядом сестру.

— Ты тоже делала ставку?

— Пфф. Ну, конечно. Как по мне, так это были легкие деньги. Особенно после того, как Кэсси согласилась проведать тебя, когда ты болел.

— Элисса! — говорю я. — Ты просила меня пойти к нему, потому что хотела выиграть пари?

Она вздыхает.

— Нет. Я попросила тебя пойти туда, потому что беспокоилась за Итана. И потому что вы оба вели себя глупо относительно ваших отношений. — Следующее предложение она произносит намного тише. — То, что я выиграла сто баксов и купила новую сумочку — просто бонус, так что порадуйтесь за меня.

— Дьявол! — говорит Холт с сердитым лицом. — Почему в этой семье все думают, что я не способен принимать самостоятельно решения относительно моей личной жизни?

— Потому что у тебя не было личной жизни четыре года, старший братец. — говорит Элисса. — Ты как ребенок, который не хочет снова лезть в бассейн, потому что когда-то наглотался немного воды. Слава богу, ты смог поладить с Кэсси. В противном случае, я бы купила тебе несколько десятков кошек и покончила бы с этим.

— Элисса, проваливай на хрен из моей комнаты.

— Нет. Я тоже дружу с Кэсси. Научись делиться.

— Ею я не делюсь. А сейчас, проваливай.

— Заставь меня.

— С радостью. — Он подходит к ней, приподнимает её в медвежьей хватке, и выносит за порог, после чего захлопывает дверь у нее перед носом.

Её голос приглушен деревянной дверью, когда она кричит:

— *Ты такой кретин!*

Холт рывком открывает дверь и шепчет:

— О, и кстати, я не сказал маме с папой, что мы с Кэсси вместе, так что, если ты будешь держать свой огромный рот на замке, будет очень мило. Спасибо.

Она ставит ногу за порог, прежде чем он снова успевает захлопнуть дверь.

— В таком случае, тебе лучше быть вежливым, или я разболтаю это на всю округу.

Он хмурится.

— Я ненавижу быть вежливым.

— А я ненавижу быть неболтливой. Смирись с этим, ипусти меня.

Итан широко распахивает дверь и идет сесть на кровать, Элисса тем временем подходит ко мне и отрывисто обнимает.

— Кэсси, я даже не могу выразить словами, как я рада, что ты здесь. Наконец-то, у меня есть с кем еще можно поговорить помимо этого придурка.

— Выкуси, — бормочет Холт, бездумно листая журнал «Роллинг Стоун».

Элисса вздыхает.

— Ты сказал, что будешь вежливым.

Он откидывается на кровати.

— Извини. Выкуси, *пожалуйста*.

Она кивает.

— Уже лучше.

Я смеюсь, потому что несмотря на то, что они кидаются колкими фразами и незрело ведут себя, под всем этим скрывается любовь, и это заставляет меня осознать, как много я упустила за неимением брата или сестры.

Некоторое время мы болтаем и обсуждаем планы на следующий день. Они говорят мне какие районы Нью-Йорка хотели бы мне показать. Холт не шутил, когда говорил, что не хочет делиться мною. Каждый раз когда Элисса предлагает сводить меня куда-нибудь, он напрягается. Отчасти я нахожу его ревность чрезвычайно сексуальной.

В какой-то момент, Элисса подлавливает меня за его разглядыванием, пока он разбирает свою сумку, и она улыбается. Я чувствую, как мое лицо заливают жарким румянцем.

Когда Итан отлучается, чтобы отнести туалетные принадлежности в ванную, Элисса качает головой.

— Блин, да ты по уши влюблена в моего брата, да?

Мое лицо снова вспыхивает.

— Заткнись.

Она смеется.

— Я не смеюсь над тобой. Думаю, это классно, но он точно не из числа тех, кто довольствуется малым. Я начала было задаваться вопросом, найдет ли он когда-нибудь девушку, которая примет его со всем его багажом.

— Не так он уж и плох.

— Это потому что тебе удалось приручить его.

— Думаешь? Иногда я ничего не понимаю.

Она смотрит на дверь и шепчет.

— Если хочешь его еще лучше понять, попроси показать тебе то, что находится в нижнем ящике комода. — Она кивает в направлении высокого комода у дальней стены.

— Зачем? Он что, хранит там человеческие органы?

Она смеется и встает, когда Итан возвращается.

— В каком-то смысле. Я так понимаю, он уже видел твой, так что ты должна заставить его показать тебе свой.

Холт с подозрением смотрит на сестру.

— О чем ты, черт побери, говоришь?

— Ни о чем. — Она целует его в щеку, и затем исчезает в коридоре.

Он кидает на меня мрачный взгляд.

— Что моя сестра только что сказала тебе?

— Она сказала, что я должна попросить тебя показать мне то, что находится в нижнем ящике твоего комода. — Я наклоняюсь вперед и понижаю голос. — Это порно? Я бы наслаждалась его просмотром с тобой.

Вместо того, чтобы отшутиться, а ожидала я именно этого, его лицо краснеет, становясь яростным.

— Проклятая Элисса.

— Что? Что ты там прячешь? — Я не верила, что там человеческие органы, но сейчас не так уж и уверена.

— То, что находится там не касается никого помимо меня, — говорит он, хватая оставшиеся вещи из сумки и запихивая их в один из ящичков комода.

— Итан...

— Просто оставь это, ладно?

— Ты и вправду не собираешься говорить мне?

— Нет.

— Почему нет?

— Потому что это личное, ладно? Только потому что мы встречаемся, не значит, что тебе дозволено знать обо мне все.

— Хм, вообще-то, я думала, что в этом и весь смысл. — Я подхожу к нему и кладу руку на его грудь. — Разве не предполагается, что мы должны показывать друг другу некрасивые стороны себя и смотреть, нравимся ли мы друг другу и такими? — Он напрягается, когда я просовываю руку под его рубашку, чтобы коснуться его теплой кожи.

— Тейлор... — Его глаза становятся тяжелыми, когда я исследую его мышцы.

— Я это к тому, что помимо того, что ты мог убить кого-то и зарыть на заднем дворе, нет больше ничего, что отвредило бы меня от тебя. Ты же знаешь это, верно?

Он тяжело дышит. Я провожу руками по его бокам, потом пробегаю ладонями по его ребрам вверх к лопаткам. Он закрывает глаза и опускает голову.

— Что ты делаешь?

— Убеждаю тебя. — Я пробегаю ногтями по его спине, и с его губ срывается стон. — Итан, пожалуйста, скажи мне, что находится в комодке?

Он выдыхает, и мне видно, что он колеблется.

— Если ты скажешь мне, я поцелую тебя. Много раз.

— Удар ниже пояса.

— Туда я тоже доберусь.

Он крепко зажмуривается.

— Я скажу тебе это при условии, что ты мне дашь слово не подкалывать меня.

— Когда это я...? — Я обрываю себя и вздыхаю. Да уж, этого отрицать нельзя. — Ладно. Обещаю.

— И ты должна сдержать обещание, что поцелуешь меня. Много раз.

— Непременно. А насчет того, что ниже пояса?

Взгляд, которым он награждает меня, вызывает во мне дрожь.

— Не искушай меня. Моя мама внизу.

— Ну ладно. По рукам.

Он вздыхает, потом подходит к комоду.

— Помни, никаких подколов.

Я скрещиваю руки на груди.

Он выуживает связку ключей из кармана и маленьким медным ключом отворяет нижний ящик.

— Черт побери, не верю, что я делаю это, — бормочет он, выдвигая ящик.

Я подаюсь вперед и заглядываю внутрь. Ящик полон гладких книг в тканевых обложках.

— Хм-м... ладно.

Он ждет моей реакции. Но сейчас я могу выразить только замешательство.

— Прости, Холт, я не понимаю.

Он вздыхает.

— Помнишь, когда я прочел твой дневник? Я был полным придурком и накричал на тебя за то, что ты записала всю ту ерунду туда, где люди могут обнаружить это? Ну, вот почему. Я боялся, что кто-то может найти мои записи. Что ты *можешь* найти их когда-нибудь и...

Его слова начинают приобретать смысл.

— О, боже.

Он наклоняется и берет одну из книг.

— Это все...?

— Ага.

Он приоткрывает корешок и показывает мне:

Записная книжка Итана Холта. Руки прочь.

— У тебя есть дневники!

Он бросает книгу обратно в ящик и задвигает его ногой.

— Записные книжки, Тейлор, не дневники. Есть разница.

— О, да ладно тебе. Чем записная книжка отличается от дневника?

— Просто отличается, ясно? Мужчины не ведут дневников.

— Ну, очевидно, ведут.

— Черт побери, ты сказала, что не будешь подкалывать.

Я поднимаю руки.

— Ты прав. Прости. — Мы молчим с мгновенье, потом я спрашиваю. — Так что ты пишешь в них?

— Примерно то же, что ты пишешь в своем, полагаю.

— Правда? Так, ты тоже сексуально неудовлетворенный девственник, одержимый красивым актерским пенисом?

Он вздыхает и опускает голову.

— Прости, — смеюсь я. — Но ты устроил мне такую нелегкую жизнь, после того как прочел мой дневник. Разве мне не должно перепасть чуточку веселья?

— Если только чуточку, — говорит он неохотно.

— Ну и? Я фигурирую в твоём дневнике?

Его уши розовеют, и он засовывает руки в карманы.

— Может быть. В этих нет, но есть в том, что хранится в моей квартире.

— Ты когда-нибудь дашь мне прочесть что-нибудь? Услуга за услугу, и все такое.

— Не в этой жизни. Или следующей, на всякий случай. — Он смотрит в пол, и мне

становится не по себе из-за своих подшучиваний. То, что он делится этим со мной – огромный шаг для него, и мне не стоит шутить над этим.

Я подхожу к нему и касаюсь его лица, потом приподнимаюсь на цыпочки и легко целую его.

— Спасибо, что показал мне. Это многое значит.

Он отводит взгляд.

— Да. Не вопрос.

Я снова целую его, в этот раз дольше, и после секундного колебания, он отвечает. Сильные руки обвивают меня, в то время как поцелуй становится более страстным, и только я понимаю, что его огромная рука касается моей задницы, как слышу покашливание позади нас.

Мы оба поворачиваемся и видим в дверях Мэгги, которая сдерживает свою улыбку.

— Простите, что прерываю, но обед готов.

Не говоря больше ни слова, она исчезает.

Холт выдыхает и кладет голову мне на плечо. Я замечаю, что его рука по-прежнему на моей заднице.

— Ну, сдаётся мне, теперь нам не нужно говорить маме о том, что мы встречаемся.

— Не-а. Не нужно.

Когда мы спускаемся вниз, Элисса и Мэгги уже сидят за столом. Триббл охраняет стул, который по моим догадкам, принадлежит Итану. Клянусь, она насмехается надо мной.

— Садитесь, пожалуйста, — говорит Мэгги, указывая на оставшиеся столовые приборы на столе. — Не знаю, как вы, но я умираю от голода.

Триббл рычит, когда я сажусь рядом с Холтом, за что он ее тихо поругивает.

Когда мама передает ему тарелку с пастой, он откашливается и говорит:

— Мам, я... э-э... я хотел рассказать тебе раньше обо мне и Кэсси, но... ну...

— Все нормально, милый, — говорит Мэгги и предлагает мне миску салата. — Я уже знала.

Холт стреляет обвинительным взглядом в сестру.

— Эй, не смотри на меня, — говорит она, оборонительно приподнимая руки. — Я не сказала ни слова

— Тогда как она узнала?

— Милый, — говорит Мэгги, — когда ты являешься матерью, то легко читаешь эмоции своего ребенка. Мне было очевидно, что ты испытываешь чувства к Кэсси, и я рада, что ты наконец принял их. Я очень счастлива за тебя.

Холт выглядит неубежденным, передавая мне салат.

— О, и еще, — говорит она, — Джек Эйвери недавно звонил сообщить, что моя ставка, сделанная на прошлой неделе, выгорела.

Холт бледнеет и роняет вилку на стол.

— Что?!

Мэгги стыдливо заламывает руки.

— Ну, милый, Элисса рассказала мне о возможности, которую предлагал Джек, а после того, как я видела вас двоих в «Ромео и Джульетте», я посчитала это верным делом.

— Мам! Господи!

— Дорогой, не злись. Мама нуждалась в новой паре туфель.

Он потирает глаза и стонет.

Моя нервная энергия проявляется в виде чрезмерно пронзительного смеха, и когда я неделикатно фыркаю, три удивленных лица поворачиваются ко мне. Четыре, если считать собаку.

— Простите, — говорю я, безуспешно стараясь остановиться. — Но это так классно.

Мэгги смеется вместе со мной, и Элисса тоже подхватывает.

Итан качает головой.

— Почему все женщины в моей жизни стремятся мучать меня.

Я наклоняюсь и целую его в щеку, за что вознаграждаюсь намеком на улыбку.

Оставшееся время застолья проходит быстро, я потрясена удивительными яствами, которые приготовила Мэгги. К тому времени, когда я заканчиваю, я едва ли могу двигаться. Мой бедный, вздувшийся желудок словно находится одновременно и в Аду, и в Раю, и я проклиная годы, в течение которых мама заставляла меня есть жалкое подобие еды, среди которой нут был священным блюдом, а все вкусное, как например, масло или соль считались смертельным ядом, который нужно избегать во что бы то ни стало.

Когда Мэгги подает десерт, она спрашивает меня обо мне и моей семье, и, хотя я обычно боюсь так открыто о себе рассказывать, она мне не кажется любопытной. Ей просто хочется узнать девушку своего сына.

Пару раз я замечаю, как она наблюдает за нашим общением с Холтом, и взгляд у нее такой же оптимистичный, какой появлялся у моей мамы, когда она пыталась сделать из меня вегетарианку. Надеюсь наши отношения с Холтом сложатся лучше, чем мои краткосрочные отношения с соевой индейкой и рисовой кашей.

Что касается Холта, мне нравится наблюдать как он взаимодействует со своей мамой и сестрой. Они с Элиссой без умолку ссорятся, но это выглядит добродушно, несмотря на его усилия казаться козлом. А то, как он ведет себя со своей мамой, вызывает во мне все виды сентиментальности.

Говорят, что по тому, как мужчина обращается со своей матерью, можно понять, как он будет обращаться с тобой. Если это правда, меня ждет королевское обращение.

20

ОТЧАЯНИЕ

Через четыре дня выходные в честь Дня Благодарения заканчиваются, и мы возвращаемся назад в Вестчестер. Холт едва успевает открыть дверь моей квартиры, как я набрасываюсь на него и целую, вкладывая в поцелуй все свои чувства.

Он удивленно роняет сумку, и мы едва ли не спотыкаемся о нее.

— Кэсси, не спеши...

— Не говори мне не спеши, — говорю я, толкая его с близкого расстояния на диван. — Четыре дня, Итан. Четыре дня бесконечных ласк, прерванных оргазмов, и семейной драмы. Время, когда надо было не спеши, прошло. А сейчас, пожалуйста, заткнись и поцелуй меня.

Что бы он ни собирался ответить, я приглушаю это поцелуем, потом сажусь на него и зарываюсь пальцами в волосы.

Он ощущается невероятно. Его вкус изумителен. Это выше моего понимания, как

мужчина может быть столь сладок на вкус.

Я понимаю, что вышла из-под контроля, но это он делает меня такой. Наши выходные с его семьей прошли очень весело, несмотря на некое напряжение, которое чувствовалось в присутствии его папы. Но само нахождение в непосредственной близости от него двадцать четыре часа в сутки, было сексуальной пыткой. Между прогулками по достопримечательностям с его сестрой и семейными приемами пищи, нам редко удавалось оставаться наедине. А когда все-таки удавалось, он всегда останавливался до того, как мы переходили к самому интересному. Все выходные превратились в один длинный раунд томительных прелюдий, и если он не перестанет прерываться и как можно скорее не даст мне хоть какое-то облегчение, то состоится восстание таких девичьих прелестей, которые он еще не видел. Напряжение во мне натянуто туже, чем последняя подтяжка лица Джейн Фонды³⁶, черт побери!

— Снимай рубашку. — Я осыпаю его лицо поцелуями, потом покусывающими движениями спускаюсь вниз по шее, потому что знаю, как сильно его это заводит.

— Подожди... Просто... Ох, черт...

Я кусаю точку на изгибе его шеи и плеча, и потом жестко присасываюсь. Его бедра так неожиданно подаются вверх, что он едва не сбрасывает меня с колен.

— Господи, Кэсси!

— Рубашку! Долой!

Я хватаюсь за рубашку и сдергиваю ее через голову. Его волосы выглядят так, словно я оглушила его электрошокером. Учитывая то, как сейчас воспламенены мои нейроны, я вполне способна на это.

Когда я откидываю его рубашку в сторону, она задевает светильник сбоку от нас и тот падает на пол, разбивая фарфор на кусочки.

Он ненадолго отстраняется, чтобы оценить ущерб.

— Ты разбила светильник.

Я двигаю бедрами.

— Замолчи. Светильник не важен. Раздеться, вот что важно.

Неумелыми движениями я расстегиваю свою блузку. Он говорит что-то в знак протеста, но я все равно срываю ее с себя. Она приземляется на пол рядом со светильником, оставляя меня в одном только лифчике. Я прислоняюсь своей грудью к его груди и облегченно выдыхаю. Мне хочется зацеловать его всего. Я начинаю с шеи, обнажая соленость и сладость его кожи, и двигаю своими бедрами, чтобы тереться об него.

Оххх, он так тверд и идеален. Все части его тела имеют потрясающий вкус, и я задаюсь вопросом, так же ли хороша на вкус та самая часть его тела.

При одной лишь мысли об этом, во мне возникает еще большее отчаяние, и мне необходимо получить хоть какое-то облегчение, пока я не вспыхнула пламенем.

— Штаны, — говорю я, но звук едва ли похож на слово. Больше напоминает лошадиное рычание.

— Что? — Он творит нечто потрясающее с моей грудью.

Я едва ли способна сейчас формулировать слова, но все же пытаюсь.

— Холт, во имя всего святого, сними свои чертовы штаны!

Мой крик шокирует его так что он застывает на месте, и я беру дело в свои руки. Он слабо протестует, пока я вожусь с ремнем, но на данном этапе, все его аргументы уже исчерпаны.

Его ремень – один из тех, что состоят из одной только металлической пряжки, которая крепится на застежку или что-то подобное. Я раздосадовано тяну за нее.

— Вот дерьмо...

— Кэсси...

— Как, черт побери, эта штука расстегивается?! — Я хватаюсь за пряжку обеими руками и тяну в попытке разъединить с помощью грубой силы, но ремень не поддается. — Проклятье, Итан, помоги мне!

У меня такое ощущение, словно я нахожусь в фильме-катастрофе, и этот ремень выступает в роли айсберга, который вот-вот утопит славный корабль «Оргазм». Его необходимо уничтожить.

Наконец, когда пряжка поддается, я издаю тихий победный звук и принимаюсь лихорадочно расстегивать его джинсы.

— Я хочу тебя, — говорю я, засовывая руки в его боксеры.

О, боже, да. Вот оно. То, что я хочу.

— Оххххх... Господи. — Его взгляд стекленеет, когда я смыкаю руку вокруг него.

— Пожалуйста, Итан. — Мой голос звучит так жалобно, что мне почти стыдно. — Руби вернется домой только завтра. Вся квартира в нашем распоряжении. Пожалуйста.

Выражение его лица говорит мне о том, что он собирается сказать что-то, чего я слышать не хочу, поэтому я целую его, чтобы заткнуть, и медленно ласкаю. Он стонет и хватается меня за бедра. Ничего из этого не делает меня менее сдержанной.

Я встаю и расстегиваю свои джинсы, потом спускаю их до колен в рекордно быстрое время. Я пытаюсь встать на них, чтобы стянуть с себя, но они такие узкие, что дурацкие штанины не хотят слезать с моих огромных ног.

— Проклятье!

Я дергаю правую ногу вверх и стараюсь высвободить ее, но все заканчивается тем, что я теряю равновесие и приземляюсь лицом на пах Итана. Мой подбородок ударяется о что-то мягкое, и он сгибается вдвое, хватая себя между ног.

— Чёёёёёёрт, женщина...

— Прости! О, боже! Мне так жаль!

Он сгибается боком на диване. Я пытаюсь встать, отчаянно желая помочь хоть чем-то, но мои ноги все еще в плену штанин, поэтому я просто снова падаю.

— Блин блинский!

Холт стонет, его лицо наполовину вдавлено в диванную подушку.

— Тейлор, если ты собираешься быть бестией, которая уничтожает яйца своего парня, тебе надо начинать материться по-настоящему.

Я сажусь на пол и тяну за джинсы, пока мои ноги не высвобождаются, и потом склоняюсь перед ним.

— Мне так жаль. Ты в порядке?

Его голос натянут, когда он говорит:

— Ну, кончать в рекордно быстрое время – больше не будет для меня проблемой, это уж точно.

Я наклоняюсь и глажу его по волосам.

— Прости меня.

— Ты все повторяешь и повторяешь это. Это не помогает.

— Я не знаю, что еще делать.

Он смотрит на мои джинсы, которые теперь смахивают на джинсовый крендель на полу рядом со мной.

— Ты единственный известный мне человек, который способен превратить раздевание в экстремальный спорт. К чему, черт побери, такая спешка?

— Я просто... хочу тебя.

— Я тоже тебя хочу, но это не значит, что мы должны заняться сексом в эту самую секунду. Мы даже не дошли до третьей базы.

— Дошли ведь.

Он ухмыляется.

— Нет, не дошли. Я бы запомнил, если бы ты доставила мне удовольствие орально. Или я тебе, если на то пошло.

Вся кровь, что пульсирует в нижней части моего тела, приливает к лицу.

— Ты не... В смысле... *Это* третья база? — Во мне возникает вспышка смущения, когда я представляю, как он доставляет мне удовольствие там. — Я... э-э... думала, это четвертая база.

Он садится прямо и хмурится.

— Кэсси, четвертая база – это секс. Сколько, по-твоему, существует баз?

Я не знаю, но хочу, чтобы он обучил меня всем.

Я наклоняюсь, чтобы поцеловать его, но он отстраняется.

— Просто... остановись на секунду, ладно? Что с тобой происходит?

— Извини, просто я... — Я сажусь на корточки и упираюсь пятками в пол, чувствуя раздражение и безрассудность. — Ты сводишь меня с ума, и мне хочется доставлять тебе удовольствие, и чтобы ты доставлял удовольствие мне, но ты все продолжаешь останавливаться... — Мои глаза наполняются слезами. Я больше не могу притворяться, что его постоянные отказы не причиняют боль.

— Иди сюда. — Он тянет меня к себе на диван, и мы ложимся бок о бок.

Я вздыхаю, когда он проводит тыльной стороной пальцев вдоль моей щеки.

— У меня просто такое ощущение, будто я хочу этого больше, чем ты и это отстойно, понимаешь?

Он смотрит на меня так, словно я обвинила его в восхищении фильмами Адама Сэндлера.

— Ты думаешь... — Он качает головой. — Ты думаешь, я не *хочу* тебя? Ты серьезно, черт побери?

Он проводит рукой по моему боку и касается обнаженного участка кожи на бедре.

— Как ты только можешь подумать, даже на секунду, что я не... — Он опускает взгляд. — Черт, в чем это ты?

Мои трусики и лифчик из разных комплектов, но по всей видимости, его это не волнует. Кончиком пальца он пробегает по каемке кружевных шортиков. Это впервые, когда он так близко подбирается к тому, чтобы залезть под мое белье, и частота моего пульса тотчас разгоняется до предела.

— Тебе нравится?

Он сжимает рукой мое бедро.

— Мне нравишься *ты*. Твои трусики – просто бонус. Если бы ты понимала... будь у тебя хоть какое-то представление, как сильно я... — Он смотрит на меня, взгляд тяжел и мрачен. — Кэсси, я хочу тебя *все время*. Слишком сильно.

Он наклоняется вперед, чтобы накрыть мой рот своим, и легкое прикосновение почти отвлекает меня оттого, как рукой он пробегает по моей ноге и хватается за место прямо под моим коленом.

— Я должен бережно обращаться с тобой, — говорит он между мягкими, медленными поцелуями. — Потому что, если я все испорчу... — Он целует меня в шею, почти разговаривая сам с собой: — Мне очень не хочется все испортить.

— Ты и не испортишь. — Я беру его лицо в свои руки, чтобы заставить посмотреть на меня. — К тому же, что такого плохого может случиться?

Легким касанием пальцев он проводит по моему животу, потом медленно поднимается к груди. Дразнящими движениями он поглаживает меня там, в то же самое время целуя мою шею, потом мои ключицы и потом холмики поверх моего лифчика. И только мне кажется, что воспламеняться мне дальше некуда, как он опускает руку ниже. И еще ниже. Потом его рука прямо там, поверх моих трусиков. Прикосновения поначалу осторожны, потом он прижимает руку плотнее, заставляя мое дыхание сбиться. Он берет под контроль мое удовольствие так, словно прочел специальное руководство и теперь безотрывно наблюдает за моим лицом, чтобы измерить реакцию.

Как такое возможно? Откуда ему знать, что делать с моим телом, в то время как я сама еще такая неуклюжая и бестолковая?

За каких-то шестьдесят секунд, он приближает меня к оргазму, который сама я могу достигнуть за десять минут. Я инстинктивно трусь о его руку, стараясь найти волшебный центр ощущений, который толкнет меня через край.

— Этот взгляд, — говорит он, когда я откидываю голову на подушку. — Он принадлежит мне. То, как приоткрывается твой рот. Подрагивают твои веки. Это все мое.

Потом я шумно вздыхаю, потому что он пробирается в мои трусики, отодвигая в сторону кружева. Он никогда не делал этого раньше, и о-о-о-о, боже, его пальцы...

Его идеальные, виртуозные пальцы.

Я плотно закрываю глаза, пока он прикасается к тем местам, к которым не прикасался никогда прежде.

Так же постанывая, он прижимается своим лбом к моему.

— Господи... все такое мягкое. И без волос. Что ты, черт побери, пытаешься сделать со мной?

— Руби. — Я ловлю воздух ртом, едва ли соображая.

— Нет, я – Итан. Но если ты хочешь поведать мне лесбийскую историю о тебе и твоей соседке, я весь внимание. — Он прижимает руку сильнее.

— Нет, — говорю я, едва выговаривая слова. — Руби заставила меня сделать бразильскую эпиляцию. Потому и нет волос. Это адски больно.

Он двигает рукой быстрее, и я больше не могу держать глаза открытыми.

— Сейчас Руби – моя героиня. Никогда не ощущал ничего подобного.

— О, боже... я тоже.

Затем возникает такое чувство, словно он целует и прикасается ко мне везде и сразу, и вокруг слышны лишь тяжелые вздохи и низкие стоны. Он натягивает и закручивает напряжение во мне до тех пор, пока мне не кажется, что я вот-вот взорвусь.

— Я люблю заставлять тебя кончать, — шепчет он за мгновение до того, как это случается. Моя спина выгибается и весь канат, сплетенный внутри меня, срывается и распутывается.

О боже, о боже, о боже, о боже...

Он наблюдает как я спиралью прохожу через слои удовольствия, тихим ропотом выражая мне свое одобрение и шепча ободряющие слова до тех пор, пока я не обессиливаю рядом с ним.

Ого.

Просто... ого.

Последние остатки дрожи гаснут, и я обессиленная затихаю в его объятиях, чувствуя себя более чем расслабленно. Нескончаемые дни безысходности и сексуального напряжения исчезают, и я удовлетворена так, что не способна двигаться. Слава богу, хоть один из нас знает, как заставить меня кончить.

Он поправляет мои трусики. Я делаю глубокие вдохи, но у моего сердца как будто занимает вечность, чтобы сбавить ритм.

Когда я открываю глаза, вижу, что он смотрит на меня с таким выражением лица, которое заставляет мой пульс подскочить снова. Но как только мы встречаемся взглядами, что-то меняется, и его эмоциональный затвор опускается.

Я глажу его по лицу в попытке удержать с собой.

— Это было... потрясающе.

— Да?

— Боже, да. Значит, исходя из твоих слов, это была... что? Вторая база?

— Хм-м-м.

— Ух ты! Вторая база рулит.

— Теперь ты чувствуешь себя менее... безумной?

— Да. Я как ленивец на валиуме. — Я провожу рукой по переду его джинсов и чувствую, какой он еще твердый. — Так, можно теперь я помогу тебе расслабиться?

Он напрягается.

— Я расслаблен.

— Во-первых, ты почти никогда не бываешь расслабленным. Во-вторых, эта часть тебя определенно напряжена. Ему понравилось бы небольшое путешествие к третьей базе. Или может даже к хоум-рану.

— Кэсси... — Он отодвигается от меня и садится на другой конец дивана. — У нас не будет сегодня секса.

— Почему?

Он поворачивается ко мне.

— Как ты можешь так легкомысленно относиться к первому сексу?

— Я не легкомысленна. Я просто не думаю, что это так уж важно.

— Это и есть определение легкомысленности.

Я вздыхаю.

— Ладно, но я думаю, что готова. И по всей видимости, ты тоже, поэтому я не понимаю, почему ты продолжаешь отказывать мне. Я к тому что, разве ты не испытываешь дискомфорт? Разве тебе не хочется немного расслабиться?

Он одаряет меня ухмылкой.

— Думаешь, все те походы в туалет пока мы были у мамы с папой, я ходил пописать? Наверняка, ты думаешь, что у меня самый крошечный мочевого пузыря в мире.

— Ты хочешь сказать, что когда ходил в туалет, ты...

— Ага. — Он говорит это с небольшим смущением.

Лишь мысль о том, как он удовлетворяет сам себя, заставляет мое лицо вспыхнуть.

— В доме твоих родителей?!

— Я вырос в том доме. Я мастурбировал там с тех пор, как достиг зрелости. Кроме того, мне оставалось либо делать это, либо ходить по дому все выходные со стояком, и поверь, это было бы хуже.

— Но если я возбуждаю тебя так сильно, почему мы сейчас не лежим голые в моей постели?

Он садится поудобнее и проводит рукой сквозь волосы.

— Кэсси, я в высшей степени осведомлен, что ты девственница и помимо боли, что ты испытываешь во время первого раза, это также станет ключевым этапом твоей жизни. У тебя больше никогда не будет первого раза, и я... я просто не хочу испортить тебе это.

— Да как ты можешь испортить это? Ты же знаешь, что делать. В смысле, если уж ты достиг такого одними только пальцами, то от всего твоего тела пошатнется мой мир.

— Я не говорю о самом сексе.

— Тогда, о чем ты говоришь? Потому что я уже запуталась.

Он опускает взгляд на свои руки.

— Что если мы сделаем это, и ты поймешь, что я не тот парень, который нужен тебе и потом возненавидишь меня? Воспоминания о твоём первом разе всегда будут отравляющими.

— Почему тебе такое вообще пришло в голову?

Он делает глубокий вдох.

— Потому что это случилось со мной. — Он складывает перед собой руки и сжимает костяшки пальцев так, что те хрустят.

Проходит несколько секунд, пока до меня наконец не доходит.

— Ох! Ванесса? Она была твоей...

— Да.

Мы сидим в тишине несколько секунд, и мне становится скверно оттого, что я сомневалась в его влечении ко мне. Мне ни разу и в голову не пришло, что он хочет убедиться, что я не брошусь очертя голову в сексуальные отношения, о которых могу пожалеть.

— Я просто не хочу, чтобы ты совершила ошибки, которые совершил я, — говорит он.

Я киваю.

— Ясно. Теперь я понимаю твои мотивы.

Его взгляд насторожен, но в нем все та же примесь страсти, что я видела ранее.

— Понимаешь?

— Да. Я даже думаю... ну, вообще-то, это очень мило с твоей стороны.

Он хмурится.

— Не называй меня милым. Зови сексуальным. Или офигенным. Или с большим «достоинством». Котята милые, а не я.

Я стараюсь сдержать смех.

— Ну ладно. Ты сексуальный, офигенный, засранец с большим членом.

Он кивает.

— Так-то лучше.

Я пинаю его ногой, и он хватается за нее. Он легко сжимает ее, прежде чем поднести к губам и поцеловать в щиколотку.

Ох, Матерь Божья...

— Ну, — говорит он, целуя меня вдоль ноги. — Я веду к тому, что заморочек у меня много, но влечение к тебе — не одна из них. Контроль над собой в твоём присутствии — другое дело... — Он многозначительно смотрит на мои трусики и обнаженные ноги. — Это определенно проблема. Я так сильно возбужден из-за тебя все время, что мне стыдно при мысли о том, какой короткой будет моя выдержка, когда мы наконец дойдем до дела.

Я придвигаюсь к нему и сажусь на него, запуская пальцы в его волосы.

— Но мы же дойдем до дела?

Он кладет руки на мои бедра и медленно гладит.

— Возможно. Если мы побудем парой какое-то время, и ты не захочешь меня убить.

— Да, но рискну предположить, что даже если мне захочется убить тебя, я все еще буду хотеть и секса с тобой. Ты уверен, что не хочешь сделать это сегодня? У Руби где-то тысяча презервативов в ее прикроватном столике. Она не заметит пропажи одного. Или четырех.

Он откидывает голову назад и издает не то стон, не то смех, а я тем временем целую его в шею. Я знаю, как сильно он любит, когда я покусываю и посасываю. Пытаюсь ли я заставить забыть его обо всех благородных причинах, по которым нам стоит подождать? Возможно. Я знаю лишь, что чем дольше целую его, тем больше хочу. Он думает, что я в итоге пожалею, если пересплю с ним. Сомневаюсь. Но в одном я уверена: если я дам ему уйти сегодня, не занявшись со мной любовью, то об этом я точно пожалею.

Я покрываю все его тело поцелуями, пытаюсь сломить сопротивление.

Его грудь теплая, я ласкаю его мягкими движениями губ и нежными движениями пальцев. Когда я поднимаю взгляд, вижу, что он наблюдает за мной. По мере того, как я спускаюсь ниже и исследую мышцы его живота, он откидывает назад голову и выдыхает.

Я шепчу нежные слова, касаясь губами его кожи. Говорю ему, как он прекрасен, как необычен, как сильно я нуждаюсь в нем. В ответ он хмурится. Не думаю, что он верит мне, но я намерена изменить это.

Когда я возвращаюсь к его губам, он чуть больше приоткрывает мне завесу своего желания и целует меня так настойчиво, что у меня начинает кружиться голова.

Когда я тянусь к ширинке его брюк, он задыхаясь отстраняется.

— Я думал, мы договорились не заниматься сегодня сексом?

— Нет. Ты сказал, что мы должны подождать. Я не согласилась.

— Но ты сказала, что понимаешь. Подумала, что это мило.

— Я понимаю, и твоя забота умиляет. Просто я думаю, что это совершенно необязательно. — Легкими касаниями я провожу пальцами вдоль его груди и наблюдаю, как выступают мурашки. — Если ты правда не хочешь заходить сегодня слишком далеко, не проблема. Просто скажи мне остановиться. — Я целую его в шею. Пробую на вкус его кожу. Она соленая и теплая, несмотря на внешнюю прохладу. — Я сделаю все, что ты захочешь.

Он хватается за бедра, когда я начинаю тереться об него, но возражений не следует.

— Ты хочешь, чтобы я остановилась, Итан? — Я целую его в ключицу и затем в мускул прямо над соском. Он плотно закрывает глаза. — Или ты хочешь, чтобы я продолжала прикасаться к тебе?

Когда он открывает глаза, в них горит пламя. Глубинное и полное желания.

— Ты думаешь, я не смогу остановить тебя?

— Я знаю, что сможешь. Просто очень надеюсь, что не станешь.

Он смотрит на меня несколько секунд, прежде чем притянуть в объятия опаляющего

поцелуя.

Губы. Язык. *О, боже. Его язык.*

Его вкус подобен страсти. Как и запах. И хотя я чувствую, как он старается сопротивляться, я знаю его эрогенные зоны столь же хорошо, сколь он знает мои, и использую это против него.

После еще нескольких минут убеждения, его руки начинают блуждать повсюду, пробираясь под одежду и потягивая за бретельки. Когда я чувствую, каким неуправляемым он становится, я отстраняюсь. Его взгляд прожигает мою кожу, пока он наблюдает за тем, как я снимаю лифчик. И вот в мновение ока от его бережного обращения не остается и следа. Он издает стон и, клянусь, это отзвук того, как поддалась последняя частичка его силы воли. Он встает, подхватывая меня на руки, и создается ощущение, что я нахожусь внутри его кокона. Руки и рот, темнота и стоны желания.

Потом все происходит будто в тумане. Он прижимает меня спиной к стенам и дверям, пока мы идем в спальню. Я тяну его за волосы. Погружаю свои зубы в его плечо. Одной рукой он придерживает меня, а другой – стягивает с себя одежду.

Мы оба полны желания. Спешными движениями рук он пробирается под мою одежду и прикасается ко мне, удовлетворяясь лишь обнаженной кожей. Для меня же, каждый слой одежды, что падает на пол словно победа. Каждый низкий стон, который он издает становится моим новым гимном.

Каждый раз, когда он прижимается ко мне, я чувствую его еще больше, и чем больше я чувствую, тем больше мне нужно.

Когда наконец, мы оба лежим голые в постели, ощущение его обнаженной кожи напротив моей заставляет меня резко остановиться и судорожно втянуть в себя воздух.

Когда я поднимаю на него взгляд, мое восхищение отражается в его глазах.

— Кэсси...

Я останавливаю его поцелуем.

— Скажи, что хочешь меня.

— Ты же знаешь, что хочу, но...

Он опускает голову и выдыхает.

— Ты заслуживаешь...

— Тебя. Я заслуживаю *тебя*. Прекрати сомневаться и займись со мной любовью. Ты сказал, что хочешь, чтобы мой первый раз был особенным. Ну так *сделай* его особенным. Я хочу, чтобы это был ты. Разве ты не понимаешь? Это самое необыкновенное, что ты можешь мне дать. Пожалуйста.

Он плотно закрывает глаза. Его тело скованно напряжением из стольких разных источников, что мне кажется, он сам не знает, как высвободиться. Я переворачиваю его на спину и сажусь на бедра, после чего наклоняюсь так, чтобы мои волосы щекотали его грудь. Я поглаживаю его руки, пытаюсь распутать эмоциональные узлы.

— Перестань думать, — шепчу я и целую его в шею. Он вздыхает, когда я спускаюсь вниз по его груди и приподнимаю свои волосы, чтобы он мог наблюдать. — Лишь одну ночь позволь себе побыть со мной. Без страха. Без вины. Лишь только мы.

Я спускаюсь ниже и целую его в живот. Теплая кожа. Редкие волосы. Мышцы подрагивают под моими губами, когда он запускает руку в мои волосы.

— Не так-то легко просто взять и отключить мозг, — говорит он тихим голосом.

— Тогда позволь мне помочь тебе.

Я спускаюсь ниже к тому месту, где он напряжен больше всего и сначала легко касаюсь его пальцами, а потом губами и языком. Он издает протяжный, натянутый стон, который проходит вибрацией сквозь все его мышцы.

Боже, как же он звучит. Как ощущается. Как с каждым моим движением расслабляется все больше.

Я поднимаю взгляд и вижу, как он зачарованно наблюдает за мной. Сейчас он полностью здесь. Не потерял где-то в своей голове. Выражение его лица поразительно уязвимое, пока я доставляю ему удовольствие.

— Боже... Кэсси.

Он нежно поглаживает меня по лицу, выражая благоговение. Я двигаю губами вдоль него, вкладывая что-то в каждое прикосновение.

Когда он начинает ругаться себе под нос, я понимаю, что он близко. Но прежде чем он успевает кончить, он отстраняет меня и переворачивает на спину. Он целует меня, потом спускается вниз вдоль моего тела, чтобы исследовать все те места, что не видел раньше.

Вид изумления на его лице едва ли не вызывает во мне смех. Я не питаю иллюзий относительно того, что у меня идеальное тело или того, что я самая красивая девушка в мире. Но то, как он смотрит на меня, заставляет меня чувствовать себя такой.

Он скользит кончиками пальцев по моим соскам, вызывая во мне дрожь. Затем следует его рот.

Да.

Каждая ямочка моего тела исследована. Тронута и поцелована. Помечена. Он прикасается к моей коже так, словно боготворит ее, и издает тихие стоны, которые звучат громче сказанных им когда-либо слов.

Когда он такой, он мой. Всецело. Это так очевидно по тому, как он смотрит на меня. Словно он находится в поиске всех точек удовольствия, и одновременно убеждает все мои нервные окончания танцевать для него.

Мне отчаянно хочется спросить, нормально ли это. Случалось ли, что все другие женщины с кем он был, так обезоруживались перед ним. Но я решаю поверить, что этот момент исключителен для нас обоих. Что этот странный химический выплеск, который мы раскрываем друг в друге – уникален.

Мои мысли путаются, когда он просовывает руку между моими бедрами. Нежные пальцы. Настойчивые движения. Я крепко хватаюсь за него; шепчу его имя, чтобы подстегнуть. Желание, желание, желание.

Долгие минуты тянутся и отступают. Он натягивает во мне напряжение, нежно, но настойчиво и когда он наконец-то дает мне кончить, я вскрикиваю, пока все мои мышцы дрожат и сокращаются.

Я держусь за его плечи на протяжении всего оргазма, а он покрывает поцелуями мой лоб. По всей видимости, он дышит так же тяжело, как и я. Когда я прихожу в себя и открываю глаза, на его лице читается смятение. Словно он не может поверить в то, свидетелем чего только что стал.

— Я никогда не устану это видеть, — говорит он и качает головой. — Это кажется таким нелепым, что чей-то оргазм способен доставить столько удовольствия.

Он ложится на спину, и я поцелуями сначала скольжу по его шее, потом по груди, потом прижимаюсь губами к месту поверх его сердца, чтобы почувствовать, как быстро оно бьется. Я замечаю, как оно ускоряется, когда я тянусь между нами и беру его в руки.

— Охххх, боже...

Ощущение его члена в своей руке заставляет меня захотеть его еще больше. Словно я держу в руках точное олицетворения своего желания. У меня возникает вопрос, доведется ли мне когда-нибудь увидеть что-то прекраснее, чем Итан в муках удовольствия. Очень сомневаюсь.

— Ты такой красивый, — шепчу я.

Он открывает глаза, и мне кажется, что на какой-то краткий миг он позволяет себе поверить в это.

Я целую его. Его ответ полон желания и отчаяния, никогда прежде я не хотела ничего сильнее, чем того, чтобы он оказался внутри меня. Он либо хочет этого тоже, либо наконец понимает мою непреклонную решимость, поскольку он хватается свои джинсы с пола, потом вытаскивает бумажник и достает презерватив.

Прежде я никогда не видела, как мужчина надевает презерватив, и хоть это и не является каким-то чувственным актом, зрелище того, как Итан делает это невероятно возбуждает. Он действует быстро, движения рук полны уверенности и смелости, и дрожь пробегает по моей спине.

Мы собираемся заняться сексом.

Я собираюсь лишиться девственности.

Впервые в жизни внутри моего тела будет другой человек... мужчина... Итан.

Меня накрывает волна нервозности. Я так долго клялась всем на свете, что моя девственность не более, чем просто барьер, но сейчас, когда Итан целует меня и ложится между моих ног, реальность того, что сейчас произойдет, обрушивается на меня.

Я напрягаюсь. Он так близок к тому, чего я хотела столько месяцев.

Он останавливается и хмурится.

— Что не так?

Я качаю головой.

— Ничего. Просто я...

— Мы можем остановиться. Нам наверно так и стоит...

— Нет! Боже, нет, пожалуйста. — Я касаюсь его лица. — Я просто... это вроде как большое событие, понимаешь? Я не думала, что так будет, но это так. После этого... все будет по-другому.

Выражение его лица омрачается.

— Я сделаю тебе больно.

— Знаю. Но так и должно быть, верно?

Он не отвечает. Сожаление уже одолевает его.

— Когда до этого дойдет, просто сделай это, хорошо? Быстро. Я бы предпочла сделать это быстро и со всем покончить, чем тянуть.

Он не двигается, страх в нем нарастает.

— Кэсси...

Я обвиваю его руками и притягиваю к себе. Он целует меня глубоко, но звук, который он издает кажется протестом. Словно он хочет остановиться, но не может.

— Со мной все будет хорошо, — шепчу я и глажу его по лицу. — Не волнуйся. — Он прижимается ко мне, и я чувствую какой он твердый и готовый. Я целую его еще один раз. — Итан?

— Да?

— Я правда рада, что это ты.

Он сглатывает и кивает, и когда он целует меня снова, я чувствую, как он просовывает руку между нами. Я задерживаю дыхание. Чувствуется намного большее давление чем то, которое исходило от его пальцев, и оно нарастает по мере того, как он проталкивается глубже. У него не получается проникнуть сильно глубоко. Мы стонем напротив губ друг друга, после чего застываем, прижавшись друг к другу лбами.

— Ты в порядке?

Киваю.

— Не останавливайся.

Он двигается снова, и давление начинает жечь. Когда я закрываю глаза из-за боли, он останавливается.

— Нет. Продолжай. Пожалуйста.

— Посмотри на меня.

Я открываю глаза и вижу на его лице напряжение и волнение.

— Просто смотри на меня, хорошо? Не думай о боли. Будь со мной. — Он снова толкается вперед настолько глубоко, как это пока возможно. Я издаю стон отчаяния. Он отстраняется и делает толчок с большей силой, и в этот раз мне становится действительно больно. Я выпускаю стон, и он пытается меня отвлечь поцелуем.

— Ты ощущаешь потрясюще, — шепчет он напротив моих губ. — Я знал, что так будет, но.... Господи. — Он снова делает толчок, и я вскрикиваю, когда острая боль проходит сквозь меня. Когтями я впиваюсь в его плечи.

Он останавливается на секунду, но я понуждаю его продолжать.

Его толчки причиняют боль. Мышцы и ткани растягиваются и болят. Вспышка паники охватывает меня, когда мне вдруг приходит в голову, что он не влезет.

Боже, нет. Что если он не влезет?

Он двигается назад-вперед и с каждым разом ему удается проникнуть немного глубже. Его брови сосредоточено сведены вместе, и на протяжении всего времени он спрашивает в порядке ли я, не забывая целовать между вопросами.

— Прости, что это причиняет боль, — шепчет он. Я стискиваю зубы, когда он проникает глубже. — Я никогда не хотел сделать тебе больно. Никогда.

Еще один толчок. Потом еще. Я протяжно выдыхаю, он следует за мной. Потом его бедра прижимаются к внутренней стороне моих, и я понимаю, что... он внутри меня.

Полностью.

Его тело соединилось с моим.

Наконец-то.

Я поднимаю на него удивленный взгляд. Боль сменилась пульсирующим жжением, но мой разум все равно потрясен. Все его чувства отражены в его глазах. Радость, шок, страсть, любовь, сожаление, восторг. В такие моменты, он словно открытая книга. Ничто не сокрыто и не погребено.

Лишь мы одни. Единые в столь многих смыслах, а не только на физическом уровне.

Это самое невероятное, что мне приходилось чувствовать.

Я ощущаю такую наполненность им, что мне едва удается дышать. Это то, чего я ждала. Чего жаждала столько месяцев. Я понимаю, почему он прятался от этих чувств все это время. Они слишком сильны и опасны. Никогда не видевший Рая, не понимает, что упускает.

Но сейчас мы это видим. И он, и я. Он был слеп, отказываясь видеть это, и как бы

сильно ему ни хотелось сейчас отвернуться, он не в силах это сделать.

Как и я.

— Кэсси...

— Я в порядке.

Он делает небольшой толчок, потом замирает. Все его мышцы напрягаются.

— Боже... Я не могу. Ты чувствуешь... невероятно.

Он прижимается головой к моей шее и просто дышит. Я обнимаю его и наслаждаюсь моментом. Глажу его по спине. Вкушаю все ощущения.

Я думала, что не хочу, чтобы это стало чем-то особенным, но вот они мы. Его лицо прижато к моей шее, и видно, как он пытается контролировать себя. Быть с ним вот так – это больше, чем нечто особенное. Это нечто важное. Представить себе не могу, что могла бы дать эту часть себя кому-то другому. Я пытаюсь запечатлеть этот момент в своей голове, потому что знаю, что в альбоме моей жизни он будет незаменимым.

Он приподнимается на локтях, и когда он двигается, он делает это медленно. Он наблюдает за мной взглядом, полным волнительной концентрации. Думаю, он пытается скрыть, насколько ему хорошо. Словно это неправильно, что он чувствует наслаждение, пока меня одолевает боль.

Ему не нужно волноваться. С каждым толчком, жжение уменьшается, и уже после пары минут, я задыхаюсь и выгибаюсь под давлением его глубоких толчков.

Толчки становятся более уверенными.

— Ты внутри меня, — говорю я.

Он целует меня в плечо и потом прижимается к нему лбом.

— Все по-честному. Ты была внутри меня все эти месяцы. Все нормально? — Его голос натянут.

— Хм-м-м. Ты ощущаешься потрясающе.

Он толкается глубже и стонет.

— Это я-то? Ты шутишь? Ты... — Он закрывает глаза и качает головой. — Кэсси, не существует слов, способных описать, как невероятно ты ощущаешься.

Он продолжает двигаться и, хотя никто из нас не способен больше говорить, звуки в комнате красноречивее всяких слов. Дыхание вперемешку со стонами. Прерывистые вздохи. Всевозможные бормотания, пока мы целуемся и держимся друг за друга.

Он приподнимается на руки, и мне непонятно, хочет ли он продержаться подольше или же отпустить. Его лицо прекрасно. Каждый нюанс его чувств выливается в замысловатую деталь. Он показывает мне все те частички себя, что были сокрыты внутри. Безусловно, страх еще есть, но есть и сила, и смелость, ранимость и глубокие эмоции. Я хочу сказать ему, как он поразителен, но у меня нет слов. Я слишком заморожена, чтобы даже просто попытаться подобрать их. Боюсь, что, если отвернусь, то он исчезнет.

Вскоре, я больше не могу держать глаза открытыми, поэтому я закрываю их и просто отдаюсь ощущениям. Ощущениям того как его пальцы держат меня. Бедрa соприкасаются. Мышцы дрожат, а кожа горит. Напряжение натягивается внутри меня, и когда я открываю глаза, вижу, что он смотрит на меня, рот его приоткрыт, а глаза наполнены тяжестью.

— Кэсси...

Он шепчет мое имя в моменты, когда не целует меня. Оно звучит как мольба. Во имя чего, я не знаю. Что бы он ни хотел, это в его распоряжении. После того как он открылся мне с этой стороны, он уничтожил меня. Как я смогу быть с кем-то другим, после такого

опыта с ним?

Он так глубоко внутри меня, что кажется словно он вытатуировал себя в каждом нервном окончании. Удовольствие, боль, совершенство вздохов.

— Кэсси, я не могу. Я сейчас... О, боже. О, боже.

Выражение его лица меняется. Толчки становятся лихорадочными, и каждый его выдох больше походит на стон. Он хватается меня руками и держит так близко, что создается ощущение словно у нас одно оглушительное сердцебиение на двоих. Удовольствие, что горит внутри меня, расцветает в пышный огонь. Все что я могу делать, это держать глаза открытыми и наблюдать за ним.

Гортанный звук вибрирует в его груди, прежде чем толчки прекращаются. Он наваливается на меня и шепчет несвязные слова, уткнувшись мне в грудь.

Я вздыхаю под его весом, чувствуя тяжесть и удовлетворение. Я не могу двигаться, да и не хочу. Мы дышим друг напротив друга, и я все ещё чувствую его внутри себя. По какой-то причине, слезинка скатывается по моей щеке.

Думаю, часть меня верила, что мы никогда не дойдем до этого. Что он никогда не согласится быть частью столь интимного акта. И все же вот они мы, лежим обнаженные и запыхавшиеся после того, как подарили друг другу те части себя, которыми не обладает никто другой.

Я пытаюсь подавить свои эмоции, но не могу, так что я просто даю волю слезам.

Вот как бывает, когда ты влюблен? Ты чувствуешь несметную благодарность к человеку, с которым делишь нечто столь удивительное? Ты знаешь, что самое удивительное, что он может дать тебе – это он сам?

— Спасибо, — говорю я, стараясь сдерживать дрожь в голосе.

Он сжимает меня в объятиях, и я удивляюсь, когда чувствую влажность на своем плече. Я пытаюсь посмотреть на него, но он уткнут лицом мне в шею.

— Итан?

Он ничего не отвечает и просто крепко держит меня. Его дыхание поверхностно. Сквозь грудную клетку мне слышны громкие звуки его сердца, и я глажу его по спине, давая время прийти в себя.

Наконец, он выдыхает. Глубоко и прерывисто. Он приподнимает бедра, чтобы медленно выйти из меня, и когда он полностью выходит, внутри меня возникает странное чувство пустоты. Сама того не осознавая, я усиливаю хватку вокруг него. Он целует меня, потом приподнимается и снимает презерватив.

— Пошли. — Он выбирается из постели и протягивает мне руку. — Надо помыть тебя.

Он наполняет ванну водой и дает мне немного понежиться в ней. Я закрываю глаза, пока он намазывает мне спину. Боль еще не отступила, но эта боль сродни той, что я чувствую, когда тренирую мышцы, которые не привыкли к работе.

Итан ведет себя тихо, но одной рукой всегда придерживает меня. Удостоверяется, что я в порядке.

Когда мы забираемся обратно в постель, я приникаю к его груди. Его сердцебиение звучит как-то странно. Словно звук отзывается в его ребрах чрезмерно громким эхо. Но он гладит меня по руке и вскоре, я слышу лишь тихое гromыхание под ухом.

Когда я засыпаю, я вижу его во сне.

Итан стоит передо мной и одевается. Он натягивает на себя одежду слой за слоем, скрывая все части тела, которые только что занимались со мной любовью. Храбрые части.

Любимые части.

Я пытаюсь остановить его, но он настроен решительно. В итоге, все снова скрыто. Прикрыто и защищено.

Нет. Мы же это уже проходили.

Он что-то шепчет. Я внимательно смотрю на его губы, пока они смыкаются и размыкаются.

Что он говорит?

В какой-то момент мне кажется, что он признается мне в любви. Говорит это так тихо, что мне едва слышно. Но потом я слышу...

— Прости...

Он повторяет это снова и снова. Тихо и с сожалением.

Когда я просыпаюсь, подступающая тошнота переполняет меня при осознании того, что это был вовсе не сон.

21

ПРОЗРЕНИЕ

Наши дни

Нью-Йорк

Дневник Кассандры Тейлор

Дорогой дневник,

Хорошие новости! Итан хочет, чтобы мы снова были вместе, и теперь я волшебным образом исцелилась, и мы на пути к хеппи-энду!

В случае, если ты не понял намек, я напечатала это с сарказмом.

Правда в том, что как бы сильно мне ни хотелось верить в то, что Итан изменился, этого недостаточно.

Если бы я только могла вернуться назад во времени и уговорить себя не влюбляться в него так сильно! Не то чтобы молодая версия меня стала бы слушать. Я знала, что он был сломлен, но мне казалось, что наши чувства были достаточно сильными, чтобы сгладить все трещины и неровности.

Какое-то время так и было, но это оказалось лишь иллюзией подобной снегу, который покрывает огромные ямы, заставляя выглядеть землю идеальной и прочной.

Наши с Холтом отношения никогда не были прочными. Лишь в той или иной степени безрассудными. Всегда балансирующими на грани нашей бескрайней неуверенности в себе.

И вот теперь, он просит меня пройти по этому скользкому склону снова, и он так обходителен со мной, что мне хочется верить, что это безопасно.

Проблема в том, что неважно, как он заботлив, я всегда буду помнить предыдущие падения, и не имеет значения как сильно он изменился, я всегда буду знать, чего мне это стоило.

Ему потребовалось дважды разбить мне сердце, прежде чем прозрение настигло его, и заставило измениться. Что ж, очень рада за него!

Как сделать так, чтоб прозрение настигло и меня?

Я стою у браной стойки и потягиваю коктейль с водкой. Это уже моя третья порция, и мои чувства наконец начинают притупляться. Или может наоборот, усиливаться. Сложно сказать.

Мне слышно, как в противоположном углу ресторана мои коллеги по труппе смеются и болтают. Они празднуют наш переход в театр на следующей неделе. Технические репетиции. Пробные показы. Доведение пьесы до того идеального уровня, какого только возможно, прежде чем явить спектакль миру в ночь премьеры.

Я должна быть с ними, но у меня нет настроения.

Марко поднимает бокал в моем направлении и улыбается. Он так доволен тем, что создал. На сцене мы с Итаном безупречны. Это придает ему уверенности в моих способностях.

Я улыбаюсь ему, затем опускаю взгляд на свою выпивку.

Он не осознает, что доверяет людям, которые постепенно задыхаются в собственных эмоциях.

Глубокий смех громыхает сквозь зал, и когда я поворачиваюсь, вижу, как Холт смеется над чем-то, что рассказывает Марко, бурно жестикулируя. Он выглядит таким счастливым.

Я допиваю свой коктейль и заказываю еще. Может четыре – мое счастливое число.

Какой-то мужчина садится за соседний стул. Он улыбается мне, пока заказывает скотч. У него есть небольшое сходство с Итаном. Такие же темные волосы и голубые глаза. Привлекательный. Дорогой костюм. Галстук чуть ослаблен, рубашка расстегнута.

Должно быть, я слишком пристально смотрю на него, потому что он косится на меня в ответ, пока бармен занимается его заказом.

— Я бы заказал и тебе, но похоже твой коктейль еще свежий.

Я моргаю и отвожу взгляд.

— Э-э... да. Не стоит.

— Ты здесь одна?

Смысл его вопроса в другом, но я все же отвечаю.

— С друзьями, — говорю я, указывая в направлении шумного столика в углу. Холт пародирует кого-то. Возможно, Джека Николсона.

Незнакомец кивает.

— Ааа. Решила отдохнуть от веселья?

— Типа того.

Теплое покалывание проходит по моему позвоночнику, и когда я поворачиваюсь, вижу Холта, его взгляд резок и жалит сквозь всю комнату. Он прерывает свою пародию на середине. Я чувствовала его мимолетные взгляды весь вечер, но этот взгляд иной. Я больше не одна.

Меня накрывают воспоминания до того, как он изменился. Всегда такой ревнивый.

Я поворачиваюсь обратно к бару и стараюсь игнорировать его.

Незнакомец наклоняется и скотч в его дыхании напоминает мне запах Итана.

— Ты слишком красива, чтобы быть одной, — говорит он. — Могу я как-то помочь?

Я слышала вариации этой реплики бессчётное количество раз за все эти годы, и во многих случаях, позволяла подобным мужчинам помогать мне. И когда я спала с ними, я делала это с таким отчаянием. Использовала их, а потом ненавидела за то, что они не могли заменить Итана. Ненавидела себя за то, что все еще хотела его так сильно.

Ненавидела *его* прежде всего.

Незнакомец по-прежнему ждет ответа, в надежде, что мое хрупкое эмоциональное состояние обернется в его пользу, и он займется сегодня сексом. В прошлом, наверно, так бы и было.

— Я просто хочу выпить немного, — говорю я ему с улыбкой, осознавая, что Холт наблюдает за каждым моим движением. — Но спасибо за предложение.

Я касаюсь его руки. Начинаю с трицепса и пробегаю вниз вдоль его локтя. Мои слова говорят «нет», но эти прикосновения значат — «может быть». Я не подразумеваю «может быть», но Итан-то этого не знает, к тому же мне хочется заставить его понервничать. И я уже опустилась достаточно низко, чтобы проверить его новоявленное спокойствие и посмотреть, на самом ли деле он изменился так сильно, как говорит.

Я болтаю с незнакомцем. Застенчиво ему улыбаюсь.

Взгляд Итана прожигает меня сильнее с каждой секундой. Я нахожу в этом нездоровое утешение.

Интересно, как сильно мне придется надавить на него, прежде чем он сорвется?

Еще один коктейль. Больше разговоров. Я чувствую раздражение Итана, которое вибрирует передо мной подобно ряби в воздухе и говорит мне, что то, что я делаю — неправильно.

Это обидно.

Мстительно.

После пяти порций коктейля, меня уже ничего не волнует. Незнакомец обнимает меня одной рукой, шепча мне что-то на ухо. Говорит мне, как я красива. Как сильно он хочет меня.

Я смеюсь, потому что не чувствую себя красивой. Я чувствую себя дрянью.

Мужчина нежно целует меня в шею. Я не останавливаю его. Когда же он делает это снова, рядом со мной появляется Холт, его мышцы напряжены, а лицо мрачное.

— Хорош, Кэсси. Пора идти.

— Минуточку, приятель, — говорит незнакомец и обнимает меня крепче. — Мы тут с дамой ведем беседу.

Итан практически рычит на него:

— Ваша беседа закончена, *приятель*. Убери от нее свои чертовы руки.

Ах, вот и грубиян.

Это даже какое-то облегчение, что он все же не такой уж и идеальный. На фоне этого мои недостатки кажутся менее значительными.

Незнакомец хмурится и опускает свой стакан.

— Кто ты, черт побери, такой, чтобы говорить мне что делать?

Итан нависает над его лицом.

— Я тот, кто припечатает твою башку к этой барной стойке, если ты не убереешь от нее свои руки сию же секунду. Есть еще вопросы?

Со вспышкой страха в глазах, незнакомец отпускает меня, и Итан помогает мне встать. Я чувствую вину за то, что ввязала во все это незнакомца, но вина за издевательство над Итаном преобладает. Я не могу осмелиться посмотреть на него, пока он ведет меня на улицу.

Когда мы оказываемся на тротуаре, он ставит меня на ноги. Я спотыкаюсь о сточную канаву и прислоняюсь к припаркованной машине, пытаюсь окликнуть такси. Все вокруг кривится и искажается, и я знаю, что только он способен поставить все на свои места, и это

вызывает во мне непомерную злость.

— Кэсси, что, черт побери, с тобой происходит сегодня?

Еще одно такси пронесется мимо, я слабо машу рукой и чуть было не теряю равновесие, как вдруг сильные руки обхватывают меня и выпрямляют.

— Господи, может уже остановишься? Ты же подставишь себя под колеса.

Я хватаюсь за его рубашку, когда у меня подкашиваются ноги, и чувствую лишь его руки и прикосновение губ к моему лбу, пока вдыхаю такой знакомый мне запах.

— Вернемся внутрь.

— Мне надо идти.

— Тогда я иду с тобой.

— Нет. Я не могу этого сделать.

— Чего?

— Этого! — Его лицо слишком близко. Губы слишком заманчивы. — Этого! — Я толкаю его в грудь, прямо туда, где бьется его сердце. — Ты!

Я взбудоражена. Ожесточена вещами, которые не в силах изменить и слишком напугана теми, что в силах.

Он смотрит на меня с едва сдерживаемым гневом.

— Было бы легче будь я каким-нибудь кретином в костюме, которому только и нужно, что трахнуть тебя? Имела бы ты тогда со мной дело?

Мои ноги снова подкашиваются. Он крепко прижимает меня к себе. Теперь я уже не стою на ногах, мы прижаты друг к другу, лицом к лицу. Он убивает меня своей близостью.

— Ну все. Я везу тебя домой.

Я качаю головой, надеясь, что он поймет, что, если я пробуду с ним еще немного, он вскроет все мои швы, а я сейчас не могу себе позволить развалиться на части. Обида — единственное, что помогает мне держаться. Без нее я бесформенна.

Потеряна.

Мое дыхание сбивается, и он ослабляет свою хватку. Прикасается рукой к моей щеке.

— Черт. — Он притягивает меня в объятия. Шепчет на ухо. — Не плачь. Пожалуйста. Извини. Что бы ни случилось сегодня, ты будешь в порядке.

Я не верю ему.

Он придерживает меня одной рукой, окликая проезжающее мимо такси. Оно останавливается, он сажает меня на заднее сиденье и протягивает водителю деньги с просьбой помочь мне дойти до двери, если потребуется. Потом его лицо появляется прямо передо мной, волнительное и несчастное.

— Позвони мне, когда доберешься домой, ладно?

Я рассматриваю спинку кресла.

— Кэсси, я серьезно. Посмотри на меня.

Моя голова так тяжела. Это все слишком сложно.

Он прикасается к моему подбородку, чтобы приподнять его.

Мрачные глаза заглядывают в мои.

— Пообещай, что позвонишь мне, когда доберешься домой, иначе я поеду с тобой.

Он не сводит с меня взгляда, пока я не киваю.

Узел стягивается в моем горле, когда он целует меня в лоб.

Почему он пытается сделать все таким легким, когда очевидно, что это невозможно?

Он исчезает, и дверь захлопывается. Когда мы отъезжаем, и я знаю, что он больше не

смотрит, я даю волю слезам.

Когда я спотыкаясь захожу в свою квартиру, Тристан приходит мне на помощь. Прежде он уже видел меня в таком состоянии, поэтому знает, что делать. Он помогает мне пройти в ванную и говорит принять душ. Делает воду холодной. Потом помогает мне забраться в постель, убирает волосы с моего лица и шепчет на ухо, что все будет хорошо.

Я, должно быть, в какой-то момент засыпаю, потому что, когда я снова открываю глаза, его уже нет, но на ночном столике лежат две таблетки тайленола и стоит стакан воды. Я принимаю таблетки, запивая их водой.

Я словно высохла изнутри.

Эмоционально опустошена.

Беру свой лэптоп и открываю e-мейлы от Холта, нуждаясь хоть в какой-нибудь его части. Чувствуя чрезмерную переполненность и одновременно безутешное опустошение.

Я вникаю в каждое слово. Они полны неопределенных сожалений, но есть одно, чего он мне никогда не говорил. Лишь только это мне нужно было услышать тогда, чтобы убедиться, что то, что я чувствую к нему – не безответно.

Я уже было начинаю дремать, как вдруг звонит мой телефон, и мне нет нужды смотреть на экран, чтобы узнать кто это.

— Привет. — Мое горло пересохло.

— Ты сказала, что позвонишь. — Его голос напряжен. Взволнован.

— Извини.

— Проклятье, Кэсси, таксист же мог тебя изнасиловать или убить, а потом выкинуть в Центральном парке. Какого хрена происходит?

— Я не знаю. Мне жаль. — И я действительно сожалею о столь многом.

Он вздыхает.

— Ты просто... Ты не можешь так поступать со мной. Ты понятия не имеешь, как сильно я... в смысле, я хочу...

Он умолкает на секунду.

— Прости за резкость. — Его голос звучит так же устало, как я себя чувствую. — Я просто волнуюсь за тебя. Я старался дать тебе личное пространство последние несколько недель. Держался на расстоянии, чтобы ты разобралась в ситуации, или что-то в этом роде. Но сегодня ты позволила этому парню лапать себя, и я... Проклятье, ты должна была знать, как я отреагирую.

— Я знаю.

— Я не чувствовал подобное уже очень долгое время. Я хотел стереть его с лица земли.

— Но ты этого не сделал.

— Я хотел сломать его чертовы пальцы. Этой реакции ты добивалась? Свести меня с ума? Сделать больно?

— Полагаю, да.

— Ну, миссия выполнена.

Признание не утешает меня. Напротив, я чувствую себя дрянью.

Я так устала от этого состояния, но я просто не знаю, как вести себя иначе.

Когда-то давно, я думала, что два человека, которые заботятся друг о друге, могут разобраться с любыми недопониманиями. Главное, чтобы они разговаривали об этом, но сейчас я вижу, что все не так просто. На самом деле, чтобы вести разговор, человек должен

обладать смелостью для выражения своих чувств, а во мне смелости совсем не осталось.

— Ты бы пошла с ним домой, не будь я там сегодня? — спрашивает он.

— Нет.

— Почему нет?

— Потому что... — я стараюсь подобрать правильно слова. — Приведи я его домой, я бы... — Я вздыхаю, раздраженно и оборонительно. — Я бы все равно представляла бы тебя, вместо него, так в чем тогда смысл?

Возникает долгая пауза. Мое сердце лихорадочно бьется, пока я жду его ответа.

— Ты делала это раньше?

— Да.

— Как часто?

— Всегда. Каждый раз.

Он вздыхает.

— И как это понимать?

Он давит на меня, но, несмотря на мой дискомфорт, какая-то часть меня хочет этого. Я не способна сделать это без него.

— Кэсси?

— После твоего отъезда... — Я сглатываю. — Я скучала по тебе так сильно, что хотела, чтобы они были тобой, поэтому я закрывала глаза и пыталась представить, что они — это ты. Так было со всеми. Даже с Коннором. *Особенно* с Коннором. Это не работало. Никто из них не шел ни в какое сравнение с тобой.

Мое дыхание кажется неприлично громким в моей тихой спальне, а звук тиканья часов заполняет долгие секунды.

— Господи... Кэсси...

Теперь он знает. Хорошо это или плохо, но знает.

— Я думал... — Он обрывает себя, собирается с мыслями. — Когда я узнал о мужчинах, с которыми ты была после моего отъезда, я подумал, что ты делала это, чтобы забыть меня. Или же наказать.

— Отчасти так и было. Но не это было главным.

— А сегодня?

— Я проверяла тебя. Хотела посмотреть, станешь ли ты прежним. И как ты уже сказал, сделать тебе больно.

Говоря это, я понимаю, какой это низкий поступок. Как низко я пала. Какой ядовитой стала.

— Я понимаю. Знаю, ты думаешь, что я заслуживаю немного боли, учитывая, что я сделал, но ты не понимаешь. — Он делает вдох. — Знаю, ты страдала после моего ухода, но и я тоже страдал. Тот тур по Европе был самым жалким периодом в моей жизни.

Во мне вспыхивает негодование.

— О, да. Уверена, разгуливать по всем тем экзотическим местам в окружении красоток, которые восхищались тобой, было сущим наказанием. Решать каждый вечер какую из них вести домой. Должно быть, это походило на долбаный шведский стол.

— Ты и правда думаешь, что все так было? Что я был способен на такое? Господи, Кэсси, когда мы были вместе, я никогда даже не смотрел в сторону других девушек. Думаешь, я мог забыть тебя так легко?

— После того, как ты отказался от наших отношений, я думала, ты способен на что

угодно.

Он смеется.

— Да уж. Ну, реальность оказалось немного другой.

— Насколько другой?

Хотела бы я увидеть его лицо. Но все, что у меня сейчас есть, это его голос — низкий и звучный.

— В Европе, пусть я и был всегда окружен людьми, время, что я провел вдали от тебя, было самым одиноким временем в моей жизни. Поначалу, я не мог справиться с этим. Я много выпивал, иногда и во время спектаклей. Ходил в бары. Ввязывался в драки. Потом я шел домой и думал о тебе. Гуглил тебя. Мечтал о тебе. Я скучал по тебе так сильно, что мне было больно физически. Иногда я подумывал привести кого-нибудь домой, чтобы просто проснуться рядом с другим телом. Никакого секса. Просто... компания.

Я чувствую его боль. Она так схожа с моей.

Я хотя бы встретила Тристана.

— Так что, да, — говорит он. — Случилось и другое, что заставило меня пересмотреть свои качества и то, что мне нужно сделать, чтобы вернуть тебя, но сейчас не время для этой истории. Суть в том, что я не веселился, пока был там. Я был абсолютно несчастен. И одинок.

— Но у тебя же были другие... отношения... пока мы были врозь?

— Нет.

Его ответ сбивает меня с толку.

— Но у тебя был... секс. Не знаю, почему я спрашиваю, лишь одна мысль о тебе и других женщинах... — Я содрогаюсь. — Но у тебя же был секс, верно?

Я закрываю глаза и жду ответа, напрягаясь от ожидания.

Скажи «сотни». Подпитай топливом мой огонь. Пусть мне станет тяжело.

Пожалуйста.

Его тон тихий, но каждое слово наполнено глубокой искренностью.

— Кэсси, ты понятия не имеешь, как много раз я хотел заняться бессмысленным сексом, чтобы просто выкинуть тебя из головы, но я не мог. Каждый раз, когда я пытался, было такое чувство, словно я изменяю. В итоге, я перестал смотреть на других женщин. В этом просто не было смысла. Ни одна из них даже близко не подходила на твою замену, даже если бы я хотел этого, а я не хотел.

Я не могу поверить своим ушам.

— Ты говоришь, что... последний раз у тебя был секс...

— С тобой. — Он произносит это так тихо, словно исповедуется.

Нет.

Невозможно.

— Но это же... — *Та* ночь. *Та* самая ночь. — Ночь перед твоим отъездом?

— Да.

Моему мозгу требуется время, чтобы ответить.

— Но... это... это... черт побери, Итан, три года?!

Он смеется.

— Поверь, я знаю. Я не говорю это, чтобы заставить тебя чувствовать вину, но ввиду моего добровольного воздержания и этим спектаклем с тобой, мои яйца синее, чем у всего каста «Аватара».

Я все еще перевариваю услышанное.

— Невероятно.

— Ты заставляешь меня чувствовать себя фриком.

— Прости, я просто не могу понять...

— Смотри, все просто. У меня не было тебя, и мне больше никто не был нужен. Конец истории.

— Значит, если мы не сойдемся, ты просто продолжишь держать целибат?

На секунду воцаряется мертвая тишина, потом он говорит:

— Во-первых, вариант того, что мы не сойдемся, я вообще не рассматриваю. Во-вторых, я никогда не держал целибат.

— Но ты сказал...

— Я сказал, что у меня не было ни с кем секса, но держать целибат, значит воздерживаться от сексуального удовольствия в целом. Я испытал много сексуального удовольствия, и обычно с эротическими мыслями о тебе.

При мысли о том, что Итан мастурбирует, представляя меня, я незамедлительно возбуждаюсь.

— Вообще-то, — говорит он. — В моей голове и сейчас крутятся кое-какие эротические мысли о тебе.

Он издает тихий стон, и мне приходится подтянуть колени к груди, чтобы справиться с возбуждением.

— Можем мы, пожалуйста, поговорить о чем-нибудь другом?

— Определенно, — говорит он тихим голосом, полным страсти. — Можешь говорить, о чем угодно, что отвлечет меня от того, как сильно я хочу заняться с тобой любовью. Прошу.

— Итан...

— Черт, да, произноси мое имя.

— Я буду продолжать разговор только, если буду знать, что твои руки находятся в зоне прямой видимости.

— Я прекрасно вижу свою руку. Она обхватывает мой пульсирующий...

— Итан!

Я слышу шелест ткани и следующий за ним, вздох.

— Ладно. Руки лежат поверх одеяла. Кайфоломщица.

Его тон такой недовольный, что это вызывает у меня смех.

— Ну, — говорит он, и зевает. — Ты уже тоже в постели?

— Ага.

— Занимаешься чем-нибудь интересным?

Я улавливаю двусмысленность фразы, но не покупаюсь на это.

— Вообще-то, я читала твои e-мейлы.

Следует пауза, потом он говорит:

— Зачем?

— Не знаю. Думаю, я стараюсь понять, что чувствую.

— По отношению ко мне?

— Да.

Еще одна пауза.

— Они помогли?

— Не совсем. Я всё продолжаю искать там то, чего нет.

Он не отвечает несколько секунд, потом говорит:

— А ты знаешь, что у меня есть целая папка черновиков? Е-мейлы, которые я не осмелился тебе отправить?

— А что там написано?

Я слышу шорохи и звук ударов пальцев по клавиатуре.

— Лови. Я отправил тебе парочку менее позорных.

Почти незамедлительно моя папка с входящими обновляется двумя новыми письмами.

От: Итан Холт.

Кому: Кэсси Тейлор.

Тема: Не хватает смелости, чтобы отправить тебе.

Дата: 9 февраля, 1:08 ночи.

Кэсси,

Мы во Франции. Я бросил пить и получаю помощь психолога вот уже больше полугода. Я учусь брать ответственность за свои ошибки.

Я беру на себя ответственность за причиненную тебе боль. Не встречь меня, ты бы не страдала сейчас. Я ненавижу себя за то, что сделал это.

Из всех людей, кому я причинил боль в своей жизни, о боли, причиненной тебе, я сожалею больше всего.

Я много о тебе думаю. Грежу тобой.

Хотел бы я, чтобы у меня было достаточно смелости, чтобы отправить это тебе, но, скорее всего, я этого не сделаю. И все же, изливание мыслей успокаивает меня. Я работаю на том, чтобы быть открытым и честным перед тобой, но, думаю, я еще не добился этого. Когда же время придет, будь уверена, ты узнаешь об этом первой.

Во Франции красиво. Сегодня я стоял у основания Эйфелевой башни и смотрел на нее ввысь. Всего несколько раз в жизни я чувствовал себя таким маленьким. И день, когда я оставил тебя, был одним из них.

Я скучаю по тебе.

Итан.

Открываю второй е-мейл.

От: Итан Холт.

Кому: Кэсси Тейлор

Тема: Ты нужна мне.

Дата: 9 июня, 12:38

Кэсси,

Сегодня мой день рождения. Я не жду от тебя звонка, но блин, я так в нем нуждаюсь.

Я хочу, чтобы ты была здесь, в моей квартире. В моей постели. Целовала меня и занималась со мной любовью, говорила, что прощаешь меня.

Мне нужно это как воздух. Я тону без тебя. Пожалуйста.

Пожалуйста.

Недавно я сидел на лавочке на берегу Тибра, и там гуляли все эти парочки, держась за

руки и целуясь. Такие счастливые и влюбленные.

Казалось, для них это так легко. Словно отдавать свое сердце другому человеку – не самое страшное в мире.

Я все еще не понимаю этого.

Неужели они не знают, какую власть дают другому человеку? Абсолютную власть над созданием будущего?

Неужели они не понимают, насколько будет сильной боль, когда все пойдет наперекосяк? И давай посмотрим правде в глаза, девяносто процентов этих пар не будут вместе в следующем году. Да что там, уже через полгода.

И все же, вот они: обнимаются и целуются, абсолютно не подозревая о боли, которая грядет.

Беспечные и доверчивые.

Таким я всегда и старался быть.

Было почти невозможно отключить внутренние часы обратного отсчета, которые каждый день кричали мне обо всех способах того, как ты можешь причинить мне боль. В конце концов, как показывает история, все в итоге уходит от меня. С чего это бы ты стала исключением?

Сейчас-то я знаю, что ты им была.

И есть.

Дело в том, что под всей той ерундой, что заставила меня оттолкнуть тебя, все еще таилась часть меня, которая цеплялась за тебя, когда я ушел, и сейчас, когда я без тебя, я пытаюсь просто функционировать.

Мысль, что не дает мне спать по ночам – это мысль о том, что у меня был шанс жить полноценной и правильной жизнью, а я упустил его.

Пожалуйста, скажи, что у меня будет еще один шанс. Не говори, что моя жизнь теперь будет такой.

Я не могу так жить. Жизнь без тебя слишком тяжелая.

Я скучаю по тебе так сильно, что мне больно.

Итан.

Такое ощущение, что меня ударили в грудь.

Это те самые слова, в которых я нуждалась. Так много раз.

Я осознаю, что держу телефон так крепко, что становится больно.

— Это... Боже, Итан... это так красиво. Почему ты не отправил мне их?

Он вздыхает.

— Не знаю. Я думал, ты ненавидишь меня.

— Так и было, но... если бы я прочла эти e-мейлы, возможно, ненавидела бы меньше.

— Хотел бы я, чтобы у меня хватило тогда смелости выложить все это тебе, но я просто не был готов.

— А сейчас ты, значит, готов?

— Спроси меня о чем угодно, и я дам тебе прямой ответ.

— О чем угодно?

— Абсолютно.

Делаю вдох и задаю ему вопрос, который преследовал меня годами.

— В своих e-мейлах, почему ты никогда не говорил, что любишь меня?

Я потрясенно прокручиваю страницу за страницей, пока наконец не дохожу до конца.

На случай, если ты не поняла, что я сделал: я написал «Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ» 1,162 раза по разу за каждый день, что был вдали от тебя. И, пожалуйста, не думай, что это было признание, набранное быстрой функцией копирования и вставки. Я набирал каждую фразу отдельно, как наказание за то, каким я был придурком и не догадался дать ясно понять, что чувствую к тебе.

Знаю, ты думаешь я ушел, потому что не люблю тебя, но ты не права. Я всегда любил тебя, с того самого момента, когда впервые увидел. Я разглагольствовал и проклинал любовь с первого взгляда, потому что само по себе понятие просто нелепо для меня. Но в тот день, когда я впервые увидел тебя на прослушиваниях в Гроув, это случилось, и ты покорила меня, не сказав при этом и слова. Я видел, как ты отчаянно пыталась быть той, кем не являешься, чтобы просто понравиться окружающим, и мне хотелось просто притянуть тебя в свои объятия и сказать, что все будет хорошо.

С того самого момента, я понял, что ты предназначена мне. Но я был таким безмозглым, что отрицал это и не хотел признавать.

Я без понятия, как или почему ты была способна любить меня. Я был засранцем, так отчаянно пытавшимся сбежать от своих чувств, что не понял, что ты мой дар: драгоценная награда, которую я каким-то образом заслужил всей своей болью. Я так долго верил, что получал то, что заслуживаю, когда люди покидали меня, что мне и в голову не пришло, что я получил то, что заслужил, когда встретил тебя. Я не мог понять, что если перестану быть таким большим и неуверенным в себе засранцем хотя бы на пять минут, то возможно... лишь возможно... смогу быть с тобой.

Я хочу быть с тобой, Кэсси.

Потому я и вернулся. Потому что как бы сильно я ни привык думать, что тебе лучше без меня, это не так. Я нужен тебе так же сильно, как ты нужна мне. Мы оба безжизненны друг без друга, и осознание этого заняло у меня много времени.

Не будь такой же упрямой, каким был я и не позволяй страхам победить. Позволь нам победить. Знаю, ты думаешь, что это рискованно – полюбить меня снова и, что твои шансы ничтожны, но позволь сказать тебе кое-что, в чем я уверен. Я бы не смог разлюбить тебя, даже если бы попытался.

Боюсь ли я еще, что ты сделаешь мне больно? Конечно. Наверно, так же сильно, как боишься ты, что я сделаю больно тебе.

Но теперь во мне предостаточно храбрости, чтобы понимать, что это определенно стоит риска.

Позволь я помогу и тебе быть храброй.

Я люблю тебя всем сердцем, и клянусь Богом, не причиню тебе снова боль.

Позволь себе любить меня в ответ.

Пожалуйста.

Итан.

Долгое время я сижу на месте и просто смотрю на экран, не зная смеяться мне или плакать.

Где-то там огонь моей обиды шипит и затухает. Ощущение странное, потому что

именно это держало меня на плаву, когда не было ничего другого, и без этого я чувствую себя голый в худшем смысле этого слова. Мягкой и уязвимой, и более хрупкой, чем стекло.

Вчера я гадала, что же должно случиться, чтобы меня настигло прозрение. Полагаю, емейл, в котором Итан изливает свою душу, сделал свое дело.

Как гласит одна из любимых пословиц Тристана: «Хочешь изменить мир, начни с себя». Думаю, именно это и сделал Холт. Он стал достаточно сильным за нас обоих.

С дрожью в руках, я набираю ему сообщение.

Мне нужно увидеть тебя.

Я едва успеваю нажать «отправить», как вдруг раздается стук в дверь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Заметки

[

←1

]

Крайслер-билдинг - небоскреб, один из символов Нью-Йорка. Сверкает на солнце и блестит от подсветки ночью.

[

←2

]

WWF-фигурка - World Wide Fund for Nature. Международный фонд защиты природы. Символ фонда – большая панда.

[

←3

]

Игра слов ‘touchy-feely’ – раскрепощенный, ‘touchy-fucky’ – развязный, легкодоступный.

[

←4

]

«Изгой» (англ. The Outsiders) - роман американской писательницы С.Е. Хинтон. Изгой - свидетельство о тяжелом времени в жизни четырнадцатилетнего подростка Понибоя Куртиса.

[

←5

]

Бетти Буп (англ. Betty Boop) -персонаж рисованных мультфильмов, созданный Максом Флейшером.

[

←6

]

Флаффер (англ. Fluffer) - человек в команде, снимающей порнофильм, который занимается флаффингом, то есть отвечает за "восстановление сил" актёра-мужчины. Кэсси

же не знает значение слова и просто пытается заменить им матерное слово.

[

←7

]

«Маппет-шоу» (англ. The Muppet Show) - англо-американская телевизионная юмористическая программа, созданная Джимом Хенсоном. Выходила в 1976—1981 годах. Основными действующими лицами были куклы-маппеты.

[

←8

]

Вандербильты - знаменитая семья американских миллионеров.

[

←9

]

Битбокс - искусство создания и имитации ритмических рисунков и мелодий при помощи голосового аппарата и артикуляций органами рта.

[

←10

]

Хоум-ран - секс. В данном случае – оргазм. Одна из бейсбольных метафор, употребляемая в среде американской молодежи.

[

←11

]

«Дерзкие и красивые» (The Bold and the Beautiful) - американская телевизионная мыльная опера, транслируемая на канале CBS с 1987 года по настоящее время.

[

←12

]

Станиславский Константин Сергеевич (1863 – 1938) - русский театральный режиссер, актер и педагог, реформатор театра. Создатель знаменитой актерской системы, которая на протяжении ста лет имеет огромную популярность в России и в мире.

[

←13

]

«Много шума из ничего» (Much Ado About Nothing) - фильм 1993 года с участием Киану Ривза. Снят по одноименной пьесе Уильяма Шекспира.

[

←14

]

«Анализируй это» (Analyze This) - американская комедия 1999 года о влиятельном мафиози, который находится на грани нервного срыва.

[

←15

]

Бертольд Брехт (Bertolt Brecht, 1898 – 1956) – немецкий драматург, поэт, прозаик, театральный деятель, теоретик искусства, основатель театра «Берлинер ансамбль».

Антонен Арто (Antonin Artaud, 1896 -1948) – французский писатель, поэт, драматург, актёр театра и кино, художник, киносценарист, режиссёр и теоретик театра, новатор театрального языка. Арто разработал собственную театральную концепцию, называемую «театр жестокости».

[

←16

]

Китайский болванчик - статуэтка из глины фарфора и из многих других материалов, с покачивающейся головой.

[

←17

]

Франц Кафка - один из выдающихся немецкоязычных писателей 20 века. Его произведения, пронизанные абсурдом и страхом перед внешним миром и высшим авторитетом, способны пробуждать в читателе соответствующие тревожные чувства, — уникальное явление в мировой литературе.

[

←18

]

«Чума на оба ваши дома» (англ. A plague on both your houses) - фраза из «Ромео и Джульетты», которую Меркуцио трижды повторяет перед смертью. Троекратное проклятие, посланное домам Монтекки и Капулетти.

[

←19

]

В переводе Б. Пастернака

[

←20

]

Внебродвейские театры (англ. Off-Broadway) - сценические площадки в Нью-Йорке, с вместимостью от 100 до 499 посетителей. По своим размерам такие театры меньше Бродвейских.

[

←21

]

Трико - Трикотажный костюм (для цирка, спорта, театра), плотно облегающий тело

[

←22

]

«Ромео, как мне жаль, что ты Ромео» (пер. Б. Пастернака) – фраза, которую говорит Джульетта, когда узнает, что Ромео из рода Монтекки.

[

←23

]

Комедия дель арте (итал. commedia dell'arte), или комедия масок - вид итальянского народного (площадного) театра, спектакли которого создавались методом импровизации, на основе сценария, содержащего краткую сюжетную схему представления, с участием актёров, одетых в маски.

[

←24

]

Кэсси переворачивает фразу из Гамлета «The lady doth protest too much, methinks» — По-моему, леди, слишком много возражает. (пер. И. Пешкова).

[

←25

]

Duckhorn Vineyards (Дакхорн Виньярдс) - винный дом, созданный 1976 году супругами Дакхорн – Дэн и Маргарет. И уже в течение четверти века они стали передовыми производителями вин из бордосских сортов в Северной Америке.

[

←26

]

Майка-алкоголичка - по-американски название этой одежды звучит как «wife beater», что означает «муж, бьющий свою жену». А связано это с ситуацией, произошедшей в 1947 году в Детройте: полицейские арестовали Джеймса Хатфорда за то, что он избил свою жену до смерти. Мужчину в майке без рукавов показывали по всем местным телеканалам, это дело многих привело в полнейший шок. Американца в майке надолго запомнили, с тех пор этот предмет одежды и называют «wife beater».

[

←27

]

«Мятеж на Баунти» - восстание 28 апреля 1789 года части экипажа на британском корабле «Баунти» во время экспедиции за хлебным деревом в Тихом океане

[

←28

]

«Пигмалион» - одна из самых известных пьес Бернарда Шоу, написанная в 1912 году.

[

←29

]

«Смерть коммивояжёра» - пьеса американского писателя Артура Миллера, написанная в 1949 году. Дебютировала на Бродвее в феврале 1949 года; с тех пор было дано 742 спектакля и четыре возрождённых постановки.

[

←30

]

Лайза Минелли - американская актриса и певица, обладательница премии «Оскар».

[

←31

]

Отсылка к «Отелло» У. Шекспира.

"...Пусть Бог

Вас охранит от ревности; она –

Чудовище с зелёными глазами,

С насмешкой ядовитой над тем,

Кто пищею ей служит..."

[

←32

]

Гленгарри Глен Росс (Американцы) - драматический триллер Джеймса Фоули по пьесе Дэвида Мэмета.

[

←33

]

Этель Бэрримор (15 августа 1879 — 18 июня 1959) - американская актриса, одна из членов актёрского семейства Бэрриморов.

[

←34

]

Свободные - фильм 2011 года. В центре сюжета тихий городок, в котором запрещены рок-музыка и танцы.

[

←35

]

Барри Уайт - американский певец, пик популярности пришелся на середину 70-х годов.

[

←36

]

Джейн Фонда - американская актриса, модель и писательница. В отличие от большинства звезд не скрывает своих пластических операций.